Культурное наследие народов России

Чеченцы

Annotation

Чеченцы — древнейший народ Кавказа. Известны родовые башни, возведенные несколько тысячелетий назад. В книге рассказывается об обрядах, обычаях, традициях, древних верованиях, о народно-прикладном творчестве, каменном зодчестве, уходящими корнями в глубокую древность, о народной музыке, танцах, включены тексты песен, легенд, сказок, преданий, литературные произведения классиков и современных писателей, рассказывается о художниках, театральных деятелях, великих танцорах, таких как М.Эсамбаев, и других выдающихся деятелях культуры чеченского народа.

- С.-Х. М. Нунуев
  - Уважаемые читатели!
  - Государственность
    - Герб
    - Флаг
    - Гимн
    - Президент Чеченской Республики
    - Биография
  - Кто они, чеченцы?
    -
    - Краткая этническая история вайнахов
    - Алания
    - Средневековые нахские племена и царства
    - Нашествие татаро-монголов
    - Сигнал тревоги
    - Воспитание дисциплины
    - Нашествие Тимура
    - Снова в долины
    - Чеченцы. Этнический менталитет
  - Религия в истории и культуре чеченцев
    -
    - Чеченский тайп (род)
  - Обычаи, традиции чеченцев

        - Уважение к старшим
        - Взаимоотношения в семье
        - Свадебный обряд
        - Родственные связи
        - Коллективная взаимопомощь
        - Гостеприимство
        - Отношение к женщине
    - Старинные календарные праздники чеченцев и ингушей
        -
        - Новый год
        - Весна…
        - Праздник Тушоли
        - Празднество в честь бога СЕЛА
        - Празднование летнего солнцестояния
        - Вызывание дождя
        - Вызывание солнца и прекращение дождя
        - Праздники, связанные с началом уборки урожая и сенокоса
        - Праздник урожая
        - Обычаи и обряды, связанные с животноводческим бытом
        - Состязания у чеченцев
        - Скачки
        - Физическое воспитание женщин
        - Конь в жизни горца
        - Оружие горца
        - Национальный вайнахский костюм
    - Древние и средневековые башни вайнахов
        -
        - Жилые башни
        - «Полубоевые» башни
        - Трансформация жилой башни
        - Башни, встроенные в скальные ниши
        - Ареал распространения башен
        - Боевые башни
        - «Песня о том, как построили башню»
        - Фортификационные свойства боевой башни
        - Замки и цитадели

        - Система сторожевых поселений, замков и башен горной Чечни
        - Великая сигнальная система
        - Культовые и погребальные сооружения
        - Культовые сооружения
        - Погребальные сооружения
    - Сказания и мифы вайнахов
        - Появление веры в бога
        - Любовь отца к сыну
        - Жертва спасла
        - Длина жизни
        - Поиск бессмертия
        - Ответ камня
        - На том свете
        - Кошка и пророк Мухаммад
        - Пророк и ласточка
        - Пророк Сулейман и петух
        - Пророк Сулейман и еж
        - Озеро Кезеной-ам
        - Происхождение озера Галанчеж
        - Киши-Хаджи и Мовсар
        - Умерить гордыню
        - Строители пророк Ибрахим и шайтан
        - Гостей не разделяют
        - Правда сильна
        - Здесь моя родина
        - Сладкие речи и черное сердце
        - Советы Идриса
        - Непоколебимость веры
        - Сердце матери
        - Рука матери
        - Юноша и змея
        - Вы достойны друг друга
        - Возмездие неминуемо
        - Ласка для сироты
        - Цена подаяния
        - Цена хлеба

        - Не будь жестоким
        - Кто справедливее?
        - Почему листья тополя трепещут и при ветре и без ветра
        - Шайтан сказал богу
        - О характере народа
        - Героические песни-илли
            - Илли об Ахмаде Автуринском
            - Илли защитников родного аула
            - Песня из времен борьбы вольных с феодалами
            - Песня каторжника
            - Песня абрека
        - Песни о любви
            - Песня юноши
            - Песня горянки
            - Не разлучайте нас
            - Песня девушки
        - Чеченские пословицы и поговорки
    - Чеченский язык
    - Чеченская литература
        -
        - Чеченская литература конца XIX — начала XX века
        - Чеченская литература 1920-1930-х годов
            -
            - Саид Бадуев — основоположник чеченской литературы
        - Чеченская литература 1950-1980-х годов
        - Писатели и поэты Чечни
            - Абузар Айдамиров
            - Магомет Сулаев
            - Раиса Ахматова
            - Магомед-Салах Гадаев
            - Магомед Мамакаев
            - Мамакаев Арби
            - Зайнди Муталибов
            - Нурдин Музаев
            - Ошаев Халид Дудаевич
            - Саид-Бей Арсанов

        - Стихи чеченских поэтов
            - Шайхи Арсанукаев
            - Мариам Исаева
            - Ахмад Сулейманов
            - Асланбек Осмаев
    - Театр
        -
        - Драматург Абдул-Хамид Хамидов
    - Музыка
        - Музыкальный фольклор
        - Народные музыкальные инструменты
        - Умар Димаев — Лекарь народной души
        - Мовсар Минцаев
        - Валид Дагаев
        - Марьям Айдамирова
        - Тамара Дадашева
        - Айдамирова Аймани
        - Марьям Ташаева
        - Сулейман Токкаев
        - Султан Магомедов
        - Усманов Имран Германович
        - Композиторы Чечни
        - Муслим Магомаев-старший
        - Аднан Шахбулатов
        - Саид Димаев
    - Творческие коллективы
        - Ансамбль «Вайнах»
        - Молодежный чеченский ансамбль песни и танца «Ловзар»
        - Детский танцевальный ансамбль «Зия»
        - Детский танцевальный ансамбль «Башлам»
    - Художники
        - Петр Захаров
        - Ильяс Дутаев
        - Исаев Харон
        - Зарета Муртазалиева
        - Фатима Даудова

        - Ваха Умарсултанов
        - Аманды Асуханов
        - Шахмурзаев Шамиль
        - Дадан Идрисов
        - Нурлан Усманов
        - Султан Абаев
        - Саид-Хусейн Бициараев
        - Хасан Седиев
        - Ибрагим Самбиев
        - Замир Юшаев
    - История взаимоотношений чеченцев с Россией и русскими
        - Начало политических контактов
        - Российская ориентация Чечни в XVI–XVII вв
        - Начало оформления русско-чеченских политических связей
        - Взаимоотношения чеченцев и русских с XIX века до октябрьского переворота 1917 года
    - Русская и Российская культура в судьбе вайнахов
        - Великие россияне в судьбе вайнахов
        - Влияние российской культуры на Чечню и чеченцев
        - Чеченцы в Великой Отечественной Войне
    - Исторические личности ЧЕЧНИ
        - Первый президент Ахмат-Хаджи Кадыров
        - Александр Чеченский
        - Таштемир Эльдарханов
        - Авторханов Абдурахман
        - Дешериев Юнус
        - Хасбулатов Руслан Имранович
        - Махмуд Эсамбаев
        - Мовлид Алироевич Висаитов
        - Даши Эдельханов
        - Ханпаша Нурадилов
        - Тутаева Асият
        - Алавди Устарханов
        - Ваха Алиев
        - Абдурахманов Канти
        - Ирбайхан Бейбулатов

        - Хаваджи Магомед-Мирзоев
        - Абухажи Идрисов
    - Именитые бизнесмены, выходцы из Чечни
        - Бажаев Зия Юсупович
        - Абубакар Алазович Арсамаков
        - Усман Ибадиевич Ериханов
    - Знаменитые спортсмены Чечни
        - Баскетболист сборной СССР Увайс Ахтаев
        - Заслуженный тренер СССР и России Дэги Багаев
        - Салман Хасимиков
        - Борцы вольного стиля Олимпийские чемпионы — братья Бувайсар и Адам Сайтиевы
        - Современный Грозный

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

С.-Х. М. Нунуев
Чеченцы

Уважаемые читатели!

Издавая книгу «Чеченцы», мы преследовали цель ознакомить с ней наиболее широкий круг российских читателей. Ведь многие россияне о чеченцах до сих пор судят либо по произведениям Кавказской войны первой половины XIX века, либо по репортажам и художественным образам, создаваемым в последнее десятилетие на экранах кино и телевидения, что, мягко говоря, не всегда бывает объективным. Авторы подобных произведений не любят вспоминать, что самыми первыми жертвами сепаратистов, террористов и заурядных уголовников были сами мирные чеченцы! Сегодня это уже не секрет. Весь мир видит, сколь успешно завершился процесс политического урегулирования крайне тяжелой ситуации, с каким вдохновением чеченцы взялись за восстановление, возрождение своей республики в составе единой, многонациональной, демократической Российской Федерации.

Самое время спокойно разобраться: кто такие чеченцы? Откуда они произошли? Что составляет основу их материальной и духовной культуры? Каково их историческое, культурное, социальное самосознание и самочувствие? Что они выражают в своем фольклоре, в художественной литературе, на своих художественных полотнах и в музыке? Какой у них театр, каково искусство? Какие бытуют обычаи и традиции? Каких выдающихся людей в различных сферах деятельности подарили России и миру?

Дать исчерпывающие ответы на все эти и другие вопросы в одной книге, разумеется, невозможно. Однако очень надеюсь, что читатели убедятся в природном таланте, миролюбии, интернационализме чеченцев, в их стремлении жить в мире и согласии со всеми народами, пополняя сокровищницу российской и мировой культуры в меру своих способностей и возможностей.

Разумеется, все раны, особенно душевные, нанесенные недавней войной, быстро не зарубцуются. Возможно, многие отцы, матери, жены, сестры и другие близкие погибших в Чечне солдат и милиционеров будут смотреть на чеченцев с горечью и болью, точно так же, как близкие погибших чеченцев будут смотреть в сторону

большой России. Но долг оставшихся жить — выносить правильные уроки из происшедшего. Осознать один из самых удивительных уроков — война не смогла сделать русских и чеченцев врагами!

Убегающие от бомбежек в городах русские семьи сотнями прятались у своих друзей в чеченских селах. А спасающиеся от войны сотни тысяч чеченцев спасались в различных областях российской глубинки. Нет ни одного случая погрома чеченских семей по всей России!

Сегодня мы можем сделать основной вывод, к сожалению, до сих пор еще недостаточно замеченный нашими политиками, общественными, творческими и религиозными деятелями. А вывод таков: вся эта жестокая война в Чечне, длившаяся более десяти лет, не озлобила наши народы, не сделала их врагами! Русские и чеченцы с удивительным достоинством выдержали самое тяжкое испытание — испытание войнами!

Особая роль в прекращении войны, установлении прочного мира, возрождении республики невероятно быстрыми темпами принадлежит признанным лидерам Чечни, президентам и Героям России Ахмат-Хаджи и Рамзану Кадыровым. По сути дела их мужественная и принципиальная позиция позволила сохранить не только Чечню в поле российской Конституции, но и предотвратила развал России, чего добивались ее враги, затеявшие и финансировавшие дестабилизацию на юге страны. Чеченский народ весь как один сплотился вокруг своих лидеров и выражает им искреннюю благодарность и поддержку.

Итак, уважаемые читатели, вы держите в руках только что составленную и написанную книгу о Чечне и чеченцах. Будем счастливы, если она в какой-то мере расширит и углубит ваши знания о нашем крае, нашем народе.

Шамсаил Саралиев, министр Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации

Государственность

Герб

Государственный герб Чеченской Республики является официальным государственным символом Чеченской Республики.

В основу композиции Герба легло образное стилизованное решение, соответствующее национальному менталитету и месту чеченского народа в современном мире.

Линейно-графическое построение композиции Герба выполнено на основе круга в двухмерной плоскости. Цветовое решение основано на четырех цветах: красный, желтый, синий и нейтральный белый.

Во внутренней части белого круга изображен Символ Единства, Вечности в виде национального чеченского орнамента, окрашенного в красный цвет.

Стилизованные горы, историческая башня вайнахов и нефтяная вышка окрашены в синий цвет.

Композиционное решение квадрат в круге.

Желтые колосья пшеницы на синем фоне симметрично обрамляют внутренний круг, символизируя богатства чеченского народа. В верхней части колосья венчают полумесяц и звезда, окрашенные в желтый цвет на синем фоне. На внешнем круге изображен красный узор из орнаментов в чеченском национальном стиле на желтом фоне. Внешняя окантовка герба — синего цвета.

При исполнении композиции Герба учтены сложности исполнения, линейно-графические, тональные и цветовые отношения.

Воспроизведение Герба допускается без геральдического щита, а также в одноцветном варианте.

Флаг

Государственный флаг Чеченской Республики является официальным государственным символом Чеченской Республики.

Государственный флаг Чеченской Республики представляет собой прямоугольное полотнище из трех горизонтальных полос: верхней зеленого — 65 см, средней — белого — 10 см и нижней — красного цвета — 35 см, у древка вертикальная белая полоса с чеченским национальным орнаментом — 15 см, по всему контуру обрамляется золотой бахромой. Отношение ширины флага к его длине — 2:3.

Гимн

На русском языке

Как бы ты ни горела огнем несправедливости Чечня,
Ни падала и вставала, чтобы жить.
Молния Кавказа, колыбель свободы,
Берегли честь твоей земли гордые люди.

Согласие между твоими народами — бесценное богатство!
Кроме тебя, нет матери, чтобы приласкать народ Чечни.
Нашу жизнь и нашу кончину в очаге Родины,
Просим, восхваляя тебя, благослови.

На вершину Башлама спускаются души предков.
Волна Аргуна говорит на языке матери.
Великолепный подарок ты, данный нам жизнью!
Песня Шатлака дала нам силу!

Любовь к труду и отваге, уважение народа,
Пусть будет для тебя приятной вестью.
На страже свободы, найдя счастливую дорогу,
Живи для нас, достойная Чечня!

Президент Чеченской Республики Кадыров Рамзан Ахматович

Каждый видит в другом то, что хочет увидеть. Кто-то усматривает в личности Кадырова-младшего черты героические, а кто-то драматические… О нем пишут (и показывают) взаимоисключающие вещи. Но факт остается фактом: Рамзан Ахматович Кадыров никого не оставляет равнодушным — ни друзей, ни врагов. А нам бы хотелось взглянуть на его персону исключительно с объективных позиций. Начнем с очевидного: Рамзану Ахматовичу недавно исполнилось 30 лет. Ни в России, ни в мире в целом не было такого прецедента, когда в таком возрасте человек достигал подобных высот в политической жизни своей страны. Более того, завоевав однозначно лидерство в родной республике, он входит сегодня в двадцатку ведущих политических и государственных деятелей Российской Федерации, опередив многих известных и знаковых фигур отечественного истеблишмента. Одним пиаром (саморекламой) достичь этого было бы просто невозможно.

Да, Р. А. Кадыров обладает харизмой. Но за этой харизмой стоят не популизм, не демагогия, не игра на публику. А стоят за этим вполне осязаемые, конкретные и внушительные дела. За последние полгода-год республика неузнаваемо преобразилась. Гудермес без следов войны, восставший из руин и пепла Грозный, помолодевший и похорошевший Аргун, десятки вновь действующих промышленных объектов и производств, уверенно набирающий силу АПК, строительство и ремонт дорог, мостов, больниц, школ, клубов (дворцов культуры), библиотек, театров, музеев, успешно функционирующие вузы и сузы, газификация и электрификация самых отдаленных горных районов, своевременная выплата пенсий и пособий, создание новых рабочих мест… Но все это только одна сторона кадыровского феномена. А их несколько.

Ахмат-Хаджи Кадыров, первый президент Чеченской Республики, отец Рамзана Кадырова, часто повторял: «Моя цель — не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда». Это были не просто красивые слова. Всей своей нелегкой жизнью и трагической смертью он утверждал на нашей многострадальной земле мир. История знает немало примеров побед. Но это были победы в войнах. Ахмат-хаджи по праву считается человеком, победившим войну. К сожалению, он не успел увидеть плоды этой победы. Взяв эстафету из рук своего отца, Рамзан Ахматович успешно завершил процесс мирного строительства в нашей республике. К 2005 году военные действия на территории Чеченской Республики фактически прекратились. По бандформированиям был нанесен сокрушительный удар. Не умаляя значение федерального центра и федеральных войск в деле наведения конституционного порядка в Чечне и разгрома основных сил международного терроризма, мы с уверенностью можем сказать, что личное мужество Рамзана Ахматовича, его организаторские способности в военном искусстве и четкое налаживание взаимодействия между всеми силовыми структурами позволили к 2006 году переломить окончательно ситуацию в республике в пользу мира и созидательного труда. Остатки бандформирований и международных террористов, рыскающие кое-где по горам и лесам, уже не представляют собой дееспособные воинские подразделения, которые могли бы влиять на расстановку сил в Чечне и на Северном Кавказе.

Заслуги Рамзана Ахматовича Кадырова в военной области достойны специального исследования. Достаточно сказать, что к своему тридцатилетнему рубежу он подошел в звании подполковника милиции, получил Золотую Звезду Героя России, имеет множество боевых наград. Рамзану Кадырову удалось сделать то, что не удалось в свое время сделать ни советским генералу и полковнику, ни ичкерийским бригадным и дивизионным генералам. А именно: создать мобильные, хорошо оснащенные и высокодисциплинированные боевые отряды, которым по плечу выполнение любых поставленных перед ними задач. Более того, он решительно пресек отдельные поползновения среди военных на махновщину, анархию и опричнину. Рамзан Ахматович осуществлял военное строительство исключительно в рамках устава и законности. Успешное несение воинской службы в Ливане бойцами из батальона «Юг», одного из детищ Р. А. Кадырова, — наглядное свидетельство того, что мы имеем дело с настоящим полководческим талантом нашего политика.

С момента назначения Рамзана Ахматовича Кадырова Председателем Правительства Чеченской Республики в обществе наметился большой духовный подъем. У людей впервые за последние годы появилась уверенность в завтрашнем дне. Народ почувствовал в лице Рамзана Кадырова сильного и решительного лидера. Всякие у нас были вожди. Только таких, как Кадыровы, не было никогда — волевых, целеустремленных, принципиальных и в то же время скромных, искренних и душой болеющих за народ. Не на словах, а на деле. Глубокие познания в теологии, богатый жизненный опыт и большой авторитет среди простых людей Ахмата-хаджи, помноженные на энергию, молодой задор и пытливый ум Рамзана, образовали тот могучий сплав, о который вдребезги разбивались все невзгоды, свалившиеся за последние 10–15 лет на чеченский народ. Произошло то, что является величайшей редкостью во всей мировой практике: люди поверили власти, начали поддерживать ее и укреплять, ибо только так можно было противостоять безвластию, анархии и беспределу, которые вконец обескровили нашу республику. Ахмат-хаджи создавал по крупицам не единовластие, а заложил мощный фундамент под институт народовластия, когда каждый гражданин почувствовал заботу и внимание к себе со стороны руководства.

Власть, обращенная к народу, есть непременное условие зарождения гражданского общества, в котором «человек с ружьем» выступает не в роли вершителя судеб, а строго следует в русле своих прямых обязанностей, т. е. стоит на страже соблюдения законов и на защите интересов простых смертных. Когда встал вопрос о том, кто должен встать у руля правительства после ухода С.Б. Абрамова, мы, члены команды, единодушно пришли к выводу, что этим человеком по праву является Рамзан Ахматович. Из чего мы исходили? Прежде всего — из интересов республики. Во-первых, Кадыровыми накоплен огромный властный капитал. Во-вторых, они пользуются в народе непререкаемым авторитетом. В-третьих, никто так последовательно не продолжил бы дело Ахмат-хаджи, как его сын Рамзан, который прошел рядом с ним весь его жизненный путь, учился у него, набирался жизненного и политического опыта. Как показали дальнейшие события, наш расчет полностью оправдал себя. Вместе с тем существовала настоятельная необходимость сохранить и развить дальше отношения доверительности и взаимопонимания, которые сложились между Ахмат-Хаджи Кадыровым и федеральным центром в лице президента страны Владимира Владимировича Путина. Еще при жизни отца Рамзан сумел обратить на себя внимание своими конкретными делами, амбициозными, в хорошем смысле слова, планами и патриотической настроенностью.

Под руководством Рамзана Ахматовича Кадырова, теперь уже Президента республики, Нахистан уверенно движется по пути возрождения и мирного строительства. Чеченцы на практике показали, что умеют не только хорошо воевать, но и созидать. На наших глазах разрушается, трещит по всем швам имидж чеченца-бандита, чеченца-сепаратиста не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Правда и объективность в чеченском вопросе, за которые всегда выступал Ахмат-хаджи, постепенно овладевают умами и душами тысячи людей. В стане так называемых непримиримых наметился раскол. Амнистия, которую в самом начале своей деятельности инициировал первый президент Чеченской Республики, Герой России А. А. Кадыров, дает свои зримые плоды. Даже жизнь одного человека стоила бы того, чтобы пойти на такой непростой шаг в условиях жесточайшего вооруженного противостояния. Сегодня в республике полноценно функционируют все ветви власти. Слаженно работает

правительство. Большую законотворческую деятельность осуществляет Парламент ЧР. Уверенно набирает темпы судебно-правовая система. Самое главное — успешно решаются социально-экономические вопросы населения. С полным основанием можно сказать, что Чечня завершила процесс вхождения в конституционное поле России и навсегда определилась со своим историческим будущим. Заслуга Кадыровых состоит в том, что они сумели встать над многовековыми заблуждениями чеченцев, которые под воздействием воинственно настроенных вождей наступали на одни и те же грабли, полагая, что путь к свободе и независимости для них лежит через вооруженную борьбу и противостояние с российским государством. Они в практической плоскости доказали, что все обстоит наоборот. В союзе с Россией, в едином политическом, социально-экономическом и культурном пространстве с ней чеченский народ может рассчитывать на достойное место под солнцем. Для этого нужно было иметь не только политическую мудрость, дальновидность и холодный прагматический расчет, но большое личное мужество и железную волю. «Единая Россия и мирная Чечня» — вот та политическая формула, выведенная В.В. Путиным и А.А. Кадыровым, которые на рубеже третьего тысячелетия фактически спасли российскую государственность от возможного распада и агонии, постигших некогда могучий Советский Союз…

Д. Б. Абдурахманов,
Председатель Народного Собрания Парламента
Чеченской Республики

Биография
Кадырова Рамзана Ахматовича

Родился 5 октября 1976 года в селении Центорой ныне Курчалойского района (раньше с. Центорой входило в Шалинский район ЧИ АССР).

С отличием в 2004 году окончил Махачкалинский институт бизнеса и права по специальности «Юриспруденция».

С 1996 г. — помощник и начальник охраны муфтия Чеченской Республики А. Кадырова.

С июня 2000 г. по май 2002 г. — инспектор по связи и специальной технике штаба отдельной роты милиции при УВД МВД РФ, в функции которой входило обеспечение безопасности высших должностных лиц и охраны объектов, зданий органов государственной власти Чеченской Республики.

С 2002 г. возглавляет спортивный клуб «Рамзан».

С мая 2002 г. по февраль 2004 г. — командир взвода отдельной роты милиции при МВД ЧР по охране объектов, зданий органов государственной власти Чеченской Республики.

С 2003 г. с избранием Ахмата Кадырова Президентом Чеченской Республики — начальник президентской службы безопасности.

С 2004 г. — помощник министра внутренних дел ЧР, член Государственного Совета Чеченской Республики от Гудермесского района.

С 10 мая 2004 г. — первый заместитель Председателя Правительства Чеченской Республики.

С 2004 г. — Председатель Регионального общественного фонда им. Героя России А. Кадырова.

С 19 октября 2004 г. распоряжением Полномочного представителя Президента РФ по Южному федеральному округу Д. Козака Р. Кадыров назначен советником Полномочного представителя Президента РФ по Южному федеральному округу. Курирует вопросы взаимодействия с силовыми структурами округа.

9 февраля 2006 г. на заседании политсовета Регионального отделения партии «Единая Россия» по предложению Президиума и

Генерального Совета партии утвержден в должности Секретаря регионального отделения партии «Единая Россия».

С 4 марта 2006 г. — Председатель Правительства Чеченской Республики. Герой России.

Награжден орденами «Орден мужества», «Орден Ахмата Кадырова», медалями «За отличие в охране общественного порядка», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», «За участие в контртеррористической операции на территории Чеченской Республики», «За службу на Кавказе», «Защитник Чеченской Республики». Удостоен званий: «Почетный гражданин Чеченской Республики», «Почетный член Российской академии естественных наук», «Почетный член Академии наук ЧР», «Заслуженный работник физической культуры», «Человек года 2004» по Чеченской Республике.

Кандидат экономических наук.

15 февраля 2007 года Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина Р. А. Кадыров назначен исполняющим обязанности Президента Чеченской Республики.

16 февраля 2007 года состоялось выдвижение кандидатуры Р. А. Кадырова на должность Президента Чеченской Республики (на альтернативной основе).

2 марта 2007 года по предложению Президента Российской Федерации В. В. Путина Народное Собрание Парламент ЧР и Совет Республики ЧР совместным Постановлением наделили Р.А. Кадырова полномочиями Президента Чеченской Республики.

Мастер спорта по боксу.

Женат. Имеет шестерых детей.

Кто они, чеченцы?

В этнографических странствиях по Северному Кавказу пришлось не раз слышать такую мудрость: «В пути иди с чеченцем, трапезу раздели с армянином, на ночлег остановись у еврея», кстати А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Эрзерум» отметил, что присутствие в отряде чеченца (Бейбулата Таймиева) было гарантией для отряда безопасного достижения Эрзерума. Что же это за человек — чеченец, с которым безопасно в дороге, пища и дом у которого вроде хуже, чем у других?

Сначала обратим внимание вот на что. В народном мышлении психический склад описывается через пространственность: чеченец находится в пути вне дома, армянин за столом, а еврей как бы целиком замкнут в своем жилище. Нужно сказать, что такая пространственность стоит на одном из первых мест в описании какого-то народа со стороны любого наблюдателя, как бы он хорошо или плохо ни относился к народу. Это — универсальная закономерность. Заметим еще, что приведенная пословица построена с учетом пространственных рангов северокавказского рыцарства: наиболее престижно находиться в неосвоенном пространстве, наименее — в домашнем. Так, в данной пословице описывается вроде бы этнический психический склад, но описание сделано средствами пространства (дорога, стол, жилище).

Мне пришлось проделать большую многолетнюю работу, чтобы на мировом материале показать, что в этническом образе вроде «педантичного немца», «легкомысленного француза», «дорогого Джона Буля» (англичанина) или «сухопарого Дяди Сэма» (американца) скрыто указание на нрав, пространственно интерпретированный «этнический образ». Абдурахман Авторханов в одной из книг о чеченцах отмечает, что в прошлом веке русские офицеры называли чеченцев французами Кавказа за веселость и остроумие. Сравнение с французами в данном случае это тоже помещенный где-то в пространстве (Франция) аргумент для описания психического склада народа.

Возьмем теперь свидетельство чеченского нрава, сделанное внимательным путешественником А.Е. Россиковой, оставившей нам сто лет назад отличное описание своей поездки в горный район восточной Чечни. Она прямо задается вопросом: «Кто этот своевольный, страстный, порывистый и беспокойный обитатель Северного Кавказа — чеченец? Где его первоначальная Родина? Кто его предки? Нам до сих пор достоверно почти ничего не известно». От верного описания нрава автор сразу идет к пространственным сюжетам: «обитатель Северного Кавказа», «где его первоначальная Родина?»

У чеченца изобилуют сюжеты о прошлом происхождении (из Сирии, Аравии, из более близлежащих областей). Независимо от истинности этих преданий, сам их факт знаменует поиск внешней пространственной опоры для своего собственного описания.

С точки зрения открытой структуры такого описания миф о происхождении и генеалогия могут быть заменены на этническое сопоставление с удаленным народом (например, чеченцев с французами или русскими). Вот, к примеру, описание Россиковой чеберлоевцев, этнографической группы чеченцев, живущих в горах по соседству с Дагестаном: «Чеберлоевцы народ рослый, хорошо сложенный, несколько сухощавый, с открытой, приятной физиономией, по типу, пожалуй, очень близкой к русской, но суровым проницательным взглядом темных глаз».

Открытость чеченцев для общения и сегодня одна из ярких отличительных черт психического склада этого народа. Чтобы картина не была залакированной, отметим для справедливости, что эта открытость может резко перейти в подозрительность. Последняя черта в известной мере присуща всем горским народам, в ходе истории своей

познавших цену и напор армий больших государств. Но открытость — преобладающая сторона в культуре и тоне чеченского общения. Как предположил чеченский этнограф Саид Хасиев, общительность вызвана, как ни странно, условиями горного полунатурального хозяйствования: недостаток ресурсов вызвал необходимость товарного обмена, без которого невозможно было выжить в горах. Отсюда и способность к общению, требующая открытости и обходительности. На личностном уровне чеченец склонен проявлять человечность и ожидать ее от других. Поэтому ясно, что подозрительность является привнесенной чертой, появившейся в связи с тяжелыми условиями выживания.

Поясним еще раз сказанное: чеченец верит в существование на свете справедливости, которая, по его мнению, присуща всем народам и всем культурам. Поэтому несправедливости к чеченцам со стороны царской, советской и постсоветской России воспринимаются как нарушение естественного хода вещей. При этом отношение к политике России (как правило, необъективной) всегда отделяется от отношения к убеждениям человека русского происхождения, а эти убеждения, какими бы они ни были, отделяются от его личности как таковой и в принципе не затрагивают его достоинства. Речь, конечно, идет о подлинных носителях чеченской культуры, как правило, людей религиозных. Ожидание справедливости выражается в фразе, многократно слышанной мною в разговорах о взаимоотношениях Чечни и России: «Только добром можно победить чеченцев».

Русские авторы прошлого столетия, когда Кавказская война была стержнем всей общественной жизни чеченцев, естественно, так или иначе отражали в своих сочинениях реакцию ограбленного и завоеванного народа на насилие. Обратимся к обстоятельному сочинению о чеченцах А. П. Берже. Берже был чиновником и ученым, работавшим на Кавказе с 1852 года. Его труды сыграли большую роль в становлении кавказоведения.

Как Берже описывает чеченцев? «Наружность чеченцев вообще довольно благообразна. Он стройно сложен, приемы его отличаются живостью и проворством». Далее Берже описывает одеяния чеченцев. То есть он начал характеристику народа с внешнего вида и нрава. За этим следует примечательный пассаж, который окажется заимствованным из отчетов военных о походах против «хищников»:

«Несмотря на то что чеченцы вышли из первобытного грубого состояния и ведут оседлую жизнь, нравы их все еще находятся на степени полудикости. Жестокость, корыстолюбие, недоверчивость и мщение составляют преобладающий элемент в характере чеченца. Но за всем тем, он не чужд и добрых качеств. Так, он всегда чтит нравы гостеприимства. Если странник, даже и незнакомый, проездом остановится у чеченца на ночлег, то хозяин не преминет в честь гостя зарезать одного или нескольких баранов. Чеченец обязан проводить своего гостя до безопасного места или передать другому чеченцу и вообще заботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограблен, оскорблен или убит вследствие нерадивости чеченца, или невыполнения им обязанностей гостеприимства, то он подвергается остракизму всего общества до тех пор, пока нанесенная гостю обида не будет им отомщена».

Берже, великолепно описав гостеприимство чеченцев, тем самым показал не «первобытное состояние» или «полудикость» чеченцев, а нечто прямо противоположное. Такое гостеприимство может быть результатом аристократизма, рыцарской воспитанности, торговой меркантильности, короче, чего угодно, но не первобытности.

Здесь надо подчеркнуть, что приведенные описания чеченцев дают взгляд на них со стороны, т. е. этнический экстраобраз. Что будет, если мы обратимся к внутренней точке зрения, т. е. к интраобразу?

Полную формулу этнического интраобраза мы очень редко встречаем у опрошенных нами чеченцев. Дело в том, что до сих пор в народе действует этническое правило: не хвалить себя и говорить о себе даже пренебрежительно. Мой этнографический дневник изобилует записями, что «мы — чеченцы разложились», «раньше были рыцари-конахи, а теперь на всей этой площади ни одного не найдешь», «были настоящие среди нас люди, но они погибли в высылке» и т. д. и т. п.

Обратимся к записи беседы о психическом складе чеченцев с чеченским поэтом и ученым Ахмадом Сулеймановым. Вот какое определение «настоящего чеченца» он дает: «Это прежде всего благородный человек. Его первейшая задача состоит в защите женщины… Он себя посвящает защите родного очага, родной земли, Родины».

Лидером в чеченском обществе становится только человек, учитывающий интересы других.

Обратимся теперь к внешнему облику. Облик человека в чеченской культуре — важнейший показатель нравственного уровня человека. Стать, позы и жесты — тот сплав, которые человек приобретает в силу своего характера. Психический склад отражается в чертах лица, по которому судят даже о религиозности человека. Очень важна одежда, а также подтянутость. Не останавливаясь далее на проблеме внешнего облика, подчеркнем, что его значимость в чеченской культуре говорит об открытости, даже обнаженности внутреннего мира личности. Этому соответствует правдивость слов чеченца. Какие-либо двурушничество, двуличность бесконечно презираемы. Откровенность чеченцев бросается в глаза соседним народам. Кабардинцы, карачаевцы, дагестанцы отмечают, что чеченец всегда выскажет то, что думает.

В облике человека чеченская традиция всегда отличает чистоту. Это касается не только одежды. Чистота лица и взгляда отмечаются в первую очередь.

В чеченской культуре понятие свободы (маршо) это этническая и, более того, религиозная ценность. Вот почему в чеченском языке слова «Будь свободным!», «Проходи свободно!» суть первые пожелания-приветствия встретившихся людей. И если говорить о современных политических движениях Чечни, то какими бы разными ни были цели этих движений, среди своих лозунгов они будут непременно иметь свободу.

Все загадки чеченской истории, глубина анализа современного состояния чеченского общества и верность прогноза на будущее зависят от того, как учтено заложенное в душе чеченца стремление к свободе. И очень важно еще то, что чеченец, осознавая чувство свободы как основу своей личности, одновременно, если он нормальный человек, уважает свободу другого. Поэтому он и говорит ему: «Будь свободным!» Этническая культура чеченцев выработала такой принцип: подавление свободы другого человека ставит делающего это в несвободное положение.

В итоге всего мы можем высказать надежду, что в какой-то степени приблизились к пониманию спонтанной, импульсивной природы чеченского психического склада. Если мы поймем, что в его

основе лежит неискоренимое чеченское чувство свободы, религиозно окрашенное, то мы неизбежно придем к уважению и симпатии по отношению к этому древнему и необычному народу.

Я. Чеснов

Краткая этническая история вайнахов

Этническая история вайнахов (чеченцев, ингушей, цоватушин) уходит в глубь тысячелетий. В Месопотамии (в междуречье Тигра и Евфрата), в Шумерах, в Анатолии, Сирийском и Армянском нагорьях, в Закавказье и на берегах Средиземного моря остались величественные и таинственные следы хурритских государств, городов, поселений, относящихся к IV–I тысячелетиям до н. э. Именно хурритов выделяет современная историческая наука в качестве древнейших прапредков нахских народов.

О праве нахов наследовать генетическую, культурно-историческую память своих далеких предков свидетельствуют многочисленные данные в области языка, археологии, антропологии, топонимии, летописных и фольклорных источников, параллели и преемственности в обычаях, обрядах, традициях. Речь идет, однако, не об одномоментном процессе переселения хурритских племен из Передней Азии в северные предгорья Большого Кавказского хребта, где сейчас компактно живут чеченцы и ингуши. Многочисленные и величественные в прошлом хурритские государства и общины: Шумеры, Митанни (Нахарина), Алзи, Карахар, Аррапха, Урарту (Наири, Биайни) и другие, — в разные исторические времена растворились в новых государственных образованиях, и основная часть хурритов, этрусков, урартов, была ассимилирована более многочисленными кочевыми племенами семитов, ассирийцев, персов, тюрков и других.

Сенсационное сообщение о тесной связи древних нахов с переднеазиатскими цивилизациями было сделано в середине шестидесятых годов выдающимся кавказоведом, профессором, лауреатом Ленинской премии Евгением Ивановичем Крупновым:

«…С изучением прошлого многонационального Кавказа связывается и проблема этногенеза определенного круга древних и самобытных народов, образующих особую языковую группу (так называемую иберийско-кавказскую семью языков). Как известно, она резко отлична от всех других языковых семей мира и оказалась связанной с древнейшими народами Передней и Малой Азии еще до

выступления на историческую арену индоевропейских, тюркских и угро-финских народов».

Впервые в советской историографии материалы о близком родстве хуррито-урартского языка с нахскими языками были опубликованы в 1954 году польским лингвистом Я. Брауном и советским языковедом А. Климовым. Позже это открытие получило подтверждение в трудах видных ученых и краеведов: Ю.Д. Дешериева, И.М. Дьяконова, А.С. Чикобава, А.Ю. Милитарева, С.А Старостина, Х.З. Бакаева, К.З. Чокаева, С.М. Хасиева, А. Алихаджиева, С.М. Джамирзаева, Р.М. Нашхоева и других.

Среди зарубежных ученых, обративших внимание на этнолингвистическую близость чеченцев с древним населением Передней Азии, был немецкий языковед Иосиф Карст. В 1937 году в своей работе «Начало Средиземноморья. Доисторические средиземноморские народы, их происхождение, расселение и родство. Этнолингвистические исследования» (г. Гейдельберг) он писал:

«Чеченцы — не собственно кавказцы, но этнически и лингвистически: резко отделяются от прочих горских народов Кавказа. Они — перемещенный на Кавказ отпрыск великого гиперборейско-палеоазиатского (переднеазиатского) племени, которое простиралось от Турана (Турции. — Н. С.Х.) через Северную Месопотамию в Ханаан. Своим евфологическим вокализмом, своим строением, не терпящим никаких нагромождений согласных, чеченский язык характеризуется как член семьи, которая некогда географически и генетически стояла ближе к протохамитическому, чем к собственно кавказским языкам».

Карст называет чеченский язык «перепрыгнувшим северным отпрыском праязыка», который некогда занимал гораздо более южную территорию в доармянско-алародийской (т. е. урартской) Передней Азии.

Из российских дореволюционных авторов о происхождении вайнахов с удивительной научной прозорливостью еще в 1913 году писал Константин Михайлович Туманов в своей книге «О доисторическом языке Закавказья», изданной в Тифлисе. Проанализировав многочисленные материалы в области языка, топонимии, письменные источники и предания, автор пришел к выводу, что еще до выступления на историческую арену нынешних закавказских народов, здесь широко были расселены предки чеченцев и ингушей. Туманов еще тогда предположил, что знаменитые «ванские надписи» — урартские клинописные тексты — сделаны предками вайнахов. Это предположение в последующем полностью подтвердилось. У ученых сегодня не вызывает сомнения, что из всех известных языков мира ближе всех к урарто-хурритскому стоит язык современных чеченцев и ингушей.

В этногенезе современных чеченцев и ингушей приняли участие, разумеется, и аборигены, проживавшие издревле на северных склонах

Большого Кавказского хребта и степной зоны, протянувшейся до низовьев Волги на севере и берега Каспийского моря на востоке.

На территории современной Чечни, в районе озера Кезеной Ам в Веденском районе, обнаружены следы людей, проживавших здесь 40 тысяч лет назад. Таким образом, мы можем констатировать, что современные чеченцы, ингуши, цоватушины — потомки основателей древних переднеазиатских и закавказских цивилизаций, а их нынешняя родина — место обитания древнейших людей, где наслоились одна над другую множество материальных и духовных культур. Свидетели драматической, героической истории новонахов на Северном Кавказе — различные циклопические сооружения из громадных каменных глыб, скифские курганы, возвышающиеся в плоскостной зоне Нахистана, древние и средневековые башни, которые впечатляют даже сегодня своим изяществом, мастерством их создателей.

Каким образом далекие предки вайнахов перешли Главный Кавказский хребет и осели на его северных предгорьях и долинах? Много источников проливает свет на этот процесс. Главный и наиболее достоверный из них — «Картлис Цховреба» (Житие Грузии) — свод грузинских летописей, приписываемый Леонтию Мровели. В этих летописях, уходящих в доисторическую глубину, отмечается роль дзурдзуков — предков вайнахов, переселившихся из передне-азиатского общества Дурдукка (вокруг озера Урмия) в исторических процессах Закавказья в 1 тыс. до новой эры. Очевидно, основные из этих летописей возникли в конце 1 тыс. до н. э., после походов Александра Македонского, хотя в них повествуется о событиях как предшествовавших походу, относящемуся ко времени государства Урарту, так и о событиях значительно более поздних. Легендарная форма повествования, в которой, как обычно, путаются события разных эпох, ясно свидетельствует, о том, что далекие предки вайнахов играли весьма активную политическую роль во всем Закавказье и на Северном Кавказе. В летописях отмечается, что самым именитым и могущественным из всех детей Кавказоса (мифического родоначальника всех кавказских народов) был Дзурдзук. Это к дзурдзукам обратился на рубеже новой эры первый грузинский царь Фарнаваз с просьбой о помощи, когда хотел утвердиться на престоле в борьбе с раздробленными эриставствами (феодальными княжествами).

Союз дзурдзуков с иберами и картвелами был укреплен браком Фарнаваза с женщиной из дзурдзуков.

Восточные хурритские племена государства Урарту, проживавшие у озера Урмия, назывались матиенами. В «армянской географии» раннего Средневековья предки чеченцев и ингушей известны как нахчматеане.

На берегу озера Урмия находился город Дурдукка, по этому этнониму стали называть перекочевавшие оттуда нахские племена в Закавказье. Их называли дзурдзуками (дурдуками). Матиены, нахчматеане, дзурдзуки — это одни и те же нахские племена, которые на протяжении долгого исторического периода оставались на виду, сохраняли свою материальную и духовную культуру, менталитет, обеспечивали преемственность традиций, образа жизни. Подобным историческим и этническим мостом между населением древнего хуррито-урартского мира и собственно вайнахами с Центрального Кавказа были и другие родственные племена и общины.

Урартийцы не были полностью ассимилированы армянами, они на протяжении столетий продолжали жить самостоятельной жизнью как в Центральном Закавказье, так и на Черноморском побережье. Часть урартских племен слились со временем с доминирующими этносами. Другая часть сохраняла себя, оставаясь реликтовыми островками, и сумела дожить до сегодняшних дней.

Именно такими реликтовыми этносами являются сегодняшние чеченцы, ингуши, цова-тушины, другие народы и народности, сумевшие выжить по воле Бога в ущельях древнего Кавказа.

Малоизученная, но изобилующая достоверными данными, история нахов между хуррито-урартскими царствами в Передней Азии и новонахскими государственными образованиями времен монголо-татарского нашествия свидетельствует о том, что нахи являлись практически основой для возникновения в Центральном Кавказе новых народов и этнических групп, которых до тех пор вообще не существовало в природе. Нахский этнос лежит в основе возникновения осетин, хевсуров, двалов, сванов, тушин, удин и других племен и народов. Историк Вахушти (1696–1770 гг.) утверждал также, что кахетинцы считают своими дзурдзуков, гливов и кистов, «а они не ведают об этом с того времени, как отпали».

Нахские племена, союзы племен и царств, располагавшиеся в центре Кавказа по обе стороны хребта в начале первой половины новой эры, — это дзурдзуки, эры, кахи, ганахи, халибы, мехелоны, хоны, цанары, табалы, диаухи, мялхи, соды. Иногда эти племена различными авторами объединялись собирательными названиями типа дзурдзуки, нахчматеане, кисты.

Хуррито-нахские и близкие к ним племена и общины оказались в Центральном и Восточном Закавказье не только после распада Урарту — последнего, самого мощного царства хурритов. Академик Г. А. Меликишвили утверждает, что «быстрое освоение этих земель (закавказских), превращение их в органическую часть империи в немалой степени обусловлено тем обстоятельством, что урартийцам здесь приходилось иметь дело с населением, стоящим в этническом отношении близко к населению центральных областей Урарту».

И все-таки достоверные, однозначные следы проживания хуррито-нахских племен в Закавказье со своими названиями и конкретными местами нахождения мы обнаруживаем только после распада Урартского царства. Возможно, это объясняется отсутствием письменных источников в то отдаленное время. Но в самом древнем письменном источнике от Леонтия Мровели мы находим фразу из эпохи Александра Македонского (IV в. до н. э): «Вслед за этим (т. е. после нашествия Александра Македонского на Картли) вновь пришли племена халдейские, и они также обосновались в Картли». Историком Хасаном Бакаевым доказана принадлежность урартийских эров — одного из самых крупных племен в государстве — к хуррито-нахам. Именно с эрами, которые были, возможно, самыми могущественными

в Урарту, связаны названия Эребуни (жилище эров, «бун» — на чеченском языке — жилище); название Ерасх (и) — река Эров. «Хан» — хуррито-нахский специальный формант, образующий гидронимы», — утверждает Х. Бакаев.

Река Тигр по-хурритски называлась Аранцахи, что на чеченском языке означает «равнинная река». Река, которая протекала по территории причерноморских хурритов (махелоны, халибы и другие) называлась и до сих пор называется Чорохи, что на языке чеченцев означает «внутренняя река». Терек в древности носил название Ломехи, т. е. «горная река». Современная Лиахви в Юго-Осетии осетинами называется Леуахи, т. е. по-нахски, «ледниковая река». Название Ерасхи семантически дополняет этот ряд и допускает такой перевод — «эров река». У Леонтия Мровели названо «море Оретское» как один из рубежей «страны Таргамоса». В древнеармянской версии труда Леонтия Мровели это название передано как «море Эрета» (Ерета). Из текста ясно, что под этим названием подразумевается не Черное и не Каспийское моря, под «морем Эрета» подразумевалось в древности озеро Севан.

В тех районах, где Аракс (Ерасхи) протекал по месту обитания эров, уже в эпоху армянского царства располагался говорк (округ) Ераз, находилось ущелье Ерасх (Ерасхадзор, где дзор — «ущелье») и там же располагалась «вершина Ерасхадзора»). Любопытно, что неподалеку от этой вершины упоминается община Нахчрадзор, т. е. община ущелья Нахчра. Очевидно, что «нахчра» перекликается с самоназванием чеченцев — нахче, как справедливо утверждает в своих последних исследованиях Бакаев.

На рубеже новой эры наиболее крупное кахетинское общество со всех сторон окружено нахоязычными племенами и общинами. С юга к нему примыкали нахоязычные цанары, с запада — нахоязычные двалы, с востока — нахоязычные эры (жившие и в самой Кахети), а с севера нахоязычные дзурдзуки. Что касается племени кахов, давших название Кахетии, то это часть нахоязычных тушин, жившая в равнинной части исторической Тушетии и называвшая себя кабацой, а свою территорию Кох-Баца.

Нахоязычными были также закавказские племена табалы, туали, тибарены, халды.

К эпохе раннего Средневековья относится расцвет каменного строительства в горах нахов. Все ущелья верховьев Дарьяла, Ассы, Аргуна, Фортанги были застроены сложными каменными архитектурными сооружениями, такими, как боевые и жилые башни, замки, склепы, храмы, святилища. Позже появились целые поселения — крепости, которые до сих пор поражают своим великолепием, мастерством зодчих. Многие боевые башни возводились на пиках скал и были практически недоступны неприятелю. Такие архитектурные сооружения, которые рассматриваются как произведения искусства, могли появиться только при высоком уровне производства, при высокой развитости социально-культурной жизни.

Ко времени великих исторических потрясений, к которому относится эпопея с монголо-татарским вторжением, в западной части Чечни располагалось царство Алания, а в восточной части плоскостной и предгорной Чечни, в районе нынешних Гудермесского и Ножай-Юртовского районов было расположено чеченское царство Симсир. Особенностью этого царства (в истории известно имя наиболее влиятельного правителя Симсира — Гаюрхан) было то, что оно входило в число исламских государств и имело тесные взаимоотношения с соседними дагестанскими княжествами.

Алания

В раннее Средневековье в равнинных районах Предкавказья начал оформляться многоплеменный и многоязычный союз, который стал называться Аланией.

Этот союз включал в себя, как свидетельствуют археологи, лингвисты, антропологи и другие специалисты, как кочевников-сармат, так и исконных жителей этих мест, главным образом нахоязычных. Очевидно, это были равнинные нахи, известные еще греческому географу Страбону под названием гаргареи, что на языке нахов означает «близки», «родственники».

Кочевники-степняки, составлявшие часть племенного союза Алании, переняли у нахов оседлый образ жизни и вскоре их селища и городища (укрепленные поселки) размножились по берегам Терека и Сунжи. Путешественники тех лет отмечали, что аланские поселения так тесно располагались друг к другу, что в одном поселке слышали, как поют петухи и лают собаки в другом.

Вокруг поселков возвышались громадные курганные могильники, некоторые из которых сохранились до наших дней. Сохранились также следы аланских городищ, одним из которых является Алхан-Калинское городище на территории Грозненского района, в 16 км к западу от Грозного, на левом берегу Сунжи. Скорее всего, как предполагают ученые-кавказоведы, здесь находилась в одно время столица Алании город Магас (Маас), что на языке вайнахов означает «столица», «главный город». К примеру, главное поселение Чеберлоевского общества — Макажа — называли Маа-Макажа.

Ценные находки, добытые там в ходе археологических раскопок, получили в свое время не только всесоюзную, но и мировую известность.

Средневековые нахские племена и царства

Чеченцы и ингуши первой половины 1 тысячелетия новой эры, проживавшие на северных склонах большого Кавказского хребта, известны под названиями «нахчматьяне», «кисты», «дурдзуки», «глигвы», «мелхи», «хамекиты», «садики». До сегодняшних дней в горах Чечни и Ингушетии сохранились племена и родовые фамилии Садой, Хамхоевы, Мелхи.

Полторы тысячи лет назад население Чечни и Ингушетии (Нахистана) проживавшее в приграничных районах с Грузией и в самой Грузии, исповедовало христианство. До сегодняшних дней в горах сохранились руины христианских церквей и храмов. Почти целиком сохранился христианский храм Тхаба-Ерда близ селения Таргим в Ассиновском ущелье. Специалисты говорят о том, что храм был воздвигнут в период раннего Средневековья.

К этому же периоду относятся интенсивные связи горцев с соседними и дальними развитыми странами и государствами. Как свидетельствуют исследования абхазского ученого Гурама Гумбы, царь мялхов Ацермах, к примеру, был женат на дочери Боспорского царя из северного Причерноморья. Интенсивными были связи с Византией и с Хазарией. В борьбе Киевского князя Святослава с Хазарией и князя Игоря с половцами чеченцы и ингуши, очевидно, выступали на стороне своих славянских союзников. Об этом свидетельствуют, в частности, строки из «Слова о полку Игореве», где плененному половцами Игорю предлагают бежать в горы. Там чеченцы, народ Авлура, спасут и защитят русского князя.

В VIII–XI веках по территории Чечни проходили крупные караванные пути от хазарского города Семендера, который располагался предположительно в Северном Дагестане, к Черному морю, к Таманскому полуострову и дальше до европейских стран.

Вероятно, благодаря этому пути, в Чечне получили распространение предметы быта и произведения искусства редкой красоты и великолепного мастерства.

Другим важнейшим путем, связывавшим нахов с внешним миром, был Дарьяльский проход. Этот путь соединял чеченцев с Грузией и со

всем переднеазиатским миром.

Нашествие татаро-монголов

В период татаро-монгольского нашествия царство Алания, которое располагалось в западной части Чечни, подверглось полному уничтожению кочевыми ордами двух полководцев Чингисхана — Джебе и Субедея. Они прорвались со стороны Дербента, и равнинное население Нахистана оказалось уязвимым для армии степняков.

Татаро-монголы не жалели никого. Мирное население либо умерщвляли, либо уводили в рабство. Скот и имущество были разграблены. Сотни поселков и городищ были превращены в пепел.

Еще один удар по предгорьям Кавказа. Был нанесен полчищами Батыя в 1238–1240 гг. В те годы кочевые орды татаро-монголов прокатились по странам Восточной Европы, нанеся им тяжелый урон. Не избежала этой участи и Чечня. Ее экономическое, политическое, социальное и духовное развитие было отброшено назад на века.

Населению равниной Нахистана отчасти удалось спастись бегством в горы, к своим сородичам. Здесь, в горах, вайнахи, прекрасно понимая, что нашествие татаро-монгол грозит им полным уничтожением или ассимиляцией, оказали татаро-монголам упорное, поистине героическое сопротивление. Благодаря тому, что часть нахов ушла высоко в горы, народ сумел не только сохранить язык, обычаи, культуру, но и уберечь себя от неминуемых процессов ассимиляции многочисленными степняками. Поэтому чеченцы из поколения в поколение передавали предания и легенды о том, как их предки в неравной борьбе сохранили свободу и самобытность своего народа.

Сигнал тревоги

В горах существовала четко продуманная система оповещения о появлении врага. На вершинах гор, в отчетливой видимости друг от друга, были построены каменные сигнальные башни. При появлении в долине кочевников на вершине башен зажигались костры, дым от которых предупреждал об опасности весь горный край. Сигналы эстафетой передавались от башни к башне. Дымящиеся башни означали тревогу, подготовку к обороне. Повсеместно объявляли: «Орц дала!» — от слов «Орцах довла» — то есть уходите в горы, в лес, спасайте себя, своих детей, скот, имущество. Мужчины мгновенно становились воинами. О развитой системе обороны свидетельствует военная терминология: пехота, стражники, всадники, лучники, копьеносцы, санитары, меченосцы, щитоносцы; командир сотни, командир полка, дивизии, предводитель армии и т. д.

В горах, в районе Нашха, на многие века утвердилась система военной демократии. О строгих законах военной дисциплины того времени также свидетельствуют многочисленные предания народа.

Воспитание дисциплины

Периодически Совет Старейшин (Мехкан Кхел) проверял военную дисциплину мужского населения. Делалось это таким образом. Неожиданно, чаще всего ночью, объявлялся всеобщий сбор. Того, кто приходил последним, бросали со скалы. Естественно, никто не хотел опаздывать…

Есть у чеченцев такая легенда. Жили два друга. Один из них был влюблен. Так случилось, что тревогу объявили в ту ночь, когда влюбленный отправился на свидание с девушкой, в далекий аул. Зная об этом, чувствуя, что он опоздает, друг притаился в роще, чтобы подойти к месту сбора последним. Для того, чтобы пропустить вначале того, кто с опозданием придет со свидания.

И вот, наконец, примчался со свидания друг. Его хотели сброситъ со скалы, но тут появился притаившийся. — «Не трогайте его! Я последний!»

Старейшины разобралисъ в происходящем и, говорят, оставили в живых обоих. Но это было исключением из строгих правил.

Нашествие Тимура

Вслед за татаро-монголами, в конце XIV века, в горах появился еще более жестокий завоеватель — Тимур. Одержав военную победу над Золотой Ордой, он совершил поход в горы Чечни, разорил оживающие города и поселения. Разрушил возникшее и окрепшее в союзничестве с Золотой Ордой чеченское исламское государство Симсим во главе с Гаюр-Ханом. Войско среднеазиатского завоевателя Тимура насчитывало до полумиллиона сабель.

В горах Нахистана Тимуру был нанесен ощутимый удар. Он мог брать аулы только после неоднократных штурмов силами, в сотни раз превосходившими горцев. Из-за этого Хромой Тимур — так его здесь звали — проявлял особую жестокость. Он устроил в Нахистане массовую резню. Селения были разорены и сожжены дотла. Причем, как в долине, так и в горах.

Но предки чеченцев не покорялись завоевателям. За время борьбы с ордами Чингисхана, Тимура и прочих степняков они довели до совершенства систему горной оборонительной архитектуры.

Чрезвычайная скученность населения, земельная теснота вынуждали с большой эффективностью использовать каждый склон горы, каждый выступ скалы. Была освоена форма террасного земледелия. На склонах делали ступени, засыпали их грунтом, обогащали органическими удобрениями и гумусным слоем, добываемым в лесу.

До сегодняшнего дня сохранились в горах «города мертвых», которые представляли собой скопление многоярусных погребальных склепов. Известны более 500 подобных архитектурных комплексов. А также жилые каменные и боевые башни и целые аулы-крепости.

Образцы великолепного строительства сосредоточены сегодня в Аргунском, Ассиновском ущельях, в окрестностях высокогорных озер Казенной-Ам и Галанчож.

Снова в долины

Начиная с XV века, к равнинным нахским обществам начинают прирастать поселения вновь спускающихся с гор чеченцев. Они вели ожесточенную борьбу с кумыкскими, ногайскими и кабардинскими ханами и князьями, которые в союзе с Ордой эксплуатировали чеченские равнинные пахотные земли и пастбища, те, что чеченцы были вынуждены оставить в результате неравной борьбы.

С.-Х. Нунуев

Чеченцы. Этнический менталитет

Трагедия последних лет, происходящая с чеченским народом, которую некоторые авторы не без основания называют даже национальной катастрофой, ясно показала, что будущее народа, его возрождение немыслимы без тесной связи с другими народами. Эта связь не может быть продуктивной, стимулирующей наше общее развитие, если мы не будем хорошо знать друг друга, опираться на лучшие качества, добрые обычаи и традиции, передовые, культурные достижения друг друга.

Что знают в России и мире о народах Кавказа, о Чечне и чеченцах? Насколько тот этнический портрет, образ чеченцев из ежедневных информационно-пропагандистских источников реально соответствует подлинному этническому менталитету вайнахов?

У всех народов извечно существовали добрые обычаи, традиции, законы. Не составляют исключение чеченцы и ингуши. В народе извечно воспитывались самые благородные качества, достойные подражания.

В последнее время чеченцев обвиняют в таких тяжких криминальных явлениях, как убийства, похищение людей, воровство нефтепродуктов и других. Эти преступления — неизбежный результат войны, результат экономического запустения края, безработицы еще с коммунистических времен.

Безусловно, нет оправдания преступлениям. Еще многое предстоит сделать, чтобы должным образом восстановить

подорванную экономику и культуру края.

Этнический менталитет чеченцев и ингушей сложился в течении многих тысячелетий в тяжелейших природно-географических условиях, в окружении не всегда дружелюбных кочевых племен и народов. Неписаные законы горцев — адаты, а также строгие, но справедливые законы шариата еще больше сплотили вайнахов вокруг испытанных духовных ценностей, позволили им почувствовать свою силу и единство.

Высшие человеческие, мужские достоинства вайнахи определяют такими понятиями и категориями, как адамала, къонахчалла, стогалла, майралла, доьналла, оьздангалла, нохчалла. В основе всех этих терминов (многие из которых могут заменять друг друга, что является свидетельством того, как высоко их чтили вайнахи издревле) — такие понятия, как человечность, мужество, достоинство, благородство, отвага, честь.

Особняком стоит понятие Нохчалла, которое образовано от слова «нохчо» — чеченец. Образовалось это понятие давно, задолго до того, как ингуши стали называть себя отдельным народом. Поэтому можем утверждать, что понятие «нохчалла» весомо и для них, ибо по большому счету чеченцы и ингуши действительно один единый народ. Это подтверждается вновь и вновь в самые драматические периоды нашей общей истории и судьбы.

Понятие «нохчалла» включает в себя весь спектр моральных, нравственных, этических норм и законов, составляющих духовный менталитет вайнахов. Это уникальный Кодекс Чести.

Говорят, что строгий этикет вайнахам передается с молоком матери.

Каждый истинный вайнах, воспитавшийся у себя на родине в традиционной семье, имеет прочные задатки рыцаря, дипломата, мужественного заступника и щедрого, надежного товарища.

Среди вайнахов еще не утеряны суровые законы предков. Когда-то эти законы были единственными, необходимыми условиями выживания. К примеру, в суровых условиях гор гость, не принятый в дом, вполне мог замерзнуть, потерять силы с голоду и усталости, стать жертвой разбойников или дикого зверя. Поэтому принять, согреть, накормить и дать отдохнуть гостю — дело святое, просто

необходимое. Свято соблюдать гостеприимство — значит, иметь нохчалла.

Дороги и тропинки в горах узкие, часто проходят лентами вдоль обрывов и скал. Не быть взаимно вежливыми просто невозможно. Поскандалив или поспорив можно сорваться в пропасть. Быть вежливым или уступчивым — это нохчалла.

В тяжелейших условиях безземелья, будучи запертым в горах, когда по степям и долинам рыскали воинственные кочевые племена и народы, необходима была коллективная взаимопомощь. По сути дела, на протяжении веков и тысячелетий горцы жили по законам военной демократии. Быть всегда готовым к взаимоподдержке и взаимовыручке — это нохчалла. Коллективная помощь соседу, односельчанину, называемая словом «белхи» — это нохчалла.

У людей, придерживающихся нохчалла, чрезвычайно высока была цена слову. Слово истинного чеченца было и остается тверже всего. Ибо Слово — это и прощенная кровная месть, которую ни при каких условиях нельзя возобновлять.

Слово — это решение спора из-за долины или горы. Слово — это остановленная война, прощенная обида, восстановленная семья, измененный образ жизни. Иными словами, там, где общественная жизнь регламентировалась не государственными актами и силовыми структурами, не судебными постановлениями и административными мерами, все решалось крепким мужским Словом. Это Слово чаще всего было не менее прочно, чем клятва на Коране. Быть хозяином Слова и не отступать от него даже ценой жизни — это нохчалла.

Чеченцы и ингуши — реликтовые народы, обозримая история которых уходит в глубь многих тысячелетий — в мир древних хурритов, основателей цивилизованных обществ и государств (среди которых Митанни, Урарту) в Передней Азии и Закавказье. С тех сказочно далеких времен вайнахи сумели сохранить свой язык, антропологические характеристики, генную и историческую память благодаря стойкости, выносливости, соблюдению своих выпестованных обычаев и традиций. Чеченец-мужчина с мальчишеских лет воспитывался защитником, воином, солдатом свободы. Самый древний вид приветствия вайнахов, который сохранен и сегодня, гласит — приходи свободным! Быть мужественным,

готовым в любое время вступить в бой с врагом — это нохчалла. Быть свободным, независимым — это нохчалла.

Понятие нохчалла несовместимо с неравенством, ущербностью, ущемлением человеческого достоинства.

Поэтому среди чеченцев и ингушей никогда не было князей и холопов. Рабы, правда, были, но они не были вайнахами, и поэтому на них понятие нохчалла просто не могло распространиться.

Даже сегодня любой чеченец может и обязан, смело открыть дверь другого чеченца, какой бы высокий пост он ни занимал. Никогда и ни перед кем истинный чеченец или ингуш не снимал шапку, не гнул спину, не унижался что-то выпрашивая.

Абсолютное, безусловное равенство друг перед другом независимо от богатства, чина, силы, прочих различий — это нохчалла. Почтение к старшим, родственникам — это нохчалла.

С выходом на равнину, с изменением социально-экономических условий жизни несколько притупилась актуальность некоторых горских законов. Однако вайнахи не торопятся расстаться со своим Кодексом Чести. О вайнахах говорят, что они скорее отторгнут какие-то нормы шариаты, чем изменят своим устоявшимся обычаям и традициям.

Весь комплекс, весь спектр нравственных этических норм, добровольно принятый на себя чеченцем, чтобы строго следовать им в течение всей своей жизни — есть нохчалла, что буквально означает «быть чеченцем» (чеченскость). Поэтому известный этнолог Ян Чеснов любит повторять, что «чеченцем быть трудно». Недавно шутили, что «чеченец» — это не национальность, а обязанность. В наши дни чеченцы, особенно проживающие в диаспорах, чаще вынуждены шутить иначе, что чеченец — это не национальность, а приговор.

У мудреца спросили: что такое «нохчалла»? Горец ответил «нохчалла — это найти выдержку и терпение после того, когда выдержка и терпение кончаются».

В самом деле, груз обязанностей, который ложится на истинного чеченца или ингуша, настолько тяжел, что если человека не воспитать с детства, не пронести его по сложным лабиринтам жизни.

Нохчалла — это когда человек уважает другого человека, ни в коей мере не демонстрируя своего превосходства. Если человек все же

чувствует, что он в чем-то силен или находится в привилегированном положении, он должен быть особенно учтив и приветлив, дабы не задеть самолюбие другого. Так, сидящий верхом на лошади должен здороваться первым с пешим человеком. Если же пешеход старше всадника, всадник обязательно должен сойти с коня.

Особое уважение человек должен оказывать родственникам своей матери и жены. Наиболее воспитанные слезали с коней не только на улице, где проживали родственники, но даже при въезде в село, где они проживали.

Нохчалла — это безусловно, неприятие любого насилия, любого принуждения. Из истории известно, что с помощью силы вайнахов не смогли заставить даже принять ислам. Поэтому в памяти народа не сохранилось имя ни одного исламского миссионера, который приходил с мечом. Другое дело, когда к ним приходили учителя — устазы. И поэтому в народной памяти не забыт ни один из десятков устазов.

Люди со стороны, не знающие что такое «нохчалла» принимают качества вайнахов за слабость, доверчивость, наивность. Ведь истинный чеченец или истинный ингуш, которых, безусловно, абсолютное большинство, не могут себе позволить лгать, лукавить ни в маленьких, ни в больших вопросах. Нохчалла — это умение дружить, оставаться верным дружбе всю жизнь. Дружить у вайнахов означает быть вместе и в дни печали, и в дни радости.

С.-Х. Нунуев

Религия в истории и культуре чеченцев

Касаясь тематики дохристианских, доисламских верований чеченцев, ингушей и их предков, исследователи чаще всего называют этот период язычеством, хотя сам этот термин весьма расплывчат и мало что может объяснять по сути. Факты свидетельствуют о единстве и взаимосвязи древних вайнахских племен с доисторическими цивилизациями Закавказья и Передней Азии. Поэтому становится понятной причина столь широкого распространения даже среди сегодняшних чеченцев и ингушей имен хуррито-урартских и других преднеазиатских божеств: Халад, Нана, Ану, Ашура, Дики, Кибела, Аруба, Хебат, Хара и другие.

Из переднеазиатского пантеона божеств пришли к чеченцам и ингушам, по мнению профессора К. Чокаева, широко распространенные в глубокой древности божества Цу и Туш.

В качестве доказательства К. Чокаев приводит факт, что древнее нахское население Грузии тушин с бацой разделялось по признаку их поклонения тому или иному божеству — туш-бацой и цу-бацой. Топонимы с корнем Туш и Цу по сей день сохранились в горах Чечни и Ингушетии.

О религиозных верованиях чеченцев и ингушей много писалось русскими и зарубежными авторами в XIX веке. В частности С. Броневский, К. Самойлов, А. М. Шегрен, Н. Ф. Грабовский, А. Зиссерман и другие утверждали, что среди чеченцев и ингушей сохраняется весьма уважительное отношение к христианству.

Разумеется, средневековое население Чечни и Ингушетии, будучи в то время бесписьменным и безграмотным, не могло быть просвещенными христианами, умеющими глубоко понимать и тем более читать Библию. При внешних признаках соблюдения христианских образов во многих районах Чечни и Ингушетии вплоть до принятия ислама сохранялись родоплеменные культы. Общевайнахскими, очевидно, были культы матерей природы и стихии. Фольклор, предания, лексика чеченцев и ингушей богаты именами Хинана (мать воды), Мехнана (мать ветров), Дерцнана (мать вьюги), Ценана (мать огня). По сей день можно услышать, как люди клянутся «цу малхор» (клянусь солнцем), «цу баттор» (клянусь луной), «цу ляттор» (клянусь землей) и др.

Религиозные представления и чувства чеченцев и ингушей по сей день проявляются через мифы и легенды, в которых богатое народное воображение часто путало реальные исторические личности (пророки и эвлия) с мифическими персонажами, смещало события и время. Но весьма четко проводилась грань между добром и злом, между дозволенным и запретным, между правдой и ложью. Из имеющегося полевого материала и трудов исследователей можно сделать вывод о такой особенности вайнахов, как творческое переосмысление любой веры, приспособление ее под местные условия.

С ранними религиозными (в том числе родоплеменными) представлениями связано бытовавшее вплоть до принятия ислама почитание вайнахами отдельных вершин гор, скал, рощ и озер. Это, к примеру, вершина горы Эртана в Веденском районе Чечни, вершина гор Цей-лам, Мят-лам в Ингушетии, озеро Галанчожам и тополевая роща вокруг него в горах Урус-Мартановского района Чечни. Интересно, что позже суфийский ислам объявил священными практически все памятники природы в стране в целях бережного к ним отношения. Только на этот раз это было мерой экологического воспитания.

Трудами исследователей установлены многие названия бытовавших у вайнахов божеств в доисламскую эпоху. Среди них Дели/Дяла — верховный, древнейший бог; Села/Сяли — бог грома и молнии; Сигал/Стинал — божество неба; Тушоли — богиня деторождения; Кинч — мать луны;

Елт — покровитель хлебов; Молыз — бог войны; Фурке — богиня ветров и другие.

Многочисленные святилища, сохранившиеся в основном в развалинах в горах Чечни и Ингушетии, можно отнести, очевидно, к родоплеменным божествам.

Среди них, к примеру, Галь-Ерда, Селитха, Фаппиерда и другие. Ерда, по мнению профессора И. Алироева, означает «святилище».

Доисламскую религию вайнахов вполне можно охарактеризовать как синкретическую, с более или менее выраженными чертами христианства. Особенно наглядно сильное влияние христианства мы видим в Ассиновском ущелье Ингушетии, где известны три христианские церкви: Тхаба-Ерда, Алби-Ерда и Таргимский храм. Были ли христианские церкви и храмы в Чечне — трудно судить. Возможно, памятники христианства в Ингушетии сохранились вследствии того, что здесь ислам был принят позже, чем в Чечне.

О довольно продолжительном периоде проникновения христианства к чеченцам и ингушам из Грузии говорят не только храмы, предания, исторические источники и кресты.

В горах Чечни найдено несколько грузинских рукописных псалтырей. Вайнахское «жаар» — крест — созвучно грузинскому «джвари». Из христианского календаря грузин заимствованы вайнахами названия дней недели. Понедельник — оршот (груз. — оршабати), пятница — пераска (груз. — параскеви), суббота — шот (груз. — шабати), воскресенье — киранде (груз. — квира).

Картина доисламских религиозных верований, пусть даже весьма схематически нарисованная, будет неполной и неточной, если не сказать о вайнахском жречестве.

Жрецы были возле каждого святилища и выполняли довольно широкую, многообразную роль в качестве служителей культа, знахарей собственности. В мирные времена жрецы в отдельных обществах выполняли роль не только духовных, но и политических лидеров, к которым за советом и помощью обращались старейшины тейпов, о чем свидетельствуют фольклорные материалы, легенды и предания вайнахов.

Ислам в Чечню и Ингушетию проникал не единовременно. Различным было его проникновение и закрепление В различных равнинных и горных обществах. Согласно данным археологии, различных полевых, письменных и фольклорных материалов ислам в регион проникал несколькими этапами. В науке утвердилось мнение, что такими этапами были VIII–IX вв. — период арабо-хазарских войн, XI–XII вв. — через исламизированные верхи половцев, XII–XIV вв. — через Золотую Орду, конец XV — первая половина XVI в. из Дагестана, Кумыкии, Кабарды, Крымского ханства, Турции, Ирана.

Ислам в край приносился зачастую на мечах завоевателей.

«Первоначально, — пишет академик г. Джанашашвили, — кисты, глигвы и дзурдзуки — были христианами до нашествия Тамерлана, который, покорив страну то лестью, то угрозами, совратил в магометанство и назначил им мулл…».

Но насильственно навязанный чеченцам ислам в ранние эпохи приживался ненадолго, ибо даже вплоть до XIX века высокогорные вайнахские общества и поселения, главным образом, мялхинские, майстинские, ламаккинские, ингушские по ущельям рек Ассы, Армхи, Фортанги, будучи оторванными как от христианской Грузии, так и от исламского Востока, сохраняли в основном родоплеменные верования. По некоторым источникам, в юго-восточном чеченском обществе

Симсим Ислам исповедывался еще до наступления Тимура, и симсирцы, проживавшие на территории нынешних Ножай-Юртовского и Гудермесского районов Чечни, были в союзнических отношениях с единоверной Ордой.

К этой эпохе, точнее к 1405–1406 годам, относится сооружение первого из дошедших до нас архитектурных мусульманских памятников в крае — мавзолея Борга-Каш у селения Плиево (Назрановский район). Он был возведен в честь некоего Бек-Султана, сына Худайнадо.

Ускорению проникновения ислама в край чеченцев и ингушей способствовали экономические, культурные, политические связи чеченцев и ингушей с населением Кабарды, Кумыкии, Крымского ханства. Усиливались связи с Османской Турцией и шахской Персией.

В XVI–XVII веках вайнахи вступили в более тесные экономические, культурные, политические связи с другими северокавказскими народами, исповедовавшими ислам. Сам ход истории предполагал неизбежность укрепления в крае ислама, и это было событием эпохального исторического, духовного значения для горцев.

С освоением равнинных земель земледелие, скотоводство, ремесла, торговля шли по восходящей линии, и параллельно с этим народ осознавал преимущество и достоинства ислама, который приживался в форме суфизма.

Предания донесли до нас имена первых проповедников Ислама шейхов. В их числе шейх Мут (10-20-е годы XVII в.), шейхи Термола, Бата, Берса.

Высоко в горы ислам проникал долго и неравномерно. Об этом свидетельствуют полевые материалы, в частности данные археологии.

«Проникая и утверждаясь, исламская религия впитывала в себя устоявшиеся веками народные традиции и обычаи. Благо, противоречий было не очень много, особенно в части нравственных установок, семейного права и философских взглядов. Трудности в основном были связаны с религиозными обрядами и ритуалами, которые, впрочем, с течением времени постепенно», вероятно, безболезненно приняли исламские формы. Яркое тому свидетельство — постепенное изменение похоронного обряда.

Особую роль в общественно-политической жизни чеченцев ислам начинает играть с конца XVIII века, как знамя народноосвободительной борьбы горцев против колониальной политики Российской империи. Распространению и укреплению ислама не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе способствовал, по мнению профессора В. Х. Акаева, суфийский тарикат накшбендийа. Именно этот тарикат «дал толчок объявлению газавата — священной войны — имамом Гази-Мухаммадом горской социальной верхушке и экспансионистской политике царизма на Северном Кавказе».

Тарикат накшбендийа активно проникает во все чеченские общества через соседний Дагестан. «Именно в Дагестане подготавливались муллы для службы среди чечено-ингушского народа, туда же стекались желающие получить образование».

Распространение вначале в Дагестане, а затем в Чечне и Ингушетии, Ислама суфийского толка, в частности накшбендийского и кадарийского, имеет свое историческое объяснение. По мнению крупного дагестанского ученого-арабиста М. -С. Саидова, именно суфийский Ислам проповедовался еще в XI веке крупным ученым ал-Фарадж ад-Дербенди, жившего и творившего свои богословские сочинения в мусульманском городе Дербент.

Успех суфийского Ислама объяснялся, очевидно, тем, что его учение призывало к безусловной социальной справедливости, в то время как часть исламского духовенства отошла от изначальных идей социального равенства и была озабочена собственным обогащением. Не случайно суфийскому Исламу в последнее время стали давать название народного Ислама. Особенно, когда сравнивают исторически сложившиеся, глубоко укоренившиеся идеи мирного, гуманного суфийского Ислама с Исламом чрезвычайно политизированным,

радикальным, амбициозным и агрессивным, известным на Северном Кавказе в последнее десятилетие под названием ваххабизм.

После распада Золотой Орды и укрепления на северных рубежах Российского государства прекратились побеги кочевников. Таким образом создались благоприятные условия для возвращения чеченских тейпов и тукхумов на плодородные долины по берегам Сушки и Терека. Однако процесс этот был небезболезненным. Приходилось вступать в конфликты не только с кумыкскими, ногайскими, черкесскими ханами и князьями, которые веками были в союзнических отношениях с татаро-монголами, что позволяло им безраздельно владеть вайнахскими землями. Нередко чеченские общества спорили друг с другом из-за земель. Это были тревожные времена. К тому периоду, очевидно, относятся утверждения А. П. Берже о том, что жители Чечни были плохими мусульманами. Сама общественно-политическая, психологическая ситуация в крае была в той стадии напряженности, когда была востребована идея, способная сплотить разношерстную публику новых освоителей долин. Востребована была идея, способная обеспечить безопасность, единство, справедливость. Такой востребованностью объясняется феноменальный успех молодого шейха Ушурмы из аула Алды.

Проповеди идей добра, братства, равенства, справедливости, призывы отказаться от агрессивности, воровства, кровной мести, которые он начал в своем ауле, быстро разошлись по всей равнинной Чечне и Северному Кавказу. Легендарность фигуре Ушурмы придало еще то обстоятельство, что свою проповедническую деятельность он начал после исполнения суфийского обряда халбат — добровольное самоистязание. Обычно сидят в глубокой яме 40 дней и ночей, подвергая себя физическим и моральным испытаниям.

Сильное эмоциональное воздействие на людей оказывали зикры, совершаемые Ушурмой и группой его единомышленников, когда со своими проповедями они навещали другие аулы.

Свидетельства первого чеченского этнографа Умалата Лаудаева также не оставляют сомнения в том, что распространяемый Ушурмой Ислам носил явный суфийский характер.

Исследователи В. Х. Акаев, М. М. Керимов также считают, что проповедуемый Шейхом Мансуром Ислам был суфийским исламом накшбандийского толка.

Вторая половина XVIII века известна как период усиления колониальной политики царизма на Северном Кавказе и растущее национальное самосознание было обречено увязать свои религиозные чувства с патриотическими чувствами перед реальной угрозой быть порабощенными чужеверцами и чужеродцами. Это и помогло пастуху из Алдов Ушурме фантастически быстро завоевать авторитет и религиозного и политического лидера. А через некоторое время и удачливого военачальника, вождя: была востребована объединительная идеология, и Ушурма (Шейх Мансур) дал ее. Вместе с тем, прав и историк М. Вачагаев, который пишет, что с поражением Шейха Мансура Ислам подлинно суфийского толка еще более укрепился. Автор имеет в виду подлинную теоретическую суть суфизма, для осознания и постижения которой действительно требуется более спокойное, длительное время.

«В Чечне и Дагестане трансформация идеологии аскетизма, отрешенности от мирской жизни в идеологию народно-освободительного движения и проникновение ее в данный регион было вызвано объективными историческими реалиями. Одним из основных факторов стала война горцев с могущественной страной… мюридизм позволял заставлять единого лидера, который наделялся властью не только в духовной жизни народа, но и властью светской…».

После подавления царизмом масштабного антиколониального восстания горцев под водительством Шейха Мансура в Чечне наблюдался упадок в духовной сфере. Но в это самое время (начало XIX века) в соседнем Дагестане появляется много ярких суфийских шейхов, таких, как Мухаммад Ярагский, официальный преемник накшбандийского шейха Хас-Мухаммада Ширванского, Джамал-Эддик Казикумухский, мулла Магомед из села Яраг, мулла Газ-Мухаммад Гимринский и другие. В этот период в Чечне упоминается лишь Авх Унгаев, как духовный наставник известного чеченского воеводы и дипломата Бейбулата Таймиева.

Зато в соседнем Дагестане назревали грозные события. Аварский мулла из села Гимры Кази-Магомед, ученик известного суфийского шейха Магомеда Ярагского, начинает бурную деятельность, основанную на привязке суфийского учения к национально-освободительной борьбе горцев. По сути, создавалась новая идеология

исламского радикализма, как сейчас назвали бы. Хотя в Коране христиан и других приверженцев единобожия не относят к неверным (к неверным причисляются лишь язычники), Кази-Магомед стал относить к таковым всех, кто не исповедует Ислам.

«Сельский мулла, — отмечает М. Вачагаев, — решает сделать то, что кажется невероятным: под знаменем Ислама, конкретнее мюридизма, объединить народы для совместного отпора против Российской империи.

Симптоматично также, что в данный исторический отрезок времени, вплоть до второй половины XIX века и в Чечне на первый план выдвигаются религиозные лидеры, поднимающие исламские знамена в борьбе против колонизаторов.

Мюридизм, безусловно, сыграл консолидирующую роль. Стал идеологией сопротивления, объединившей под религиозными знаменами разрозненные тейпы и народы. Это объединение в свою очередь способствовало распространению шариата, как более совершенное писаное право по сравнению с неписаными нормами и положениями адата.

Воинствующий мюридизм, пришедший из Дагестана, надолго задержался в Чечне даже после того, как от него отходили дагестанские шейхи. Не случайно, имам Шамиль нашел подготовленную к восстанию социальную сферу именно в Чечне с его воинствующими лидерами, такими, как Ташу-Хаджи, мулла Абдурахман, Уди-мулла, а не в своем Дагестане, где духовники потихоньку возвращались к подлинной суфийской мудрости, к умению сосуществовать рядом со злом и насилием, не подвергая себя явной погибели.

Имам Шамиль хорошо понимал, насколько трудно ему будет удерживать неукротимых чеченцев в строгой дисциплине и подчинении даже ведя священную войну (газават) с таким сильным и жестоким противником. Поэтому насаждение шариата было для него также необходимым политическим инструментом. Как отмечает Вачагаев, «своевольные, не привыкшие к единоначалию, чеченцы пытались всячески сопротивляться нововведениям, ограничивающим их свободу».

Мюридизм Шамиля был инструментом и идеологическим, и политическим, и религиозным одновременно.

Вторую половину XIX века после пленения Шамиля до 30-х годов XX века можно смело назвать золотой эпохой всплеска чеченской духовности. Именно в этот период наблюдается небывалая тяга чеченцев к знаниям, учености, к философскому осмыслению своего прошлого и настоящего. Названный период — духовный, нравственный ренессанс чеченского и ингушского народов.

Появление в чеченском обществе знаменитых суфийских эв-лия, шейхов, устазов Кунта-Хаджи Кишиева, Баматгири-Хаджи Митаева, Кана-Хаджи, Чим-Мирза, Абдул-Азиза Шаптукаева Докку), Батал-Хаджи Белхороева, а несколько позже Абдул-Вахаб Хаджи, Солса-Хаджи, Соип-Молла, Ахмад-Хаджи, Апти, Салам-Молла, Дени-Шейх, Шейх-Аббас, Бага-Уддин, Абу-Бакар, Юсуп-Хаджи, Сулим-Хаджи и других сыграло решающую роль в умиротворении края. Заслуга просвещенного духовенства в том, что народ Чечни смог избежать масштабной катастрофы во время социальных потрясений середины первой половины XX века.

Я. Ахмадов. З. Алиева

Чеченский тайп (род)

Исследованные нами различные источники свидетельствуют, что в XVI–XVII вв. в Чечне сложились девять тукхумов: Аккий, Мялхий, Нохчмахкахой, Терлой, Чантий, Чебарлой, Шарой, Шотой и Эрштхой.

Чеченский тукхум это своего рода военно-экономический союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукхум занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной им местности, а равно и окружающего района, где тайпы, входившие в тукхум, занимались охотой, скотоводством и земледелием. Каждый тукхум говорил на определенном диалекте одного и того же вайнахского языка.

Некоторые историки считают, что между тукхумом и тайпом, взятыми в их исторической динамике, нет никакой разницы, кроме количественной, что как тукхум, так и тайп могут в определенной последовательности выполнять функции и рода, и фратрии, то есть союза родов.

Хотя тукхум и означает в переводе семя, яйцо, говоря о внутренней структуре его необходимо подчеркнуть, что эта организация, в представлении чеченцев, никогда не рисовалась как группа кровнородственных семей, а представляет собой союз родов, объединившихся во фратрию по своему территориальному и диалектологическому единству.

Чеченский тукхум, в отличие от рода, не имел официального главы, равно как и своего военачальника (бячча). Отсюда видно, что тукхум был не столько органом управления, сколько общественной организацией, тогда как тайп был необходимой и логической стадией прогресса в развитии идеи управления. Но возникновение союза тайпов (тукхумов) представляло собой также несомненный прогресс, происходящий на одной и той же территории как неуклонный процесс к возникновению нации, хотя тенденция к локальному разделению по родам и продолжала существовать.

Совещательным органом тукхума был совет старейшин, который состоял из представителей всех тайпов, входивших в данный тукхум, на равных по положению и почету правах. Тукхумный совет созывался в случае необходимости, для решения межтайповых споров и разногласий, для защиты интересов как отдельных тайпов, так и всего тукхума. Затем следовал совет страны (мехкан кхел), в котором вместе с родовой знатью тон задавали служители божеств — жрецы.

На этом совете обсуждались также отдельные положения, обычаи различных провинций, и в зависимости от их экономической и правовой целесообразности, они здесь же обобщались и получали санкцию всенародной власти.

Тукхумный совет имел право объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с помощью своих и чужих послов, заключать союзы и порывать их.

Вот почему еще надо полагать, что понятия тукхум и тайп далеко не идентичны. Следовательно, тукхум, как показывает и сам термин, не кровнородственный союз, а всего-навсего братство и представляет собой естественное образование, выросшее из организации. Это союз или ассоциация нескольких тайпов одного и того же племени, сложившиеся для определенных целей. Но в Чечне есть и союзы кровнородственных родов, образовавшиеся путем сегментации одного начального рода, как, например, чантийцы и терлоевцы. В состав терлоевцев входят такие кровнородственные группы, именующие себя гарами, иногда и родами, как Бешни, Бавлой, Жерахой, Кенахой, Мацархой Никарой, Ошний, Санахой, Шюндий, Элтпархой и др.

Из ста тридцати пяти тайпов, составлявших чеченское общество в середине XIX века, три четверти были объединены в девяти фратриях (союзах). Объединялись и в кровнородственные союзы. Так, например, Борзой, Бугарой, Хилдехарой и другие. Были в Чечне и такие тайпы, которые не входили в тукхумы и жили самостоятельно. Такие, например, как Зурзакхой, Майстой, Пешхой, Садой и так далее.

Дела тукхума, как мы уже писали, решались советом старейшин, созываемым им по мере необходимости. Но тукхум как орган не имел каких-либо функций управления, принадлежавших тайпу, хотя он и был облачен, в общей социальной системе, определенными полезными полномочиями в связи с необходимостью какой-либо организации, большей, чем тайп.

Таким образом, договорившись между собой разрешать мирным путем взаимные споры и помогать друг другу в обороне и нападении на противника, тайпы объединялись в тукхумы прежде всего по территориальным признакам. Так, например, нохчмах-койцы занимали территорию восточной Чечни (Бена, Сесана, Шела и частично Ведено). Надо полагать, что нохчмахкойцы, составившие основное ядро чеченцев, первыми поселились и в районе Аксая, Мичига и вдоль реки Терека.

Характерно отметить здесь и такую деталь, что нохчмахкойцы своей древней родиной считают Ношхой (местечко в районе Галанчожа), хотя с незапамятных времен живут на территории своего нынешнего поселения.

Отдельные тайпы из этого тукхума, например, Беной и Центорой, настолько сильно увеличились, что давно уже забыли о своем первоначальном кровном родстве. Брак между беноевцами и центароевцами давно стал обычным явлением. Выйдя за пределы своей древней земли, представители этих тайпов уже, по крайней мере, с XVI века стали расселяться по другим районам современной Чечни. Трудно найти в наше время населенный пункт, где бы не было представителя, например, беноевцев.

Таким образом, по мере своего увеличения тот или иной тайп в свою очередь расчленялся на несколько родов, и гары прежнего рода в этом случае становились самостоятельными родами, а первоначальный род продолжал существовать уже как тукхум — союз родов. Есть в Чечне и такие тайпы, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств не входили ни в какие тукхумы, жили и развивались самостоятельно. Эти тайпы образовались как из аборигенов данного края, так и из пришлых лиц. Поэтому следует считать тайп той основной ячейкой, откуда любой чеченец исчисляет свои первоначальные кровнородственные отношения и связи по отцовской линии.

Когда чеченцы хотят подчеркнуть отсутствие родства у какого-нибудь человека, то обычно говорят: У этого человека нет ни рода, ни племени.

Итак, что же такое чеченский тайп и какие общественно-экономические принципы устанавливает правовой институт тайпизма?

Знаменитый американский исследователь первобытного строя, посвятивший себя изучению обычаев и нравов древних индейцев, Л. Морган в своей работе «АпаепЬ, служившей основным источником для известной работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», дает следующее описание родового строя у индейцев: «Все его (рода. — Ред.) члены — свободные люди, обязанные защищать друг друга, они обладают равными личными правами, — ни сахемы, ни военные вожди не претендуют ни на какие преимущества; они составляют братство, связанное кровными узами. Свобода, равенство, братство, хотя это никогда не было сформулировано, были основными принципами рода, а род, в свою очередь, был единицей целой общественной системы, основой организованного индейского общества».

Чеченский тайп — это тоже группа людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, связаны между собой кровным родством праотцовской линии. Свобода, равенство и братство, хотя никем не были сформулированы, здесь также составляли главное начало тайпа, этой основы всей организации чеченского общества. Но чеченский тайп рассматриваемого нами периода (после XVI века) отнюдь не был уже архаическим родом, каким был у ирокезов. Нет! Тайповый строй чеченцев этого периода является продуктом собственного заката, проявлением его потенциальных внутренних противоречий, разложения до сих пор казавшихся незыблемыми форм, вытекавших из первоначальных правовых принципов тайпизма, которые раньше цементировали тайповый строй и искусственно сдерживали его разложение. Эти старые формы и тайповые принципы уже вступили в противоречие с теми социально-имущественными сдвигами, которые с каждым днем возрастали внутри отдельных тайповых ячеек. Юридическая оболочка тайповых корпораций уже не соответствовала имущественной структуре общества.

Однако была очень важная причина внешнего характера, которая сохраняла в силе «старое право» и «гармонировала» его с происшедшими новыми сдвигами, а именно: малочисленные чеченские тайпы жили в это время в окружении более сильных соседей (грузин, кабардинцев, кумыков и других), феодальная знать

которых постоянно так или иначе посягала на вольность. Эти внешние условия, прежде всего, и отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности сильно повлияли на сплочение тайпов, и эта сплоченность перед лицом внешней опасности, придавала вид (конечно, только вид) равенства, братства, защиты интересов друг друга.

Итак, тайп в понятии чеченцев — патриархальная экзогамная группа людей, происходящих от одного общего предка. Известны четыре термина, служившие для обозначения боковых ветвей, сегментировавшихся от тайпа и употреблявшиеся у чеченцев с незапамятных времен для обозначения крупных родственных групп, которые представляют собой определенное общественное, территориальное и прежде всего кровнородственное единство: вяр, гар, некий, ца. Только первый из них — вяр многозначен и наряду с остальными терминами обозначает кровнородственную группу людей, причем более точно определяет понятие род-тайп.

Тайпов в Чечне насчитывалось более ста тридцати пяти. Из них более двадцати не коренные, а образовавшиеся от представителей других народов, но уже давно прочно вошедшие в состав чеченского общества, ассимилировавшиеся в разное время и при различных условиях: одни их них шли в страну вайнахов сами, в поисках удобных земель, а других приводили сюда сложившиеся исторические обстоятельства, и они были вынуждены перенять чужой для них язык, чужие обычаи. Разумеется, эти люди не имели здесь ни тайповых гор, ни общинных земель, ни каменных склепов (солнечных могил) для похорон своих умерших сородичей. Но по примеру аборигенов этого края, они сплотились в кровные родства, оказывали помощь членам своей общины, объявляли кровную месть за убийство своего сородича, придерживались других общественно-обязательных принципов правового института тайпизма. Это обстоятельство для нас интересно еще и тем, что оно решительно отвергает «теорию» абсолютно чистого этнического происхождения вайнахов, в частности, чеченцев.

Следует, отметить, что происходил и обратный процесс. Так, например, известно, что такие довольно крупные ингушские фамилии, как Ахриевы, Льяновы и Боровы происходят из чеченского рода дышнинцев, Дарцыговы, Бузуртановы (Насыркор-товские) и Хаутиевы — из терлоевцев и т. д. По мере размножения тайп распадался на две

или более части — гары, и каждый из этих гаров с течением времени составлял самостоятельный тайп. Чтобы подтвердить свою принадлежность к аборигенам Чечни, каждый чеченец должен был помнить имена не менее двенадцати лиц из числа своих дальних предков.

Старейшины и вожаки чеченских тайпов не всегда обладали недоступными замками, не украшали свои выезды фамильными гербами. Они не гарцевали в сверкающих доспехах и не бились на романтических турнирах. Подражая тайповой демократии в обществе, они все еще имели вид мирных крестьян: водили по горам отары овец, пахали и сеяли сами. Но высокие понятия чести, равенства и братства между всеми членами тайповой общины пришли в новый этап тайповых отношений не в ореоле прежней чистоты и благородства, а в извращенной, модернизированной форме, порожденной наглой жестокостью и высокомерными притязаниями сильных и богатых.

В своей основной массе вайнахи очень настороженно и чутко относились ко всяким попыткам и поползновениям к зарождению феодальной власти и феодальной аристократии и общими усилиями в корне пресекали их. Об этом свидетельствуют богатейший фольклорный материал и обычай байтал ваккхар (раскулачивание), бытовавший у чеченцев и очень редко встречающийся у других народов.

И все же процесс разложения тайповой общины явственно прослеживается у чеченцев еще с позднего Средневековья (XIII–XIV вв.). Причем этот процесс и тогда знаменует не первоначальную стадию, а уже ту ступень, которой предшествовали более ранние шаги.

Экономической основой тайпа были скотоводство, земледелие и охота. Скот являлся тем базисом, который определял специфические особенности чеченского тайпа того периода… Поля и усадьбы также являлись важнейшей частью тайпового имущества. Земледелием чеченцы занимались с древнейших времен, еще в начале XVII века качкалыковские чеченцы имели богатые виноградники, сеяли пшеницу, просо, ячмень, а позже стали возделывать кукурузу.

Майсты и вообще Средне-Аргунский район Чечни XVII века славились своими мудрыми лекарями, хорошо лечившими раны, делавшими ампутацию органов и даже трепанацию черепа. Майстинцам, например, еще задолго до появления русских на Кавказе,

известна была прививка оспы. Они славились и как искусные строители боевых и жилых башен. И наконец, майстинцы славились и как знатоки адата — тайпового права. Именно сюда, в Майста, который в силу своего географического положения был защищен от всевозможных нападений врагов, съезжались старейшины тайпов на официальные совещания для обсуждения адатно-тайповых вопросов…

Местом, где также обсуждались вопросы общечеченского адата, была и гора Кхеташ-Корта, возле аула Центорой. Но это было уже значительно позже.

М. Мамакаев

Обычаи, традиции чеченцев

Уважение к старшим

Одним из замечательных обычаев чеченцев является уважение к старшим. И в первую очередь — уважительное отношение и забота о родителях.

В абсолютном большинстве семей чеченцев создается атмосфера большого внимания и забота о старших. Если они не живут с одним из сыновей, то, например, лучшие из продуктов постоянно относятся в дом родителей.

В сельской местности, как правило, для стариков ставился во дворе отдельный домик. Это ведется испокон веков и делается для того, чтобы не стеснять их, не создавать им никаких неудобств.

Сыновья, возвращаясь вечером домой, прежде всего, идут к старикам, чтобы поговорить с ними, поделиться своими радостями, заботами. Кто лучше родителей поймет детей?

Утром хорошая сноха свою работу по домашнему хозяйству, прежде всего, начинают на половине стариков. И только после этого делает все остальные дела.

Не только сын, дочь, но и другие члены семьи, в том числе и внуки, проявляют заботу о стариках. Дети называют деда «воккха дада» (большой отец), а бабушку чаще всего «мама» (нана), то есть «мать». Сестер отца, матери называют «деца», старшего брата отца — «вокха ваша» (старший брат), а меньших — «жима ваша» (младший брат). Как правило, родители, а также дедушка, бабушка, младшие братья и сестры из уважения не называют первенца по его настоящему имени, а дают какое-то ласкательное имя.

Не вставать при появлении стариков или же сесть без их настойчивого приглашения расценивается, как большой недостаток в воспитании, как нарушение обычая.

Дети порой могут ослушаться, не выполнить просьбу отца, матери, и последние на худой конец, простят их. Но считается совершенно не допустимым, если они ослушаются дедушку, бабушку, других старших родственников или соседей.

Употребление спиртных напитков в присутствии родителей, дядей, теть, не говоря о других более старших родственниках,

совершенно не допустимо. Нельзя также позволить себе разговаривать с родителями, вообще со старшими повышенным тоном, вести себя развязанно.

Взаимоотношения в семье

У чеченцев семьи, как правило, многодетны. Более того, в селе, в одном дворе живут со своими семьями несколько братьев. И здесь существует сложившаяся веками система норм и правил взаимоотношений.

Как правило, конфликтные ситуации, ссоры женщин, детей, любые другие недоразумения решаются старшими во дворе мужчиной и женщиной. Мать детей, если их обидели, никогда не должна жаловаться мужу.

В крайнем случае, она может сказать об этом любому родственнику мужа. А вообще считается правилом хорошего тона не обращать внимания на детские обиды, ссоры, слезы.

Нередко бывает так, что дети со своими просьбами, проблемами обращаются к одному из дядей. И редко бывает, чтоб их просьба была неудовлетворена. Он может отказать в чем-то своему ребенку, ущемить интересы своих детей, но нужны очень серьезные основания, чтобы он отказал в том же детям своих братьев и сестер.

Наконец, следует отметить, что существуют обязанности младших перед старшими, но и последних перед молодежью. При этом главная роль состоит в том, чтобы в семьях сыновей создавать и поддерживать атмосферу согласия и взаимопонимания. И абсолютное большинство из них делают все, чтобы укреплять семейные узы.

Прежде всего, от стариков требуется, чтобы они были корректны в отношениях с невесткой. Особенно это касается свекра. Употреблять спиртное, браниться, нарушать принятую в вайнахской семье форму одежды в присутствии невестки, дочерей считается неприличным. Он всегда старается быть очень деликатным в своем отношении к женам сыновей.

Свадебный обряд

Чеченская свадьба, как и другие народные обряды, вкючает в себя самые разнообразные элементы: пение, танец, музыка, пантомима и слово. Все это, создает цельное, красивое зрелище.

По дороге к невесте и назад свадебный кортеж веселится, играет гармошка, при возвращении стреляют из ружей, а раньше джигиты показывали свое искусство в стрельбе, фехтовании и джигитовке.

При выезде свадебного кортежа родственники и односельчане невесты могут задержать его буркой или перетянуть через улицу веревкой и взять выкуп. Выкуп берется и при выводе невесты из ее родительского дома.

Привозят невесту («нускал) в дом жениха, где она, одетая в свадебный костюм, находится на почетном месте — как правило, на противоположном углу от входа, у окна, за специальной свадебной занавеской.

Затем невесте дают на руки ребенка (обычно сына-первенца) почетных родственников с пожеланием, чтобы у невесты были только сыновья. Поласкав мальчика, невеста дает ему подарок или деньги.

При вводе невесты в дом у порога кладут веник и войлочный ковер (истанга), которые невеста должна аккуратно убрать с дороги и положить на это место деньги. Если невеста глупа, то она перешагнет через него, а если умная, то уберет с дороги. Раньше же к ногам невесты бросали бурку.

После этих церемоний начинается свадьба, приходят родственники и односельчане жениха. У чеченцев приходят все

желающие.

Распорядителем и тамадой на свадьбе бывает избранный генерал — «инарла». Свадьба сопровождается танцами, приглашаются гармонисты, бубнисты или играющие на зурне.

Существует и ритуал — «показать невесту», когда распорядитель свадьбы, сев за стол, объявляет сбор средств молодоженам, называя имена присутсвующих, которые привезли подарки или деньги.

После окончания свадьбы невесту ведут к воде, иногда в сопровождении музыки, пляски, бросают в воду «чепилгаш» — лепешку с начинкой из творога, стреляют в них, после чего, невеста, набрав воду, возвращается домой. В это вечер совершается регистрация брака — «махбар», в которой участвует доверенный отца невесты и жених. Обычно представителем жены бывает мулла, который от имени отца дает согласие на вступление в брак дочери (сестры, племянницы). На следующий день невеста становится молодой хозяйкой дома. Во время свадьбы и вывода невесты к воде жених отсутствует, часто проводит это время с друзьями в веселье.

Свадьбы у чеченцев, как правило, игрались после сбора урожая или до посевной компании.

Вайнахи очень чутки и отзывчивы на чужое горе, несчастье. Если в селе, округе умер человек, то долг всех односельчан посетить это дом, выразить соболезнование, оказать моральную поддержку, а если надо оказать и материальную помощь. В частности, похороны требуют массы хлопот. Но у чеченцев эти хлопоты полностью берут на себя родственники, соседи, а то и просто односельчане. Если в доме соседа горе, то и все соседи открывает настежь ворота, тем самым давая понять, что горе соседа — его горе. Все это снимает тяжесть навалившейся беды, облегчает горе человека.

Если человек на какое-то время уезжает из села, по приезду ему обязательно сообщается о тех или иных событиях, в том числе и о несчастиях. И конечно, он идет в этот дом выражать соболезнование.

При встрече каждый чеченец первым делом спросит: «Как дома? Все ли живы-здоровы?». При расставании считается правилом хорошего тона спросить: «Нужна ли моя помощь?».

Родственные связи

Надо отметить, что чеченцы придавали большое значение в прошлом, придается и сейчас родственным связям. Их сохранению и активному влиянию способствует то, что среди них положительные качества, поступки человека оцениваются не только как личные качества данного человека, но и нередко рассматриваются как следствие принадлежности его к данной семье, родственной группе. Если человек совершил какой-то поступок, заслуживающий с точки зрения вайнахской этики поощрения или порицания, то ставя в заслугу или в вину не только ему, но относят на счет его ближайших родственников. Поэтому человек старается не осрамить родичей, не совершить ничего такого, чтобы заставило последних по его вине, как выражаются чеченцы «почернеть лицом», «опустить голову». Когда же мужчина или женщина совершают благовидный поступок, то говорят: «Другого от людей этой семьи нельзя было ожидать». Или: «Было бы стыдно сыну (дочери) такого отца поступить иначе».

В связи с этим нельзя не сказать о таком социально-психологическом явлении, до сих пор довольно широко распространенном среди чеченцев, как «яхъ». На русский язык это слово можно перевести как «здоровое соперничество».

Если о человеке говорят, что у него нет «яхъ», то это верный признак того, что он потерял авторитет среди людей своего круга. Когда же речь идет о представителе мужского пола, то подобная характеристика равносильна тому, как если бы его назвали «не мужчиной». И наоборот, сказать о чеченце, что у него сильно развит «яхъ», — это значит высказать ему высшую похвалу.

Родители, старшие в семьях чеченцев самыми различными способами стараются воспитать в человеке чувство «яхъ».

Когда чеченцы готовятся к призыву в армию, накануне с ними беседуют отец, дядя, дедушка. Они дают наставления следующего содержания: «У тебя должен быть яхъ. Ни в коем случае ты не должен быть хуже своих товарищей. Не давай в обиду слабого, кто бы он ни был, и сам не обижай. Для абсолютного большинства из них они очень много значат, являются руководством в их действиях, во всем поведении.

Следует сказать, что коллективизм, взаимопомощь, поддержка среди чеченцев особенно проявляются за пределами республики, в национальной среде.

Надо отметить также и то, что чеченцы как тяжелое оскорбление, употребление нецензурной брани в обращении с ним. О таком человеке говорят: «Это неблагородный человек».

Особенно сильным бывает гнев чеченца, если в нецензурной брани фигурирует женщина: мать, сестра, другая близкая родственница. Это связано с тем, что считается тяжелым позором, если женщина, тем более мать, сестра, позволили себе вольность в отношениях с посторонним мужчиной. В республике, хоть и редко имелись случаи убийства женщины за вольное поведение.

Коллективная взаимопомощь

Для горцев формой коллективизма являлась трудовая взаимопомощь. Один из видов такой трудовой взаимопомощи — «белхи». Этот обычай уходит своими корнями в глубокую старину и является порождением суровых условий жизни горца. Ведь нередко приходилось связываться одной веревкой, чтобы выкосить на почти отвесном склоне горы траву, невозможно было действовать в одиночку и там, где приходилось отвоевывать у гор скудные участки под посевы. Любое горе, несчастье, потеря кормильца — и село должно было брать на себя заботу о потерпевших. Оставшиеся в селе мужчины не садились за трапезу, пока часть ее не была отнесена в соседний дом, где малые дети, но нет мужчины — кормильца.

Нередко бывает так, что человек пожилого возраста что-то начинает делать по хозяйству. Вскоре возле него оказывался один, второй, третий из тех, кто живет по соседству или на этой же улице. Получается так, что начатое им дело продолжают и заканчивают эти помощники.

Молодой человек при встрече со знакомым старшим обязательно должен остановиться, узнать о здоровье, спросить нужна ли помощь.

Гостеприимство

В систему этики межличностных отношений органически вписывается и такой обычай, как гостеприимство.

«Чеченец и последнюю рубашку отдаст гостю», — вспоминает один из гостей, посетивший чеченцев.

Главнейшим ритуалом гостеприимства у чеченцев, безусловно, является хлеб-соль (сискал), поэтому каждая семья припасала что-нибудь для гостя.

Когда гость накормлен и напоен, ему готовят постель в лучшей комнате. Были времена, когда хозяйская дочь или невестка помогали гостю снимать сапоги и верхнюю одежду.

Один из законов хозяина, принявшего гостя, — это защита его жизни, чести, имущества, иногда с риском для собственной жизни. Если даже гость проявляет себе относительную вольность, то хозяин должен относиться к нему снисходительно и терпеливо.

Древнему обычаю гостеприимства следовали всегда. И проявляли его к любому доброму человеку, независимо от его национальной принадлежности. В 30-е годы, когда на Украине разразился голод, люди в поисках хлеба разъехались по всей стране.

Немало украинцев оказались в тот период и в Чечне. Тогда многие чеченские семьи дали приют голодным, раздетым ребятишкам. Украинские дети росли вместе со своими чеченскими сверстниками, делили скудный кусок хлеба, тепло очага. И по сей день в Грозном, в окрестных селах жили семь тогдашних переселенцев. Многие из них очеченились. Они срослись с этой землей, ее народом, обычаями, традициями, национальной культурой, что стали считать все это своим и не захотели покинуть ставшие родные места.

Они убеждены, что гость и гостеприимство — это «беркат», то есть благополучие.

С гостеприимством связана и другая черта чеченцев. Это весьма дружелюбный и открытый характер. Здороваясь они раскрывают объятия, сближаются сердцем к сердцу, выражая тем самым чистоту помыслов, сердечность и искренность в отношении к человеку.

Отношение к женщине

Говоря об обычаях и традициях чеченцев, невозможно обойти вопрос отношение к женщине. Известно, что положение женщины в обществе, отношение к ней всегда являлось важным критерием нравственного прогресса.

Женщина — мать заслужила уважение всех народов, а у чеченцев она поставлена на особое статусное положение. Стоило тому же кровнику прикоснуться к подолу любой женщины, как оружие тут же пряталось, так как он находился под защитой ее, а прикоснувшись губами к груди, автоматически становился сыном. Стоило детям вынести зеркало к рубящимся, как тут же схватка прекращалась.

Величайшим позором считалось непочитание матери и ее родственников. Для зятя почитание родственников жены — «тунцхой» считалось такой благодеятельностью, что бог без суда отправляет его в рай.

Женщина-мать — хозяйка огня, тогда как мужчина-отец — мужчина только лишь хозяин дома. Самым страшным проклятием является пожелание, чтобы потух в твоем доме огонь.

Женщина у чеченцев по своему статусу почитания подразделяется на три категории: «жерой» — ныне воспринимается как разведенная женщина, вдова, а первоначально — это женщина, узнавшая мужчину, и третья категория — «мехкари», сейчас это девушки, а первоначально — это рожденные первыми. Если с первой и третьей группой не позволительны вольности со стороны мужчин, то относительно второй

они не только допустимы, но и обязательны. На вольность этой категории общество смотрело сквозь пальцы.

Об уважительном отношении к женщине свидетельствует, например, такой обычай, как приветствовать женщину стоя. Если проходит пожилая женщина, долг любого человека, независимо от возраста, встать и поздороваться первым. В ситуации, когда не на жизнь, а на смерть сходились два кровника, стоило женщине снять с головы платок и бросить между ними, как поединок прекращался. Или другой обычай, связанный с тем, что женщина идет следом за мужчиной. Наша официальная идеология трактовала это явление как пережиток. Но у народов Кавказа этот обычай имеет по своему генезису другое значение. Он связан с тем, что передвижение по горным тропам, где горца могли ждать разного рода опасности, заставляли его в целях заботы о женщине-спутнице соблюдать названный порядок передвижения.

Наконец, чеченцы, как и другие народы, всегда придавали большое значение женщине как хранительнице домашнего очага. Огромная роль отводилась ей в воспитании подрастающего поколения на всех этапах истории данного этноса. Именно женщине принадлежит одна из важнейших заслуг в сохранении любого этноса. В самом деле, Северный Кавказ за свою многовековую историю знал множество народов: скифов, сарматов, хазар, половцев. Но их нет, они ушли с лица земли. А вайнахи, как и другие древнейшие народы Кавказа, сохранились. И причин здесь много. Среди них и огромная заслуга вайнахской женщины.

Таковы некоторые социальные и этнические аспекты обычаев и традиций чеченцев — древнейшего народа Кавказа.

Д. Д. Межидов, И. Ю. Алероев

Старинные календарные праздники чеченцев и ингушей

Большинство праздников средневековых вайнахов, как и у многих народов мира, были связаны с календарными праздниками.

Год в народном календаре начинался месяцем Наджигонцрой, который соответствовал январю. Наджой — праздник Нового года, а Гонцхой — праздник, отмечаемый приблизительно около Рождества.

Второй месяц Мархи бутт (месяц поста). В этот месяц в прошлом вайнахи соблюдали христианский семидневный пост, который назывался «отцовским». Название месяца имеет очень древнее происхождение, но с распространением ислама оно закреплено за месяцем Рамазан по мусульманскому календарю, в том же значении.

Третий месяц года — Биэкарг бутт — месяц кукушки. Назван так потому, что в это время прилетает кукушка, а так как она не имеет своего гнезда, то в этот месяц не разрешалось жениться и выходить замуж.

Четвертый месяц Тушоли бутт — месяц богини весны и плодородия.

Следующий месяц Сели бутт, назван так по имени одного из главных и наиболее почитаемых вайнахами богов — бога грома и молнии.

Шестой месяц в разных местах именовался по-разному Мангал бутт — месяц покоса, а в горах: Асар до бутт — месяц прополки, Цанарой бутт — месяц косарей.

От имени божества Мятсели, покровителя земледелия и общего благополучия получил название седьмой месяц — Мятсели бутт.

Аналогично назван и восьмой месяц — Мяцхали бутт, по имени божества Мяцхали.

Девятый месяц — Тау бутт (месяц отавы или, вторичного покоса травы).

Десятый месяц Ардир бутт — месяц молотьбы. Параллельно он именовался: месяц рогов, месяц ворон, месяц ветров.

Месяц случки овец — одиннадцатый месяц. Это событие широко праздновалось вайнахами в прошлом.

Последний месяц — назван по имени совершенно забытого вайнахского божества. Согласно народному преданию, месяц получил название от имени каких-то легендарных птиц, которые исчезли лет 300–400 назад. Они прилетали осенью вслед за отлетом журавлей. Птицы останавливались в горах, а через неделю улетали.

Новый год

В вайнахских праздниках зимнего цикла исключительно большое место занимало празднование Нового года, которое называлось — Керла шо. Новогодний праздник считался у вайнахов одним из главных годовых праздников. Он широко отмечался во всех горных и плоскостных царствах и общинах древних и средневековых вайнахов.

Приготовления к празднику в каждой семье начинались особенно тщательно задолго до его наступления. Готовилась разнообразная еда: пекли всевозможные хлебы, пироги, лепешки, блины, резали скотину. Приготовлялись также различные напитки из хлебных злаков: арака, пиво, брага, квас. В связи с обилием мяса, различной еды, напитков кистины, например, называли праздник «рога высокие Нижой», т. е. высокорогий, обильный Нижой.

Считалось, что в новогоднюю ночь активизируется нечистая сила, и совершали всевозможные действия защитно-магического характера. Оберегом против нечистой силы использовались железные предметы, которые раскладывали в хлевах и жилых помещениях.

Как и многие народы, вайнахи к новому году приурочивали обновление огня в очаге. Огонь, зажженный тогда, был у вайнахов в большом почете: именно на новом огне должно было быть сварено и испечено все необходимое для праздника. Зажжение нового огня в период «рождения нового солнца» было известно по всей горной Чечне и Ингушетии.

Сегодня отдельные чеченцы превратно толкуют обычай своих предков укладывать в очаг длинные бревна. Одни думают, что их предки были столь ленивы, что не хотели утруждать себя, разрубая бревно. На самом деле укладывание бревна в очаг был красивым и веселым новогодним ритуалом. Народ гулял, отдыхал весь период, пока горело заранее доставленное для веселья бревно. И в доме тех, у кого бревно, прогорая, сокращалось до таких размеров, что за ним можно было закрыть дверь, устраивали вечеринку с обильной едой, питьем, танцами, театральными представлениями жухиргов (клоунов, артистов).

Поскольку бревно рано или поздно укорачивалось практически у всех жителей аулов, то праздник приходил в каждый дом.

Новогодние бревна заготовлялись заранее, чаще всего из дуба (наж). В отличие от некоторых других народов, вайнахи не использовали для этой цели фруктовые деревья, сожжение которых считалось большим грехом. Бревна бывали очень большим, а сушили их на корню.

Особенно большое значение придавалось обилию новогоднего стола, от которого, по твердому убеждению людей, зависит последующее в течение года изобилие. Поэтому новогодняя еда бывала, по возможности, наиболее щедрой и разнообразной. Богатый стол в Новый год должен был обеспечить круглогодовой достаток.

Во время всех праздников чеченцы и ингуши делали пожертвования бедным, больным, сиротам. Этот обычай так укоренился, что быть богатым, резко выделяться среди сородичей считалось настолько аморальным, что в течение веков так и не прижился институт князей и княжения, особенно в горах, устойчиво сохранялся демократический механизм гражданской и военной власти.

Новый год с нетерпением ждали молодые люди и особенно девушки. Ночь под Новый год считалась особенно благоприятной для гаданий. Чаще всего девушки клали под подушку «котама шалго» (раздвоенную кость курицы). Делали также три очень соленых маленьких хлебца «ольг», два из которых клали под подушку, а один съедали. Верили, что тот, кто подаст во сне де — вушке воду и будет суженым.

Другое новогоднее гадание устраивалось с помощью зеркала, которое клали в камин, а через трубу смотрели в него две — три минуты. Затем спускались, брали из каждого угла дома понемногу земли, которую завязывали, и клали под подушку. Некоторые девушки при таком гадании видели своего суженого в зеркале, другие во сне. Или делали так. Девушка вечером шла по воду. Принеся воду домой, выливала в котел. Зеркало же помещала на трубе через платок старательно смотрела в воду, где и должен был появиться суженый.

Весна…

Накануне весеннего равноденствия, как и накануне Нового года, дети ходили по селению с поздравлениями и собирали различные лакомства: яйца, орехи, груши, яблоки, блины, муку и др. В горных районах Чечни и Ингушетии этот праздник часто сопровождался скачками, различными состязаниями и игрищами.

Весь день проходил в веселье, взаимном поздравлении, а вечером начиналась самая веселая часть: разжигание костров, символизирующих солнце. Костры бывали семейные, общеквартальные и даже общесельские. Их разжигали молодые люди, которые старались, чтобы их костер был как можно больше и чтобы лучше горел. Через костры прыгали юноши и даже взрослые мужчины, проявляя храбрость и вместе с тем как бы «очищаясь» огнем.

До наступления весеннего равноденствия вайнахи воздерживались от начала полевых работ, что имело определенную рациональную основу, так как с этого дня зима полностью теряет свою силу и уступает весне.

Спустя три дня после весеннего равноденствия наступало время выхода плуга. Это был особый праздник, известный под названием «день выхода плуга», «день запрягания вола» или «день проведения борозды». День выхода плуга считался всенародным праздником и отмечался в прошлом вайнахами в течение двух дней.

Приготовления к этому важнейшему весеннему празднику начинались еще с зимы. Во всех семьях приберегали к нему лучшие куски мяса, заготовленного на зиму: грудинку, домашнюю колбасу, а также всевозможные напитки, муку и др. Та семья, которая имела возможность, накануне праздника резала барана, козу или птицу. С вечера устраивалось семейное угощение с приглашением наиболее близких родственников и соседей. В первый день праздника проводили обрядовую вспашку поля и ритуальный сев в основном по одному и тому же ритуалу: запрягание волов, проводы пахарей, проведение борозды, сева, общественная трапеза, увеселительная часть.

Подобно многим другим народам Кавказа: дагестанцам, осетинам, адыгейцам, карачаевцам и балкарцам, вайнахи большое значение придавали выбору пахаря. Он должен был быть обязательно «несущий изобилие», «честно трудящийся человек», «человек легкой и счастливой руки». Нередко из года в год таким, пахарем был один и тот же человек, известный по опыту прошлых лет, которому жители села и поручали провести борозду.

Не всякий человек соглашался делать первую борозду, опасаясь обвинения односельчан в случае неурожая. Интересно, что наряду с перечисленными качествами он должен был обладать и рядом других признаков: например, быть средней полноты, волосатым. По народным представлениям, эти признаки обеспечивали удачную судьбу урожая. Таким признакам придавали значение и другие народы. Например, карачаевцы считали, что пахарь должен быть среднего роста.

Не меньшее значение придавали выбору и украшению волов. Они должны были быть сильными, упитанными, красивыми, их шею и рога смазывали маслом, остригали шерсть вокруг рогов, вбивали в них от сглаза медные затычки, на рога и хвост навешивали красные ленточки. Так же украшали волов многие народы Дагестана, осетины и др. Особенно украшали вайнахи молодого вола, которого запрягали впервые. В некоторых вайнахских обществах — в шатоевском, чеберлоевском (современные Веденский и Шатойский районы), — символизируя плодородие, на правый рог вола навешивали калач, испеченный из муки всех выращиваемых злаков. Интересно, что этот обычай был широко известен у народов Дагестана: даргинцы называли

такой калач «нанви», агулы — «барту». Карачаевцы же навешивали на рог вола пирог.

Большое значение вайнахи придавали сытости пахаря и волов. Из соображения, что никакого дела нельзя начинать натощак, пахарь сытно ел, ибо в противном случае урожай будет плохой — ялта меца хир ду (буквально: «урожай будет голодный»). Волов же кормили всю ночь. Из тех же соображений жена пахаря заводила в дом первого прохожего и кормила его досыта.

После того как были проведены соответствующие приготовления, пахарь запрягал волов в плуг и вся процессия отправлялась в поле еще до восхода солнца. Горцы остерегались человека с «плохой» ногой. Нередко известного такой репутацией человека просили даже не выходить из дома в это утро. Избегали также встречи с рыжим, если таковые все же встречались в пути, пахари возвращались обратно. Напротив, хорошим признаком считались полные ведра, поэтому жена пахаря еще раньше процессии выходила из дому, чтобы встретить их с полными кувшинами.

Проведение обрядовой запашки начиналось после молитвы пахаря, который просил, чтобы год был урожайным, весна спокойной, лето ясным, а осень полной. Под влиянием ислама, в прошлом столетии, молитву перед пахотой читал мулла, специально приглашенный на праздник. (Однако и его молитва носила чисто светский характер.)

Следом за проведением первой борозды делали ритуальный сев. Сеятель, также выборный (беркате стаг), одетый в шубу наизнанку, бросал семена. Участников обряда, возвращающихся домой, обязательно старались обрызгать водой, с пожеланием хорошей погоды и обильного урожая.

После проведения ритуальной запашки и сева в доме пахаря или какого-нибудь сельского богача, взявшего, на себя обязанность устроить пиршество, проводилась трапеза, заканчивающаяся выбором пахаря и того, кто будет руководить обрядом в следующем году. На второй день праздника пахоты устраивались скачки и различные состязания.

По окончании празднования выхода плуга начиналась подготовка к основной пахоте и севу. Люди тщательным образом приводили в порядок свои орудия труда и инвентарь, вывозили на поля навоз,

усиленно откармливали волов, чтобы они могли выдержать пахоту. Приступали к пахоте, как правило, лишь после появления всходов зерна, посеянного во время ритуального сева. Чаще всего это происходило по истечении двух-трех недель. Сигналом к началу пахоты и сева часто служил прилет весенних птиц. Существовал и ряд других примет. Например, пахать можно после того, как листья на деревьях станут с мышиное ушко, а заканчивать пахоту нужно до цветения мушмулы и кизила, приблизительно около середины мая. В это же время рекомендовалось закончить и сев. Пшеницу, ячмень и овес сеяли в конце апреля, а кукурузу — в середине мая. Интересно, что в некоторых плоскостных районах Чечни и Ингушетии сеяли только после русской Пасхи — если приступить к севу раньше, урожай будет плохой. В среде некоторой части населения такое поверье существует и в настоящее время. Не нужно глубоко искать смысл этого поверья, ведь только после Пасхи наступает время устойчивого тепла.

Решение приступать к пахоте и севу принималось всеми односельчанами. Старшие тщательно обсуждали, в какой день следует приступать к работе. Выбирался благоприятный для начала работы легкий день. Кроме того, значительное внимание уделялось, расположению звезд созвездия Скорпиона. Если одна из звезд, именуемая Мокха седа (буквально: «Серая звезда») была видна на небе, значит, в этот день можно было пахать. В обратном случае считалось, что она находится в земле — следовательно, пахать не следует. Местоположение этой звезды определялось муллой. Интересно, что до настоящего времени бытует проклятие: «Да встретится тебе звезда» по отношению к нежелательному человеку.

Подобное поверье было известно и другим народам. Например, таджики в день весеннего равноденствия старались смотреть на несчастливую звезду Скорпиона Акраб, а пахоту, сев и другие полевые работы начинали только с ее появлением на небе, ведь иначе она находилась в земле.

Перед началом основной пахоты и сева каждое семейство устраивало малую жертву (раздавали в три дома различные продукты растительного происхождения).

Праздник Тушоли

Следующим земледельческим праздником весеннего цикла был праздник, посвященный богине весны, плодородия и деторождения Тушоли, почитание которой было широко распространено у вайнахов. По свидетельству Б. Далгата, это одно из древних главных божеств чеченцев и ингушей. Ей поклонялись в прошлом не только ингуши, но и все чеченцы без исключения, а имя Тушоли фигурировало во всех их молитвах, даже если молились они у святилища какого-нибудь другого божества. О широком распространении в прошлом культа Тушоли по всему вайнахскому нагорью и даже Хевсуретии свидетельствует топонимия Чечено-Ингушетии. Места, урочища, хребты с названием Тушоли можно встретить по всей указанной территории.

Почти у всех вайнахских обществ имелось свое особое святилище. Только в Хамкинском и Мецхальском обществах (современный Назрановский район) кроме двух основных имелись еще до девяти местных святилищ, посвященных ей.

Л. П. Семенов сближает образ Тушоли с вавилонской богиней Иштарью и сопоставляет ее с фригийской богиней Кибелой. Такое сопоставление он делает на основе их основных атрибутов и функций: они являлись божествами плодородия, символизирующими неиссякаемые силы природы, особо почитались женщинами, которые просили о даровании им детей, вместе с тем их чтили за мужество. Ежегодное празднование в честь Тушоли проходило в одноименный месяц, начало которого совпадало с весенним равноденствием. С ним связывался и такой важный момент годового круга скотоводческого хозяйства, как выгон скота на летние пастбища. Время выгона колебалось от одной до двух недель, в зависимости от местных природных условий, но происходил он обязательно в месяц Тушоли (в среде горных чеченцев это «месяц, когда пастух лежит на спине». О праздновании выгона скота на летние пастбища речь пойдет ниже). В месяц Тушоли прилетала и Тушоли котам (курица Тушоли) — удод, священная птица. Она являлась вестницей весны. Большим грехом было убить ее, это можно было делать только с разрешения жреца и в лечебных целях, при этом предварительно нужно было зарезать

жертвенное животное. Удода считали вестником весны многие народы. По представлениям грузин, первый крик удода означает приглашение весны. Удод у вайнахов носит также и другие названия — священная курица, Хуттут. Вайнахи считали хорошим признаком, если удод вил гнездо на чердаке или где-либо во дворе. Подобные представления бытуют и в настоящее время.

Празднование в честь богини Тушоли проводилось в последнее воскресенье месяца Тушоли, называемого Тушоли кьиринде. К празднику делались различные приготовления: заготавливали в большом количестве мясо — резали баранов, коз, птицу. Первостепенную роль при этом играли и продукты земледелия: при приготовлении обрядовой пищи широко использовались различные злаковые — пшеница, ячмень, кукуруза и др. Обязательно было приготовление обрядовых печений (три круглые лепешки и одна треугольная), а также даьттаха (поджаренная на масле мука). К нему готовили и различные приношения: оленьи рога, пули, восковые свечи; все это приносили в святилище, а свечи зажигали и ставили в ниши святилищ.

Принесенные приношения должны были быть освящены жрецом, одетым обязательно в белое (цвет жреческой одежды). Он ставил приношения в эльгице и молился об урожае, благополучии, здоровье. От каждого приношения жрецу полагалось четыре лепешки, четыре куска мяса (от ляжки, спины, головы), бокал араки.

Жрец и его помощники накануне праздника приводили в порядок святилище и хозяйственный инвентарь, который состоял из деревянных долбленных ковшов для араки и пива, деревянных кубков, напоминающих бокалы, чашек для пива. Сюда же входили и огромные медные котлы, из кусков тонко раскованной меди, иногда на целую тушу быка, вилки для мяса из крученого железа с двумя — тремя зубьями, корыта и продолговатые низкие четырехугольные столики на трех ножках с бортами по краям и отверстием в одном из углов для стока жидкостей, деревянные тарелки и блюда.

Обязательная принадлежность святилища — хоругвь и идол богини, хранились обычно у жреца. Он и приносил их в святилище накануне праздника. Идол устанавливался за занавеской. Священная хоругвь (бейракх) состояла из деревянного четырехгранного древка и полотнища, сделанного из материи. На древке было навершие —

изображение бараньей головы из гнутого железа и три колокольчика. Жрец, носивший сан пожизненно, каждое годовое празднование отмечал нарезкой на одной из граней. После его смерти другой жрец делал такие же нарезки на другой стороне. Древко, имевшее нарезы на всех четырех сторонах, подлежало замене; его засовывали за потолочные балки или сжигали, если период бытования этого древка был несчастливым (неурожай, болезни и др.). Жердь для нового древка вырубалась в заповедной роще холостым парнем. Он должен был срубить его молча и одним ударом топора или кинжала. Заповедные рощи были в нескольких местах (сс. Фуртоуг, Хули, Хейрах), в них нельзя было ходить без разрешения жреца, а также пускать скотину и рубить деревья.

…На праздник обычно приглашали скрипача и балалаечника. К вечеру жрец выбирал из присутствующих целомудренную девушку и парня и отправлял их на ночевку в пещеру. По их снам жрец также делал предсказания о будущем годе, урожае, погоде, здоровье и др. Во время праздника юноши обычно выбирали себе невест, а взрослые всячески старались содействовать этим бракам, веря, что такой выбор не может быть несчастливым. Счастливым для браков считался весь месяц Тушоли, тогда как предыдущий Бекриг бутт был несчастливым.

Женщины называли богиню «божьей дочерью». Обращаясь к ней во время молитвы, говорили «Мы просим у тебя, а ты проси у бога». Основные функции Тушоли, как покровительницы плодородия и чадородия, отражены в следующей молитве: «Тушол, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе, дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный, солнце лекарственное» (эта молитва зафиксирована Б. Далгатом). А во время наших полевых исследований нам удалось зафиксировать следующую молитву. «Ва богиня Тушол, став благодатной, солнце принеси нам, став изобильной, дождь принеси нам, богатый урожай принеси нам, полную осень принеси нам, то, что ты нам дала, — сохрани, а то, чего еще не дала, — дай!»

Другая, не менее важная функция богини, покровительницы весны, возрождающихся сил природы, проявлялась в следующем обычае — каждый идущий на праздник должен был принести с собой

в жертву богине веточку и бросить у святилища. В зависимости от количества участников праздника эти веточки вырастали в маленькую или большую кучку. В следующем году рядом с этой вырастала новая кучка, ибо никто не смел уничтожить их, пока они сами не сгнивали.

Культ богини Тушоли, покровительствующей плодородию, чадородию, всякому приплоду вообще, являющейся богиней весны, возрождающихся сил природы имеет древние корни и теснейшую связь с урартским и даже хеттским царством. На Центральный Кавказ он, возможно, проник через Грузию или через древнюю Албанию и удержался среди вайнахов, в горах. Широкое почитание Тушоли среди ингушей сохранилось вплоть до 1881 г., когда в связи с распространением ислама культ Тушоли был официально запрещен мусульманским духовенством. Однако праздник в честь Тушоли не был оставлен и широко отмечался еще в 20–30 г. нашего столетия, когда дети и девушки ходили к развалинам Тушоли. Праздник постепенно трансформировался в детский праздник.

Празднество в честь бога СЕЛА

Особым почитанием у вайнахов пользовались гром и молния, что проявилось в выделении специального бога Села//Стела. Его именем был назван месяц май — Сели бутт — и выделен день недели — среда. В этот день запрещено было давать из домашнего очага кому-либо даже один уголек, нельзя было также выкидывать золу из очага.

Глубокое почитание Сели всеми вайнахами подтверждается развалинами храмов, посвященных ему, святилищ, культовых мест, вершин и урочищ, встречающихся почти по всей территории горной части Чечни и Ингушетии.

В народе бога Села называли сийлаллийн Села (благочестиввый Села), сирла, сема Села (светлый, чуткий Села). По преданию, во время мироздания огонь был только в одном очаге, а хозяином этого очага являлся Села. Однажды один вор пробрался к нему, чтобы украсть огонь. Разозлившись, Села бросил в него головешку, угольки от которой и попадали на землю. И если бы не эти угольки, земля осталась бы вечно холодной. Поэтому и молнию вайнахи называют Села/Стела хаыптиг — факел Селы, а радугу — лук Селы.

Умершего от удара молнии человека вайнахи, также как и многие другие народы Кавказа, весьма почитали и оплакивали из опасения, чтобы не изменился цвет его трупа (из белого труп может превратиться в черный). Хоронили его в склепе из тесаного камня, в полном вооружении и сидя, на стол ставили целого барана, бутылку хлебной водки и струнный музыкальный инструмент пандыр. Место, где был убит молнией человек или животное, считалось священным; туда ежегодно ходили совершать жертвоприношение могущественному Сели. У каждого вайнахского общества были в прошлом свои святилища селинги, сооруженные в честь Сели на том месте, где когда-то был убит молнией один из представителей данной фамилии.

Священными считались у вайнахов также места и предметы, куда ударила молния. Например, письменные источники, свидетельствуют о том, что ингуши в первой половине XIX века клялись на берегу какого-то оврага, под дубом, разбитым молнией. Места поклонения Сели

определялись жрецом; в них совершались ежегодные моления с жертвоприношением, зажжением свечей и др.

В честь громовержца Сели вайнахи в прошлом ежегодно устраивали празднество, отдельные элементы которого сохранились у ингушей вплоть до начала XX столетия. По свидетельству Шегрена, описывавшего праздники вайнахов еще в середине прошлого века, праздник в честь св. Ильи, имя которого слилось у вайнахов с культом божества Сели, был одним из главных у ингушей и осетин, принявших в свое время христианство. Он почитался также хевсурами, кабардинцами и другими горцами Северного Кавказа и Закавказья.

Для празднования в честь Сели отводилась одна из сред месяца Сели бутт (соответствует примерно 22 мая — 22 июня), когда появлялась первая весенняя радуга. Во время празднования ингуши отправлялись к святилищу и, сделав здесь приношения, молились вслед за жрецом, который просил: «Небо часто (быстро) заставь греметь. Тучным спустись на землю. Заставь солнце целительно смотреть, пролей дождь маслом, возрасти посеянное, не дай нам грубой пищи. Осенью не дай дуть быстрому ветру, моли бога за нас». Другой вариант молитвы богу Сели, записанный нами в 1978 г., гласит: «Сели, сбереги людей от бед, вреда, сбереги наши посевы от града, потопа, дай нам богатого урожая». Тексты обеих молитв указывают и на то, что Сели покровительствовал также плодородию.

Празднование летнего солнцестояния

Началом летнего периода по вайнахскому календарю считалось летнее солнцестояние (22 июня), которое называлось «время, когда солнце достигло дома». Его наступление определялось с помощью естественных или искусственных ориентиров, и наступало, когда солнце в полдень достигало высочайшей точки на небе. На этой высоте солнце оставалось несколько дней, затем начинался его поворот на зимний путь.

Было время, когда вайнахи широко и торжественно отмечали летнее солнцестояние — повсеместно делались жертвоприношения, разжигались костры, устраивалась общественная трапеза, различные состязания и др. Но к концу XIX в. под влиянием ислама вайнахи ограничивались лишь принесением жертвы солнцу, сопровождавшейся обязательной раздачей мяса и общественной трапезой. В связи с летним солнцестоянием широко было распространено представление, что в эту ночь разверзаются небеса, застывают реки, расплавляются камни, и все живое на земле засыпает.

О значительном распространении в прошлом празднования летнего солнцестояния свидетельствуют праздники в честь Маги-Ерды и Галь-Ерды, отмечаемые ингушами еще во второй половине XIX в.

Празднование Маги-Ерды происходило так же, как и зимой, но в отличие от зимнего в летнем принимали участие и женщины. Проводы солнца в зимний дом сопровождались жертвоприношением откормленных баранов. Обязательным было приготовление обрядовых хлебов. В молении просили избавления от засухи и болезней. Праздник продолжался три дня.

Более широкое распространение имел культ Галь-Ерды, почитаемый ингушами и кистинами еще в конце XIX в. В его честь было построено несколько святилищ в Хамхинском и Мецхальском обществах ингушей. Главным храмом было святилище возле села Эгенты.

Галь-Ерды летом праздновался следующим образом. К святилищу приводили животное, предназначенное для жертвы, — корову или козу, где забивали после соответствующей молитвы. Обязательно

приносили с собой и обрядовые хлебы. На треугольной лепешке в середине и на трех углах делались какие-то изображения определенным деревянным штампом, но эти изображения не были в виде креста. Жрец брал в руки треугольную лепешку и произносил молитву, а затем участники действа ножом вырезали штампованные изображения, находящиеся в середине лепешки, и бросали на землю. Только после этого начинали есть.

Моление устраивалось мужчинами во главе со жрецом, который, обратившись лицом к солнцу, просил, прежде всего, размножения скота, а также избавления от бедности и болезней градобития и удара молнии, ветра и лишения свободы. Гнев Галь-Ерды выражался в падеже скота или уносе ветром стогов сена, что подчеркивает связь данного божества со скотоводческим бытом вайнахов.

Не менее распространены были общественные моления, устраивающиеся с целью вызывания дождя. Их вариации у чеченцев, ингушей и кистин объясняются разной степенью проникновения ислама к этим народам. У чеченцев это происходило следующим образом. Мужчины села во главе с муллой собирались в определенном традиционном месте и устраивали жертвоприношения. В жертву обычно приносили быка, корову, несколько баранов, в зависимости от состоятельности жителей села. Традиционные места жертвоприношений находились на краю села, у истоков реки, на вершину горы или у могилы человека, известного своей святостью, — зерат (от шумерского зиккурат).

Вызывание дождя

Как и у других народов Кавказа, у вайнахов был широко распространен обряд вызывания дождя с помощью бросания в воду камешков, что сопровождалось чтением молитвы. Считалось, что когда вода, омывшая эти камешки, дойдет до моря, начнется дождь. В горной Чечне также существовал подобный обряд. Старики во главе с муллой молились, а молодежь собирала камни-голыши. Их складывали около грамотных жителей, умеющих читать Коран, которые нашептывали над ними молитву, а затем откладывали их в сторону. После этого молодежь сбрасывала камни в воду, иногда эти камни складывали в мешочек и опускали в воду. Одетые мальчики также бросались в воду и получали за это подарки. По окончании обряда резали жертвенных животных и устраивали общую трапезу.

В случае засухи вайнахи часто, подобно другим народам Кавказа, убивали и подвешивали змею. В народных поверьях образ змеи тесно связан с водой; эта связь широко известна в фольклоре и изобразительном искусстве разных народов и разных эпох. Как известно, змеи выползают в дождливое время, отсюда и возникла вера в их связь с желаемой небесной влагой. Вестницей непогоды в народных представлениях считается и ворона, поэтому повсеместно был распространен обычай разрушать воронье гнездо.

Среди обрядов вызывания дождя следует назвать широко известный на Кавказе обычай пропахивания русла пересохшей речки. У чеченцев и ингушей этот обряд исполняли раздельно как женщины, так и мужчины. Во дворе наиболее почитаемого в селе человека, считавшегося удачливым, благодатным, они впрягались в плуг, а затем протаскивали его вдоль и поперек русла речки, при этом обливали друг друга водой.

Вызывание солнца и прекращение дождя

Наряду с обрядами вызывания дождя вайнахам были известны и обряды вызывания солнца, еще практиковавшиеся в начале нашего столетия. Если длительное время шли дожди, то устраивались общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Каждая хозяйка варила кукурузу, мясо, кипятила молоко и раздавала соседям. Во дворе выставляли закопченный медный котел, да и всю медную посуду, опрокинутую вверх дном.

Часто люди всем селом выходили на поиски утопленника или какого-нибудь другого незакопанного трупа. Считалось, что пока труп не будет закопан, дождь не прекратится. Закапывали раскрытые в свое время с целью вызывания дождя могилы, кости, убирали в склепы выставленные на солнце скелеты. Выравнивали поваленный надгробный памятник, каменный крест. Широко был распространен обычай резать козленка и подвешивать его вниз головой. Существовал и другой обычай выписывать на листе имена больных паршой и подвешивать этот листок на шесте в центре села, чаще всего у мечети. На шесте же помещали и волосы, вылезшие от парши, считалось, что выполнение такого обряда поможет «высушить» небо. С той же целью выносили под дождь первенца, кипятили в котле дождевую воду, пока она не выпарится, и др.

В горных районах Чечни с целью прекращения дождя, как и в случае засухи, устраивали процессию с ряженым. Иногда вместо него использовали куклу в виде шеста с перекладиной, на которую навешивали зеленые ветки и растения. Теперь в ряженого вместо воды бросали золу, землю или какие-нибудь сухие предметы, при этом говорили заклинания.

Праздники, связанные с началом уборки урожая и сенокоса

Вслед за летней заботой об охране урожая шла уборочная страда — сенокос и жатва. Необходимость тщательного и своевременного проведения этих работ была очевидна, от этого зависело дальнейшее благополучие людей. Периоды сенокоса и жатвы часто совпадали во времени, поэтому и праздник начала сенокоса и жатвы был фактически один, хотя каждый имел свое название: «день выхода косы» и «день выхода зерна». Празднование происходило в месяц Этинга (в народной этимологии — месяц коровы, от «етт» — «корова») или мангал бутт (месяц покоса). Перед началом жатвы и сенокоса вайнахи приносили жертвы, закалывая обычно овец. Приносить в жертву козла опасались, так как считалось, что это вызовет ветер, который помещает работе. Из этих же соображений ингуши, например, не работали в пору покоса и жатвы по понедельникам; ведь этот день был посвящен Матери ветров и его следовало соблюдать, иначе она разгневается и напустит ветер. Чеченцы обязательно приносили жертву покоса в каком-либо традиционном месте (на краю села, вершине горы и др.), ингуши — у святилища, а кистины, у которых праздник носил название «этинга», отмечали его часто совместно с соседними грузинами в их хати (святилище).

Сельские старейшины устанавливали время начала сенокоса и жатвы. Они внимательно осматривали траву, колосья и со знанием дела объявляли, что теперь самое время убрать урожай и заготовить сено, при этом выбирали благоприятный для начала таких работ день. Для чеченцев таким днем был понедельник или четверг, в чем сказалось влияние ислама, а для ингушей и кистин — воскресенье.

Начало сенокоса и жатвы, так же как и другие важные сельскохозяйственные работы, поручалось специальному лицу — беркате стаг, каде стаг — человеку благодатному, скорому на руку. Сенокос обычно начинал мужчина, а жатву — женщина, которая, приступая к работе, говорила: «Пусть передо мной урожай созревает, пусть за мной он поспевает, пусть амбар отца наполнится, пусть

люлька матери наполнится»). После этих ритуалов приступали к работе все сельчане. Считалось, что любое нарушение этого порядка могло принести вред, помешать успешному приведению сельскохозяйственных работ. Пучки первой скошенной травы, первые колоски, первые початки кукурузы подвешивались в самом почетном углу дома и хранились до следующего сенокоса и жатвы.

Пресса прошлого столетия донесла до нас интересные сведения о праздновании ингушами начала покоса. Ингуши молились различным местным божествам. Так, например, в районе с. Эрзи Мецхальского общества обращались к Болам — Дайла. Ему было посвящено специальное святилище. Ежегодное празднество в его честь, связанное с началом покоса, продолжалось в течение трех дней и трех ночей. Для совершения обряда жрец выбирал трех девушек и шесть женщин, которые в течение трех дней держали строгий пост, даже не пили воду. Во время молитвы жрец держал в руках деревянный молот и доску; справа стояла старшая из трех девушек, а другие две помоложе — слева, все шесть женщин становились позади двух девушек слева в ряд. Жрец ударял молотом по доске, а девушка справа выходила вперед и делала три круга на месте, остальные кричали: «Дайлой, Голой!» А жрец просил Болам — Дайла о ниспослании благодати, так повторялось несколько раз. Затем резали баранов, ели, веселились. Старшей девушке, принимавшей участие в обряде, дарили пшеничный хлеб в виде колокольчиков и целые ляжки от каждого барана. Празднества в честь Болам — Даьла повторялись и в других местах. Интересно, что в отдельных местах участвующие в молитве жрец, девушки и женщины гадали, бросая башмак правой ноги в воздух: если башмак падал подошвой вверх — это предвещало несчастье, вниз — счастье.

В том же Мецхальском обществе перед покосом устраивали празднество в честь божества Мецхали, святилище которого находилось неподалеку от с. Мецхали. На празднике присутствовали мужчины и женщины, ритуал празднования был обычный: заклание животных, молитва, трапеза, увеселения и др. В конце XIX в. этот праздник уже был оставлен.

Праздники перед началом сенокоса и жатвы широко зафиксированы и у других кавказских народов. Лакцы, например, о начале «выхода серпа» извещали накануне. Из зерен первых трех

снопов делали муку и пекли лепешки. Адыгейцы приносили в жертву иногда до 50 баранов, здесь же приносили в жертву и козлов. Карачаевцы и балкарцы, приступая к уборке, делали ритуальные пироги и раздавали соседям, те произносили молитву, чтобы новый урожай послужил на радость и счастье. Выход на жатву хлеба назывался «выход на серп».

Праздник урожая

В последним в году земледельческим праздником вайнахов был праздник урожая. Он не имел определенного дня, а праздновался произвольно, в зависимости от времени завершения сельскохозяйственных работ, а, следовательно, и погодных условий года. Праздник известен под названием «марс пхйора» (жатвенный ужин); отмечался он каждой семьей отдельно по окончании жатвы.

Во время ужина умершим родственникам делалась передача, т. е. символически пересылалось угощение и произносилась при этом молитва «Дай бог, чтобы у них (покойников) урожай был хороший от того, что мы передаем, пусть будет им польза». По свидетельству первого ингушского этнографа Чаха Ахриева, ингуши считали, что умерший жнет солому на загоне своих родственников, пока те не сделают по окончании жатвы марса пхьора.

Ужин сопровождался следующей церемонией: поставив возле очага ужин, самая старшая женщина в семействе брала в руки щипцы и, дотрагиваясь ими до каждого блюда, говорила: «Да будешь пищей такому-то (называлось имя покойника). Обойдя таким образом, все яства, она выливала около очага брагу из чашки, находящейся у нее в руках. Затем уже все члены семейства принимались за трапезу. К «жатвенному ужину» подавались лучшие блюда, брага, пиво, арака, ибо люди верили, что все это будет достоянием их умерших родственников.

Особое место в этом обряде, как мы видим, занимала старшая женщина, которая по традиции у всех горцев считалась хранительницей очага. Данное обстоятельство указывает на древность праздника, который можно отнести к эпохе материнского рода. В основе «жатвенного ужина» лежал культ мертвых, от которых, по верованиям народа, во многом зависело благополучие. Подобно многим другим народам, вайнахи обычно воздерживались от употребления нового хлеба до праздника урожая. Из зерен первых срезанных колосьев готовили бублик, который подвешивали в доме на самом почетном месте. Пищу, изготовленную из зерна нового урожая, должны были сначала попробовать либо хозяйка, либо первенец или

наиболее удачливый член семьи: считалось, что это обеспечит благополучие всей семье. Кстати, подобное поверье бытует до настоящего времени. У вайнахов бытовал также обычай по окончании уборки урожая готовить большой пирог с говяжьим или бараньим салом, который они делили по числу членов семьи и от их имени раздавали соседям.

На Кавказе осенний праздник по случаю окончания полевых работ в прошлом справлялся довольно широко. Например, черкесы после уборки хлеба в первый же день благодарили бога за сотворение хлеба и плодов земных. Праздник окончания жатвы сопровождался приношением благодарственных жертв божествам или духам предков, покровителям семьи. Адыгейцы посвящали осенний праздник богу Тхагаледжу — покровителю земледелия, при этом резали лишь одну козу или барана. Употреблять хлеб нового урожая можно было только после приготовления обеда из нового хлеба, на который приглашались ближайшие соседи и родственники. Праздник сбора урожая отмечался многими народами нашей страны и являлся завершающим земледельческим праздником.

У вайнахов, как и у других народов, к окончанию полевых работ обычно приурочивалось время свадеб, вечеринок, а также проведение различных видов работ, требующих помощи родственников, соседей, друзей (постройка дома, заготовка дров на зиму, чесание шерсти, изготовление сукна, войлока и войлочных изделий).

Обычаи и обряды, связанные с животноводческим бытом

Летне-осенний цикл календаря включал в себя и обычаи и обряды, связанные со скотоводством. Возвращение стад с летних пастбищ проходило в месяц, именуемый Жа аренга лохку бутт (месяц перегона овец на плоскость). Этот же месяц был известен и под другими названиями: Жа лоргу бутт (месяц стрижки овец, месяц стирки шерсти).

Соответствует примерно 22 сентября — 22 октября. Событие это тоже имело важное значение и отмечалось как семейное торжество. В каждой семье, в зависимости от состоятельности, старались сделать кровавые жертвоприношения. В жертву со стад приносили лучшего барана или даже двух-трех. Оставшееся после трапезы мясо раздавали бедным и сиротам. Бытовал и такой обычай: встречать стадо с подносом, которыми угощали пастухов и присутствующих детей. Принесение жертвы и устраивание трапезы было обязательным. Несоблюдение этого обряда, по мнению народа, могло привести к падежу овец.

Обрядами вайнахи сопровождали не только перегон животных, но и стрижку, а также выпуск баранов в отару. Для проведения стрижки вайнахи устраивали белхи. Утром для стригалей готовили завтрак, в обед давали мясную еду, а вечером устраивали общественную трапезу с приглашением ближайших родственников и соседей, сопровождаемую плясками и пением. К трапезе обязательно готовили обрядовые печенья, а если позволяли средства — резали и барана. Бытовал обычай сохранять первую срезанную шерсть тханка до следующей стрижки. Перед употреблением новой шерсти дарили соседям небольшое количество шерсти.

3. Мадаева

Состязания у чеченцев

История возникновения и развития физической культуры и спорта в краю вайнахов своими корнями уходит в далекое прошлое. Уже в период расселения чеченцев и ингушей на горной территории, прилегающей с юга к Закавказью, с севера к обширным Северокавказским степям, проводились состязания по бегу, прыжкам, борьбе и скачкам.

Так, в записках епископа Зихийской епархии Долмана (VI век нашей эры) имеется упоминание о проводившихся во II веке состязаниях пловцов, победитель которых — горец — был награжден венком и «римской», то есть византийской, парчой. Кроме этого, в них говорится, что за год до отъезда Долмана на Константинопольский вселенский собор (525 год) состоялись состязания по бегу, борьбе и скачкам в честь какого-то знатного иностранца. Победителям по каждому виду состязаний были преподнесены подарки.

Из-за отсутствия достоверных исторических данных трудно сказать, кто были эти указываемые нами победители. Но не исключена возможность, что они являлись представителями племени гаргареев — предками чеченцев и ингушей, о которых говорят знаменитый римский географ Страбон, а позднее историки Плутарх и Плиний Младший. Вполне возможно, что это были представители народа, называемого Страбоном в своей «Географии» хамекитами или исадиками, являющиеся древними предками вайнахов — садоевцев и вайнахов — хамхоевых.

Чеченцы, ранее жившие в горах, расположенных в верховьях реки Аргун, и ингуши, занимавшие территорию, прилегающую к юго-востоку от Военно-Грузинской дороги, осуществляли физическое воспитание главным образом в труде, охоте и в подготовке к этим процессам. Предания чеченцев и ингушей указывают, что молодое поколение горцев готовилось более опытным взрослым населением к охоте путем тренировки попадания в цель из лука первоначально по недвижущимся, а затем передвигающимся мишеням, изображенным в виде зверя, на которого готовилась охота.

Физическое воспитание у чеченцев и ингушей в раннем Средневековье было связано с подготовкой отважных охотников, а также скотоводов и землепашцев. Постоянные столкновения чеченцев и ингушей с враждебными племенами требовали от них также умения отстаивать свою территорию в бою с врагами.

В связи с преобладанием в это время в экономике чеченцев и ингушей скотоводства физическое воспитание было полностью связано с трудовой деятельностью скотовода.

Местный этнограф и историк У. Лаудаев, который первым из чеченцев написал на русском языке о своей еще так мало известной многострадальной родине, указывает, что «как вообще все первобытные народы, чеченцы на плоскости занимались преимущественно скотоводством, как необходимым средством для своего существования. Скот их множился на привольной и девственной земле, они в изобилии получали молоко, сыр, масло». В материалах за этот период мы не встречаем никаких сведений о проведении состязаний по бегу и кулачным боям. По этому поводу кабардинский ученый — просветитель Ш. Ногмов отмечает, что «упражнения в искусствах, принесенных греками и введенных под влиянием христианской веры, утрачены и забыты». Все игры — «ловзар» (слово, обозначающее на чеченском и ингушском языках во что-либо или на чем-либо играть) проводились главным образом на лошади.

Период жизни чеченцев и ингушей со второй половины XIV века многочисленными источниками и авторами освещается как период скотоводческой деятельности народа, в совершенстве владеющего искусством верховой езды и охоты. Ученый-кавказовед Ф. И. Леонтович, составивший «Адаты кавказских горцев», в своей рукописи «Быт и воспитание горцев», акцентируя внимание на адыгейских племенах, вместе с тем приводит весьма интересные сведения о быте и о состоянии физического воспитания чеченцев и ингушей с древнейших времен, а именно начиная с VI века до нашей эры, кончая XIX столетием. Ф. И. Леонтович указывает, что в ранний период существования у горцев благодаря торговым отношениям их со странами Востока встречаются аналогичные греческие элементы физических упражнений и состязаний. Позднее во время национальных праздников (Пасха или Троица) после сытых обедов

вызывали наиболее сильных юношей из горцев, которые под завывающие звуки зурны или под аккомпанемент другого национального инструмента начинали борьбу. Победителем считался тот, кто бросит своего противника на землю. Ни правил борьбы, ни судейской коллегии не было, судьей являлся самый владетельный родовитый князь или старший рода, который и присуждал победу по своему усмотрению.

В празднествах устраивалось также метание — толкание камня в цель, а впоследствии толкание на дальность. Имеются сведения о проведении в этот период состязаний по метанию стрелы «кто выше», «у кого метче глаз», то есть упражнения в попадании в цель из лука во время скачек. Это свидетельствует о том, что наряду с выявлением победителя состязания служили и проверкой готовности воинов бороться.

Следует отметить, что физическое воспитание чеченцев и ингушей было аналогичным физическому воспитанию кабардинского, балкарского, грузинского и других народов Северного Кавказа.

Это свидетельствует о постоянных сношениях племен, живущих в предгорьях Кавказа.

Из средств физического воспитания среди ингушей и чеченцев были распространены борьба, метание камня, метание копья, прыжки с шестом, прыжки через бурку, то есть прыжки в высоту, лазание, плавание и особенно верховая езда — скачки.

Скачки

Многочисленные источники указывают, что очень рано начали проводиться состязания наездников — скачки.

Важное место в системе народных игр и физических упражнений, культивируемых среди чеченцев и ингушей, занимали «скачки до обрыва».

Указанные скачки, вырабатывающие решительность, смелость и уменье в совершенстве управлять своим боевым другом-конем, проводились следующим образом: за 15–20 шагов до пропасти намечалось черта (линия), до которой всадник, изъявивший желание продемонстрировать свое умение управлять лошадью, должен был скакать в полную силу. Только лишь доскакав до линии, он мог останавливать своего скакуна, стараясь, чтобы лошадь остановилась как можно ближе от черты, не доходя до пропасти. Наиболее искусные джигиты добивались того, что лошадь останавливалась сразу же (за 6–8 шагов), минуя линию. С этой целью во время тренировки лошадь приучали падать — садиться на задние ноги, оставаясь только на передних ногах. Собравшиеся многочисленные зрители из многих аулов с волнением и тревогой следили за этими скачками до обрыва. Нередки были случаи падения лошади и всадника в пропасть. В скачках джигитов «до пропасти» принимали участие только взрослые опытные наездники. Дети и юноши не допускались к участию в этих состязаниях.

Широко были распространены среди чеченцев скачки на приз «оружия, лошади, сбруи и одежды» умершего джигита. Характерной особенностью этих скачек являлось то, что чем богаче, опытнее и прославленнее был умерший джигит, тем количество желающих принять участие в скачках было больше. В скачках на приз оружия, лошади и одежды умершего джигита принимали участие дети и юноши различных возрастов. Дети обычно участвовали в скачках, в которых разыгрывалась одежда умершего. Они допускались к участию в скачках, где разыгрывалась лошадь и сбруя. А оружие умершего джигита (кинжал, шашка, винтовка, пистолеты) разыгрывалось среди наиболее метких стрелков, поражающих цель во время скачки на

лошадях. Аналогичные заезды проводились и во время розыгрыша оружия. Шашка разыгрывалась среди наиболее опытных рубак — наездников в совершенстве владеющих этим грозным в то время видам холодного оружия. Кинжал разыгрывался среди наиболее искусных всадников, показывающих ловкость и изящество в джигитовке. Обязательным условием во время розыгрыша приза «кинжал» являлись элементы джигитовки с кинжалом в зубах участника этих состязаний. Последним видом состязаний на приз вещей умершего джигита являлись скачки, дистанция которых нередко устанавливалась в десятки километров.

В этих скачках чаще всего участвовали мальчики-подростки от 12 до 15 лет. Г оловной убор являлся почетной наградой победителю указанных скачек. «Я ничего не видел увлекательней этой скачки, — указывает непосредственный наблюдатель. — Редкая скачка подобного рода обходится без несчастья, так как мальчики очень часто падают с лошади, убиваются, и за одними поминками следуют другие, кончаясь теми же головоломными скачками». Похороны джигита превращалось в «праздник», на котором демонстрировались народные виды физических упражнений: лихие скачки, джигитовка, стрельба и рубка лозы. Подобного рода состязания устраивались также и во время свадеб и народных праздников.

В середине XIX века скачки во время поминок умершего, по-прежнему сохранив традицию розыгрыша одежды и обуви горца, получили иное содержание. Во время поминок не разыгрывалось оружие горца — ни холодное, ни огнестрельное, а также не выдавался приз — головной убор. Одежда и обувь разыгрывались не те, которые имелись при жизни горца, а специально купленные для этой цели, новые. Джигитовка проводилась не только с целью получения приза, но и с целью развлечения многочисленных зрителей, прибывших на поминки из разных аулов.

Житель Ингушетии Чах Ахриев специально посвятил статью проводимым во время поминок умершего скачкам. В этой статье он писал, что «похороны по-прежнему составляют важное событие в горах, поэтому быстро разносился слух о смерти кого-либо».

Рассказывая о приготовлении поминок, устраиваемых родственниками умершего, Чах Ахриев писал: «Им нужно было резать больше скотины, баранов… Нужно еще приготовить пиво и араки,

нужно к тому же исправить черкеску, бешмет, башлык и вообще весь горский костюм для приза тем, которые пускают своих лошадей на скачку в честь покойника. За день до поминок должен явиться к родственникам покойного всякий, желающий пускать свою лошадь на скачку. Родственники отбирают у них лошадей, предназначенных для этой цели, и назначают призами для первой выскакавшей лошади черкеску, для второй бешмет, для третьей башлык и ноговицы, а для четвертой рубашку и штаны. Выбирают лошадей и отправляют их за день до поминок в какой-нибудь дальний аул, к своему родственнику или знакомому с проводником. На следующий день, рано утром, они выезжают от него в обратный путь, причем проводник их меняет свой значок. Сначала они едут шагом, а когда остается верст 15 до аула, где делают поминки, то пускают своих лошадей во весь опор. Между тем каждый из хозяев отправленных лошадей собирает наездников, чтобы встретить с ними свою лошадь… Обязанность встречающих состоит в том, чтобы подгонять скачущую лошадь… От большого пространства, назначенного для скачки, все скачущие лошади обыкновенно сильно утомляются… Еще до прибытия скачущих лошадей родственник покойника ставят мишень, и тот, кто попадет из ружья в цель, получает за это козла.

После стрельбы в цель и после скачек весь народ, который собрался на поминки, рассаживается группами по 5 человек каждая. Когда народ кончает есть и пить, в то время родственники покойника приглашают хозяев лошадей, бывших на скачке, чтобы каждый из них подвел отдельно свою лошадь к старику, который умеет посвятить их покойникам. Старик этот держит в одной руке чашку пива, а в другой три чурека и кусок баранины. Когда подводят к нему первую выскакавшую лошадь, он начинает позорить, что хозяин этой лошади «позволяет» покойнику, в честь которого устроена была скачка, называя его по имени, свободно ездить на этой лошади на том свете куда угодно, и заставляет лошадь пить пиво. Хозяину же ее он отдает кусок баранины и три чурека».

После этой церемонии ездокам выносят ветвистые палки, на которых навешены яблоки и орехи, и они джигитуют перед народом в продолжение часа… Этим заканчиваются поминки, называемые постельными. Потом делаются через два года, так называемые, большие поминки, если покойник был женат, то вдова его должна

носить траур, по крайней мере, три года, после чего может снять траур и выйти замуж за брата покойника или за его родственника.

Физическое воспитание женщин

Следует особо указать, что в прошлом среди горцев Северного Кавказа физическое развитие женщин мало чем отличалось от мужчин. Женщины на полном скаку стреляли из лука и метко попадали в цель, ходили на охоту, выполняли почти все тяжелые в хозяйстве работы. Иностранный путешественник Де-Ля-Мотре, посетивший горцев в начале первой половины XVIII века, пишет, что «их женщины такие же хорошие всадники, как и они, настоящие джигиты… Подобно мужчинам ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука». И далее он указывает: «Это достаточно подтверждает истинную или ложную историю амазонок. Действительно, я в дальнейшем видел множество всадниц с колчанами за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке. Всадницы мчались галопом, сидя верхом, как мужчины». Упоминание иностранца о том, что женщины сидели верхом на лошади, как мужчины, отличало именно чеченских и ингушских наездниц от упоминающихся мифических амазонок. Об этом свидетельствуют не только предания, но и исторические материалы, которые указывают, что в прошлом чеченские и ингушские женщины были прекрасными наездницами, в совершенстве владеющими конем и боевым оружием.

В период матриархата, как и у всех народов земного шара, у предков чеченцев и ингушей главную роль в производстве материальных благ и в известные периоды в управлении родом играла женщина. В сказаниях Нартского эпоса, посвященных женщине-горянке, легко прослеживаются черты матриархата. После матриархата наступил патриархат, так как при скотоводческом хозяйстве, где главными орудиями производства были лук, стрела, копье и аркан, главную роль стал играть мужчина. С изменением производительных сил изменялось и физическое воспитание людей. Женщина в период матриархата по своим физическим силам не отличалась от мужчины. Многие века женщины-горянки играли в обществе такую же роль, как и мужчины.

А. Пасынков, опубликовавший в 1925 году статью «Быт и игры кавказских народов», указывает, что, «судя по историческим

материалам, на Тереке девочки оставались в кругу амазонок, укреплявших всем своим полувоенным строем идею матриархата, т. е. правление женщин вместо мужчин. Мальчиков амазонки отдавали отцам».

М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей» вывел замечательный образ Зары — девушки-воина, участвовавшей в боях в отряде Измаил-Бея. Этот образ исторически правдоподобен: горянки участвовали в боях рука об руку со своими братьями, отцами и мужьями. «В 1842 г. — пишет профессор Л. П. Семенов, ссылаясь на статью Е. Г. Вейденбаума в иллюстрированном прибавлении к «Тифлисскому листку», — в числе пленных с партией горцев была взята девушка, одетая в мужской костюм. Оказалось, что она уже более десяти лет участвовала в военных делах. Ее в национальном воинском платье возили на показ Николаю I. Затем она была отправлена в крепость Грозную». Видимо, не только одна Зара участвовала в боях совместно с мужчинами. Надо полагать, что таких, как она было много.

В преданиях и в народной памяти горцев сохранились сведения о физической силе, отваге и военном искусстве вайнахских женщин, являющихся верными помощницами мужчин в труде и в ратном деле. Один из самых старых людей в СССР, житель Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР Хазитов, рассказал интересный эпизод из боевой жизни чеченок. Во время нападения хевсуров на чеченские аулы, расположенные в верховьях реки Аргуна, не оказалось дома мужчин, так как они ушли в поход. Хевсуры, отобрав весь скот, решили забрать в плен оставшихся в ауле жителей.

Женщины-чеченки, вступив в бой с многочисленным и хорошо вооруженным отрядом хевсуров, разбили его наголову, отобрали свой скот и пленили многих воинов. Информатор рассказал, что большинство женщин сражалось с хевсурами на лошадях. Причем они владели оружием не хуже мужчин. Оказывается, что в прошлом физический труд, физическое воспитание и военноприкладная подготовка женщин — горянок часто осуществлялись наравне с мужчинами. Чеченцам и ингушам, живущим в суровых природных условиях гор, лесов и постоянной угрозы нападения со стороны враждебных племен, приходилось всегда быть готовыми к борьбе. В борьбе с природой и врагами женщины — горянки всегда были вместе с мужчинами. О правовом равенстве женщин-чеченок и ингушек в

прошлом имеется много сведений, которые стали известны нам благодаря систематическому изданию «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», а также благодаря сохранившимся в народе преданиям. Так, в одном из «Сборников» за 1897 год помещена чеченская сказка «О храбром Назнае», находящаяся в ближайшем литературном родстве с напечатанными в XIX веке кабардинскими, грузинскими, аварскими и другими кавказскими сказками. Чеченская сказка «О храбром Назнае», широко распространенная в народе, показывает силу и решимость чеченской женщины, которая не боится мужчины, а, наоборот, проявляет по отношению к нерешительному мужу свою полную независимость и власть.

В предании-сказке говорится о том, что жена Назная «выгнала его вон» после того, как он отказался идти бить появившегося вблизи аула носорога, который поедал людей. После этого «на тот же аул напало войско, чтобы его завоевать. Опять послали нарты человека к Назнаю: выходи, мол, сражаться! Но посланный опять воротился с ответом, что Назнай не поехал, а его лишь прогнал: ступай, мол! Однако жена «героя» взяла длинный тростник и выгнала мужа из дома».

Благодаря решительным действиям жены Назнай помог одноаульцам убить носорога и разбить вражеское войско, напавшее на аул. Сюжет предания не сложен, но он повествует нам о том, что в прошлом чеченская женщина была полноправным членом семьи и могла проявить волю по отношению к своему мужу.

На наш вопрос, почему в чеченской сказке говорится о женщине, которая прогнала своего мужа, правдиво ли это, долгожители отвечали: «В далекое время женщина в обществе имела большой вес, потому что от нее зависело благополучие семьи и богатство народа, так как она выполняла такую же работу, как и мужчина, и, кроме этого, она одевала, обувала и кормила семью».

Конь в жизни горца

В связи с тем что одним из главных занятий чеченцев и ингушей являлось скотоводство, а основным родом войск была конница, такие виды физической тренировки, как бег и прыжки, уступали место упражнениям, связанным с ездой на лошадях.

Любовь к своему верному другу коню у всех кавказских народов, в том числе и у чеченцев, была беспредельна. Конь для джигита был дороже всего. Об этом говорят многочисленные источники. Характерным в этом отношении является высказывание генуэзца Георгия Интериано, относящееся ко второй половине XV века, который сообщает: «Часто они готовы отдать все свое имущество за хорошего коня, который им приглянется, и нет у них вещи, драгоценнее хорошего коня».

Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов, глубоко изучивший быт чеченцев, во многих бессмертных творениях воспевает безграничную любовь горца к своему коню. Так, в замечательном произведении «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтов в поэтической форме приводит рассказ удалого джигита Казбича о своем любимом коне Карагезе:

Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены,
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

Среди жителей Кавказа особенно славилась кабардинская порода лошадей. Лошади этой породы являются самыми быстрыми и выносливыми. Однако и у чеченцев и у ингушей были свои замечательные породы скакунов.

Лошади разводились главным образом для верховой езды, а все хозяйственные работы проводились на быках. Хороший уход за лошадью и заботливая, умелая ее подготовка к различного рода походам и состязаниям превращали обыкновенного жеребенка в красивого, выносливого и быстрого скакуна, способного пробегать в

трудных условиях по 80 — 100 верст в день. Лошадь чеченца и ингуша славилась необыкновенной преданностью своему хозяину.

Она как хорошая собака за охотником. В прошлом ни чеченцы, ни ингуши не подковывали лошадей и никогда не употребляли шпор. Они считали, что боль, причиняемая лошади шпорами или тяжелой нагайкой, утомляет ее, делает нервной и невыносливой.

Чеченцы и ингуши старались иметь хорошее седло, которое отличалось своим изяществом, красотой, легкостью, и прочностью. Оно никогда не натирало спины лошади, если даже не снималось по целым неделям.

Чечено-ингушская лошадь много месяцев содержалась на подножном корму и только при подготовке к состязаниям ее кормили зерном. Тренировали на различные дистанции под попонами, тщательно чистили скребницей, щеткой и купали по несколько раз в день. У горцев с детства прививалась любовь к коню. Поэтому обычно при подготовке лошади к состязаниям уход за нею поручался подросткам, которые под наблюдением старших кормили и тренировали ее.

Тренируя лошадь на выносливость и силу, горцы учили ее преодолевать различные препятствия. Наблюдая подготовку горских лошадей, Семен Броневский писал: «Смелые наездники приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высот оных. Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой

опасности, нередко спасает от опасности попасться в руки неприятелю при случае близкой погони». Тренировка лошади и конные состязания, приучавшие молодых чеченцев и ингушей к приемам кавалерийской езды и развивавшие в них силу, ловкость и отвагу, играли весьма важную роль в физическом воспитании народа.

Нартский эпос, предания и археологические материалы указывают, что народы Кавказа с древнейших времен имели лошадей, которых использовали в быту и в военном деле.

Красивое зрелище представляла езда горца на лошади среди дикой природы. Русские и иностранные путешественники всегда восхищались умением чеченца держаться на коне. Н. Харузин, ехавший в 1888 году из Владикавказа в Грозный, так описывает картину встречи горца в этих местах: «Необозримая гладь тянулась перед нами… Иной раз вдали покажется всадник — это горец, спешащий за чем-нибудь в город или из города. Лошадь бежит его шибко и ровно; лица его различить невозможно, но во всей его фигуре столько мужественности и, вместе с тем, столько грации и изящества, что невольно любуешься им». Удобная, свободная и гордая посадка чеченца в седле обусловливалась длительной его тренировкой в этом деле. С 2-3-летнего возраста горцы приучали детей держаться на коне. В прошлом большую часть своей жизни горец посвящал коню, так как в скотоводческом хозяйстве без него нельзя было обойтись. Верховая лошадь в горах являлась ничем незаменимым средством передвижения. Вот поэтому горец чувствовал себя в седле во время езды на лошади так же уверенно, как и во время ходьбы по земле.

Оружие горца

Оружие горца было его гордостью. Оно всегда было вычищено и блестело. Даже бедняки, обремененные тяжелыми сельскохозяйственными работами, старались иметь оружие лучшего качества. Всегда хорошо пригнанное, оно не мешало всаднику не только во время тихой езды, но даже при бешеной скачке и джигитовке. О наличии оружия у бедных горцев указывал в 1848 году офицер царской службы Л. Зиссерман, побывавший в тот год в аулах горной Чечни. Он писал: «Бедность жителей самая крайняя, за совершенным отсутствием не только пахотной земли, но даже удобных пастбищ: все ущельице почти ряд голых неприступных скал… все достояние жителей — оружие…» Умалат Лаудаев также указывает, что «оружие составляло необходимую потребность чеченцев с давнего до нашего времени. Прежде они не были уверены и за один день своей жизни, почему не делали без него ни шагу, как на работах, так и дома и, даже засыпая, осматривали, исправно ли оно. И теперь, даже когда спокойствие их ограждено законом, любовь к оружию, как и прежде, владеет ими, почему они тратят много денег на его приобретение и украшение. В минувшие времена случалось, что за ружье или шашку платили 200 баранов, или столько же рублей, или же холопа с холопкой».

Имеются данные о количестве качественного оружия у чеченцев за первую половину XIX столетия, собранные Ю. Сафаровым. В 1856 году перешел на сторону русских грамотный житель аула Аллы Юсуф Сафаров, ранее занимавшийся строительством крепостей на территории, подвластной Шамилю. Ю. Сафаров пятилетним мальчиком отправился с отцом в Мекку, где тот и умер.

Сафаров через несколько лет поступил в Турецкий корпус, находившийся в Египте. Там он изучил арифметику, инженерное искусство, устройство крепостей и траншей, положил основание многим городам и проводил воду к ним. Знал хорошо арабский и турецкий языки. Написал правила для войск, как конных, так и пеших, научился делать подкопы для взрыва крепостей, знал 10 языков. В 1840 году, приехав из Египта в аул Аллы, начал служить в войсках Шамиля, где считался первым среди наибов. «Но его превосходство перед Шамилем в науках заставило последнего сделаться врагом Сафарова. Из зависти и корысти, желая унизить Сафарова перед народом и овладеть его имуществом, обвинил его в измене — в доставлении князю Барятинскому секретных сведений о положении дел в горах — и отправил Сафарова в ссылку в селение Тинди, называемое Сибирью, где он находился в темнице 3 года. Находясь в ссылке столь долгое время и не надеясь на милость Шамиля в будущем», Сафаров в 1856 году сумел бежать из заточения под покровительство русских, надеясь отомстить Шамилю.

Многочисленные источники указывают, что с древнейших времен горцы Северного Кавказа имели большое количество оружия, которое по своим боевым качествам превосходило оружие, имевшееся у других племен. А. Веселовский в своей работе «Несколько географических сведений о древней России из рассказов итальянцев» помещает отзыв генуэзца Георгия Интериано о несравненном качестве стрел, которыми пользовались горцы Северного Кавказа на охоте и в битвах с врагом. Георгий Интериано отмечает: «Они (горцы) сами делают свои стрелы… И в целом мире не найти стрел, которые летали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие».

У чеченцев луки были больших размеров, с двумя тетивами. Человек, пользовавшийся луком, должен быть физически сильным и выносливым. Хорошая координация движений способствовала меткой стрельбе из лука. Она играла особенно большую роль при стрельбе из

лука на лошади. Физически слабо развитый человек, не имеющий достаточной координации движений, на полном скаку не мог метко стрелять в цель.

Из поколения в поколение горцы передавали секреты и образцы изготовляемого ими оружия и ставили на них свои отличительные знаки — марки. Далеко за пределами Чечни и Ингушетии были известны чеченские шашки — волчки, за которые даже русские офицеры платили большие деньги. По поводу изготовления этих шашек в 1856 году майор царской службы Властов писал: «В центре чеченского народонаселения сохранились оружейники, которые по неизменяемому обычаю своих отцов (видимо, и прадедов) подделывают шашки, называемые волчками, с изображением волка». Неизвестно почему русские назвали лучшие образцы чеченских шашек «волчки». У чеченцев и ингушей эти шашки назывались «терсмаймал», то есть шашки, на которых изображена обезьяна. У. Лаудаев, отмечая высокое качество чеченских шашек, писал: «Лучшими шашками считаются те, которые имеют на клинке изображение зверя. Неизвестно почему чеченцы опознали в этом изображении обезьяну, по-чеченски маймал, и назвали шашку “терсмаймал”. Русские это изображение признали за волка и назвали такую шашку “волчок”. В Персии чеченские шашки также назывались “шашки-обезьяны”. Кроме этой шашки, у чеченцев славилась старинная хорошая шашка “калдам”, имеющая изображение креста. В связи с тем, что у чеченцев были свои хорошие шашки, среди них не славились ни персидские “хоросанки”, ни турецкие “дамасски”».

Образцы горских шашек экспонируются в оружейной палате и в других музеях страны. О чеченских шашках, изготовляемых атагинскими мастерами, певцы слагали песни и сказания. В казачьих песнях также воспевалось высокое качество чеченских шашек.

Для физического воспитания горцев шашка была необходимым предметом, посредством которого проделывались разнообразные физические упражнения. Фехтование у чеченцев и ингушей проводилось на саблях. Вначале детей учили фехтовать на деревянных шашках, затем обучение проводилось на боевых, о чем будет сказано ниже.

В руках опытного горца шашка являлась весьма грозным оружием. Не менее грозным оружием в рукопашной схватке являлся

кинжал. Кинжал использовался не только для вооруженных схваток, но и как предмет для выполнения разнообразных физических упражнений. Чеченцы и ингуши широко использовали кинжал в труде, для метания в цель и в танцах. Танец с саблями был самым популярным танцем среди них.

После сближения чеченцев и ингушей с русским народом воин-всадник вооружается не только малым холодным оружием — луком со стрелою и саблей, но и палицей, топором, а затем появляется и огнестрельное кремневое оружие.

В праздник юноши устраивали имитацию боя двух всадников, причем изображавший врага одевался в костюм, характерный для мнимого противника. С появлением огнестрельного оружия юноши устраивали охоту на серн, дикого козла, оленя и других диких животных, живущих в горах Кавказа. Убивший зверя раньше других возвращался с добычей в селение, и его встречали все жители восторженными криками и стрельбой.

Н. Краснов

Национальный вайнахский костюм

Национальная одежда чеченцев складывалась веками. Она выражает вкус ее создателей, их эстетические идеалы. В традиционной чеченской одежде соблюдается принцип единого ансамбля. Это касается и материала, и покроя, и цветовых соотношений, и способов орнаментации и украшения костюма.

Традиционный мужской костюм изготовлялся из местных материалов. На шапки и шубы использовались овчины, на обувь — кожа крупного рогатого скота и козья, шерсть перерабатывалась на войлок, из которого делались бурки, обувь. Из домотканого сукна шили башлыки, черкески, иногда штаны и бешметы.

Основными предметами мужской одежды чеченцев являлись бешмет и особой формы штаны. Бешмет туго обтягивал фигуру, застегиваясь до пояса на сделанные из шнурка ручной работы пуговицы-узелки и петли. Он имел высокий стоячий воротник и длинные суживавшиеся к кисти рукава, застегивавшиеся на такие же пуговки. Ниже талии бешмет расширялся, подчеркивая стройность фигуры. Этому способствовал своеобразный покрой его спинки. Она кроилась из одного куска материи, но на уровне талии подрезалась так, что посередине оставалась как бы перемычка шириной от 2 до 5 см, ниже талии переходящая в клин, значительно расширяющийся к подолу. Передки бешмета в средней части также оставались цельными. Бока сшились из двух клиньев. Длина бешмета изменялась, но была на 10—8 см выше колен. Старики носили более длинные бешметы, чем молодые.

Старики носили также бешметы, стеганные на тонком слое шерсти или ваты. Праздничные бешметы шили из плотной хлопчатобумажной ткани, а более зажиточные — из атласа, шелка, шерстяной фабричной материи, иногда довольно ярких цветов. Бешметы одевали прямо на тело, нижние рубашки в то время имелись не у всех.

Штаны, шившиеся из домотканого сукна или плотной покупной материи, состояли из прямых, слегка суженных книзу штанин. Между штанин вшивался ромбовидный клин. Штанины носили на вздержке,

заправляя в ноговицы из сукна, войлока или сафьяна. Ноговицы плотно обхватывали ногу от щиколотки до колена.

Под коленами их подвязывали ремешками.

Бешмет был основной повседневной, а у значительной части населения и выходной одеждой. Бешмет в качестве выходной одежды подпоясывали \ узким ремнем с металлическим набором — пряжкой, наконечником, бляжками, подвесками.

Одежда, состоящая из бешмета, штанов, ноговиц в сочетании с легкой мягкой обувью из сафьяна или сыромятной кожи вполне отвечала условиям жизни воина, пастуха, охотника.

Все в ней было строго подобрано, она не стесняла движений, позволяя бесшумно ходить по любым тропам, лазить по скалам.

Полный праздничный костюм включал в себя черкеску, которая одевалась поверх бешмета и шилась из лучшего домотканого или фабричного сукна. Покрой черкески совпадал с бешметом, но она застегивалась только у талии на несколько пуговок из шнурков и не имела воротника. В широкий вырез на груди был виден бешмет. Длина черкески обычно была длиннее бешмета и обычно доходила до колен, но иногда бывала и выше колен. Прямые и широкие рукава в парадных черкесках спускались ниже кисти. Такие черкески носили с отогнутыми рукавами.

Характерным признаком черкески были нашитые по обеим сторонам груди газырницы — карманы с мелкими отделениями, в которые вкладывали газыри — деревянные трубочки с заготовленными в них зарядами для огнестрельного оружия. К концу XIX века, в связи с появлением пятизарядной винтовки образца 1891 г., газырницы утратили свое значение и сохранились в качестве украшения.

Черкеска, как и бешмет, плотно обхватывала фигуру, расширяясь книзу, и была удобна и для всадника и для пешехода. Она служила верхней парадной одеждой. Носили черкеску застегнутой и подпоясанной описанным выше поясом, на котором висел кинжал, иногда шашка или пистолет.

Теплой, зимней одеждой служили шубы из овчин, двух покроев — прямой или в талию. Для чеченцев характерной одеждой была бурка с узкими плечами, колоколообразно расширявшаяся книзу. Бурка была идеальной одеждой для всадника, защищая и его и его лошадь от дождя, снега, ветра и жары. При ночлеге в поле бурка служила также и подстилкой и одеялом. В Чечне также пастухи надевали в плохую погоду на плечи накидку, сшитую из нескольких полос домотканного сукна, закалывая ее деревянной, костяной или железной булавкой.

Головным убором чеченцев была шапка из овчины, называемая русскими папахой. В качестве дорожного головного убора был распространен башлык, надевавшийся обычно поверх папхи.

Повседневную обувь чеченцы изготовляли из коровьих и телячьих кож. Такая обувь не имела пришивной подошвы и шилась из одного куска со швами на заднике и подошве или на носке и на заднике. Парадную обувь шили из сафьна кустарного или фабричного производства, реже домашней выработки. Она также была без прошивной подошвы. Надевали ее на мягкие сафьяновые носки. Они были немного выше щиколоток. Парадную обувь носили с сафьяновыми ноговицами. У этой обуви была мягкая подошва, что было удобно для наездника и пешехода в условиях горного бездорожья, крутых и опасных троп. Такая обувь способствовала выработке удивительно легкой и красивой походки.

Для мужской одежды была характерна темная, сдержанная цветовая гамма — черная, бурая, серая черкеска, тех же цветов штаны, ноговицы, черная бурка. Башлыки и бешметы делались обычнг других цветов, чем весь костюм, оживляя его ярким пятном. Богатые люди иногда носили белые бурки, черкески, папахи. Идеал мужской красоты — стройность, подтянутость, ловкость и сила, широкие плечи и тонкая талия — все это подчеркивалось традиционной одеждой чеченцев.

В женской одежде ярче выражались возрастные и социальные различия. Чеченские женщины, как и большинство горянок в XIX в. и в начале XX века носили рубаху туникообразного покроя с разрезом на груди и маленьким стоячим воротничком, застегивавшимся на пуговицу. Длинные прямые рукава прикрывали кисть руки, а в праздничных рубахах иногда спускались до пола. Рубаха, большей частью доходила до щиколоток. Шили ее из хлопчатобумажной или шелковой ткани. Под рубаху надевались штанины, на вздержке и ромбом между штанинами. Штанины были широкими до щиколоток или внизу собирались в оборку. Они были в ряде случаев видны из-под рубахи. У праздничного костюма низ штанин обшивали шелком. Чеченки, в рубахе и в штанах, дополненном, соответствующим возрасту и положению головным убором, можно было выходить за пределы дома и даже на праздники. Основу женской одежды составляло платье-рубаха. Платье это совпадало по покрою с черкеской — распашное до пола, без воротника, с открытой грудью и застежкой у пояса. Иначе шились рукава. Вначале рукав был разрезан почти до самого верха, спускался много ниже кисти руки и заканчивался округлой лопастью. Парадное платье шили из бархата или тяжелого шелка.

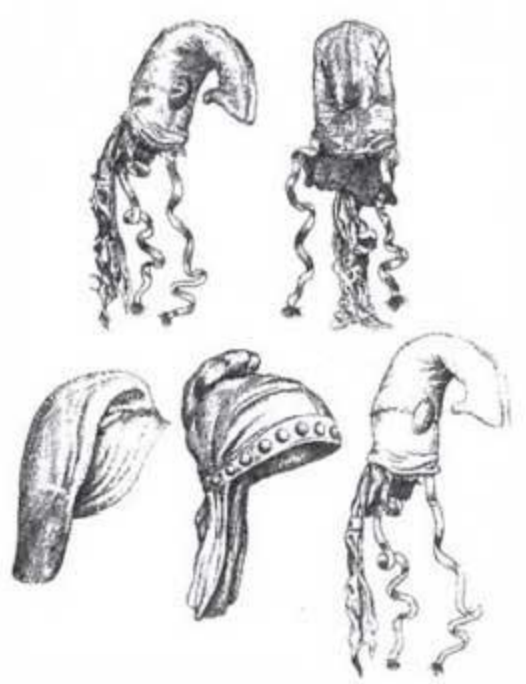
Важной частью женской одежды был кафтанчик, который надевали под платье поверх рубашки. Кафтанчик делался коротким и туго стягивал фигуру. Застежка находилась спереди и шла от шеи до пояса, иногда имелся стоячий воротничок. Узкий рукав кончался у кисти. Для украшения нашивали на груди несколько пар серебряных застежек, иногда вызолоченных, украшенных бирюзой или цветными стеклами, с орнаментом, нанесенным гравировкой, чернью или филигранью. Форма этих застежек оставались неизменными на протяжении столетий.

Кафтанчик шили из плотных, нарядных тканей — тяжелого шелка, бархата, фабричного сукна. Из-под распашного с открытой грудью платья была видна грудь кафтанчика с застежками, его полы и нижняя часть рукава. Полы рукава украшались золотым шитьем. Постепенно кафтанчик изменился. В Чечне вошел в обиход только нагрудник.

Весьма важную роль в женской одежде играл пояс, который делали из галуна, кожи или ткани, но обязательно с большими серебряными пряжками, бляхами. Делались и сплошь серебряные пояса. Пояс надевали поверх платья, стягивая талию. Серебрянный пояс был большой редкостью и с нагрудными застежками, передавался по наследству из поколения в поколение. Многие сохранившиеся до сих пор пояса насчитывают по 100–150 лет.

Описание чеченского национального костюма необходимо дополнить описанием головного убора. В XIX — в начале XX в. девичий головной убор состоял из платка, сложенного углом, концы которого проводили под подбородком и закалывали сзади. Замужняя чеченка носила на голове чухт — мешочек с незашитым дном, куда вкладывались косы: он завязывался на темени. При выходе за пределы

дома и при посторонних чухт, закрывавший косу, прикрывали другим большим платком.



Цветовая гамма допускала яркие цвета и сочетания. Праздничная девичья одежда чеченок подчеркивала изящество и стройность фигуры. По горскому обычаю девушки и молодые женщины в холодное время года не носили никакой теплой одежды, а могли лишь надеть второе платье или накинуть на плечи платок. Замужние женщины постарше могли носить распашную одежду, простеганную тонким слоем шерсти или ваты.

Женская обувь по своим фасонам была такой же, как у мужчин, — мягкая, сафьяновая со швом на подошве и такие же сафьяновые носочки. Но кроме этого они носили туфли на твердой подошве без задников, на небольшом каблучке.

В 20-е годы XX в. мужская одежда претерпела небольшие изменения. В эти годы появилось зимнее пальто, представлявшее по покрою комбинированную форму черкески-бешмета. Этот вид зимней одежды, известной под названием «зелимханки» (по имени знаменитого чеченского абрека Зелимхана, убитого в 1913 году), шили из домотканого или фабричного сукна, на вате, шерсти или овчине. Сделанная, как черкеска, в талию, с широким подолом, длиной ниже колен, она имела стоячий, как у бешмета, воротник, была двубортной и застегивалась на пуговицы из ремня, продеваемого в шнуровые петли.

В это же время начали быстро распространяться брюки галифе. В них было удобно ездить верхом и ходить по горной местности. Они настолько вошли в быт, что не только молодежь, но и старшее поколение считают их своей национальной формой.

В 20-годы наряду с бешметом, а у молодежи, вытесняя его, широко распространилась так называемая кавказская рубаха, многие особенности которой показывают ее происхождение от бешмета. Она была прямая, длинная, с широким рукавом, скошенным у кисти и застегивающимся на пуговки.

Описанные изменения коснулись города, частично села. Но многие сельские жители, особенно пожилые, оставались верными старинной национальной одежде.

Следует отметить, что Первая мировая война, а также гражданская война не повлияли на изменения форм женской одежды. Это произошло гораздо позже.

З. Алиева

Древние и средневековые башни вайнахов

Древняя архитектура горной Чечни (боевые и жилые башни, некрополи и культовые сооружения) представляет собой уникальное явление в мировой культуре.

Благодаря тому, что именно здесь проходили кратчайшие пути сообщения между земледельческими цивилизациями древности и кочевым миром Восточной Европы, Кавказ стал местом пересечения культурных влияний различных цивилизаций. В материальной культуре, мифологии, языческих культах чеченцев сохранились черты, указывающие на их связи с древнейшими цивилизациями Европы, Передней Азии и Средиземноморья.

Еще более четко эти связи прослеживаются при углубленном исследовании средневековых чеченских языческих культов и мифологии, где постоянно обнаруживаются параллели с именами языческих богов и мифологических героев великих цивилизаций древности. Большой интерес для ученых представляют петроглифы, магические знаки на каменных башнях и некрополях горной Чечни, которые часто имеют более древнее происхождение, чем сами башни. При строительстве башен часто использовались уже обработанные камни из более древних построек X–V веков до нашей эры. Петроглифы на таких камнях тщательно сохранялись и со временем почти без изменения переносились и на другие башни.

На Кавказе именно у нахов (чеченцев и ингушей) башенная архитектура достигла наивысшего развития. Особенно это проявилось в архитектонике боевых башен, которые являются вершиной средневекового зодчества. Боевые башни строились с соблюдением зеркальной симметрии и пропорциональности всех частей постройки, в удивительной гармонии с окружающим ландшафтом.

Средневековая башенная архитектура в том виде, в каком она сохранилась до наших времен, зародилась первоначально именно на территории древнего расселения нахов, от Аргуна на востоке и до Кубани на западе. Своего высшего расцвета она достигла также в междуречье Терека и Аргуна, в районах их более позднего проживания.

Когда-то башни существовали не только в горной Чечне, но и в предгорьях (в Ханкальском ущелье) и даже на равнине — на северных и восточных границах Чечни. Но, начиная с XIV века, со времени монголо-татарского нашествия, чеченские башни подвергались систематическому уничтожению. Особенно пострадали они во время Кавказской войны, а также в 1944 году при депортации чеченцев. В это время были разрушены сотни башен.

Сильно пострадали памятники средневековой архитектуры и во время двух последних войн. Десятки башен были разрушены, подверглись обстрелу и получили сильные повреждения. В результате массированных бомбардировок процесс разрушения каменных построек, простоявших в горных ущельях тысячи лет, ускорился.

В горах Чечни, в верховьях рек Фортанга, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, у озер Кезеной и Галанчож, на сегодняшний день сохранилось в различном виде около 150 башенных поселений, несколько сот жилых и более двухсот боевых башен, а также десятки культовых сооружений, более сотни наземных склепов. Эти памятники датируются в основном XI–XVII веками.

Остатки каменных построек различных эпох в горной Чечне дают возможность проследить эволюцию нахских башен в течение, по крайней мере, трех тысячелетий. Как это видно по постройкам в селении Цеча-Ахк, жилища и фортификационные сооружения нахов развивались от многокамерного дома с горизонтальной планировкой к однокамерной постройке с вертикальным планом. При этом эволюция чеченского жилища не была быстрой и единовременной, она протекала в течение многих веков. Об этом свидетельствуют промежуточные формы жилища, зафиксированные в поселении Цеча-Ахк — двух- и трехэтажные двухкамерные жилища. Каждая камера представляет собой уже почти самостоятельную башню, имеющую свой опорный столб и арочные (дверные и оконные) проемы.

На эволюцию древнего вайнахского жилища влияли различные факторы. Важнейшими из них были: необходимость улучшения фортификационных свойств жилищ в связи с усилением внешней опасности, условия малоземелья, возникшие из-за массовой миграции в горы жителей равнин или алан, которые не хотели покоряться монголо-татарским ханам и Тимуру, и, возможно, религиозные верования.

По времени строительства архитектурные сооружения на территории Чечни можно разделить на четыре периода:

Кобанский период (XII–V вв. до нашей эры) — это время циклопических сооружений, построенных из гигантских необработанных камней, которые имеют горизонтальную планировку, то есть являются многокамерными, возводятся без использования раствора, характеризуются примитивной строительной техникой.

Раннеаланский период (I–VII вв.) — архитектурные сооружения этого периода уже можно разделить на боевые и жилые. О характере боевых башен сложно судить, так как от них остались только нижние этажи.

Жилые башни имеют продолговатый план и являются двух-или трехэтажными. Стены сложены из необработанных каменных блоков с применением небольшого количества известкового раствора, техника строительства по-прежнему остается очень низкой. Но уже появляются элементы конструкций, свойственные средневековым чеченским башням. Это, прежде всего, наличие опорного столба, арочные проемы (дверные и оконные), расширение их с внутренней стороны.

Позднеаланский период (XI–XIII вв.) — башенные постройки этого периода отличаются вертикальной планировкой и более высоким уровнем строительной техники. По своим формам они приближаются к классическим вайнахским сооружениям. Подобные сооружения встречаются на всей территории древнего расселения нахов, от Аргуна до Кубани.

Вайнахский, или классический, период (XV–XVII вв.) — период расцвета чеченской башенной архитектуры, который характеризуется высокой культурой строительства. Боевые и жилые башни приобретают классические, завершенные формы. Подобные сооружения встречаются лишь на территории Чечни и Ингушетии.

Многие исследователи датируют памятники архитектуры средневековой Чечено-Ингушетии XV–XVII веками, хотя на самом деле является общеизвестным фактом то, что со второй половины XVI века начинается активное возвращение чеченцев на равнину. К этому времени можно отнести спад активного строительства башен в горной Чечне, тогда как в соседних регионах строительство башен продолжалось вплоть до конца XIX века. И если в западных районах в некоторых случаях помнят даже имена мастеров, строивших те или

иные башни, то в Аргунском ущелье в середине XIX века даже старики не знали, кому принадлежала та или иная башня, не говоря уже о том, кто ее строил.

Чеченские башни отличаются большим разнообразием форм, отдельных деталей. Это является подтверждением того, что их строили в разные периоды времени. Наиболее ранние по времени постройки башни имеют сходные черты с башенными сооружениями Карачая, Балкарии, Северной Осетии. Это говорит о том, что в определенный период времени эти районы относились к единому ареалу материальной культуры.

Несмотря на небольшое количество древнейших (II–I тыс. до н. э.) жилых и боевых башен, оставшихся на территории расселения нахов, все же отдельные, сохранившиеся в различном виде сооружения позволяют в какой-то мере восстановить картину эволюции нахских жилищ и фортификационных сооружений.

1) С III тысячелетия до нашей эры на территории расселения нахских племен появляются первые укрепленные поселения. Для их строительства выбирались естественно защищенные места: на возвышенных, скалистых мысах, на крутых берегах рек. Уязвимые с точки зрения обороны места укреплялись каменными стенами. Но, кроме стен, специальных фортификационных сооружений на поселениях носителей так называемой «майкопской» археологической культуры еще не было. Жилища были небольшими, и оборона каждого из них в отдельности не предусматривалась.

2) Со II тысячелетия до нашей эры, когда на территории расселения нахов на основе майкопской культуры зарождается так называемая «северокавказская» археологическая культура, их жилища и фортификационные сооружения становятся более разнообразными. В горах строятся каменные дома, в предгорьях и на равнине — жилища турлучного типа с использованием камня, как об этом свидетельствует жилище той эпохи, найденное у селения Гатын-Кале в предгорьях Чечни. Высокого развития достигает строительство погребальных сооружений, которые в эту эпоху становятся очень разнообразными (каменные ящики, склепы).

Камень становится одним из наиболее распространенных строительных материалов и при сооружении жилищ, и при сооружении погребальных комплексов. Можно даже говорить о культе

камня среди нахских племен Северного Кавказа, который оставил очень яркие следы в современном чеченском языке. Уже в это время нахи достаточно рационально используют естественные фортификационные особенности местности, размещая свои поселения на высоких утесах, мысах, на обрывистых берегах рек. Хотя также на основе дошедших до нас археологических материалов можно говорить об определенном развитии фортификационного искусства у нахов того времени, что выражалось в окружении поселений каменными стенами, в определенном расположении жилищ по отношению друг к другу.

3) С развитием на территории расселения нахских племен кобанской археологической культуры начинается строительство так называемых циклопических построек, жилищ и прочих строений из громадных каменных глыб. Развалины циклопических построек сохранились в разных районах Чечни: в селениях Никарой, Баулой, Цеча-Ахк, Хаскали, Орсой. Хотя наряду с ними продолжается возведение жилищ из плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. Вполне вероятно, что огромные каменные валуны использовались и ранее при строительстве стен и специальных заграждений, как об этом могут свидетельствовать материалы Закавказья. Поселения племен кобанской культуры располагались также на естественно укрепленных возвышенностях (Сержень-Юрт, Змейское, Цеча-Ахк).

4) На рубеже нашей эры нахи, живущие на равнине, в различных исторических источниках уже называются аланами. Со II века Алания упоминается как единое образование, оказывающее значительное влияние на соседние страны и народы.

К VII–IX векам границы Аланского государства простирались от Дагестана до Кубани. Фортификационное строительство на его территории достигает в это время наивысшего развития. Арабские источники IX–X веков пишут о многочисленных городах и крепостях алан.

К этому и более позднему периоду (к XII–XIII вв.) относится бурное строительство жилых и боевых башен на Северном Кавказе.

По всей вероятности, это было связано с тем, что в этот период начинается создание Великой сигнальной системы, которая объединяла все селения и города нахов-алан.

5) Классической формы жилая и боевая башни в Чечне достигли в XIV–XVI веках. К концу XVI — середине XVII века в связи с массовым переселением чеченцев на равнину строительство башен, за редким исключением, в горной Чечне практически прекратилось. В это же время перестали строить башни на равнине.

Древние архитектурные строения Чечни делятся на различные виды не только по времени строительства, но и согласно их функциональному назначению и форме:

1. Жилые башни
2. Полубоевые башни
3. Башни, встроенные в скальные ниши
4. Боевые башни
5. Замки и цитадели

Жилые башни

В классическом виде жилая башня или дом-крепость, по всей видимости, начинает формироваться еще в позднеаланскую эпоху, то есть в X–XIII веках. Жилые башни этого периода от более ранних отличаются вертикальной планировкой, планами, близкими к квадрату, большим количеством этажей, увеличением числа дверных и оконных проемов, более тщательной обработкой и укладкой камня.

Классическая жилая башня — это массивное прямоугольное сооружение, суживающееся кверху, часто приближенное в плане к квадрату (обычные размеры: 8—10 х 8—12 м), в три-четыре этажа, с плоской земляной кровлей.

Сужение башни достигалось за счет утончения стен в верхней ее части, а также за счет наклона их вовнутрь. Толщина стен на различных постройках варьируется от 1,2–0,9 метра в нижней части до 0,7–0,5 метра в верхней.

Стены выкладывались из камней различных размеров (из каменных блоков или плит, в зависимости от характера местного материала), которые тщательно обрабатывались с наружной стороны, на известковом или известково-глинистом растворе с использованием битого камня, хотя изредка встречается и сухая кладка. В основании и нижней части башни использовались монолиты. Некоторые из них были внушительных размеров и могли весить несколько тонн.

В центре башни стоял опорный столб, также выложенный из хорошо обработанного камня. На нем держались балки перекрытий. Продольные балки укладывали на пилястры или угловые камни, на них клали более мелкие балки, а затем хворост, на который насыпали глину и утрамбовывали ее. Опорный столб назывался эрд-богьам и в более древние времена имел культовое значение. Интересно, что чеченцы долгое время сохраняли опорный столб в виде элемента конструкции жилища, так же как и его сакральный смысл.

Чеченские жилые башни по основным параметрам не отличаются от ингушских и осетинских, но значительно превосходят их по размерам и количеству этажей.

Первые два нижних этажа предназначались для содержания скота.

На первом этаже обычно держали крупный рогатый скот и лошадей.

Кроме того, здесь же часть помещения отгораживалась для хранения зерна, иногда для этого выкапывалась специальная яма, стены и дно которой обкладывались камнями.

Пол хлева у яслей был дощатый или выкладывался плитняком, для лошади устраивали специальный загон.

На втором этаже содержали овец и коз, и туда имелся отдельный вход.

Скот загоняли на второй этаж по специальному настилу, сколоченному из бревен.

Третий этаж (в трехэтажных башнях — второй) служил жилищем для семьи. Здесь хранилось имущество семьи: ковры, посуда, одежда, обитые жестью деревянные сундуки. В более ранние времена в башне не было никаких шкафов. Все вещи развешивались на металлических крючьях, нередко в специальных нишах в стене. Кроме того, у стен устанавливались деревянные полки для посуды. Обычно над постелью хозяина висело оружие. В военные времена это объяснялось необходимостью, затем стало просто традицией.

В центре помещения находился каменный очаг — кхерч, над которым висела надочажная цепь. Очаг имел несложное устройство и состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров. Металлический треножник, на который устанавливался котел, назывался очакх. Дым выходил через оконные отверстия. Здесь

семья обычно готовила пищу, устраивала трапезу, отдыхала. Позже очаг был заменен пристенным камином — товха. Но и место очага, и надочажная цепь оставались для чеченцев, как и для других народов Кавказа, священными. Очагом клялись, прикоснувшийся к надочажной цепи кровник должен был быть помилован. Кража, совершенная возле очага, воспринималась как смертельное оскорбление. В очаг нельзя было бросать сор. Когда хозяйка дома подметала пол, она должна была мести от очага, а не в его сторону. После окончания трапезы крошки хлеба со стола принято было бросать в горящий очаг. Это, по всей вероятности, является пережитком ритуала жертвоприношения. Ведь и древние греки приносили жертвы, сжигая на кострах кости и жир жертвенных животных, а очаг служил местом культовых обрядов еще со времен неолита. Возможно, именно культ очага послужил причиной появления древнейших алтарей и храмов. Древние люди начали возводить отдельные очаги для религиозных ритуалов внутри жилища, затем вынесли их за пределы жилища, воздвигая вокруг каменные ограждения, а со временем стали строить над ними храмы.

Женщина, мать семейства, считалась хранительницей очага и пользовалась большим уважением со стороны других членов семьи и гостей. С очагом были связаны многие религиозные праздники, в том числе и Новый год.

Новый год у чеченцев начинался 25 декабря. В начале этого праздника очаг топили не хворостом и дровами, как обычно, а целым стволом дерева (чаще всего дуба). Это дерево называлось гула. Его нужно было срубить через два дня после того, как зажигали ритуальный общественный костер в связи с наступлением Нового года. В дом дерево вносили и укладывали кроной вперед, а его основание оставалось на улице. Время, когда ствол дерева сгорал настолько, что можно было закрыть дверь, считалось священным. В этот дом собирались все соседи и праздновали Новый год — пели, танцевали, поздравляли друг друга. В связи с этим праздником у многих исследователей сложилось мнение о том, что таким образом в Чечне и других районах Кавказа топили очаг постоянно. И этот миф из дореволюционных исследований перекочевал в работы современных этнографов. На самом же деле речь идет только о нескольких днях Нового года.

Семья обычно принимала пищу совместно, недалеко от камина, за невысоким треногим столиком. Если в семье были молодожены, то они ели отдельно. Если в доме находился гость, то в первую очередь угощали его, в трапезе с ним принимал участие лишь хозяин дома. Если в гостях была женщина, то с ней делила пищу хозяйка.

Спали на широких деревянных или каменных топчанах, устланных расшитым войлоком, часть членов семьи спала прямо на полу, на матрасах из овечьей шерсти, укрываясь бурками и тулупами. Зажиточные семьи имели богатую, расшитую узорами, шелковую постель, которая днем складывалась в дальнем углу помещения. Процесс укладки постели был почти ритуалом, и хозяйка дома должна была знать правила и последовательность ее свертывания.

На последнем этаже хранился инвентарь и запасы продуктов. Здесь укладывали гостей и молодоженов. Его также использовали как боевой в случае, если жилая башня держала оборону. В этих же целях в случае военной опасности использовалась и плоская кровля, на которой ставился котел со смолой, и заготавливались камни. При осаде башни их сбрасывали на врага. Кровля строилась из толстых бревен, которые укладывали вплотную друг к другу. Сверху укладывали хворост, затем насыпали глину, которую тщательно утрамбовывали. Иногда стены верхнего этажа возвышались над кровлей, образуя парапет. Это значительно усиливало боевые возможности защитников башни, которые вели бой с кровли.

В Майсте в отличие от других районов Чечни кровли жилых башен делали скатными, из крупных каменных плит.

В теплое время года плоская кровля использовалась для хозяйственных нужд: здесь сушили снопы, зерно мололи и веяли. Летом семья здесь обедала и проводила досуг.

Сообщение между этажами осуществлялось через лазы, к которым приставлялись специальные бревна с зарубками или деревянные лестницы. Каждый этаж, кроме последнего, обязательно имел свою дверь. Дверные и оконные проемы чаще всего выполнялись в виде закругленных арок из крупных монолитов. Арки были фигурные, на более древних башнях они еще примитивны и грубо обработаны, на башнях XV–XVII века они приобретают законченный, классический вид, хотя могло быть и наоборот. Например, каменная арка-монолит в дверном проеме второго этажа жилой башни в селении

Химой с петроглифами в виде арийской свастики хорошо обработана и имеет тщательную отделку в отличие от арки в дверном проеме первого этажа, который был пробит только в XIX веке. С боковых сторон проема делали глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь. Она изготавливалась из толстых дубовых досок. Изнутри дверные проемы расширялись, образуя стрельчатые арки. Окна были очень маленькими, на верхних этажах они могли служить и бойницами. В зимнее время, а также ночью окна закрывались деревянными ставнями или каменными плитами, в летнее время затягивались прозрачной пленкой органического происхождения, то есть изготовленной из внутренностей животных.

Если башня была трехэтажной, то под хлев отводился только первый этаж.

Чеченская трехэтажная жилая башня была описана русским исследователем К. Ганом, в начале XX века посетившим горную Чечню: «Самый дом Цотеша, расположенный над глубоким оврагом, представляет из себя громадную четырехугольную башню в три этажа, с некоторыми пристройками. Она построена из громадных глыб шифера сухой кладкой. Пройдя большой мощеный двор, окруженный высокой стеной, мы через низенькую дверь вступили в нижний этаж; это темное помещение без света, где помещается скот. Карабкаясь в темноте по узенькой каменной лестнице, мы скоро очутились во втором этаже, где живут женщины. Хотя комнаты эти содержатся чище, чем у хевсур, но они также довольно темны и потолки сильно закопчены дымом. На стенах стоят или висят большие медные и оловянные тазы, тут же помещаются большие сундуки с богатой резьбой. Пол земляной; комната плохо освещается немногими маленькими отверстиями в стене. Плохо приставленная лестница ведет в верхний этаж, в жилище хозяина, где помещается брачное ложе. Тут стены увешаны разного рода оружием и праздничной одеждой хозяина и его семьи. Перед комнатой плоская крыша образует что-то вроде тока, окаймленного низенькой стеной. С этого высокого балкона представляется чудный вид в долину, на аул и гордый замок предков Цотеша, у подножия которого стекают два горных потока, Веги-чу и Туркал, а там, вдали, у истоков Веги-чу, белеют снежные вершины Вегилам».

Обычно чеченские жилые башни были четырех- или трехэтажными, но в селении Никарой сохранилась шестиэтажная жилая башня.

Жилая башня была собственностью одной семьи. В процессе сегментации семьи в башне с родителями мог остаться только младший сын. При этом вновь образовавшаяся семья не могла жить в одном помещении с родителями. Она переселялась на верхний этаж или в этом же помещении для них отгораживалась специальная камера с отдельным очагом. Утверждения исследователей, в том числе и дореволюционных, о том, что в одной башне могли жить несколько семей, не имеют под собой никакой почвы. Достигшие совершеннолетия сыновья и дочери не могли спать в одном помещении с родителями, тем более создав свои семьи.

При строительстве башни началу всех работ предшествовало магическое действо. Сначала с помощью домашнего животного проверяли насколько место, выбранное для возведения башни, является «чистым». Для этого пригоняли к месту строительства домашнее животное, к примеру, быка, и если он вечером укладывался на этом месте, то оно считалось «чистым». Или же на ночь укладывали спать здесь хозяина, и если он видел благоприятный сон, это тоже считалось хорошим знамением.

Затем приносили в жертву животное, чаще всего, овцу (хотя зажиточные семьи могли принести в жертву и быка). Кровью жертвенного животного окропляли основание, затем произносили молитву, и уважаемый в селении человек (в языческие времена это мог быть жрец, а позже мулла или старейшина), обладавший, по мнению односельчан, «счастливой» рукой, прикасался к укладываемому в основание первому камню и благословлял начало работ.

Жилые башни возводились обычно без фундамента, на скальных массивах. Если в месте строительства не было выходов скальных пород на поверхность, то обычно снимали верхний слой грунта, и нижняя часть башни оказывалась углубленной в землю. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком или водой и снимали грунт до тех пор, пока жидкость не переставала просачиваться в землю. Согласно полевым материалам, собранным В. П. Кобычевым в Ичкерии, то есть в Восточной Чечне, местные жители «зарывали в землю на несколько дней глиняный кувшинчик, наполненный водой и

наглухо запечатанный сверху воском. Если при проверке оказывалось, что вода в сосуде убыла, место забраковывали».

В основание башни укладывали огромные камни, которые могли достигать двух метров в длину и в высоту превышали рост человека. Передвигали и укладывали такие камни с помощью приспособления типа ворота, а на большие расстояния перетаскивали на специальных настилах с помощью волов.

Стены башни (изредка углы) ориентировались по странам света. На камни с внешней стороны часто наносились петроглифы, магические знаки, которые должны были оберегать башню от злых духов, от опасности. Кроме того, на стенах выбивали фамильные знаки, которые свидетельствовали о древности и знатности фамилии. При строительстве новой башни в ее стены укладывались камни с петроглифами из стен старой. Поэтому камни с петроглифами нередко отличаются от основного материала по характеру обработки и даже по цвету. Особенно это бросается в глаза на жилой башне Васеркел в западной части селения, которая возвышается на высоком крутом обрыве над речкой Майстойн-эрк. На ее южной стене сохранилась пиктографическая надпись. Камни, на которые нанесены знаки, светловатого оттенка и отличаются от других камней кладки тщательной отделкой и даже полировкой, они, несомненно, более древнего происхождения, чем сама башня.

Традиции ритуального использования каких-либо элементов старого жилища в новом строении остались у чеченцев до сих пор.

Когда чеченец строит дом, разбирая старый, он всегда укладывает в фундамент нового дома хотя бы камень или кирпич с сакральным смыслом из разбираемого строения, для того чтобы перенести оттуда и благодать.

Жилые башни строились обычно на возвышенных местах, неподалеку от источника воды. Это могли быть речка, ручей или родник. Нередко к башне подводили потайной водопровод, что было немаловажно в условиях военной опасности. Так, например, сохранилась легенда об осаде башенного комплекса на горе Бекхайла в Аргунском ущелье. Комплекс был, по сути дела, маленькой крепостью и состоял из трех боевых и одной жилой башен, которые были обнесены высокой каменной стеной. Так как он был построен на высоком обрывистом утесе, был почти неприступен. К тому же защитники крепости не знали проблем с питьевой водой: она поступала в укрепление по подземным каменным желобам. И поэтому враги в течение долгого времени не могли взять. Но позже кто-то из местных жителей, находившихся во вражде с защитниками башни, посоветовал осаждавшим накормить животных солью и пустить к башне. Животные, мучимые страшной жаждой, почувствовали под землей воду и стали рыть копытами в том месте, где проходил подземный водопровод. Враги нашли водопровод и уничтожили его. Защитники вынуждены были ночью через подземный выход покинуть крепость.

В отличие от специальных фортификационных сооружений, тех же боевых башен, основной функцией дома-крепости была функция жилища. Оборонительная функция была второстепенной. Но при этом, учитывая опасности, которые подстерегали жителей гор во времена Средневековья, владельцы жилых башен старались максимально использовать их оборонительные возможности. Во-первых, в экстерьере башни практически не использовалось дерево, чтобы башню нельзя было поджечь снаружи. Во-вторых, верхний этаж всегда был оборонительным. Этажи, расположенные над первым, хозяйственным, всегда были выше, что, кроме всего прочего, усиливало убойную силу стрел и камней защитников и делало их практически недосягаемыми для нападавших. Машикули всегда устраивали над дверным проемом, для того чтобы исключить возможность приближения к двери противника с целью поджога.

Дверной проем был всегда довольно узким и низким. Он обычно располагался с более недоступной стороны, что значительно усложняло применение стенобитного орудия. Кроме того, с внешней стороны дверной проем был значительно уже, чем с внутренней, и тем самым прикрывал края двери.

Очень часто устраивали потайной подземный выход из башни, по которому защитники при необходимости могли выйти в относительно безопасном для себя месте.

«Полубоевые» башни

Со временем, по всей видимости с увеличением внешней опасности в XIII–XIV веках, в некоторых районах горной Чечни усиливались фортификационные свойства жилых башен. Они стали выше, увеличилось количество этажей, план стал ближе к квадрату. На верхних этажах появились машикули, которые располагались обязательно над дверным проемом. Кроме того, башни этого типа отличались высоким уровнем кладки стен, тщательностью обработки камня. Башня не имела опорного столба в отличие от классической жилой башни. Археологом С. Умаровым была описана подобная башня в селении Баулой. Она была пятиэтажной. Каждый этаж, кроме пятого, имел дверной проем с восточной стороны. Восточная и западная сторона были защищены машикулями. Первый и второй этажи предназначались для содержания скота, третий и четвертый были жилыми, а пятый — оборонительным. Непременным атрибутом был парапет, который давал дополнительные преимущества защитникам башни при ее обороне с кровли. Башни этого типа сохранились в селениях Никарой, Баулой, Хайбах, Ца-Кале, Цеча-Ахк.

Известный археолог В. И. Марковин назвал этот тип вайнахских башен полубоевым. При этом он считал, что полубоевые башни являются переходным типом в эволюции от дома-крепости к боевой башне. Вряд ли с этим можно согласиться, учитывая, что боевые башни появились в качестве элемента фортификации в древнейших цитаделях намного раньше, чем жилые башни или дома-крепости. Еще более древними являются сторожевые и сигнальные башни.

Полубоевые башни были синкретическим типом, который сочетал в себе свойства и жилой, и боевой башни. В тяжелых экономических условиях гор это было вполне рационально, так как избавляло хозяина от необходимости строить специальную боевую башню, требующую огромных расходов. Но при всех достоинствах полубоевая башня не получила широкого распространения в горах Чечни. Это, вероятно, связано с тем, что к этому времени здесь широкое распространение получают башенные комплексы и замки, которые при всех других

преимуществах давали возможность их владельцам укрыть от врага и весь свой скот.

Трансформация жилой башни

Со временем уменьшается потребность в фортификационных свойствах жилой башни, что объясняется, с одной стороны, ослаблением внешней военной угрозы, с другой стороны, вновь появившейся традицией пристраивать к жилой башне специальную боевую башню. Это приводит к упрощению жилой башни и утрате оборонительных конструкций: оборонительного этажа, машикулей, увеличивается число оконных и дверных проемов. Число этажей уменьшается до двух-трех, появляются хозяйственные пристройки. Увеличивается число камер на каждом ярусе, появляется тенденция к горизонтальной планировке.

К этому типу можно отнести жилую башню, которая стоит к северо-западу от селения Итум-Кале, на левом берегу небольшой речки Кокадой-Ахк, впадающей в Аргун, на невысоком мысу.

Башня выложена из хорошо обработанных каменных блоков различной величины, большей частью довольно крупных. Башня прямоугольная в плане, ориентирована стенами по странам света. Размеры ее: 7,6 метра х 6,8 метра, высота — около 7 метров.

Башня, по всей видимости, была трехэтажной, но сохранились только два этажа. Она заметно суживается кверху. Западная стена, которая является фасадом, имеет два дверных проема: на первом и втором этажах. Дверные проемы в виде закругленных арок сложены из крупных каменных монолитов, арки фигурные (подобные встречаются на многих чеченских башнях, и на жилых, и на боевых). Дверной проем на первом этаже (1,3 метра х 1 метр) выполнен из более крупных монолитов. С боковых сторон проема есть глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь. Дверной проем на втором этаже сделан не прямо над первым, а справа. Изнутри дверные проемы расширяются, образуя стрельчатые арки. В нижнем углу справа — петроглиф в виде двойной спирали. Слева от входа на втором этаже небольшое окно с округленной аркой, выполненной из монолита.

Южная стена имеет лишь одно окно на уровне второго этажа. Восточная стена — сплошная. С северной стороны имеется лишь небольшое окно с аркой. Изнутри оно также расширяется, образуя

стрельчатую арку. С внутренней стороны в стене много ниш для хозяйственных нужд.

Внутри башни наполовину сохранился опорный столб, сложенный тщательно из хорошо обработанных камней. Каждый этаж башни, как это видно по остаткам конструкций, разделялся на камеры.

Такие башни имели широкое распространение в юго-восточных и центральных районах горной Чечни.

Постепенно жилая башня подобного типа трансформируется в обычный двухэтажный каменный дом, который описал К. Ган в 1901 году: «Дом достаточного чеченца построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему этажу, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этаж делится на четыре помещения, из которых первое, у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и 20 в длину. Тут стоят несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диаметром в два-три фута, где хранятся пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. Налево от этого помещения — гостиная, или кунацкая, с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками на одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и во всех комнатах, земляной, но здесь он покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение для хозяйственных принадлежностей. За всеми этими комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как и входная комната. Тут опять стоят кровать и громадные сундуки грубой плотницкой работы, сколоченные когда-то пленными русскими солдатами, несколько больших чанов, наполненных чеченским сыром, две-три высоких кадки с кукурузой. К стенам прикреплены тазы, тарелки и посуда разной величины, а к потолку на больших деревянных крючках привешены слегка прокопченные курдюки и надхребетные части хорошо выкормленных баранов».

Кроме того, в более поздние времена жилые башни часто перестраивались в обычные дома со скатной кровлей. Подобный дом, перестроенный из жилой башни, сохранился в селении Ушкалой на правом берегу Аргуна.

Башни, встроенные в скальные ниши

Встроенные в скальные ниши башни типологически относятся к древнейшему виду построек, в которых соединены жилая и оборонительная функции. Жилища подобного типа человек начинает строить еще со времен палеолита, закладывая камнями скальные пещеры и гроты.

В горной Чечне подобные постройки располагались в скальных массивах, на крутых каменистых берегах рек, иногда на очень большой высоте. Расщелины в скалах или горные пещеры закладывали с наружной стороны камнями, устраивая дверной и оконные проемы, бойницы и смотровые щели — как в обычной башне. Чаще всего такие башни имели одну стену (Нихалойская, Моцаройская) или три (Ушкалойская, Башинкалинская).

Одна из таких башен в устье реки Гехи была описана в свое время русским археологом Ф. Миллером: «К замку ведет узкая, частью высеченная в скале карнизом тропа, кое-где обрывающаяся и замененная деревянными мостками. Тропа ведет к низким, скорее похожим на окно, воротам, находящимся в остатках стены. Ворота ведут в небольшой двор, расположенный на естественном выступе, образуемом утесом. Двор со всех сторон обнесен стеною, частью обрушившейся. Налево параллельно с отвесным утесом внутри двора тянется стена, образующая жилище, которому левой стеной служит скала. Выше виднеются остатки двух башен, прикрепленных к навесу, образуемому утесом. На значительном пространстве скала покрыта копотью, свидетельствующей о том, что некогда в этой ужасной твердыне жили люди. Но поразительное впечатление производит небольшой балкон, сохранившийся каким-то чудом на страшной высоте. Некогда, когда замок возвышался во всем своем суровом величии, к балкону вела лестница, которая обрушилась с крутизны вниз, как и стены башен. В настоящее время балкон висит одиноким свидетелем прошлого и нет к нему никакого доступа. Держится он на массивных деревянных брусьях, выступающих на сажен из скалы».

Башня, встроенная в скалу, есть и у селения Моцарой, в Нашхе. Она состоит из одной наружной стены, которая имеет 12 метров в

длину и около 10 метров в высоту, а также дверные и оконные проемы и бойницы. По преданию, здесь жили люди, которые укрывались от кровной мести. На самом же деле уже давно никто не помнит, кто, когда и для чего построил эту башню, хотя по месту расположения она вполне могла быть сигнальной, в более поздние времена стала использоваться как убежище.

Башня, встроенная в выемку скалы, стоит и у селения Ушкалой на правом берегу реки Аргун. Она имеет три стены, четвертой стеной башни является скала. Сложена из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Кровлей башне служит каменный козырек скалы.

Северная и южная стены башни выложены по рельефу скалы, к которой они примыкают. Дверной проем выполнен в виде округлой арки, выложенной из камней. Чуть выше его — бойница. В самой верхней части стены — небольшой оконный проем. Западная стена — сплошная, имеет только пять бойниц. Она слегка суживается кверху. Южная стена имеет пять бойниц на разных уровнях. В верхней части сохранились остатки машикулей в виде каменных консолей. У самого верха стены — оконный проем.

Сохранились различные легенды, связанные с историей создания этой башни, но в основном они не имеют ничего общего с действительностью.

Убежищами встроенные башни были названы учеными, так как предполагалось, что в них укрывались в случае внезапной военной опасности местные жители, пастухи, случайные путники. На самом же деле многие из таких башен были не убежищами, а обычными сторожевыми или сигнальными башнями. Сторожевыми были

ушкалойские башни, прикрывавшие каменный мост через Аргун и дорогу, идущую вдоль берега. Сигнальными были Нихалойская и Башинкалинская башни. Это подтверждается не только фольклорными материалами и их расположением, но и тем, что у Башинкалинской башни есть визуальная связь с Гучан-калинской и Нихалойской.

Скальных построек башенного типа в горной Чечне сравнительно много (Ушкалой, Нихалой, Башинкале, Итиркале, Девнечу, Хайха, Дока-Бух) в отличие от других регионов Кавказа (за исключением Осетии, там исследователями отмечено несколько таких построек). Традиции возведения скальных башенных построек были сильны в Крыму, где также имеются следы нахского субстрата. Скальные склеповые сооружения в этом регионе связываются с появлением алан.

Ареал распространения башен

Жилые башни были распространены в горных районах Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. В меньшем количестве они встречаются в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Кроме того, жилые башни в качестве жилищ были характерны для северных районов Грузии, граничащих с Чечней: Хевсуретии, Тушетии и западнее для Мтиулети, Хеви и Сванетии.

В Чечне башня в качестве жилища была характерна почти для всей горной полосы, за исключением Ичкерии, ее самой восточной части, граничащей с Дагестаном. Это, вероятно, объясняется дефицитом строительного материала — камня. Ичкерия и Чеберлой были районами, которые чеченцы заселили сравнительно поздно (по крайней мере, после ухода оттуда войск Тимура), при их миграции с запада на восток. До их появления в этих местах, согласно фольклорным источникам, жили орстхойцы (этническая группа чеченцев), о строительных традициях которых в этом регионе ничего неизвестно. Хотя, по преданию, они тоже жили в башнях, и строительство легендарной башни Навруз-гала приписывается им.

В Чеберлое жилые и боевые башни имели широкое распространение почти во всех районах. На границе с Дагестаном боевые башни и укрепления (Хой, Кезеной, Харкарой) были построены правителем, который был послан туда из Нашха. Множество башен, жилых и боевых, в Чеберлое было разрушено во время Кавказской войны. В течение сравнительно короткого периода времени здесь было несколько крупных восстаний и против Шамиля, и против российских войск. Все эти восстания были жестоко подавлены, а селения, жители которых принимали в них участие, разрушены. С особым рвением и воины имама, и российские солдаты уничтожали башни. Их руины до сих пор можно видеть во многих, уже опустевших селениях Чеберлоя и соседних районов.

Башенными, то есть состоящими из одних боевых и жилых башен, были почти все селения в горной Чечне к западу от реки Шаро-Аргун: в Шарое, Майсте, Мелхисте, Терлой-Мохке, Нашхе, Акки, в ущелье Тазбичи, Аргунском ущелье, в ущелье реки Фортанга.

Боевые башни

Наивысшего расцвета архитектура чеченцев достигла в специальных оборонительных сооружениях — боевых башнях. До нашего времени в горной Чечне в различном виде сохранилось более 200 боевых башен, и это, несмотря на то что чеченские башни подвергались регулярному уничтожению с самого начала Кавказской войны.

В научной литературе сложилось мнение о том, что боевые башни являются результатом эволюции жилых башен (В. И. Марковин, С. Умаров), а так называемые полубоевые башни — промежуточным звеном этой эволюции.

Но нет никаких оснований считать жилые башни более архаичными, чем боевые. И те и другие восходят своими корнями к циклопическим постройкам, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. К тому же нужно учитывать, что впервые боевые башни должны были появиться в качестве укреплений стен цитаделей, по крайней мере, еще во II тысячелетии до нашей эры. Такие крепости, правда, более позднего времени, состоящие из мощных стен в форме прямоугольника или треугольника, по углам которого располагаются боевые башни, сохранились во многих районах Чечни, в том числе, в верховьях Аргуна, на горе Бекхайла, в Мелхисте, в селении Коратах, в ущелье Терлой-Ахк и других местах. Это может быть подтверждением, что боевые башни на Кавказе, как и в других районах мира, появляются первоначально как элемент цитадели, то есть как вспомогательные сооружения.

Еще более древними являются сигнальные и сторожевые башни. По всей видимости, первоначально для передачи сигналов с различной информацией, и прежде всего о военной опасности, использовались возвышенные места или верхушки деревьев, затем начали строить деревянные вышки и башни, и конечным результатом этой эволюции стала каменная башня.

Разница между сигнальными и сторожевыми башнями в научной литературе не обозначена.

Но, вероятно, сторожевые башни включают в себя и сторожевые в узком смысле слова, и сигнальные. Сторожевые в узком смысле башни строились у мостов, возле дорог, в тесных проходах в ущельях в целях их охраны (в мирное время они выполняли функцию таможни), но при этом они не использовались для передачи сигналов. Сигнальные же башни строились специально для передачи сигналов о военной опасности и должны были всегда иметь визуальную связь между собой. Они всегда являлись частью системы, объединяющей большие территории. Однако сигнальные башни в большинстве случаев были боевыми, хотя иногда их функции могли выполнять и башни, встроенные в скалы и пещеры (Башинкалинская, Нихалойская), которые ошибочно были определены исследователями как башни-убежища. Сторожевые башни почти всегда были боевыми и очень редко одиночными, а состояли из двух или более боевых башен, образуя комплекс.

Здесь можно задать вполне закономерный вопрос: зачем строить для передачи сигналов каменные башни, требующие огромных материальных затрат? Это, вероятнее всего, связано с тем, что после передачи сигнала дозорные, которые несли караульную службу в башне, чаще всего не могли, быстро покинув ее, примкнуть к основному войску. Поэтому они должны были иметь возможность обороняться. К тому же башни строились в стратегически важных в военном отношении местах, и их оборона отвлекала часть вражеских сил. Упоминания об осаде башен в ущельях Чечни есть в хрониках

летописцев Тимура. Если же была возможность построить сигнальную башню, используя рельеф местности (Башинкалинская, Нихалойская башни), в выемках скал, на вершине или у подножия утеса, то специальную боевую башню не строили.

Таким образом, если говорить о генезисе боевых башен на Кавказе, то можно это представить следующей схемой: боевая башня сигнальная — боевая башня как элемент цитадели — боевая башня как одиночная сторожевая — боевая башня как часть башенного комплекса. Последний тип оборонительной башни при жилом комплексе, появляется только в позднем Средневековье, вероятнее всего в XV веке, и связан с возрастающей социальной дифференциацией населения Чечни того времени.

Оборонительная башня называлась «бьоув». Несомненно, этот термин может быть связан и с междометием «бьоув», обозначающим вызов к битве, угрозу, но более со словом «бьо» — дозор, которое впоследствии приобрело более широкое значение, «войско». Оно же, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «бьан» — смотреть, видеть, откуда «бьаь-рг» — глаз. Этимология его связана с первичной, древнейшей функцией боевой башни — сторожевой, сигнальной.

Поэтому, если и можно говорить о том, что боевая башня более позднего происхождения по сравнению с жилой, то только имея в виду ее как фортификационный элемент комплекса. К тому времени, когда в горах Чечни и Ингушетии появляются башенные комплексы (сочетание боевой и жилой башен) и замки, боевая башня приобретает классические, завершенные формы. Большинство построек этого типа имеет пирамидально-ступенчатую кровлю, сложено на известковом растворе и отличается высоким уровнем строительной техники.

Боевая башня представляет собой квадратное в плане сооружение (классическая форма: 5 х 5 м), воздвигнутое из обработанного камня на известковом или песчано-известковом растворе, с сужением кверху (под углом 4–6) и высотой до 20–25 метров. Типичным сооружением подобного рода является боевая башня Гучан-Кале, расположенная на правом берегу реки Аргун, на высоком скалистом мысе, который образует небольшая речка Гучан-Арк, впадающая в Аргун.

Башня четырехугольная в плане, заметно суживается кверху. Углами она ориентирована по сторонам света. Размеры башни: 5 х 5

метров, высота — 18 метров. Толщина стен в нижней части — около одного метра. Башня выстроена из тщательно подобранных, а в некоторых случаях обработанных камней разной величины, на известковом растворе. Она имеет фундамент, выложенный из крупных камней. Башня — пятиэтажная, у самого верха имеет балкончики для стрельбы — машикули, при этом машикули у фасада и задней стены «уже, они крепятся на двух каменных подпорках, а в боковых стенах — шире, на трех подпорках. Межэтажные перекрытия не сохранились, но остались угловые камни, на которые опирались балки оснований. Кровля почти полностью разрушилась, поэтому ее характер не угадывается. Первый этаж башни забутован, то есть заполнен глиной и камнями.

Юго-западная стена является фасадом. На ней расположен дверной проем на уровне второго этажа, а также два окна — на третьем и четвертом этажах соответственно. Размеры дверного проема, с внешней стороны — 1,35 х 1 метр, с внутренней стороны — 2,25 х 1,3 метра. Арка входного проема выполнена напуском конусообразных камней. С внутренней стороны проем расширяется, образуя в стене углубление со стрельчатой аркой. На третьем этаже со стороны фасада расположено окно, на высоте трех метров от дверного проема. Арка окна изготовлена из каменного монолита. Над окном — два крестообразных узора, а выше углубленное изображение Т-образного знака. На уровне четвертого этажа также расположено окно с аркой из монолита, а над ним три крестообразных знака.

Северо-западная стена снабжена четырьмя бойницами, на четвертом этаже расположено окно с аркой. Слева от окна — каменная плита. Кроме того, на стене — крестообразные узоры и Т-образный знак, как и на других стенах.

Юго-восточная стена имеет окно на уровне третьего этажа, прикрытое со стороны склона широкой каменной плитой (необычная деталь для чечено-ингушских башен). Здесь расположены три бойницы: две (узкие) — на втором этаже, одна (широкая) — на третьем. Стена украшена крестообразными узорами и Т-образным знаком.

Северо-восточная стена не имеет окон, на уровне третьего этажа — Т-образный знак, а также бойницы. Согласно полевым материалам

башня существовала, по крайней мере, во времена монголо-татарского нашествия.

Строительство боевой башни сопровождалось теми же ритуалами, что и жилой. Если строилась сигнальная башня, то она строилась в таком месте и таким образом, чтобы имелась визуальная связь со смежными башнями сигнальной системы, но при этом учитывались и другие факторы, способствующие успешному ведению боя. Для сторожевых башен выбирались стратегически важные точки, господствующие над местностью, дающие возможность контролировать ключевые мосты, дороги, перевалы. Очень важным условием было наличие рядом источника воды, то есть ручья, родника, речки, так как при строительстве башни всегда старались провести туда потайной водопровод.

Боевая башня, как и жилая, обычно возводилась, как и жилая, на скальном грунте. При этом сигнальные башни строились на вершинах обрывистых утесов и были почти недоступны. В X–XI веках, когда стали строить боевые башни, требующие огромных материальных и физических затрат, их сторожевые и сигнальные функции стали совмещать. И поэтому большинство сторожевых боевых башен в горах Чечни были и сигнальными.

Так как основной функцией боевой башни была оборонительная (помимо сигнальной), то особое внимание уделялось ее фортификационным свойствам.

Это могло выражаться в том, что с наиболее доступной стороны стены башни делали совершенно глухими, оставляя в них лишь смотровые щели и бойницы. Дверные и оконные проемы устраивали с наиболее неприступной стороны. Во многих случаях может вызывать удивление то, как сами защитники попадали в башню — настолько опасным является подступ к дверному проему. К тому же в экстерьере башни не использовали деревянных конструкций, чтобы осаждающие не могли поджечь ее извне.

«Песня о том, как построили башню»

Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующих углы бов,
И был каждый камень равен ценою быку, а весом — восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда…
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряженья,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре каменотеса,
И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы…
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их,
И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!»
И каждый сказал: «Бов будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..»
И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком,
А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью,
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!»
Был приведен баран, чья шерсть горных снегов белей,
И рога, сделав дважды полный круг, были, как копья, остры…
И каждый камень был обагрен горячей, как солнце, кровью…
Пока в котле варился баран, была замешана известь,
И было белой известью скреплено скрепленное красной кровью…

После этого начали пир, на луг расстелив кошму…
Целую гору мяса принесли и поставили на кошму,
Золотистый, как день, чурек и черное пиво, густое, как ночь,
Принесли и поставили на кошму.
Сыр ноздреватый и желтый мед принесли и поставили на кошму,
И сто тридцать стаканов из серебра рода старейший отец
Вынес из гала, и на кошме расставили юноши их.
Сто тридцать мужей сидели вокруг, по самой кайме как раз,
И отразились на серебре двести шестьдесят глаз!
Сто тридцать юношей встали вокруг, ста тридцати мужам служа,
И небо раскинуло над кошмой свой голубой шатер…

На самом почетном месте посажен Янд — славный строитель бов
И первый наполненный стакан поставлен был перед ним.
Лучшие части барана и лучший чурек предложены были ему.
И если Янд поднимал стакан, все поднимали враз,
А если он ставил стакан, то ставили все, как один!
Пока он ел, готовясь к труду, ели и пили все,
А когда он насытился и сказал: «Баркал хозяину!» — то
Все перестали есть, и все хозяина поблагодарили…
И дечиг-пандара живое сердце трепетало под пальцами музыканта,
Когда восемь помощников Янда, встав, стали готовить известь…
Известь кипела, пенясь, шипя, будто змея, и густела…
И становилась вязкой, как темнота узких ночных ущелий…
Лишь только песня потухла, Янд встал и принялся за работу:
Он взял два камня и, смазав их известью, ударил один о другой,
И сразу два камня стали одним под сильной его рукой!
«Известь готова, сказал Янд, пора приняться за дело!»
И все ожило вокруг него, запенилось и зашипело!
Крутился ворот, от натуги скрипя: струной дечиг-пандара напрягался канат,

Скрученный из восьми ремней, вырезанных из кожи буйвола;
Камни, становясь, будто пух, легки, шли наверх, послушные неуклонно
И поворачиваясь в руках Янда нужной ему стороной.
Из разных мест ущелья привезены обломки различных глыб,
Скрепленные известью, становились они неделимым целым.
Камни ложились один за другим, вздымался за рядом ряд,
И казалось, что известь и камни между собой, как бы советуясь, говорят…
Так Янд работал, кипел и пел, яростью труда лют,
И казалось, что камни под его рукой, гордые собой, поют…
Работа кипела, и Янд горел в работе, не считая дней,
И в небо вонзилась своей вершиной стройной песня камней.
Первый ярус закончен, сюда никогда не заглянет день…
Ярус второй — уже свод сведен и очажная цепь висит,
Здесь будет дни свои коротать семья в случае войны!
Янд сам вытесал косяки из черных гранитных глыб,
Сам из дубовых брусьев сбил дверь толщиною в пядь,
Сам приладил засов, и сам проверил его работу,
Выше поднялся Янд и вновь принялся за работу!
Четвертый ярус — здесь сторожа, сменяясь, у бойниц встанут,
И все четыре стороны света будут как на ладони.
Так камни ложились за рядом ряд, ярус за ярусом росла бов.
И вот на триста шестидесятый день закончил Янд пятый ярус!

Четыре балкона с четырех стен выступали вперед,
И с каждого пуля-молния без промаха в сердце бьет!
И снова Янд поднимается выше, и выше уже нельзя, —
Здесь будет крыша, легкая, словно свет, стройным конусом сведена,
Ложатся уступами ряды камней, постоянно сужаясь кверху,
И тонкие плиты сланца их перекрывают сверху.
И вот опять ряд камней и плит, и снова камни и плиты,
А Янд все ближе, ближе к солнцу, ближе с каждой минутой!

В четыре дня двадцать рядов камней и двенадцать сланцевых плит
Под неутомимой его рукой, красиво перемежаясь, легли…
И вот триста шестьдесят пятый день, проснувшись, открыл глаза,
Сразу же хлынула дню в глаза просторная синева.
Вместе с рассветом проснулся Янд, легко заскрипел ворот,
Янд поднялся на башню, и у его ног расположились горы.
В последний раз напрягался канат, бесконечный, как человеческая память,
И последний раз ворот скрипел и пел, поднимая последний камень.
Закончена песня труда и камней — выше уже нельзя:
Над самою головою легкие облака плывут, скользя,
Садится солнце, и, пересекая ущелье, бов бросает тень.
Так стал последним, замковым камнем триста шестьдесят пятый день.

Несмотря на то что в песне много поэтического вымысла и позднейших вкраплений, в ней более или менее точно отражается процесс строительства башни, начиная с магических ритуалов, обработки и укладки камней основания и заканчивая установкой камня, завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю.

В песне, как и в других фольклорных материалах, отмечается роль мастера, руководящего процессом строительства. Мастер, по преданию, практически не принимал участия в работе, а только указывал своим помощникам, что и как делать, выполняя тем самым функцию архитектора. По преданию, ему доставалась еще и почетная, и очень опасная роль установки камня (цурку), завершающего пирамидально-ступенчатую кровлю. Для этого с наружной стороны к машикулю привязывали лестницу, и по ней мастер подбирался к венцу кровли. Это было смертельно опасным делом, и иногда заканчивалось гибелью мастера. За установку последнего камня хозяин должен был подарить мастеру быка. Строительство башни обходилось семье (если это была семейная башня) в 50–60 коров. Многие исследователи

пишут, ссылаясь при этом на Щеблыкина, что башня строилась без лесов. Но, вероятно, речь идет о наружных лесах.

Для возведения стен использовали внутренние леса, которые устанавливались на угловые камни, имевшие специальные выступы. Для подъема камней и балок применяли ворот, который назывался чьанарг или зеразак. Крупные камни, иногда весом до нескольких тонн, подвозили к месту строительства с помощью быков на специальных санях. Для обработки камня использовали различные инструменты: берг — вид кирки, варзап — молот, джау — молоток, даам — зубило. Известь для раствора готовили здесь же. В тех местах, где известь была дорогим материалом, в раствор добавляли песок или глину. При этом высшим проявлением строительного мастерства считалось использование оптимального количества раствора, так как в таком случае башня становилась более сейсмостойкой. Известью замазывали также швы между камнями, для того чтобы дождем не вымывался раствор.

Угловые (замковые) камни не только являлись элементом, связующим стены башни, но на них опирались и балки перекрытий.

Перекрытие первого этажа выполняли в виде ложного свода из камней с двумя рядами пересекающихся каменных выступов, которые называются гуртами. Такие своды назывались нартол тхов. Но это элемент, присущий в основном башням поздней постройки (XV–XVII веков).

Особое внимание уделялось обработке и отделке арочных камней дверных и оконных проемов. Такой камень назывался «куртулг» — гордый камень. На них очень часто наносили петроглифы.

Боевые башни были в основном пятиэтажными. Назначение различных ярусов башни трактуется исследователями по-разному. Одни считают, что первый этаж предназначался для содержания скота, другие — для содержания пленников. На самом же деле первый этаж башни обычно заполнялся камнями и грунтом, для того чтобы усилить нижнюю часть башни в случае применения стенобитных орудий.

Вызывает большое сомнение и термин «жилой этаж» по отношению к боевой башне. Классическая боевая башня — это такой вид оборонительного сооружения, который не предполагает длительной осады, если речь идет не о комплексе подобных сооружений, соединенных каменной стеной, то есть маленькой

крепости, например, типа Бекхайлинской. Это связано с тем, что защитники башни имели ограниченный запас вооружения, будь то камни, стрелы, ружейные заряды в более позднее время, небольшой запас продовольствия. И, конечно же, назначение этажей определяла их малая площадь. Если речь идет о сторожевой или сигнальной башне, то в ней могли нести дозор от четырех до шести человек, а в оборонительной башне, как части комплекса, укрывалась в случае опасности семья, живущая в одной или двух жилых башнях, к которым она была пристроена. Но ни один из этажей боевой башни не был приспособлен для длительного проживания, и поэтому вряд ли их можно назвать жилыми. В этом отношении абсолютно не имеющими ничего общего с реальностью являются легенды, связанные с теми или иными боевыми башнями в Чечне, в которых якобы жили их герои.

Практически все этажи боевой башни были приспособлены для наблюдения и ведения боя.

Чеченские и ингушские боевые башни однотипны и отличаются лишь временем постройки и габаритами. В зависимости от древности они различаются определенным уровнем строительной техники, обработки камня и изяществом форм.

По типу перекрытия чеченские (и ингушские) боевые башни делятся на три основные группы:

1. Башни с плоской кровлей.
2. Башни с плоской кровлей с зубцами по углам.
3. Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Башни с плоской кровлей являются наиболее древними, некоторые из них можно датировать XI–XIII веками. Они отличаются небрежной обработкой камня, являются не очень высокими, имеют небольшой угол сужения кверху. Чаще всего они имели не больше четырех этажей. Эти башни в большинстве случаев были сигнальными и сторожевыми или элементами цитадели, как, например, бекхайлинские. Хотя в некоторых случаях боевые башни с плоской кровлей могли быть и достаточно высокими, и стройными, отличались довольно высоким уровнем строительной техники, как, например, Хаскалинская.

Башни с плоской кровлей чаще всего строились в недоступных местах, на вершинах обрывистых утесов, речных мысах.

Башни второй группы отличаются большей высотой, стройностью, тщательностью обработки камня, большим углом сужения кверху. Они могут быть отнесены уже к XIV–XVI векам. Боевые башни с плоской кровлей с зубцами по углам могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в горах Чечни сравнительно немного, как, например, боевая башня на левом берегу Меши-Хи в Мелхисте.

Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей являются наиболее поздними из всех видов боевых башен в горах Чечни и Ингушетии. Многие из них в Чечне могут быть датированы XV–XVII веками, а в Ингушетии — XVII–XIX веками. Боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей практически не использовались как сторожевые и сигнальные. В большинстве случаев они являются элементом замкового комплекса, получившего распространение в горах Чечни в позднем Средневековье. Исследователи называют эти башни вайнахскими, так как они появились на местной почве и получили распространение в Чечне и Ингушетии. В Грузии они единичны и построены мастерами-вайнахами.

Так называемая классическая вайнахская боевая башня является наиболее совершенным в архитектурном и техническом отношении сооружением подобного рода на Кавказе.

Обычно это квадратное в плане сооружение, сложенное из хорошо обработанных камней на известковом растворе. Башня, как правило, имеет пять этажей. На уровне второго и верхнего этажа перекрытия выполнены в виде каменных сводов, которые имеют декоративные выступы в виде перекрестия — гурты. На остальных этажах

перекрытия деревянные, они опираются на балки, концами лежащие на замковых камнях.

Башни с пирамидальной кровлей отличаются особой стройностью и изяществом. Это связано с тем, что они имеют довольно большую высоту (до 25 м) сравнительно небольшую площадь основания (5 х 5 м), довольно большой угол сужения кверху.

На стенах пятого этажа установлены каменные балкончики — машикули.

У башен с пирамидальным венчанием машикули были в основном однотипными, представляя собой выложенные из каменных плит балкончики, которые крепились на двух, трех или более консолях, не имели дна. Со стороны машикулей в стенах башни были большие стрельчатые проемы, из которых защитники башни могли вести стрельбу по осаждающим.

На всех этажах башни в стенах имелись отверстия — бойницы и наблюдательные щели.

Кроме того, многие башни с пирамидально-ступенчатой кровлей имели дверные проемы на всех этажах, которые уменьшались пропорционально сужению башни.

Боевая башня с пирамидально-ступенчатой кровлей была высшим достижением народного зодчества вайнахов. Она строилась в удивительной гармонии с окружающей природой, всегда вписывалась в рельеф, сама становилась частью ландшафта. Сочетание малой площади основания с большой высотой, удивительная стройность и пропорциональность, пирамидально-ступенчатое венчание, подчеркивающее устремленность ввысь, симметрично расположенные балкончики-машикули, скупой, но гармоничный декор в виде геометрических фигур — все это создавало впечатление абсолютной завершенности форм.

Фортификационные свойства боевой башни

В результате совершенствования форм в течение тысячелетий боевая башня была наиболее приспособленной для ведения оборонительного боя. Высота ее (20–25 м) усиливала боевые возможности защитников башни. Во-первых, пущенная в них снизу стрела значительно теряла свою убойную силу. Во-вторых, это давало возможность защитникам вести круговой обстрел и увеличивало его дальность. Именно поэтому для ведения стрельбы предназначался верхний этаж, там у проемов располагались стрелки, которые держали под прицелом подступы к башне. Стрельба из лука велась поверх балкончика, который прикрывал стрелка.

Если же враги приближались к башне вплотную, то на них через машикули лили кипяток, кипящую смолу. Возможно, для этого использовали также дверные проемы верхних ярусов.

Сужение башни кверху позволяло защитникам сбрасывать на осаждавших камни, направление падения которых из-за рикошета было непредсказуемо и наносило врагу неожиданный урон.

На стенах башни на каждом этаже было множество бойниц и смотровых отверстий, их нередко очень сложно отличить друг от друга. Подобные бойницы невозможно было использовать для стрельбы из лука, хотя также сомнительно использование большинства из них при стрельбе из огнестрельного оружия.

Бойницы для ружей появляются в боевых башнях не ранее XVI века. Они довольно большие, по сравнению со смотровыми щелями, и имеют наклон вниз. Но при всем том ясно одно — бойницы не могут быть единственным основанием для датировки времени строительства башни, так как в некоторых башнях смотровые отверстия позднее были расширены для стрельбы из ружей. Но при этом сами башни не перестраивались.

Оборона поселений не сводилась только к войне в башнях, которые играли роль опорных и наблюдательных пунктов. Для ведения боя использовались и крыши жилых башен, и оборонительные стены, и рельеф местности. Если же в селении было несколько оборонительных башен, то они выстраивались так, что замыкали все

пространство вокруг него, практически не оставляя мертвых, не простреливаемых зон.

Замки и цитадели

В процессе эволюции строения, состоящие из боевой и жилой башен, перерастают в замки, обнесенные каменной стеной. Их появление в горной Чечне связано с социально-классовой дифференциацией общества.

В работе многих авторов утверждается мысль о том, что различные фортификационные сооружения в горной Чечне были порождением родового строя, являясь собственностью рода или тейпа. Народные предания и исторические источники связывают строительство замков и крепостей с именами местных феодалов. Так, например, крепость в селении Кезеной, согласно фольклорным материалам, была построена правителем Чеберлоя Алдам-Гези, присланным сюда из Нашха Мехк кхелом. Сооружения, расположенные на горной скале, обнесены высокой стеной протяженностью почти сто метров. Внутри крепости сохранился фундамент боевой башни.

Крепость Алдам-Гези, вероятно, построена в XV–XVI веках, в эпоху массовой миграции чеченцев с западных, перенаселенных районов на восток. По преданиям, эта миграция не была стихийной. Ее порядок определял Высший Совет Страны нахов — Мехк кхел.

Владельцу, а не тейпу принадлежал и замок в селении Моцарой. Он построен на мысу, образованном при слиянии рек Терлой-ахк и Никарой-ахк. Замок состоит из примыкающих друг к другу трех жилых и одной боевой башни и защищен высокой каменной стеной. Похожий замок, состоящий из жилой и боевой башен, с обнесенным

каменной стеной двором, существовал и в селении Барха, неподалеку от Моцароя. Он также, согласно фольклорным материалам, являлся собственностью одной семьи. Подобный замок с оборонительной стеной назывался по-чеченски «гьап» или «галан», цитадель же обозначалась термином «гьала». Такие сооружения были практически во всех селениях горной Чечни.

Строительство жилых и сторожевых башен, а также цитаделей начинается еще в аланскую эпоху, особенно в IX–XI веках, а возведение замков и башенных комплексов приходится на XV–XVI века, когда территорию Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после гибельных для нахских народов набегов кочевников.

Нашествие монголов в XIII веке привело к утрате могущества Алании — государства, основным этносом которого были нахи, предки современных чеченцев. Жители равнин и предгорий вынуждены были уйти в горы, хотя некоторая часть нахов продолжала оставаться в предгорных долинах. Походы Тимура не только уничтожили остатки их государственности, но и подорвали основы древней нахской цивилизации. Именно походы Тимура привели к значительной перекройке карты Северного Кавказа. Нахские племена, населявшие западные и центральные районы Кавказа, были вытеснены из районов тысячелетнего проживания или окончательно ассимилированы ираноязычными и тюркоязычными племенами. Следует заметить, что тюркизация западных нахов (алан) началась еще в X–XI веках, и при появлении монголо-татар на Северном Кавказе среди алан Северо-Западного Кавказа уже присутствовал определенный тюрский элемент.

Окончательная иранизация нахов Центрального Кавказа завершилась только в XV веке. Особую роль в этом процессе сыграли ираноязычные гарнизоны Тимура, разместившиеся у ключевых горных проходов Центрального Кавказа. Древний нахский субстрат Центрального Кавказа сохранил и материальную культуру, и антропологический тип, но утратил свой язык. Подобные процессы не являются единичными и присущими только данному региону. Например, в римских провинциях, причем не только в ближайших к Италии, но и в таких отдаленных, как Дакия, местное население

утрачивало свой язык под влиянием римских гарнизонов и начинало говорить на латинском. Но на заимствованный язык метрополии накладывались особенности местных наречий, что привело впоследствии к образованию новых, так называемых романских языков.

Поэтому можно говорить об определенном единстве материальной культуры нахов и осетин, которое существовала вплоть до XIV–XV веков, то есть до времени полной ассимиляции нахского субстрата ираноязычными элементами. И это единство получило конкретное проявление именно в древних архитектурных формах.

Так называемая вайнахская башенная культура окончательно формируется в XIV–XV веках, создавая свои специфические архитектурные формы, которые уже не встречаются в других регионах Кавказа.

После нашествия Тимура оставшиеся в живых непокоренные нахи ушли в горы. Территория их расселения ограничивалась с востока Андийским хребтом, на западе — течением Терека, на юге — Главным Кавказским хребтом, на севере — полосой Черных гор. На этой территории формируется новая этнокультурная и языковая общность, которая уже в наше время получило название вайнахской, и на ее базе окончательно складывается единая материальная культура и, в частности, один из ее видов — башенная и склеповая архитектура.

Еще во времена нашествия монголо-татар и Тимура начинается миграция отдельных нахских племен уже внутри этой территории. Она направлена и на восток, в сторону Ичкерии и Чебер-лоя, и на запад — в ущелье Армхи, и на юг — в Грузию.

Активный период этой миграции завершается к концу XV — началу XVI века. Именно тогда складываются новые территориальные общности в горах Чечни и Ингушетии и, по всей видимости, начинается экономический подъем, который приводит к резкому социальному расслоению чеченского общества. К тому же, согласно семейным хроникам, так называемым тептарам, некоторые аланские феодалы, спасаясь от отрядов Тимура, скрывались в горных ущельях со своими дружинами, захватив свои богатства. Здесь они сталкивались с родственным по происхождению и языку населением, проживавшим в этих ущельях издавна. Конечно же, эти столкновения заканчивались по-разному. Несомненно, в этот период в горной Чечне

обновляется феодальное общество, и мощные замковые комплексы и цитадели в горах — материальное тому подтверждение.

Система сторожевых поселений, замков и башен горной Чечни

Сторожевые поселения, замки и башни строились в горной Чечне таким образом, чтобы имелась возможность контролировать все ключевые перевалы, дороги и горные тропы. Эти укрепления составляли единую систему сторожевых сооружений.

Дорога в горную Чечню с севера, вдоль реки Асса, которая поворачивает у селения Алкун в ущелье Фортанги, контролировалась башенным поселением Базанте, расположенным на самом гребне хребта. Вход в ущелье реки Фортанга преграждали башенные селения Бамут и Гандал-баса. Место соединения двух этих дорог было защищено мощным укрепленным поселением Цеча-Ахк. Перевальные пути между Ассой и Фортангой от Бамута до Цеча-Ахк охранялись башенными селениями Нижний и Верхний Даттых и крепостью Эгичож.

Дороги и перевальные пути в ущелье Акки-мохк контролировались башенными укреплениями Мизир-гала, Гажа-гала, Девнечу, Итир-Кале. Подступы к Акки с юга и запада были защищены селениями Воуги и Хаге.

К востоку от Акки находится область Нашх, через ущелья которой протекают две речки, Гехи и Рошня. В ущелье Рошни, на горе Муши-дук являющейся северной окраиной Нашха, были обнаружены руины оборонительного сооружения. Ущелья Нашха прикрываются со всех сторон мощными башенными укреплениями Моцарой, Хайбах, Чармах, Тийст.

Ущелье Кей-мохк, расположенное к юго-западу от Нашха и через которое проходит дорога от озера Галанчож через Акки в Мелхисту, укреплено оборонительными сооружениями селений Нижний Кей и Верхний Кей, Мештара, Геши. Далее эта дорога идет от самого западного селения Мелхисты — Меше к ее сердцу — Цой-Педе. Вдоль нее, по ущелью речки Меши-хи возвышаются замки и укрепления селений Меши, Икальчу, Сахана, Коротах.

У селения Цой-Педе, где сохранились две боевые башни, к одной из которых примыкает оборонительная стена, а другая составляет

комплекс замкового типа, дорога раздваивается, уходя в противоположные стороны: в Хевсуретию, на северо-восток, в Аргунское ущелье, вдоль Чанти-Аргуна.

К северу от Мелхисты расположено общество Терлой-мохк, которое изрезано ущельями рек Баулой-Ахк, Терлой-Ахк и Никарой-Ахк. Через эти ущелья проходили дороги из Нашха, Акки-Мохка, Ялхароя в центральные и восточные районы горной Чечни. Эти дороги контролировались замковыми комплексами Моцароя, Никароя, Баулоя. А выход из ущелья Терлой и дорога в Грузию, идущая вдоль левого берега Аргуна, прикрывались замком Кирд-Бавнаш, владельцем которого по преданию был князь Берг-Бич.

Аргунское ущелье, одно из самых крупных по протяженности на Северном Кавказе, было и самым укрепленным ущельем в этом регионе. Вдоль реки Аргун в Грузию и в горные районы Чечни проходила дорога, которая в отдельные периоды времени играла гораздо большее значение, чем путь через Дарьял.

Вход в ущелье преграждал башенный комплекс у селения Чишки, просуществовавший до середины XIX века. По описанию А. П. Берже, дорога от Воздвиженского укрепления в Шатой «сначала идет по равнине, имеющей легкий склон к берегу р. Аргун, а в 3-х верстах ее сопровождает очень мелкий, но густой кустарник до подъема к башне. Вышеупомянутая башня построена для обстреливания подъема, по миновании которого дорога вступает незаметным склоном в теснину. Потом она спускается ко второй башне, защищающей переправу чрез деревянный мост на р. Чанты-Аргун. После переправы чрез мост открывается аул Башин-Кале, расположенный на скате горы. От аула вверх до Чанты-Аргуна выстроено много башен; оне попадаются на каждой версте».

Боевые сторожевые и сигнальные башни стояли вплоть до самой границы с Грузией, у башенного селения Шатили, которое чеченцы называли «Шедала», а его жителей именовали «шедалой» и идентифицировали их больше с вайнахами, чем с грузинами.

Восточный приток Аргуна — Шаро-Аргун, рассекает систему хребтов с юга на север и образует Шаро-Аргунское ущелье, густо заселенное до 1944 года. Вход в ущелье с севера прикрывался башенными укреплениями у селения Дай. Ключевым в этом ущелье было укрепление в селении Шарой, состоявшее из трех боевых и

нескольких жилых башен. Оно контролировало дороги из Аргунского ущелья в Шарой, Чеберлой, Кахетию и Дагестан.

Не менее укрепленной была и историческая область горной Чечни — Чеберлой, расположенная на юго-востоке.

Здесь также была выстроена целая система укреплений и башенных комплексов у селений Кезеной, Макажой, Харкарой, Хой, откуда контролировались дороги в Шарой, Ичкерию и Дагестан.

Наиболее мощным являлось укрепление Кезеной, представлявшая собой настоящую средневековую крепость, расположенную на высоком утесе. Согласно преданию, она принадлежала легендарному Алдам-Гези, присланному в Чеберлой правителем из Нашха.

Селение Хой располагалось на границе между Чечней и Дагестаном. До нашего времени сохранилась лишь боевая башня на его окраине, которая ранее являлась частью укрепления. Интересно, что само название села, «Хой», переводится как «стражники».

Была защищена со всех сторон башенными укреплениями и историческая область Майста, самая труднодоступная и неприступная с точки зрения фортификации. В XII–XIII веках, в разгар войны с кочевниками, Майста была столицей Чечни, где собирался Мехк кхел (Высший Совет страны) — высший представительный орган чеченского государства. С востока ущелья Майсты защищались башенным поселением Ца-Кале с мощным замковым комплексом и оборонительной стеной. Дорога в Грузию прикрывалась башенными укреплениями Пуога и Туга, нижнюю тропу вдоль берега Майстойн-Эрк контролировал мощный замковый комплекс Нижняя Туга. В центре Майсты, на высоком каменном утесе, стояла крепость Васеркел, разрушенная в результате войны с персами еще в раннем Средневековье. На ее территории остались руины и основания более двадцати боевых и жилых башен. Крепость Васеркел контролировала все дороги, проходившие через Майсту, с востока на запад и с севера на юг. Кроме того, она была культовым центром горной Чечни.

Башни и башенные укрепления защищали и боковые ущелья, прорезанные небольшими речками, впадающими в Аргун слева и справа. Башенным можно назвать ущелье Тазбичи, в котором до нашего времени сохранилось более тридцати боевых и жилых башен и замков.

Защищены башнями были и дороги Ичкерии, самой восточной области Чечни. Наиболее известные башни располагались у селений Харачой, Ца-Ведено, Дарго, Сержень-юрт, Курчалой.

Таким образом, в период позднего Средневековья вся горная Чечня контролировалась системой сторожевых поселений, замков и башен. Это опровергает сложившееся в исторической науке мнение о том, что Чечня в позднем Средневековье представляла собой ряд разрозненных горных областей и обществ, так как подобная система могла быть создана только народом, имевшим свое государственное образование.

Великая сигнальная система

Самые древние сигнальные системы возникли, вероятно, еще в эпоху неолита, то есть в период, когда древние люди были вынуждены бороться не только с природой за свое существование, но и с себе подобными.

Долгое время для передачи военных сигналов не строилось специальных сооружений, а для этого использовались возвышенные места, вершины гор, утесы, деревья. Для передачи сообщений существовали различные знаковые системы, но наиболее распространенной была передача сигналов с помощью огня и костров.

Позже, в эпоху ранних государств, для передачи сигналов стали строить специальные сооружения, деревянные вышки и башни.

На территории древнейших расселений нахских племен (от границ Дагестана до Кубани) практически не осталось следов существования древних сигнальных систем.

На территории современной Чечни сохранились не только отдельные элементы сигнальной системы, которая начала складываться, вероятнее всего, еще в аланскую эпоху (IX–XIII вв.), но и ее большие звенья. По всей видимости, она была перестроена в XII–XV веках, когда нахи — жители равнин, или аланы, были вынуждены уйти в горы под натиском многочисленных орд Чингисхана и Тимура и создали здесь новое государственное образование, являвшееся ассоциацией территориальных общин или вольных обществ, а также небольших феодальных владений.

Хотя это государственное образование не имело всех атрибутов классического государства (постоянное войско, институты управления и подавления, содержащиеся на налоги населения), оно все же было государством.

Во-первых, существовал высший орган страны — Мехк кхел, в котором были представлены все субъекты этой ассоциации. Во-вторых, Мехк кхел собирался регулярно, не реже двух раз в год, а в случае необходимости чаще: решал вопросы войны и мира, регулировал адаты, собирал налоги для строительства дорог, крепостей и башен, а также для формирования войска.

Именно в этот период завершилось создание Великой сигнальной системы, объединившей в одно целое, разбросанные по горным ущельям территориальные общины и небольшие феодальные владения Чечни.

Великой ее можно назвать потому, что она охватывала всю Чечню, почти каждое ущелье, каждое селение, начиная с левобережья Терека и заканчивая сигнальной башней самого южного селения Джарие, на границе с Грузией.

Боевые сигнальные башни почти всегда имели плоскую кровлю, нередко с зубцами по углам. М. А. Иванов пишет даже о специальных сигнальных башнях, у которых была каменная площадка перед окном верхнего этажа, на которой разводили огонь.

Строить сигнальную башню, находившуюся неподалеку от селения, и следить за ее состоянием должны были его жители. Они также были обязаны регулярно выделять несколько человек для несения караульной службы на башне. В случае военной опасности сигнал передавали ночью с помощью огня, днем — с помощью дыма. В чеченском языке до нашего времени сохранилось выражение «кьур ба», которое буквально переводится как «дымить», а в настоящее время имеет смысл «уходить от опасности».

Великая сигнальная система сохранялась вплоть до начала XIX века. Во времена Кавказской войны многие башни, входящие в нее, были разрушены. Часть элементов этой системы существует до сих пор, часть упоминается в исторических документах и в публикациях авторов XIX века.

Есть достоверные сведения о существовании сторожевой и сигнальной башен на хребте в районе Ханкалы. Само название «Ханкала» (по-чеченски Ханкала) переводится как сторожевая башня. Южнее, на склоне у входа в Аргунское ущелье еще в середине XIX века стояла сигнальная башня, чуть ниже — другая. Эти башни были разобраны русскими войсками при строительстве крепости Воздвиженской во второй половине XIX века. Далее, согласно А. Берже, башни стояли на каждой версте. Многие из них оказались разрушены во времена Кавказской войны, некоторые разобраны при строительстве домов жителями окрестных селений.

До нашего времени сохранилась значительная часть сигнальной системы в верховьях Аргуна, начиная с Шатойской башни, которую

была реставрировали в конце 80-х годах прошлого столетия. Шатойская башня имеет визуальную связь с Нихалойской, а та с Башенкалинской башней, встроенной в скалы почти у самой вершины каменистого утеса, с нее видна и Гучанкалинская башня. Последняя была связана с Чиннахойской башней, та же с сигнальной башней у въезда в селение Итумкале, которая, в свою очередь, имела визуальную связь с Пакочским замковым комплексом и Бекхайлинской цитаделью. Пакочский замок и Бекхайлинская цитадель были связаны с сигнальными системами боковых ущелий. Боевые башни селения Дере имели визуальную связь с Хаскалинской и Эткалинской башнями, а также боевой башней у селения Хелды, с Бекхайлинской цитаделью, замком Басхой и боевыми башнями Дишни-мохк. Последние — с Хачароевской боевой башней и сигнальными башнями боковых ущелий, в том числе, сигнальными башнями, находящимися выше по Аргунскому ущелью.

Во внутренних областях горной Чечни существовали свои сигнальные системы, имевшие связь с сигнальными башнями других ущелий. Например, были связаны между собой все башенные селения Майсты: Ца-Кале, Васеркел, Пуога, Туга. Сигнальная башня на вершине Майстинского хребта обеспечивала связь с замком Коротах на горе Коре-лам в Мелхисте, а через него и со всей сигнальной системой Аргунского ущелья.

Подобную же структуру имела и топография селений ущелий Терлой-мохк, которые через укрепление Кирд-бавнаш были также связаны с другими сигнальными башнями по берегам Аргуна.

Сигнальные системы Нашха, Пешха и других западных районов горной Чечни объединяла сигнальная башня на горе Варгилам, возвышавшаяся над окрестными вершинами. С нее были видны боевые башни Кей, Акки, Ялхароя.

Селения Мелхисты связывались между собой через замок Коротах, расположенный на вершине Коре-лам, откуда как на ладони открывается вся долина реки Меши-их с селениями Сахана, Икалчу, Тертие и пограничным с Ингушетией селом Меши, где сохранился мощный комплекс из одной боевой и двух жилых башен. Кроме того, с горы Коре-Лам видны и башни разрушенного в Средние века селения Цой-Педе, и сигнальная башня Джарие, расположенная на очень

высоком утесе, а на правом берегу Аргуна, на вершине, видны руины башни селения Доза.

В единую систему были объединены селения Шароя и Чебер-лоя, которые через промежуточные башни были связаны с сигнальными башнями Аргунского и прилегающих к нему боковых ущелий.

Таким образом, в XIV–XV веках сторожевая и сигнальная системы в горной Чечне получают классическое завершение. Конечно, такая четко спланированная оборонительная система, учитывающая особенности рельефа, тактическую и стратегическую значимость тех или иных горных перевалов и дорог, не могла быть создана разрозненными территориальными общинами и вольными обществами. Для этого должно было существовать государство. И о его существовании и возможностях в определенный период времени нам напоминают сохранившиеся и по сей день звенья этого средневекового чуда горной Чечни — Великой Сигнальной Системы.

Культовые и погребальные сооружения

Древние культовые постройки в горах современной Чечни почти не сохранились, в отличие от западных районов древнего расселения нахов. Это, вероятно, связано с тем, что ислам здесь распространился раньше, поэтому христианские храмы и языческие святилища в XVIII–XIX веках были большей частью разрушены.

Идея высшего божественного начала в средневековых языческих культах чеченцев была абсолютно абстрактной. В этом отношении она была гораздо ближе к раннему христианству и исламу, чем к другим монотеистическим религиям. Она не могла быть воплощена в какие-либо конкретные формы и образы, как в позднем христианстве, и не требовала создания идолов. Функции второстепенных языческих божеств были низведены к функциям обычных христианских или мусульманских святых. В архитектуре до полной абстракции эта идея была доведена в столпообразных святилищах — небольших каменных столбиках, которые явились конечной ступенью развития языческих храмов и святилищ.

Об этом, кстати, писал И. А. Гильденштедт в начале XIX века: «Они (чеченцы. — Л. Ильясов) имеют, однако ж, некоторые следы христианства, даже явственнее, нежели у других кавказцев. Они веруют токмо в единого Бога, именуемого ими Декла (Дела. — Л. Ильясов), и не знают никаких других богов или кумиров, ниже святых».

Древние предания сохранили память о существовании в горах Чечни христианских храмов и монастырей и о деятельности миссионеров, которые, вероятнее всего, были византийскими, а позже генуэзскими монахами.

Следы христианства остались и в топонимике многих мест, в том числе и культовых, в горах Чечни, в календарных воззрениях и языке чеченцев. Но в чистом виде христианство на Северном Кавказе не привилось. Христианские идеи горцы восприняли через призму своих языческих верований. В конце концов язычество победило, но это было уже не идолопоклонничество, а синкретический культ, в котором

смешались христианские, мусульманские, языческие и даже иудейские черты.

Одним из древнейших и основных религиозных культов нахов был культ Солнца, дневного светила, который позже трансформировался в культ Единого и Всемогущего Бога, творца и создателя, несущего свет мирам. Его имя, несомненно, связано с названием индоевропейского верховного божества неба. Имена практически всех вайнахских языческих божеств и демонов имеют свои параллели в древних переднеазиатских и средиземноморских культах, а мифология перекликается с мифами, в том числе и древнегреческими.

Например, знаменитый античный миф о титане Прометее перекликается с чеченским мифом о нарте Пхармате, который похитил огонь у божества огня и грома Селы и отдал его людям, за что был прикован к вершине Казбека и осужден на вечные муки.

В чеченской версии Пхармат был кузнецом и ковал оружие из бронзы, что дает возможность отнести время появления этого мифа к концу III — началу II тысячелетия до нашей эры.

Архаические мотивы, сохранившиеся в чеченских сказаниях о нартах, являются подтверждением того, что нартский эпос первоначально зародился именно у нахов и получил широкое распространение на территории их расселения.

Основанием для этого могут также служить древнейшие пласты, зафиксированные в нартских сказаниях чеченцев, имеющие близкие параллели в древнегреческих мифах, существовавших, по крайней мере, в начале I тысячелетия до нашей эры. В начале третьей песни «Илиады» Гомер сравнивает сражение греков и троянцев с битвой журавлей и карликов:

> Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
> Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
> Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
> Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
> С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
> Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
> С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.

В основе этого сравнения лежит античный сюжет о карликах, живущих на самом юге Океана, которые ведут войну с журавлями, ежегодно перелетающими в теплые края. В чеченской версии мифа, записанной С.-М. Хасиевым, объясняется причина этой вражды: «Своими неблаговидными делами и гордыней нарты прогневили Бога. Чтобы наказать их и унизить, Бог решил создать карликов — «пхагалбери» (в переводе с чеченского — заячьих всадников. — Л. Ильясов), которые превосходили всех на свете физической силой, были неуязвимы для любого вида оружия и могли жить в разных измерениях. Карлики побеждали нартов, но оказались настолько коварными и жестокими существами, что со временем не только нарты, но и все живое на Земле обратилось к Богу с просьбой об избавлении от них. Вначале нарты решили, что карлики неуязвимы лишь для мужчин, и в бой с ними вступили амазонки, но и они не смогли одержать победы.

Вот тогда Создатель вспомнил о данном Им слове и решил вызволить из-под корней самых высоких гор души проклятых воинов, проявивших жестокость по отношению к врагу. Бог превратил их в журавлей, чтобы они низвергли карликов. С тех пор и существует вражда журавлей и пигмеев».

Древнегреческий миф о золотом руне является отголоском древнего кавказского (прежде всего, нахского) культового праздника, который, вероятно, был связан с какими-то календарными циклами, а не только с распространенным на Кавказе способом добычи золота, как считали до сих пор многие исследователи.

По информации С.-М. Хасиева, еще в Средние века в Чечне отмечали праздник, связанный с 11-летним календарным циклом. Во время празднества шкуру барана, обязательно белого и обладающего девятью необходимыми признаками, после специальной обработки растягивали на дубовой раме «джаар» (крест). Это культовое сооружение, называвшееся «дашо эртал» — золотое руно, сохраняло магическую силу, по поверьям чеченцев, в течение одиннадцати лет и тщательно охранялось.

Имя хурритского божества неба Ану (шумерское Ан) имеет соответствие в нахском Ана. Подтверждением этому является название горизонта в чеченском языке — анайист буквально — «край, конец неба» или Аны.

Перекликаются с переднеазиатскими культовыми именами и названия таких нахских языческих божеств, как Эштр-Иштар, богиня любви у ассирийцев, Ма-Ма-Матерь богов, Дика — Дикэ, древнегреческая богиня справедливости.

В этом смсле интересную параллель с древнеегипетскими культами можно обнаружить в чеченском языке. Так, согласно египетской мифологии, одна из девяти сущностей человека называлась «са-ху» — оболочка души. В чеченском «са-ху» — это «семя души».

Языческие культы, так же как и мифология нахов, практически не изучены, тем более в сравнении с другими, переднеазиатскими, средиземноморскими, кельтскими, германскими, славянскими мифами, с которыми первые имеют много параллелей. Единственной обобщающей работой по этой теме остается труд Б. Далгата, который носит в основном информативный характер.

Помимо основных в Средневековье у нахов существовали и другие, второстепенные культы, которые имели прикладное значение, а сами языческие божества были антропоморфны, могли принимать облик обычных людей или животных и в таком виде непосредственно вмешиваться в человеческую жизнь.

Культовые сооружения

Культовые сооружения Северного Кавказа исследователи делят на три основных вида: 1) храмы; 2) святилища с полным внутренним пространством; 3) столпообразные святилища.

Христианские храмы, по крайней мере сохранившиеся до нашего времени в различных районах Кавказа, не отличаются большим разнообразием архитектурных форм. Независимо от того, представляют ли они собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей (центральный район) или многокупольные сооружения (западный район), все они — типичные образцы византийской культовой архитектуры, получившей распространение почти во всех районах Кавказа, в том числе в Грузии и Абхазии.

Храмы в период существования аланского государства строились на Северном Кавказе в большом количестве, так как Византия пыталась расширить здесь свое влияние именно через христианство. Эти же цели преследовала и Грузия, сооружая христианские храмы в горных районах. К нашему времени большинство их разрушено людьми и временем.

О существовании в горной Чечне христианских храмов писали исследователи, посещавшие ее в XVIII веке, но до нашего времени ни один из них не сохранился.

Языческие святилища с полным внутренним пространством представляют собой прямоугольные постройки с двускатной кровлей, сложенной из шиферных плиток. В этом они напоминают уменьшенные копии христианских храмов типа однонефной базилики с двускатной кровлей. И, несомненно, именно архитектура храмов определила внешний облик языческих святилищ. Из-за внешнего сходства с погребальными наземными постройками эти святилища также называют склепообразными.

Святилища в большом количестве сохранились на территории Ингушетии ввиду того, что там языческие культы просуществовали буквально до начала XX века.

Немало языческих святилищ с полным внутренним пространством в Средневековье сооружалось в горах Чечни, особенно

в Майсте, своеобразном культовом центре нахов. Это был единственный район, где существовал особый жреческий клан, члены которого обладали тайными знаниями.

Сегодня день почти единственным сохранившимся в горах Чечни языческим святилищем с полным внутренним пространством является святилище Терлой Дели в обществе Терлой-Мохк. Оно представляет собой сооружение прямоугольной формы, сложенное из камней, с широким дверным проемом в виде арки. Постройка была, по всей видимости, довольно высокой, если высота сохранившейся стены составляет почти три метра. Со стороны фасада небольшая каменная ограда образует дворик. Согласно полевым материалам, два раза в году, весной и осенью, к святилищу собирались на молитву жители (только мужчины) Терлоевского и Бавлоевского ущелий. Кроме того, в дождливые годы сюда приходили молиться о прекращении ненастья, а в засушливое время просили дождя. Терлой Дели почитали и охотники, которые в качестве даров оставляли в святилище наконечники стрел, а также рога и шкуры убитых животных.

Святилищем считается также прямоугольная постройка типа жилой башни в селении Итум-Кале. Внутри нее сохранились остатки каменных колонн и тайник, наличие которого позволяет отнести это сооружение к культовым постройкам.

Столпообразные святилища представляют собой вертикально вытянутые прямоугольные сооружения в виде столбов с квадратным основанием, выложенные из камня на известковом растворе. Квадратные сооружения обычно не имеют наверший. Святилища с прямоугольным основанием имеют двускатную или пирамидально-ступенчатую кровлю. Считалось, что столпообразные святилища посвящены божеству грома и молнии Селе, поэтому они назывались сиелингами.

В горах Чечни сохранилось несколько столпообразных святилищ. Два из них в Мелхисте, у некрополя Цой-Педе. Они представляют собой невысокие каменные столбики с квадратными нишами.

Существует сиелинг и в Майсте, в селении Ца-Кале. Это довольно высокое (до двух метров) столпообразное сооружение, выложенное из хорошо обработанного камня на известковом растворе. На южной стороне имеются две глубокие квадратные ниши. Верхняя часть святилища разрушена, поэтому невозможно судить о характере кровли.

Столпообразное святилище с прямоугольным основанием сохранилось в обществе Терлой, на окраине селения Моцарой. Оно находится рядом с кладбищем, состоящим из наземных склеповых могильников и поздних мусульманских захоронений. Стены святилища сложены из серого плитняка на известковом растворе, оштукатурены и побелены желтоватой известью. Кровля у него пирамидально-ступенчатая. Высота святилища — более двух метров. Со стороны фасада имеется стрельчатая ниша. Согласно полевым материалам, возле него совершались различные языческие обряды, приносили в жертву животных, путники, собираясь в дорогу, просили себе доброго пути.

К культовым постройкам относятся, вероятно, и «кулли», или «хаша бен», так называемые «дорожные гостиницы», представлявшие собой небольшие каменные домики с двускатной кровлей. Их строили обычно у родников для запоздавших в дороге путников. Первоначально строительство «кулли» было связано с культом дороги, сохранившимся в различных реликтовых традициях у горцев Кавказа.

Кроме того, в качестве культовых построек использовали и наземные склепы с открытой поминальной камерой, которые также могли иметь двор, огороженный каменной оградой. Они назывались «кашков». Подобный склеп сохранился в селении Тертие в Мелхисте. Он крупнее обычных склепов. Фасад его украшен ромбовидными и квадратными узорами в виде углублений, спиралью, а по краям и над входом — каменными бараньими головами. Здесь, согласно полевым материалам, совершались языческие обряды, а также ритуал поминовения, который назывался «кашмарт», то есть «могильная трапеза». Кроме того, «каш-ковы» использовались и в общественной жизни села. Здесь заседал совет старейшин, а рядом — сельский сход.

Анализ архитектуры культовых сооружений на территории древнего расселения нахов приводит к мысли о том, что от эпохи раннего Средневековья к его позднему периоду идет упрощение и, по сути дела, деградация архитектурных форм. Постройки византийской архитектуры, обладающие завершенными формами, вырождаются сначала в склепообразные святилища, а затем в столпообразные сиелинги. В духовном плане этот процесс сопровождается возвратом горцев от христианства к языческим верованиям, но уже имеющим сильные христианские наслоения.

В отличие от культовой архитектуры башенная культура нахов в этот период очень бурно развивается, совершенствуется строительная техника, жилые и боевые башни получают классические, завершенные формы, возникают башенные комплексы. Расцвет башенного строительства в Чечне приходится на XV–XVII века, в Ингушетии — на XVII–XIX века. На этом фоне деградация архитектурных форм культовых сооружений кажется очень странной.

Погребальные сооружения

Погребальные сооружения, наряду с жилыми и боевыми башнями, относятся к наиболее многочисленным средневековым постройкам в горных районах Центрального Кавказа. В горах Чечни существуют два крупнейших на Кавказе некрополя: Васеркел в Майсте, и Цай-пхеда в Мелхисте. В каждом из них насчитывается более полусотни каменных склепов. Кроме того, небольшие группы склепов, а также одиночные погребальные сооружения сохранились на территории почти всей горной Чечни, от ущелья Фортанги на западе до течения реки Шаро-Аргун на востоке. В восточных районах Чечни (Ичкерия, Чеберлой) подобных сооружений не сохранилось, но существует множество надмогильных склепообразных памятников, являющихся реликтами древней склеповой погребальной культуры.

Погребальные сооружения нахов делятся на три основных типа: подземные склепы, полуподземные склепы, надземные склепы.

Подземные склепы — это полностью погруженные в грунт прямоугольные погребальные камеры, стены которых выложены из камней, а кровля сделана из каменных плит. Внутри камеры, вдоль стен устраивались каменные полки в несколько рядов. На них укладывали умерших. В одной из поперечных стен проделывался прямоугольный вход, который после совершения ритуала захоронения засыпался землей. Подземные склепы практически незаметны на поверхности земли. Их можно обнаружить по небольшим пологим холмикам.

Полуподземные склепы отличаются от подземных лишь тем, что часть стен с кровлей и вход вынесены на поверхность склона. Внутри них также устроены каменные полки. Часто в таких склепах сводчатые потолки, образованные за счет наклона кладки боковых стен.

Наземные склепы — это тип погребальных сооружений, которые полностью вынесены на поверхность земли. Чаще всего они представляют собой прямоугольные постройки с двускатной, плоской или пирамидально-ступенчатой кровлей. Стены выложены из камня, кладка на известковом или известково-глинистом растворе. Со стороны фасада они обычно имеют квадратный лаз, а если склеп

двухэтажный, то два — на каждом этаже по одному. Старики утверждают, что в старые времена эти отверстия закрывались специальными каменными плитами.

Л. Ильясов

Сказания и мифы вайнахов

Появление веры в бога

Когда впервые в небе засияла луна, люди стали говорить: «Это сияет наш Бог». Но вот луна закатилась и в небе замерцали звезды. «Наше божество — звезды», — сказали люди. Но и звезды скрылись. В небе ярко засветило солнце. «Конечно же, наш Бог — это солнце», — решили люди. Однако и солнце вечером скрылось за горами.

Догадались люди, что солнцем, луною и звездами управляет какая-то сила. Поняли люди, что все на свете создано Богом и все существует по его воле. «Будем верить в единого Бога!» — решили люди.

С тех пор и пошла вера в единого Бога.

Любовь отца к сыну

К пророку Мухаммаду, да благословит Его Аллах и приветствует, явился ангел смерти Мулкалмовт и сказал:

— Пришел срок смерти твоего сына Ибрахима. Позволь забрать его душу. Я это спрашиваю у тебя, потому что ты Пророк. Как ты знаешь, я никогда и никого не спрашивая, забираю души в свой срок.

Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, очень любил своего сына и потому сильно загоревал. Но, зная, что делать нечего, попросил:

— Мой сын обучается в медресе в Мекке. Разреши мне пойти и привести его.

Ангел Мулкалмовт разрешил, и Пророк из Медины пошел в Мекку. В медресе к нему вызвали Ибрахима. Отец сказал ему:

— Попрощайся и скажи последнее прости своим учителям и товарищам и отдай им свои учебники. Ты сюда больше не вернешься, и мы пойдем домой. Там тебя ждут гости.

— Отец, наверное я очень нужен и гости очень именитые, коли ты сам пришел увести меня, — сказал Ибрахим и пошел за отцом.

Как и положено по обычаю, отец шел впереди, а сын за ним. Вот отец говорит сыну, чтобы он шел рядом с ним. Это было странно, но он послушался отца и пошел рядом.

Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, постоянно бросал взгляды на сына, затем сказал:

— Иди впереди меня. Я хочу смотреть на твою стройную фигуру и на твою благородную походку.

— Где же это видано, чтобы младший, тем более сын, шел впереди? — удивился Ибрахим.

— Твое дело исполнять то, что тебе скажут, — отвечал Отец.

Ибрахим послушался и пошел впереди отца. Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, пристально и с любовью смотрел на сына. И тут Пророк подхватил сына на руки и понес его до самой Медины. Вскоре показался их дом. Ибрахим сказал:

— Отец, что это у нас за гости? Чем ближе мы подходим к дому, тем хуже я себя чувствую, и сердце будто кто-то тянет из груди. Наверное, это нехорошие гости.

— Да, сын мой, — ответил Пророк. — У нас гости, которые заставляют плакать родителей по своим детям, заставляют детей плакать по своим родителям. Гости такие, что разлучают любимых родственников и друзей. И этот наш гость — ангел Мулкалмовт, пришедший за твоей душой. Судьбу не изменишь, и ты должен достойно принять смерть.

— Я достойно покоряюсь судьбе, а вы живите долго и счастливо, — сказал Ибрахим и лег в постель.

Ангел смерти взял душу юноши и улетел на небо. В день кончины сына Пророка по Медине разнесся запах жареного мяса. Богатыря Али возмутило, что кто-то в день печали Пророка готовит пищу. Он выхватил саблю и пошел по городу искать святотатца, намереваясь убить его. Пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, сказал ему:

— Али, вложи саблю в ножны. Никто в Медине в этот день пир не готовит. От горя по смерти сына у меня сами собою горят сердце и все нутро, поэтому и пахнет жареным мясом.

Жертва спасла

Некий озорной мальчишка постоянно покушался на гнездо соколов. Он взбирался на дерево, снимал гнездо и вместе с яйцами сбрасывал вниз. Забрав яйца, он уничтожал гнездо. Птица вновь вила гнездо, но шалун опять сбрасывал и портил его. Соколы были доведены до отчаяния. Птица пошла к Богу и пожаловалась:

— Мальчик постоянно разрушает мое гнездо. Я его строю, а он его рушит, поедает все мои яйца. Я никак не могу вывести соколят.

— Хорошо, — пообещал Бог, — он больше не будет разорять твое гнездо. Как только он в следующий раз залезет на дерево, то упадет и погибнет.

Озорной мальчик прихватил с собой товарища, и пошли они разорять гнездо. Озорник держал в руках вкусную горячую лепешку, которую прихватил из дому. Подошли к дереву. Озорник дал мальчику подержать лепешку и полез на дерево. Оглянувшись, он заметил, что его дружок голоден и жадно смотрит на лепешку. Тогда он сказал: «Если хочешь, съешь эту лепешку». Тот начал ее есть. Озорник же разорил гнездо и благополучно спустился.

— Как же, Бог? Ты обещал покарать разорителя, а он жив и опять забрал мои яйца, — вновь пожаловалась птица.

— Взбираясь на дерево, он отдал лепешку голодному мальчику. Тот ее съел, и это была жертва. Она и спасла мальчика.

Длина жизни

Пророк Сулейман прожил двенадцать сотен лет. Когда он умер, ангелы его спросили:

— Как тебе показалось: долго или мало ты жил на свете? Пророк Сулейман ответил:

— Сколько нужно времени, чтобы войти в одну дверь дома, а выйти в другую. Вот столько времени и длилась моя жизнь.

Человек настолько любит жизнь, что сколь долгой бы она ни была, но человеку все кажется мало.

Поиск бессмертия

У мужественного падчаха Кайсара внезапно и тяжело заболела мать. В тот момент, когда она занемогла, рука Кайсара оказалась под головой у матери. Сколько она болела, столько он не убирал свою руку, чтобы не потревожить покой матери. Мать поправилась, но рука у Кайсара осталась искривленной. Кайсар теперь узнал, что есть на свете смерть. За большую любовь к матери послал Бог к Кайсару ангела Мулкалмовта. Тот спросил у Кайсара:

— Чего бы ты желал?

— Я хотел бы знать, сколько лет мне осталось жить, — ответил Кайсар.

— Тебе осталось жить двенадцать лет, — ответил ангел.

— А могу ли я продлить свою жизнь? — поинтересовался Кайсар.

— За этим миром находится другой мир. А в том месте есть поляна Бардал-ази. Там находятся весы. Если перейдешь их и выпьешь глоток воды из протекающего там родника Мала-аит, то тогда получишь бессмертие, — ответил Мулкалмовт.

Кайсар прошел весь этот путь вместе с большим войском и дошел до тех весов, но перейти их не смог. Говорят, что эти весы смогли перейти только пророки Хизир и Иса. Каисар вместе со своим войском повернул назад. Они ехали по серебру и золоту.

Кайсар сказал войску:

— Кто возьмет золото, и кто его не возьмет, все равно будет раскаиваться.

Пришли они в этот мир. Кайсара попросили разъяснить, что он хотел этим сказать, на что он ответил:

— Кто взял золото, — будет раскаиваться, что не взял его больше. Кто не возьмет золото, тот будет жалеть, что не взял его.

В походе истек срок жизни Кайсара. Умирая, он сказал своим сподвижникам:

— Моя мать может не вынести известие о моей смерти. Вы ей скажите, чтобы она нашла в большом селении троих, кто бы однажды не познал горя, и пусть сделает им подношение.

Воины не сказали матери, что ее сын скончался, но передали его волю. Мать обошла многие села, но не нашла ни одного человека, кто бы однажды не познал горя. И тогда мать поняла, ее сын умер и что горе о смерти близкого человека познает каждый.

Ответ камня

Бог послал ангела на землю, сказав при этом:

— Принеси мне земли с того места, где с землею не смешался прах человека.

Ангел опустился на землю и начал искать такую землю. Он смотрел все горы, равнины, реки и озера. Нигде ангел не мог искать требуемую Богом землю. Наконец ангел стал осматривать дно моря в его глубочайшем месте. Увидел ангел лежавший на самой глубине большой камень. Если я не возьму из-под него, то уж нигде не найду эту землю», — решил ангел и стал пробираться под камень. Потревоженный камень спросил:

— Ты чем занят, что тебе надо?

— Бог послал меня принести земли, к которой не примешал в себя прах человека. Эту-то землю я и хочу взять из-под тебя, — ответил ангел.

— Не ищи напрасно. Если не считать прочих, одних мужчин по имени Исмаил здесь в разное время было схоронено шестьдесят три человека, — ответил камень.

Ни с чем ангел вернулся на небо, ибо нет земли, с которою не смешался бы прах человека.

На том свете

На том свете судьба человека зависит от того, как он себя вел в этом мире. Те, кто вел себя хорошо, в жаркий солнечный день будут блаженствовать в тени. А те, кто плохо, — под палящим солнцем будут ходить с полным мешком камней на спине, проходя мимо блаженствующих, будут говорить, завидуя:

— Как жаль, что я в том мире не вел себя хорошо!

А надо знать, что когда человек попадает на тот свет, то первые дни — самые тяжелые. Говорят, что каждая часть нашего тела рассказывает о том, как мы вели себя в том мире, что хорошего и плохого сделали.

Еще говорят, что души умерших иногда ходят среди нас. Чаще они приходят в пятницу. Если в этот день в память по усопшему будет дана милостыня, то душа радуется. А души тех, которые не были помянуты милостыней, приходят в большое горе и в знак этого, набрав в подол камней, ходят и плачут.

Кошка и пророк Мухаммад

Как-то Пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, пошел на покос. К обеду он устал и решил немного отдохнуть в тени. Вскоре он уснул. Когда он спал, у него открылся рот. Этим воспользовалась змея и заползла внутрь. Это заметила кошка. Она подошла к голове Пророка, нежно замурлыкала. Змею очаровало мурлыканье, и она высунула головку. Набросилась кошка и своими когтями вытащила и убила змею. Кошка отбросила ее и ушла.

Пророк проснулся, немного поработал и ушел. На второй день вновь пошел на покос. Когда устал, опять лег в тени. Подошла кошка и легла рядом с ним на откинувшуюся полу черкески. Проснулся Пророк и увидел спящую кошку, а невдалеке — убитую змею. Понял Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, в чем дело. Он ласково провел пальцами по голове и спине кошки, отчего у нее до сих пор остались полосы.

Чтобы не беспокоить спящую кошку, Пророк кинжалом отрезал подол черкески и ушел.

Пророк и ласточка

Шел как-то пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, и увидел горящее дерево. Из его дупла за помощью обратилась змея. Она просила спасти ее от огня. Пожалел ее Пророк, вызволил из огня, положил себе за пазуху и пошел дальше. Вскоре змея пришла в себя, быстренько прогрызла дыру в животе Пророка и заползла внутрь. Там она стала кусать сердце и печень.

Лежит Пророк и чувствует, что умирает. Некому его спасти. И тут на помощь пришли кошка и ласточка. Сев рядом с Пророком, ласточка начала рассказывать чудесные сказки. Они были настолько интересными, что змея, чтобы лучше их слышать, слегка высунула головку изо рта Пророка. Сидевшая наготове кошка ловко поддела змею когтями, вытащила и убила ее. Подыхая, змея поклялась:

— С этого дня мое потомство будет разорять гнезда ласточек и подстерегать и жалить котят.

Пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, тогда сказал, обращаясь к кошке и ласточке:

— С сегодняшнего дня вы будете жить с человеком. Тебе, кошка, я дам вдоволь еды, и ты будешь ласкать детей. Тебе, ласточка, я позволю лепить гнездо в любом доме, какой бы веры и какого бы племени ни был его хозяин.

С тех пор кошку и ласточку почитают все, и живут они в домах людей.

Пророк Сулейман и петух

Люди разложили пшеницу на просушку. Но вот небо нахмурилось, вот-вот пойдет дождь. Люди начали спешно сгребать пшеницу в кучу, чтобы накрыть ее от дождя. По краям тока паслись петух и десять курочек. На своем языке петух велел курам, чтоб они отгребали зерно подальше от кучи, тогда оно достанется им. Поскольку Сулейман знал язык всего живого, он, услышав слова петуха, засмеялся. Жена спросила, чему он смеется, но Сулейман отказался ответить. Тогда жена сказала, что если он не скажет почему смеется, она уйдет от него.

Пророк Сулейман сидел во дворе печальный. Петух спросил, почему он грустит. Пророк ответил:

— Когда я услышал то, что ты советовал курам, я рассмеялся. Жена пристала, чтобы я объяснил причину смеха. Я отказался ее назвать, и теперь она собирается покинуть меня.

— У меня десять жен, — сказал петух, — и ни одну из них я не слушаю, но все они делают то, что я велю им. Раз ты так решил, не говори жене, почему ты смеялся, и никуда она не уйдет.

Пророк Сулейман и еж

Долго жил пророк Сулейман, но вот почувствовал что смерть приближается к нему, и начал думать: «Или умереть мне и попросить у Бога еще продлить мне жизнь?» Решил пророк испросить совета у ежа. Послал он за ним лошадь. Еж отказался прийти. Послал он кошку. С ней тоже еж отказался прийти. Послал пророк собаку. С нею еж пришел и встал перед пророком. Он спросил ежа:

— Почему ты отказался прийти с лошадью, с кошкой, а с собакой явился?

— Лошадь, если убьют ее хозяина и тут же на нее сядет враг, она продолжает служить ему, как и прежнему хозяину. Кошка же, когда ей дадут поесть, то ест, зажмурив глаза, чтобы на том свете сказать: я не видела, чтобы хозяин меня кормил. Собака же, даже если хозяин плохо с ней обращается, все равно сохраняет верность.

— Мудро ты говоришь, — сказал пророк и задал ему свой вопрос: — Скажи, что лучше: помереть, когда наступил срок, или попросить у Бога, чтобы он продлил жизнь?

— Если с годами Бог даст тебе еще и телесные силы, тогда можно просить. Но если этих сил не даст, а даст только года, тогда ты будешь и далее стареть, наконец, обессилишь настолько, что тебя будут носить в корзине, а люди, насмехаясь, будут указывать на тебя пальцем. Такого продления жизни я не пожелал бы.

— Такого мудрого ответа, как ты, мне никто не дал, — сказал Сулейман. — За мудрость твою я награжу тебя.

Пророк Сулейман дал ежу колючки, чтобы он защищал себя. С тех пор ежи колючие.

Озеро Кезеной-ам

На том месте, где теперь озеро Кезеной-ам, некогда был аул Кезеной, в котором жили люди, не почитавшие Бога. Они не знали никакой религии, много грешили и главное — забыли обычай гостеприимства. Случилось, что в ауле этом спустился с неба ангел божий и под видом нищего начал обходить дома, прося пищи и ночлега. Долго он ходил по аулу, обошел дома и почетных и простых людей, и богатых и бедных, но никто его к себе в дом не принял и пищи ему не предложил. Напротив того, нашлись люди, которые ругали его и травили собаками. В самом конце селения жила одна бедная вдова, существовавшая кое-как своими трудами. Нищий, обошедший весь аул, подошел и к ее дому и попросился ночевать к ней. Вдова с радостью приняла его, угостила, чем могла, и приготовила ему постель для отдыха. Когда нищий поел и отдохнул, он обратился к вдове с такими словами: «Я не нищий, я ангел божий, пришедший испытать эзенойцев. Теперь вот Бог видит, что эзенойцы злой народ, и за это они потерпят страшное наказание: земля раскроется и поглотит этот аул со всем, что есть в нем. После же того на память всем людям здесь образуется глубокое озеро, которое будет существовать вечно». Сказав это, нищий добавил: «Собери ты все свое семейство и уходи на соседнюю гору».

И только она успела подняться на высокую гору, земля раскрылась и поглотила аул Кезеной со всеми жителям. После на том месте, где был аул, образовалось озеро Кезеной-ам на память людям.

Происхождение озера Галанчеж

Близ аула Ялхорой, в месте, называемом Амка, было озеро. Однажды одна мать с дочерью отправилась на берег озера и по неразумению стала мыть грязные пеленки в его хрустально чистой воде. Дух озера за это осквернение обратил обеих женщин в камни, которые и теперь еще виднеются у Амка. Но и озеро не хотело больше оставаться в осквернённом ложе. Оно обратилось в чудного рослого быка, который перешел скалистый кряж, оставив громадную выемку как след своего хода, и спустилось вниз почти с отвесной высоты. Затем бык подошел к тому месту, где теперь лежит озеро, и где прежде были расположены пахотные участки. Толпа людей, занятых полевой работой, увидев быка, подошла к нему. Все дивились его росту и заспорили между собою. Одни говорили: «Давайте впряжем быка в плуг». Другие говорили: «Нет, не трогайте его, это божий бык». Однако голоса тех, которые хотели запрячь быка, пересилили, и божий бык был подведен под ярмо. Когда он вел первую борозду, в ней выступила грязь, при второй борозде стало еще мокрее, при третьей — из земли выступила уже вода, а при четвертой — вода хлынула стремительно, затопила поле и всех людей, запрягших чудного быка, который затем исчез в водах озера. С тех пор появившееся внезапно озеро продолжает внушать суеверный страх туземцам: они считают его бездонным, не пьют его воду и призывали его в клятвах до появления мусульманства в этих местах.

Киши-Хаджи и Мовсар

Большие мусульманские авторитеты не давали жизни святому Киши-Хаджи, да восславит его Бог. Они клеветали на него перед власть предержащими, утверждали, что он против падчаха, обманывает народ и многое другое. Благодаря этим наветам Киши-Хаджи и его брат Мовсар оказались в городской тюрьме. Царские стражники издевались над ними. И тогда Мовсар, который не верил, что его брат святой, сказал:

— О Киши-Хаджа! Не ты ли утверждал, что Бог наделил тебя святостью, что ты разговариваешь с Богом? Почему же ты позволяешь издеваться над нами, почему не освободишь нас? Или у нас дома нет никаких дел?

Услышав такие слова, Киши-Хаджи ничего не сказал. Он молча воздел руки и сотворил молитву. Не успел он ее закончить, как пудовые тюремные замки сорвало со своих мест и двери раскрылись. Тогда-то Киши-Хаджи и сказал Мовсару:

— Видишь, Мовсар, двери открыты. Иди же теперь домой.

Поразился Мовсар, не веря случившемуся, и озирался по сторонам. Немного придя в себя, он встал и вышел. Никто его не останавливал. Еще более удивился Мовсар. Тогда, желая объясниться с Киши-Хаджи, он повернул назад. В камере Киши-Хаджи лежал на боку на нарах. Еще более удивился Мовсар. Ему подумалось:

«Двери тюрьмы открыты, никто нас не останавливает, почему же Киши-Хаджи не уходит из тюрьмы? Не заболел ли он?». Подошел он к Киши-Хаджи и спросил его:

— Киши-Хаджи, благодаря твоей молитве попадали замки, отверзлись двери, стражники и никто другой нам препятствий не чинят. Ничто нас не задерживает. Пока стражники не кинулись, давай уйдем отсюда. Если ты болен и идти не можешь, я возьму тебя на плечи и понесу.

После этих слов Мовсара Киши-Хаджи приподнялся и встал. Печально посмотрел он на своего брата и сказал:

— О, Мовсар! Да не обездолит тебя Бог! Ты не понял меня и сейчас, не понял моих проповедей. Бог мне предопределил находиться

в этой тюрьме. Пока судьба не распорядится, мне отсюда не выйти. Я должен исполнять божью волю. А ты, Мовсар, иди. Судьба завершила твой срок пребывания здесь. Ты спокойно иди домой, и ничто тебя не остановит. Присматривай за нашим хозяйством и живи себе спокойно. Это определил тебе Бог. Я не уйду отсюда, пока судьба сама не распорядится об этом. Иди с миром.

Как Мовсар ни просил, Киши-Хаджи был непреклонен. Только Мовсар вышел за ворота тюрьмы, как тут же ворота закрылись и огромные замки повисли на своих местах.

Умерить гордыню

Богатырь Али ехал по дороге. Навстречу ему выскочил девятиголовый сармак. Взмахнул Али саблей и снес ему три головы. Сармак продолжал бороться с ним. Изловчился Али и вторым ударом отсек еще три головы. А затем третьим ударом отрубил оставшиеся головы.

Идет далее богатырь Али и вдруг с неба упал на него невиданной величины сокол с намерением заклевать богатыря. Али так ударил сокола по голове, что у того вылетели оба глаза. Далее едет богатырь Али. Вдруг на него устремляется бык, величиною с гору. Али вступил с ним в бой и убил быка.

Продолжая свой путь, Али начал горделиво думать: «Есть ли на свете человек или какое-нибудь животное, которое я бы не одолел? Есть ли кто сильнее и мужественнее меня?»

Его мысли прервала маленькая птичка, вылетевшая из леса. Птаха была мала, но оказалась чрезмерно сильной. Она била, вертела и кувыркала Али, пока ей не надоело. Затем она улетела. С тех пор, говорят, Али умерил свою гордыню.

Строители пророк Ибрахим и шайтан

Ибрахим-пророк строил Мекку. Пока он воздвигал один ее угол, шайтан трудился у другого угла и тоже воздвигал его. Пророк Ибрахим стал гонять шайтана, но ничего из этого не вышло. Тогда он пожаловался Богу:

— Пока я воздвигаю один угол Мекки, шайтан воздвигает ее другой угол. Как я его ни прогоняю, он не уходит. Что мне делать?

— Оставь его в покое. В Мекку будут ходить на моление и те, кого ты призовешь, и те, кого призовет шайтан, — ответил Аллах, свят Он и Велик.

Гостей не разделяют

Жили два брата — Хумазат и Лумазат. Это были времена пророков. У братьев было много овец. Со своими сподвижниками ехал как-то пророк Ибрахим. Они завернули к дому братьев. Те, чтобы не тратиться на гостей, поступили так: Лумазат нырнул в копну, Хумазат лег дома, притворившись больным.

Пророк Ибрахим подъехал к дому. Навстречу им вышла жена Хазата и сказала, что он болен. Пророк и его сподвижники все же вошли и сели за стол. Хумазат встал, приветствовал гостей и вышел во двор, думая, что бы такое зарезать для гостей. Овцу зарезать — ягненка лишиться, барана зарезать — овцы останутся непокрытыми. Через двор шла кошка. «Зарежу-ка я ее, они ничего узнают», — решил Хумазат и зарезал кошку, а его жена приготовила ее.

Когда подали на стол, пророк Ибрагим засомневался в пище. Он пожил на нее руки, произнес молитву, и чудо свершилось.

Кошка ожила и убежала. Понял Хумазат, что у него в гостях святые люди, выбежал во двор и зарезал барана. Вскоре его приготовили и подали на стол. Пророк Ибрахим и его сподвижники не дотронулись до пищи. Пророк Ибрахим сказал:

— Когда вы думали, что мы какие-то прохожие, брат твой спрятался в копну, а ты подал кошку. Узнав, что мы именитые люди, вы зарезали и подали барана. В доме, в котором гостей разделяют по степеням, счастья и благодати не будет. А где их нет, там ни я, ни мои товарищи пищи не вкусят.

Они встали и уехали. Братья вскоре вконец обнищали.

Правда сильна

Пророк Сулейман не только знал языки всего сущего на земле, но также обладал волшебством.

Сулейман, его жена и еще несколько человек сидели где-то в гостях. Хозяин дома приготовил им барана и целиком поставил его на стол. Еще никто к барану не притронулся, и тут Сулейман сказал:

— Если сидящие за столом поведают правдиво о своих затаенных мыслях, этот баран оживет.

— Тогда ты начинай говорить первым, — сказала жена.

— Я очень богат, и все же мне приятен тот человек, который мне хоть что-нибудь принесет. Жена пророка Сулеймана была намного моложе его.

— Хотя ты и богат, хотя ты ко мне хорошо относишься, все равно меня никогда не покидает мысль, что ты много старше меня. Вдруг баран ожил. Вот насколько сильна правда.

Здесь моя родина

Пророк Сулейман, как известно, знал языки всех людей и всех животных. Однажды он решил очистить место, которое заросло бурьяном и было загажено. Пророк Сулейман приказал всем тварям, проживающим там, покинуть это место, потому что он хочет пустить по этой местности огонь, чтобы он все очистил. Все животные разбежались. Пророк Сулейман пустил огонь по этой местности.

Когда все горело, Сулейман вдруг услышал в кустах стенание, и оттуда выползла полуобгоревшая змея.

— Почему ты не покинула это место? — возмутился пророк Сулейман.

— Слышала я твои предупреждения, но в этом месте прожили семь колен моих предков. Как же я могла покинуть свою родину? — ответила змея.

Сладкие речи и черное сердце

Пророк Иса шел долгим и изнурительным путем. Шел, шел и дошел до удивительной воды. Зной его разгорячил, и он выпил этой воды. Она оказалась слаще меда. Удивился пророк Иса и решил узнать, откуда вытекает эта вода.

Пошел он вверх по ручью. День шел, ночь шел, наконец дошел до истока и увидел большого мертвого пса. Эта сладкая, чудесная вода вытекала из его пасти. Иса попросил Бога поведать ему, что это означает. Бог внял его молитве и оживил пса. Пес тут же превратился в человека. Иса спросил его о виденных им чудесах и попросил растолковать смысл всего этого. Оживленный человек ответил:

— Когда я был жив, речи мои были сладостными, приятными, потому-то и вода имеет сладкий вкус. Но мысли мои были порочными, сердце было черным, потому-то по смерти Бог дал мне собачий облик.

Советы Идриса

Седьмого потомка Адама звали Идрис. От него пошли науки. Он же дал людям честь, благородство и счастье. Вот некоторые его советы:

Носилки для мертвых никогда не будут знать покоя, пока на земле живут люди.

Как бы долго ни смотрел глаз, он никогда не насытится.

Неиссякаемо стремление человека к науке.

Как бы долго и сильно ни лил дождь, он никогда не наполнит землю.

Ни одна река не сможет напоить море.

Вопросы о непонятном у людей будут всегда.

Очаг не насытится дровами.

Если ты относишься с почтением, будешь сам почитаем.

Бедноту скрашивает здоровье.

Горе скрашивает терпение.

Науку украшают вежливость и лицеприятие.

Все хорошее украшается его обновлением.

Речь украшает немногословность.

Достоинство глаз в том, чтобы они не смотрели, куда им не положено.

Воздержание в пище облагораживает вкус человека.

Серьезность возвышает человека.

Лучший способ скрыть свои недостатки, не говорить о недостатках других.

Если ты не боишься, что совершишь дурной поступок, нет прока от твоей учености.

Если у тебя нет щедрости, тебя и родные братья любить не будут.

Непоколебимость веры

Это произошло во времена, когда пророки еще жили среди людей, а люди не очень-то их чтили. В те времена был один пророк, отличавшийся непоколебимой приверженностью Богу. Это злило Шайтана, а он в те времена еще не совсем отошел от Бога. Шайтан наговорил Богу про этого пророка разные небылицы, чтобы Бог его возненавидел. Но Бог был непоколебим: он хорошо знал того пророка. Тогда шайтан сказал: «Его вера в тебя слаба. Не веришь — испытай его».

Решил Бог послать пророку испытание и проверить, насколько сильна его вера. Бог наслал на пророка страшную болезнь: человек гнил заживо, и от него шел смрад. Никакие снадобья не помогали. Поняв, что он неизлечим, пророк сказал своим трем женам, что они свободны и могут делать, что хотят. Двое старших тут же ушли, а младшая осталась с ним. Вскоре собрались люди села и решили изгнать пророка, чтобы он не заразил кого-нибудь и не разнеслась бы зараза по селу. Пророк с женой ушли в соседний лес. Жена продавала, что можно было продать, и содержала больного. Наконец и продавать стало нечего. У жены была большая и толстая коса. Она отрезала ее и продала. Пророк удивился, когда она принесла мясо и масло, и спросил, откуда все это. Она рассказала. Очень разозлился больной и сказал: «Если я выздоровею, то дам тебе шестьдесят ударов прутьями!»

Состояние пророка день ото дня становилось все хуже и хуже. С каждым днем он приближался к смерти. И вот она почти настигает его. Пророк взмолился:

— До самого смертного часа не лишай меня памяти, чтобы я не забывал тебя. Не лишай меня речи, чтобы я мог произносить твое имя. Не вселяй в мое сердце страх, чтобы я думал только о тебе!

Уверился Бог, что пророк непоколебим в своей вере, что он даже не о смерти думает, а о том, как и при смерти славить его, и дал пророку выздоровление.

Постепенно пророк выздоровел, хозяйство наладилось, и зажили они по-прежнему. Пророк все помнил о слове, сказанном им сгоряча,

когда жена продала косу. Он обратился к Богу:

— Когда я лежал и умирал, моя жена, чтобы спасти меня, продала единственное, что у нее было, — свою косу. Я в сердцах сказал, что по выздоровлении дам ей шестьдесят удара прутьями. Как мне быть?

— Ты свяжи вместе шестьдесят прутьев и один раз ударь жену, — посоветовал Бог.

Так пророк и сделал. А люди с того дня научились делать веники и метлы.

Сердце матери

Некий юноша влюбился в девушку. Однако гордячка даже не хотела его видеть. Стал юноша приставать со сватовством, и тогда жестокосердная девушка сказала ему, что выйдет за него замуж, если он принесет ей сердце своей матери.

Пришел ослепленный любовью юноша домой, убил мать, взял ее сердце и понес его девушке. По пути он споткнулся и упал на колени. Тут сердце матери участливо спросило его:

— Не ушибся ли ты, сынок? Будь осторожен.

Вот, говорят, насколько сильна материнская любовь.

Рука матери

В горах жили мать и сын. Жили не хуже других. Но настало время и мать померла. Тело ее положили в надземный склеп.

Остался сын один. Вдруг почему-то он стал худеть. Горе от смерти матери уже прошло, каких-то обременительных забот у него не было, еды у него было вдоволь, и ел он неплохо, однако худел все больше. Обращался юноша ко многим лекарям и знахарям, но никто не мог ему помочь.

Обессилел юноша и слег. Наконец его ближние обратились за помощью к одному ведуну. Он поговорил с юношей и узнал, что тот худеет с того дня, как умерла его мать. Ведун сказал:

— Ему впрок была лишь та пища, которую готовила его мать своими руками. Он выздоровеет, если вы его накормите едою, которой коснулась рука его матери. Другого средства нет.

Приготовили еду, положили ее на круглое деревянное блюдо и понесли к склепу. Там лежало уже высохшее тело матери того юноши. Люди приподняли ее руку и ею коснулись края блюда.

Юноша поел и сразу почувствовал себя лучше. С того дня он стал поправляться и вскоре полностью выздоровел.

Материнская рука целебная, до чего бы она ни дотронулась.

Юноша и змея

Одного юношу поразила тяжелая болезнь: его тело покрыли кровоточащие волдыри. Лекари были бессильны справиться с болезнью. Родственники юноши прибегли к последнему средству: они пошли к зираку — ведуну и лекарю, и попросили его помощи и совета. Тот ответил, что юноша помрет и ничто ему не поможет.

Видя свою безысходность, юноша ушел в склеповый солнечный могильник и в нем стал дожидаться своей смерти. В том же ауле жила девушка, за которой юноша ухаживал. Она, видя, что юноша предался добровольной смерти от болезни и голода, вечером принесла медную чашу с молоком и поставила ее в лазу, который вел в склеп.

Девушка ушла. Юноша к молоку и не подумал притронуться. Вдруг приползла большая змея, выпила все молоко и уползла. На следующий день повторилось то же самое. Видя, что молоко пьют, девушка продолжала его носить. На третий день змея также выпила молоко, но вдруг с нею что-то случилось, и она все выпитое молоко тут же отрыгнула в чашу.

Уползла змея. Юноша решил прекратить свои страдания — взял и выпил отрыгнутое змеею молоко. Он надеялся отравиться, однако утром юноша почувствовал себя хорошо. Волдыри с его тела пропали. Вышел юноша из склепа и пошел домой.

В те времена, говорят, был обычай: если ведун говорил что-нибудь такое, что могло повредить человеку, — его убивали. Явились люди к ведуну и сказали:

— Ты предрек юноше смерть, сказав, что ничто его не спасет.

— Юношу могло спасти лишь одно средство, — начал объяснять ведун. — Если бы трехгодовалая корова отелилась не весною, а осенью; если бы молоко, которое она стала давать после отела, взяли с третьего, четвертого и пятого дней; если бы это молоко дважды выпила змея, а на третий раз, выпив его, отрыгнула в медную чашу; если бы вот это молоко выпил юноша, тогда бы только он выздоровел.

Юноша подтвердил, что все так и было.

— Вот видите! — воскликнул ведун. — Я знал, как его исцелить! Но я подумал: чашу найти легко; может случиться, что хорошо

поискав, найдется и такая корова, которая почему-то не отелилась весной. Однако я был уверен, что нет силы заставить змею проделать все это, потому и сказал, что средства для излечения нет. Если бы я все это вам тогда сказал, вы бы извелись сами, окончательно замучили юношу. Уж наверняка ничего из этого не получилось бы. Но, если суждено человеку выжить, то лекарство, которое его исцелит, обязательно найдет его.

Вы достойны друг друга

Некогда жил очень праведный человек. За всю свою жизнь и на иголку не воспользовался он чужим добром.

Сидел он как-то у ручья и увидел, что плывет яблоко. Оно ему очень понравилось. Он взял его из воды и съел. Но тут же раскаялся, так как съел яблоко, не спросив разрешения его хозяина. Он не знал от этого покоя и решил найти хозяина яблока и попросить прощения. Пошел он вверх по ручью и стал искать, из какого сада яблоко попало в ручей. Так дошел он до соседнего села. Там он увидел на самом краю ручья большой сад. Мужчина вошел во двор хозяина этого сада и, поприветствовав хозяина, сказал ему:

— Не знаю, как случилось, но я съел яблоко, которое ручей унес из твоего сада. Я не буду знать покоя, пока ты не простишь меня, ибо я в жизни своей никогда не пользовался чем-либо, что бы не принадлежало мне.

Хозяин ему ответил:

— У меня дома моя дочь. Она не имеет рук и ног, слепа и глупа. Если ты на такой убогой женишься, тогда я прощу тебя.

Мужчина согласился, они определили день свадьбы и разошлись.

В назначенный день вывели невесту. У нее не было ни одного недостатка, а напротив, она была писаная красавица. Обрадовался жених и спросил ее отца, как все это объяснить.

— За всю свою жизнь моя дочь не совершила ни одного неправедного поступка. Таким же оказался и ты. Я понял, что вы достойны друг друга и потому хотел, чтобы вы поженились. А яблоко, конечно же, я тебе прощаю.

Возмездие неминуемо

Слепая, прикованная к постели больная старуха попросила у своей снохи приготовить ей курицу, надеясь, что ей полегчает. Сноха была жадная. Решив, что слепая ничего не узнает, она вместо курицы приготовила ей кошку. Старуха сразу же узнала, чем ее покормили, однако ничего вслух не сказала. Она съела кошку и про себя сказала: «Боже, воздай ей!»

Старуха умерла. Время прошло. Сноха состарилась, и болезнь приковала ее к постели. Захотелось ей курятины. Она попросила сноху приготовить курицу. Та пошла и зарезала курицу, но она тут же превратилась в кошку. Зарезала вторую курицу, та тоже превратилась в кошку. С третьей произошло то же самое. Пораженная сноха вошла и выразила свекрови свое недоумение:

— Никогда такого не было. Какую бы курицу ни зарезали, она тут же превращается в кошку!

— Вари кошку и неси, — ответила свекровь. — Это мне возмездие за то, что я подло поступила со своей свекровью.

Какова мать, таково и потомство.

*** * ***

К одному из пророков пришли сразу три пророка, чтобы посватать за себя его дочь. А у него она была всего одна. Происходило это во времена пророков, когда люди еще не размножились по земле. Ни одному из пришедших свататься пророков отец девушки не хотел отказывать. Поэтому он им сказал: «Надо подумать, приходите завтра».

Вечером пророк закрыл в одной комнате дочь, ослицу и собаку, чтобы они все трое провели там одну ночь. Сам же пророк не спал в ту ночь, а молил Бога сделать так, чтобы к утру в комнате было три девушки и чтобы они были так похожи друг на друга, что их нельзя было различить.

Утром из комнаты вывели совершенно одинаковых трех девушек — все красавицы, как на подбор. Пришли женихи, и девушек отдали за них замуж.

Через год все трое родили по одному мальчику. Пророк решил пойти и проведать, как живут его дочери. Какая из них его настоящая дочь, он не знал.

Пришел он к одной из дочерей. У ее мужа он спросил, как ведет себя его дочь. Тот ответил, что всем он доволен, но у нее есть недостаток: иногда она становится очень упрямой, и с нею трудно сладить. Понял пророк, что это не его дочь, а преобразившаяся ослица.

Придя в дом второй дочери, он задал тот же вопрос. Муж ответил, что и он всем доволен, но есть у жены плохая черта: всегда выбегает за ворота и смотрит, кто идет. Если же заслышит с улицы шум, тут же бежит к окну и смотрит. Понял пророк, что и эта тоже не его дочь.

Пошел он к третьей дочери. Ее муж стал превозносить ее многочисленные добродетели: она послушна, исполнительная, никогда не перечит, приветлива. Пророк понял, что это и есть его дочь.

Ласка для сироты

Некий убийца бежал с места своего преступления. Рука его была вся в крови. Он увидел какого-то мальчика, прижавшегося к камню. Пробегая мимо, убийца, чтобы вытереть кровь, дважды провел рукой по голове мальчика. Мальчик этот был сиротой. Думая, что его ласкают, он счастливо рассмеялся.

Бог простил убийце тот грех, так как он высоко чтит тех, кто ласкает сирот.

Цена подаяния

Некий мужчина тайно хаживал на кладбище и там беседовал с покойниками. Однажды вечером они сказали ему:

— Завтра твоя жена помрет.

— А как она помрет? — спросил он.

— Она постирает белье, повесит его сушиться, но когда она поднимется на лестницу, чтобы снять белье, лестница упадет, и она помрет.

На второй день мужчина должен был ехать в лес по дрова. Он наказал жене: «Пока я не вернусь из лесу, не занимайся сегодня стиркой». Жена не приняла эти слова всерьез, выстирала белье, высушила, сняла его и положила, а сама стала ждать возвращения мужа. Вернулся он из лесу, увидел, что жена настирала много белья, а сама жива-здорова. Муж спросил:

— Что-нибудь произошло в мое отсутствие?

— Ничего особого. Так, приходил один нищий за подаянием, я ему дала вещи, в которых он нуждался.

Муж ничего не сказал. Вечером он опять пошел на кладбище и сказал покойникам:

— Жена моя и вещи постирала и жива осталась.

— Из-за того, что в тот день твоя жена подала милостыню нищему, срок ее жизни продлен еще на шестьдесят лет, — ответили покойники.

Цена хлеба

Некий человек весьма пренебрежительно относился к хлебу кукурузному или пшеничному. Но сам он в остальном был порядочный человек. Поэтому Бог решил не карать его, но проучить.

Как-то этому горцу надо было отправиться в далекий путь. Он прихватил с собою чуреков и прочей снеди столько, сколько, по его рассчетам, понадобится. А идти он должен был четырнадцать дней по пустынной местности.

Прошел он уже семь дней. На пути встретилась ему река. Начал он ее переходить, да на середине реки поскользнулся, и река унесла его суму с оставшимися припасами. Перебрался он через реку, сел и стал думать: «Что же делать? Что назад идти, что вперед — все едино. Пойду-ка я вперед».

Немного прошел и увидел дерево. Какая-то птица подлетела к нему, повозилась в гнезде и улетела. Горец подумал: «Наверняка в гнезде есть яйца». Взобрался он на дерево и видит: в гнезде лежит кукурузный початок, а в нем осталось всего семь зерен. Взял он початок, спустился на землю и пошел далее.

Шел он и в день съедал по одному зерну. Так и дошел. С тех пор понял горец, как ценен хлеб, и чтил его.

И к иноверцу надо быть милостивым.

*** * ***

Пророк Ибрахим шел дальней дорогою. Он устал и сел под деревом отдохнуть, достал свои припасы и начал обедать. В это время по дороге шел изголодавшийся язычник. Увидел он обедающего Ибрахима и попросил у него еды, сославшись на то, что третий день как он ничего не ел и вот-вот может свалиться и умереть на дороге.

— Я праведный человек и не могу ублажать неверных. Перейди в мою веру, и я спасу тебя от голодной смерти, — ответил Ибрахим.

— Да лучше я погибну мученической смертью, чем приму веру человека, не имеющего сострадания к людям! — воскликнул язычник и поплелся своей дорогой.

С неба на землю упал свет и появился ангел Джабраил. Он сказал с укоризною:

— Меня послал к тебе наш Всевышний. Он недоволен тобою и говорит: «Ибрахим, я сорок лет давал пропитание этому человеку, хотя он и не поклоняется мне, ты же отказался один раз накормить его и тем самым спасти от голодной смерти».

Ангел исчез. Ибрахим бросился вдогонку, вернул нищего, усадил и накормил его.

Не будь жестоким

Жили отец и сын. Наступило голодное время, и они решили зарезать теленка. В это время теленок сосал молоко. Отец и сын вытащили его из-под коровы и на ее глазах зарезали теленка. При виде этой жестокости у коровы-матери из глаз полились слезы. Отец и сын этого не заметили.

Через какое-то время отец и сын вынуждены были расстаться. Сын очень скучал по отцу и потому писал ему письма, но ни одно из них отправить не смог. Как только он запечатывал очередное письмо, как появлялся ангел и говорил: «Не отправляй это письмо». Это повторялось каждый раз. Ежедневно писал сын письма, и тут же всегда появлялся ангел и просил письмо не отправлять. Ослушаться ангела сын не мог, а неотправленные письма складывал в сундук.

В том краю, в котором очутился сын, он вскоре стал падчахом и потому смог наконец встретиться со своим отцом. При встрече отец упрекнул сына: «Почему ты не давал мне никакой весточки, хотя бы сообщил, где ты находишься». Сын показал отцу все написанные им письма и объяснил все, как было. Такое поведение ангела, которого посылал Бог, возмутило отца, и он послал ангела спросить Бога, почему он не позволял сыну отправлять письма своему отцу, почему он тем самым разделил отца и сына. Бог прислал ответ: «Помнишь как ты вместе с сыном вытащил из-под коровы ее теленка и на глазах у матери зарезал его? Помнишь, как мать-корова плакала при этом? Разве можно было быть таким жестоким? Ведь можно было все это сделать так, чтобы мать ничего не знала. А ты, хотя и не имел долго весточки от сына, все же встретился с ним».

Очень большой грех разлучать родителей и их детей.

Кто справедливее?

Жена одного горца родила долгожданного мальчика. Обрадованный отец решил наречь своего сына особенным именем и потому дал зарок в том, что его сыну даст имя только тот, кто является самым справедливым. В поисках такого человека он и отправился в путь. Повстречался ему благообразный старец. После приветствий пошли расспросы, и старец предложил:

— Я мулла и ученый богослов. Позволь я нареку твоего сына.

— Нет, брат мой, — ответил горец, — муллы учат справедливости, но сами не всегда бывают справедливыми.

Довольно долго блуждал горец в поисках безупречно справедливого человека, но все было тщетно. Как-то шел он по лесу и услышал большой шум с неба и в кронах деревьев. Горец опешил, но тут же откуда-то сверху услышал человеческую речь:

— С тобою говорю я, твой Бог! Присматриваю я за тобою и вижу, что ты находишься в заботах: не можешь найти человека, достойного наречь твоего сына. Позволь мне это сделать.

Испугался горец и предположил, что это проделки шайтана. Однако всеведающий Бог, узнав мысли горца, сказал:

— То, что говорит шайтан, слышит только одно человеческое ух, ты же слышишь мой голос обоими ушами. Спрашиваю тебя:

— Согласен ли ты, чтобы я дал имя твоему сыну?

Понял горец, что к нему обратился не кто иной, как сам Бог, набрался духу и ответил:

— Ты любимый мною Бог, и я не буду утаивать от тебя свои мысли. Всевышний, ведь и ты не всегда бываешь справедливым. Кому ты даруешь безмятежную, богатую и счастливую жизнь, а кого ты заставляешь работать на него и обрекаешь на все земные тяготы. Одному ты даешь телесные и умственные силы, красоту и благородство облика, другой же рождается обиженным и телом, и умом, и счастьем.

Бог не стал возражать, и горец, вознеся молитву, пошел дальше.

Повстречался горцу грозный и страшный ангел, который без обиняков тут же спросил, согласен ли отец мальчика, чтобы он дал имя

его сыну.

— Ты кто? — поинтересовался горец.

— Я Ангел Смерти, — был ответ.

— Вот тебе-то я и позволю наречь своего сына. Из всех существ на свете ты есть самый справедливый. Богач ли, бедняк ли, царь или самый падший — никого ты не различаешь и никому не даешь даже малого лишнего мига сверх отведенного срока жизни. Дай имя моему сыну.

Почему листья тополя трепещут и при ветре и без ветра

Некогда жили два неразлучных побратима. Оба они полюбили одну девушку. Более могущественный из побратимов женился на ней. Вот как-то, когда он с женою возвращался с полевых работ, другой побратим убил своего соперника. Умирающий сказал:

— Пусть трава и листья отомстят за меня!

Улышав эти слова, листья тополя затрепетали и стали говорить друг другу «аминь». Все это слышала жена убитого. Она была в положении и вскоре родила сына. Прошли годы, сын убитого вырос и жил как все. Мысль о смерти отца не давала ему покоя.

Он настоял, и мать поведала ему последние слова его отца. Как-то раз сын ехал с покоса на арбе и повстречался ему старик. Юноша посадил его на арбу. Ехали они, и вдруг поднялся ветер, и листья Тополя затрепетали на ветру. Увидев это, попутчик засмеялся. Юноша поинтересовался, почему он смеется. Попутчик ответил:

— Когда-то я убил человека за то, что он перешел мне дорогу в любви. Умирая, он сказал: «Пусть трава и листья отомстят за меня». Вспомнив эти слова, я и засмеялся.

— Вот ты-то мне и был нужен! — воскликнул юноша. Не долго думая, он убил кровника. А листья тополя с тех пор колышатся и при ветре и без ветра.

Шайтан сказал богу

— Ты отлучил меня от себя, но я все равно буду жить до скончания мира. Поэтому я хочу спросить тебя: чем же я буду нуждаться?

— Тебе пищей будет та, которую человек начнет принимать без произнесения моего имени «Бисмиллахирахманурахим».

— Хорошо. А где же я буду спать?

— Постель всякого, кто, не творя пятикратной дневной молитвы, ложится спать, будет твоей постелью.

— А теперь скажи, где мы, шайтаны, можем собираться и решать свои дела?

— Для этого я отдаю вам базар.

О характере народа

Абу-Муслим из Мекки пошел по свету обращать людей в ислам. Дошел он до Чечни и пришел в селение Варанды. Все старания проповедника оказались напрасными — никто не хотел переходить в истинную веру. Об этом Абу-Муслим написал в Мекку. Тогда оттуда пришло письмо с просьбой прислать немножко чеченской земли. Он ее послал.

Получили вероучители эту землю, ровно положили ее на пол, сверху постелили коврик и начали совещаться. Раньше они всегда приходили к согласию, а тут, как ни бились, не смогли прийти к единому мнению. Тогда они перенесли коврик на то место, где не было чеченской земли, и тут, как и прежде, они пришли к согласию. Тогда вероучители сказали:

— Никто не превзойдет чеченцев в благородстве, щедрости и других качествах, но если сойдутся трое чеченцев, то между ними не будет согласия.

Героические песни-илли

Илли об Ахмаде Автуринском

В утреннюю пору,
Когда еще солнце
Зайти не успело,
В утреннюю пору,
Когда еще зорька
В горах полыхала,
Нет, не полыхала
Утренняя зорька,
А, как зверь, металась,
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
В утреннюю пору,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги поднялся
Ахмад Автуринский.
На стене висело
Грозное оружье,
Он его с улыбкой
На бедро повесил.
Повернувшись, вышел
Он из низкой сакли,
И вошел в конюшню
Ахмад Автуринский.
Из конюшни вывел
Он коня гнедого.
Золотом играла
Тонкая уздечка.
Он к столбу повыше
Во дворе просторном
Привязал спокойно

Гордого любимца.
Как невесту к свадьбе,
Он коня украсил,
Быстро снарядился,
И, как будто солнце,
Что спешит к закату,
Чтоб оставить землю
В темноте и мраке.
Свой аул покинул
Ахмад Автуринский.
Отпуская повод,
Он коня гнедого
Тонкой плетью тронул.
Конь, как ветер в бурю,
Что приносит беды,
Вдоль реки помчался.
Вдоль гор горбатых
Вечером ворвался
Ахмад Автуринский.
По земле бегущих
Он верхом догонит,
От коня ушедших
Он затравит псами,
А взлетевших в небо
Коршуном настигнет.
На хребтах отвесных
И в ущельях диких,
Целясь пулей в сердце,
Промышлял охотой
Ахмад Автурииский.
Вдруг джигит услышал,
Вдруг джигит увидел
Коня молодого.
Он звенел уздечкой
И спокойно пасся
На поляне горной.
А под диким вязом

Спал казак станичный.
Поразмыслив малость,
К нему обратился
Ахмад Автуринский:
«Почему лежишь ты
На камнях под вязом?
Разве не имеешь
Кунака средь горцев?
Разве нет чеченца,
Чтоб тебе был рад он?»
И с коня он спрыгнул
И, ремнем стреножив,
Отпустил гнедого,
Чтоб спокойно пасся.
Взял седло и бросил
Себе в изголовье,
Буркою укрылся
И уснул беспечно,
Грозное оружье
Крепко обнимая.
К казаку прижавшись,
Спал и сон увидел
Ахмад Автуринский —
И в поту проснулся
Ахмад Автуринский.
И казак станичный
Тоже пробудился.
Наяву увидел
Ахмад Автуринский —
Конь казачий гонит
Горного красавца.
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги вскочил вдруг
Ахмад Автуринский.

И казак станичный
Тоже встал на ноги.
«Слушай, — крикнул грозно
Ахмад Автуринский, —
Не будь сиротою
Ты, казак станичный!
Испугал скакун твой
Моего двугодка.
Может, испугаешь
Ты его владельца?
Мы должны бороться
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов!»
Так сказал, поднявшись,
Ахмад Автуринский.
Но ему ответил
Вдруг казак станичный:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский.
Чем мы биться будем
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов?
Ружьями ль стреляться,
Шашками ль рубиться?
Чем тебе угодно,
Чем считаешь лучше?»
«Не будь сиротою,
Эй, казак станичный!
Ружьями стреляться
Нам нельзя с тобою,
Может быть осечка —
Ненадежны ружья.
Шашками вернее
Нам рубиться будет.
Шашка не обманет,

Коль рука не дрогнет».
Так сказал великий
Ахмад Автуринский.
Дал казак согласье,
Но сказал спокойно,
Обнажая шашку:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай,
Если ты успеешь
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Скажут и забудут…
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь,
И тогда все скажут:
«Ахмад Автуринский
Был убит каким-то
Казаком станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным.
Так давай друзьями
Будем мы с тобою.
Девушек здесь нету,
Чтобы свою удаль
Показать пред ними.
Наберись терпенья,
Будет еще случай,
Мы себя покажем,
Ахмад Автуринский!»
Так казак станичный
Предложил джигиту.

И, подумав малость,
Дал свое согласье
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших.
И за эту дружбу
Мы поднимем чаши —
Пусть живет счастливо
Среди гор чеченских
Ахмад Автуринский!

Илли защитников родного аула

Всюду от дыма и пламени тьма
И залиты камни кровью,
И нищие наши пылают дома,
Что строили мы с любовью.

Сегодня на улицах наших прямых
Людские снуют вереницы,
И негде стоять, оттого что на них
Так много людей суетится.

Недавно в дома пришедшие к нам
Наши любимые жены
Называют по именам
Нашу родню смущенно.

Вы слышите: плач над селеньем стоит,
Люди плачут на свежих могилах,
И плачут малые дети навзрыд,
Ища матерей своих милых.

И женщины в этот нерадостный час
В наши угрюмые лица

Глядят и тех выбирают из нас,
Кем смогут потом гордиться.

Ужели заклятых наших врагов
Мы нынче осилить не сможем?
Ужели проклятых наших врагов
Сегодня не уничтожим!

Ужели мы сабли не обагрим
Вражеской кровью алой?
В сердца их бесчестные не вонзим
Хенапинских наших кинжалов?

Взберитесь скорей на Черкесский хребет,
Взгляните скорей на дороги,
Там пыль не дымится ль, не виден ли след,
Не видно ли там подмоги?

Сейчас долгожданной подмоги мы ждем,
Ее мы дождемся и вместе
Пойдем напролом, испугаем огнем
Врагов, у которых нет чести.

А тот, кто боится за шкуру свою,
Пусть в этом признается честно.
Тому ж, кто готов отличиться, в бою
Найдется достойное место.

Спасем, защитим мы народ свой и род.
Селенья родимого края
Нас сколько б ни пало, победа нас ждет.
По седлам, герои! Поскачем вперед,
Коней через стены бросая.

Песня из времен борьбы вольных с феодалами

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой,
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой.

Но поля там ты не встретишь,
Не будешь овец пасти ты,
Мы дрались с врагами жестоко,
Нас не одолели князья,
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили,
Но честь уронить нам нельзя.

И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,
Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны,
Проклятье князьям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым,
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.

Костры мы поставим в пещерах,
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями
Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы,
Пускай они за отцами
С князьями схватятся в битве,
Когда умрут старики.

А наши любимые скажут:

«Мы ждали с набега так долго,
Я ждала — и вот я целую,
Я ждала, не смела устать,
Я даже тогда целовала б,
Когда бы уста, как у волка,
В крови его были б враждебной,
Но я б целовала в уста.
Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет, утомяся.
А если он ранен и стонет,
И кровью он моет траву —
Спою ему песню и песней
Заставлю рану закрыться,
Напомнив о том, что весь род его
Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром,
Под барса рев заревой».

Песня каторжника

Утро ты сладкое, жизнь дорогая!
Сможешь ли, сердце, насытиться до края!
Ах, перестань трепетать, мое сердце!
В счастье высокой идешь ты горою,
Словно ребенок, ты нежно со мною.
В горе — сиротка ты на пепелище,
Словно медведь, в дикой ярости рыщешь,
Злобным становишься ты, мое сердце!
Отца я оставил в ауле, где жил…
Забудет отец, когда свалится камень могильный.

И мать я оставил в ауле, где жил…
Забыть ей, лишь прах мой травою покроется пыльной
Сестру я оставил моложе себя…
Забудет сестра, когда встретит юнца удалого.
Я брата оставил, а жить он не мог без меня!
Ему не забыть. Он в могиле б хотел быть со мною.
Ах, если б, родная, я часа рожденья не ведал!
Ах, если бы мир меня сладостной жизни не предав
Не зная вины, я томлюсь в этой мрачной Сибири!
Звенят кандалы на ногах, я навеки в безрадостной шири.
Вы умирайте, вечерние зори!
Всем вы, как девушки с лаской во взоре,
Схожи с волками голодными вы в моем горе.
Горы — как медь от вершин до подножий,
Многим всего они в мире дороже.
Только лишь с другом беседа была бы мне кладом!
Как серебро, эти снежные ложа,
Многим всего они в мире дороже.
Все бы я отдал за то, чтобы с братом быть рядом!
Вечером небо с червонцами схоже,
Многим всего они в мире дороже.
Все бы я отдал, чтоб с милою встретиться взглядом!

Песня абрека

Если бы вдруг я
Горе излил,
Если б на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы
И на равнине трава не росла бы.

Если бы в песне
Я горе излил,
В реку бы если
Слезу обронил,

То от соленой слезы и от горя
Сразу река превратилась бы в море.

Там, где скитаюсь я,
Нету еды,
Там, где скрываюсь я,
Нету воды.
Я пробавляюсь дубовой листвою,
Пью-напиваюсь росою скупою.

Сплю я в далеких
Звериных углах.
Глина под боком,
Пенек в головах.
Я по ночам засыпаю в тревоге,
Сплю и завидую зверю в берлоге.

Я, о проклятье,
Совсем одинок.
Милые братья,
От вас я далек.
Голод и холод в далеком краю
Отняли начисто силу мою.

* * *

Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.

Насыпь черную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.

И сестра моя станет, наплакавшись всласть,
Жить, как будто без брата на свет родилась.

Только старший мой брат — настоящий джигит
Будет помнить о брате, пока не отмстит.
И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй.

* * *

Пусть у отца и у матери сын не родится,
Если он чести и мужества не сохранит.
Пусть у отца и у матери сын не родится,
Если достоин не будет он тех, кто его породит.
Если родится такой, пусть недолго живет.
Если родится, так пусть до полудня умрет.
Боже, дай счастья тому, кто намерен сражаться,
А не тому, кто, чуть что, убегает в кусты.
Боже, не дай нам с родимой землею расстаться,
Не увидав, как сбываются мечты.
Даже дурнушка, что чести своей не теряет,
Лучше, чем юноша, если он честь забывает.

* * *

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?

Земля черная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?

Холодна ты смерть, о смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.

Песни о любви

Песня юноши

Как гусь кричит перед весной,
На Тереке жируя,
Ты споришь с матерью родной,
Боясь, что ненаглядный твой
Возьмет себе другую.
Не будет жизни с ним вдвоем
Благополучно-сладкой.
Ты затоскуешь о другом,
И в теле молодом твоем
Забьется лихорадка.

Ты ищешь, кто богат скотом,
Имеет много меди.
Ты не подумала о том,
Что сердце перепела в нем
И смелостью он беден.

Пожаром истребится медь,
А скот чума повалит.
И мужество перетерпеть,
Унынием не заболеть —
Отыщет он едва ли.

Тончайшие носить шелка
И с трусом спать — что толку?
Ты лучше сокола ласкай:
С ним жизнь и в шалаше сладка,
С ним ситец лучше шелка.

* * *

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Влезь-ка, мать, на крышу, глянь-ка на восток:
Из-под льда ущелья вешний вон цветок».

«Не пробиться травке из-под груды снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный,
Никакого дива: влюблена-то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы».

Песня горянки

Там, где скрываюсь я, горы в дыму.
Добрые люди, скажите ему,
Пусть мой любимый не медлит ни дня,
В горы пойдет и отыщет меня.

Там, где скрываюсь я, камни и лед.
Лед я рублю, а вода не идет.
Нечего пить мне здесь, как на беду,
Нечего есть, где достать мне еду?

Камни и горы, в горах я одна.
Камни и горы, я слову верна.
Люди, скажите орлу моему,
Сердце отдам я ему одному.

В горы дорога крута и трудна.
Пусть, ради Бога, придет — я одна.
Страшно в горах мне, здесь камни и лед,
Пусть он придет и меня заберет.

Камни и лед на дороге сюда,
Камни тверды — я, что камень, тверда.
Может быть, милого в этом аду

Мне не дождаться, но жду я и жду.

Не разлучайте нас

Не проклинай нас, недобрый отец,
Не разбивай наших бедных сердец!
Не разлучай нас! Убьет меня боль,
Телу с душой расставаться легко ль?
С милым, как тело с душой, мы срослись,
Словно с рекою река, мы слились!

Матушка, бедную дочь не кляни,
Прочь от себя ты ее не гони.
Не проклинай нас, убьет меня боль,
С другом моим мне расстаться легко ль?
Не разлучай нас, недобрая мать,
Милым расстаться — сердца надорвать.

Не проклинай меня, милый мой брат,
Сердце мне жжет твой неласковый взгляд.
В бурку одетый, ты в битвах бывал,
Раненый, боль ты и сам испытал.
Раны разлуки сильнее болят,
Раны разлуки смертельны, мой брат!

Песня девушки

Казбек над нами от снега бел,
И реку льдами мороз одел.

Мороз мне тоже принес беду:
Коса в снежинках, душа во льду.

Весною солнце расплавит лед.
Река весною свое возьмет.

Повеет ветер, развеет снег,
Помолодеет гора Казбек.

Мой снег расплавит кто и когда?
Избавит душу кто ото льда?

Чеченские пословицы и поговорки

1. Больше всех о справедливости кричат воры.
2. Белые ручки чужой труд любят.
3. Бесполезно числиться в списке, если на лугу не имеешь доли.
4. Богатством ума не купишь.
5. Боровшийся необдуманно без удачи погиб.
6. Брат без брата, что сокол без крыла, сестра без брата, что голая хворостинка.
7. Бродячий пес без удара палки не останется.
8. Бывает — арбу грузят на лодку, бывает — лодку грузят на арбу.
9. Без горя на сердце глаз не заплачет, без тучи на небе дождь не пойдет.
10. В недружной семье добра не бывает.
11. Волк, состарившись, охотится за кузнечиками.
12. Быстрая вода до моря не дошла.
13. В бесплодное дерево палкой не швыряют.
14. В яму, вырытую для других, попадешь сам.
15. Войну легко начать, трудно завершить.
16. Вежливость из раба сделала князя, плохой нрав из князя сделал раба.
17. Вора обворовали — Бог рассмеялся.
18. Впервые разбогатевший днем свечу зажег.
19. Высокой чинаре всегда ветер, молодцу всегда упреки.
20. Глаз боязлив — рука храбра.
21. Гнев матери — как снег: выпадает много, но тает быстро.
22. Говорить много — серебро, а молчать — золото.
23. Гончар приделывает ручку кувшина, где ему захочется.
24. Горбатого могила исправит.
25. Груз своей арбы знает владелец.
26. Груша от грушевого дерева недалеко падает.
27. Движение — счастье юноши, покой — счастье девушки.
28. Девушка, расхваленная матерью, не поднялась в цене.
29. Долю опоздавшего кошка съела.
30. Друг из далекого края подобен сооруженной крепости.

31. Дружные кошки победили недружных волков.

32. Единство народа — несокрушимая крепость.

33. Если много съесть, мед горчит.

34. Если не хочешь войны, укрепи свой круг (окружение).

35. Женский ум короче лягушиного хвоста.

36. Живущий у реки брод знает.

37. Заблеешь — волк утащит, не заблеешь — чабан зарежет.

38. Запачкался — не жалей воды.

39. Золото умеют ценить там, где оно добывается.

40. И к поражению войско привел один, и к победе — один.

41. И про самого красивого человека сказали, что у него, мол, шея длинная.

42. Инородцу легко жертвовать народом, среди которого живет.

43. Из жерди обод не выгнешь, из осленка коня не вырастишь.

44. Из чужих мест гончая зайца не поймала.

45. Имеющий двух жен не нуждается в собаке.

46. Имеющий лошадь остался, имеющий седло — уехал.

47. Имеющий тысячу друзей — спасся; имеющий тысячу голов скота — погиб.

48. Кто летом потеряет один день — зимой проголодает десять.

49. Когда сказали: «Пойдем уничтожать плохих людей», — самый плохой стал точить кинжал.

50. Задвигать засов после кражи коров бесполезно.

51. И собака поплывет, когда вода под хвост подойдет.

52. Красота — до вечера, доброта — до смерти.

53. Когда грозит смерть, и мышь кусается.

54. Кто сдержался перед соблазном, тому краснеть не придется.

55. К неудачнице и из отчего дома приходит соперница.

56. Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона притащила своего птенца.

57. Кошке — забава, мышке — смерть.

58. Красивая жена сама себя стережет, некрасивую должен стеречь ее муж.

59. Лучшие сыны становятся сынами народа.

60. Люди боятся того, что не понимают.

61. Летом не поработаешь — зимой котел не закипит.

62. Месть стареет, но не забывается.

63. Необдуманно сделанное горем завершается.

64. Не бойся зимы, за которой следует весна, а бойся осени, за которой следует зима.

65. Народ можно обмануть на короткое время, но не навсегда.

66. Не подытоживай, в путь отправляясь, а подытоживай, с пути возвращаясь.

67. Не посмотревши вперед, не делай шагу; не оглянувшись назад, не вымолви слова.

68. Несдержанность — глупость, терпение — мудрость.

69. Не торопись и не забывайся.

70. На время ложь лучше, а навсегда — правда.

71. Не будет сына — не будет и крова.

72. Не будь сладким, как плод, — кто ни подойдет, съест.

73. Не осмелившийся ударить коня, ударил седло.

74. Не потребуешь того берега — не получишь и этого.

75. Не сдержишь слова — не сдержишь и клятву.

76. Не хочешь дружить — не заводи знакомства.

77. Незнакомое дело заводит на неправильный путь.

78. Нелегко и горячую кашу есть.

79. Несчастье за порогом — не несчастье.

80. Нет ничего слаще жизни, нет ничего быстрее глаза.

81. Обжегшись на супе, дует на воду.

82. Одна искра аул сожгла.

83. Отступить перед неизбежным поражением — это не трусость.

84. Обруч, не свернутый из прутика, не свернешь из жерди.

85. Огонь с водой не уживаются.

86. Ожиревший осел с обрыва упал.

87. Осел — не богатство, солома — не корм, сыворотка — не милостыня.

88. Осел, обозвавший другого ослом, в пропасть полетел.

89. Осел сам ношу тащит, сам и съедает.

90. Осел тогда лишь узнал, что он осел, когда его по ушам ударили.

91. Осторожный кабан кукурузы не поел.

92. Переселение — разорение.

93. По ковру и ноги протягивай.

94. Пришел накормить народ, а ушел съев последнего петуха.

95. Побывавший на мельнице переспорил побывавшего на войне.

96. Пока слово не вылетит изо рта — оно твой раб, вылетит — ты его раб.

97. Пояс потуже не затянешь — желанного добра не достигнешь.

98. При падении чинары не слышно было треска — не будет слышно и после падения.

99. Пустой барабан и пустой человек громко шумят.

100. «Просить» — раб, «дать» — князь.

101. Пусть хоть дом сгорит — огонь лучше; пусть хоть поле сгорит — солнце лучше.

102. Разрушить город, чтобы построить себе дворцы.

103. Разговорами гостей не накормишь.

104. Рана от шашки-ружья зажила, рана от языка — нет.

105. Ранняя смерть лучше позорной смерти.

106. Ругали скотоводов — владелец двух коз принял обиду на себя.

107. Ружье убило только одного, а язык — тысячу.

108. С воем рыскающий волк оленя не поймал.

109. С деньгами в кармане и на снежной горе арбуз достанешь.

110. С женой советуйся, но делай наоборот.

111. С нагого и семерым штанов не снять.

112. С огнем не шути, воде не верь.

113. С хорошим другом можно ехать хоть на край света.

114. Своя борона лучше чужого плуга.

115. Скверная ворона скверно и каркает.

116. Скотина, стоявшая с ослом, заржала по-ослиному.

117. Служи не ради благодарности, но ради Всевышнего и своей души.

118. Слепой в чужом глазу бельмо заметил.

119. Слово «не знаю» дороже тысячи рублей.

120. Сломается арба — дрова, падет вол — мясо.

121. Слушать сплетни — болезнь, не слушать — лекарство.

122. Собаку, лаявшую впустую, волк утащил.

123. Спасаясь от воды, попал под мельницу.

124. Сумасшедший уступил дорогу пьяному.

125. Съеденное — сила, наваленное на спину — груз.

126. Сын женился — у матери спина согнулась, дочь замуж вышла — выпрямилась.

127. Там, где не светит солнце, земля греть не будет.

128. Терпение — стан победы.

129. Тихому не верь, быстрого не бойся.

130. Только война даст отпор войне.

131. Только вор поможет вору.

132. Торопливость душу взяла, терпение — гору взяло.

133. У пастуха, боявшегося волка, стадо не увеличивалось.

134. У рано встающего пастуха овца двойню родит.

135. У своих ворот и петух храбр.

136. Убежав от дождя, попал под водопад.

137. У ссоры длинный хвост.

138. Угостишь, чем богат, — щедрость, ударишь, чем подвернется, — храбрость.

139. Ум глупого человека — молчание.

140. Усвоенное в детстве — как высеченное на камне.

141. Хваленый владельцем конь не перегонит.

142. Хвали мерина, а садись на коня.

143. Холм, на котором стоишь, кажется высоким.

144. Хорошая лягушка в своем болоте живет.

145. Хорошего коня раз хлестнешь кнутом — на год хватит.

146. Хороший сын отцовское сердце радует.

147. Хороший сын — крепость, плохой сын — горе.

148. Хоть в Мекку повези, острота чеснока не пройдет.

149. Храбрость дома — трусость среди людей.

150. Цени, что имеешь, — так и богатство множится.

151. Чем больше прислушиваешься, тем больше шуму.

152. Чем жить курицей, лучше умереть петухом.

153. Чем просить, почетнее пастухом стать.

154. Что на дне котла — шумовка знает.

155. Что на уме — выскакивает на язык.

156. Что нравится — то и прекрасно.

157. Чужая лошадь хорошо подъем берет.

158. Язык без ног, но далеко пробирается.

Чеченский язык

Чеченский язык вместе с родственными ингушским и бацбийским языками составляет нахскую (вайнахскую) группу языков, которая входит в северо-кавказскую семью языков. Чеченцы и ингуши свободно понимают друг друга без переводчика, бацбийский же язык подвергся сильному влиянию грузинского языка и стал почти непонятен чеченцам и ингушам. Сами бацбийцы живут на территории Грузии.

Собственно чеченский язык по числу говорящих на нем является наиболее распространенным среди вайнахских народов. В настоящее время число говорящих на нем превосходит миллион человек.

Чеченский язык подразделяется на ряд близких друг к другу диалектов: чеченский плоскостной, аккинский (ауховский), чеберлоевский, майстинский, мялхистинский, а также на говоры: шатоевский, шаройский, надтеречный, ичкерийский, нажайюртовский и др. Носители этих диалектов и говоров проживают на территории Чечни, за исключением аккинцев, или ауховцев, которые проживают в Дагестане.

В основу современного чеченского литературного языка лег плоскостной диалект, на котором говорят жители районов, расположенных вокруг города Грозного, культурно-промышленного и административного центра Чеченской Республики.

До 1925 года чеченская письменность строилась на основе арабской графики. С 1925 года по 1938 год развивалась на основе латинской графики и с 1938 года по 1992 год — на основе кириллицы, в 1992 году вновь перешла на латиницу.

Чеченская литература

Художественная литература чеченского народа возникла на базе богатейшего устного народного творчества. Современной литературе, которой присущи все виды и большинство жанров, известных мировой литературе, предшествовала арабоязычная литература, которая берет свое начало в конца XVII века и получает особенно заметное развитие с конца XVIII века до середины XIX века и продолжает интенсивно развиваться до конца первой четверти нашего столетия.

Параллельно шло зарождение и развитие художественной литературы на чеченском языке. Это были в основном переводы и подражания восточной, прежде всего арабской поэзии, религиозные песни и лирические стихи. Сотни, а может быть, тысячи больших и малых памятников чеченской культуры были уничтожены, сожжены после насильственного выселения народа в феврале 1944 года в районы Средней Азии и Казахстана. Многое разошлось по соседним республикам, осело в различных архивах, частных библиотеках.

И все же имеющиеся письменные документы свидетельствуют о том, что чеченская литература, пусть не в очень развитом состоянии, имеет многовековую историю. Особенно больших успехов достигла арабоязычная чеченская литература, которая зародилась в связи с распространением и утверждением в Чечне исламской религии. Выдающийся русский ученый — арабист И. Ю. Крачковский отмечал: «История нашей арабистики до сих пор не осветила полностью периода, когда арабский язык был единственным литературным языком не только науки, но и деловых сношений на Северном Кавказе — в Дагестане, Чечне, Ингушетии. На ней здесь развивалась своеобразная традиция, выдвинувшая местных канонистов, историков и поэтов, возникла целая живая литература на мертвом языке, который, однако, звучал как живое средство межплеменного общения».

Эту литературную традицию сильно ослабило, а затем вскоре прервало появление в 1925 году массовой письменности на латинской графической основе, а в 1938 году перевод ее на основу кириллицы для народов Северного Кавказа, в том числе для чеченцев и ингушей. Началось зарождение чеченской советской литературы, которая на

первых порах, особенно поэзия, оказалась под сильным влиянием арабоязычной литературы. В первую очередь в формах стихосложения и методах освоения действительности.

В наше время, когда пал на территории бывшего СССР тоталитарный марксистский идеологический режим и отвергнуты принципы так называемого творческого метода социалистического реализма, некоторые литературоведы бросились в другую крайность, отвергая все, что создано в литературе бывших народов СССР за три четверти века. Это, конечно же, совершенно неверный, вульгарный подход. Ибо независимо ни от кого и ни от чего феномен «советская литература» существует и есть огромная всемирно известная художественная литература, которая несмотря ни на что, дала немало выдающихся писателей и не менее выдающиеся произведения, в том числе награжденные Нобелевскими премиями. Поэтому мы не сторонники слепого отрицания нашей жизни и творчества за прошедшие 75 лет, а считаем, что литература эта требует критического пересмотра. Историю трехсот миллионов людей при всем большом желании невозможно написать заново, требуется ее новое критическое, мудрое объяснение.

Именно с этих позиций мы и пытаемся подойти к чеченской литературе, что, естественно, сделать не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. И тут совершенно бессмысленно искать виновных. Виновна система идеологических, экономических, культурных взглядов, оказавшихся на вооружении общества. Ни нигилизм, ни злопыхательство, ни шапкозакидательство не смогут вывести на верный путь, тем более для чеченской литературы, которая наивысшее развитие получила именно в эти годы, хотя, возможно, при другой системе она могла бы иметь и большие достижения. Об этом мы можем только рассуждать, теоретизировать, но утверждать что-либо по этой части довольно рискованно. Мы знаем десятки капиталистически развивающихся малых государств и народов, но мы не знаем их литератур. Как выясняется, государственный строй не единственный стимулятор развития литературы и культуры в целом. Есть древнейшие народы с государственными образованиями, но у которых нет, например, театра, и не только.

В разгар гражданской войны на Северном Кавказе один из видных интеллигентных чеченцев, талантливый человек и молодой

революционер Асланбек Шерипов в 1918 году издал во Владикавказе в собственном переводе на русский язык книгу «Из чеченских песен». Это были народные героические песни. На литературное творчество А. Шерипова большое влияние оказали ранние романтические произведения М. Горького («Песня о Соколе», «Буревестник», «Старуха Изергиль»). По всей вероятности, именно эта небольшая книга и является началом чеченской советской литературы, хотя авторы «Очерка истории чечено-ингушской советской литературы» определяют рамки периода зарождения чеченской советской литературы 1923–1929 годами.

В 1925 году на чеченском языке стала выходить газета «Серло» («Свет»). На ее страницах начали публиковаться первые очерки, рассказы, стихи, в которых авторы пытались отобразить изменения, происходящие в жизни народа. А они были разительными. В основном первыми авторами были вчерашние учителя-арабисты мусульманских школ. Среди первых наиболее известны А. Дудаев, А. Нажаев, Ш. Сагаипов, М. Сальмурзаев, И. Эльдарханов и некоторые другие. Уже в 1923 году вышел первый сборник А. Нажаева «Песни и рассказы».

Творчество этих писателей отличалось декларативностью, лозунговостью, отсутствием глубины осмысления значения происходящего, психологизма. Фабулой этих произведений было восхваление советской власти и партии большевиков, вся образность подобной поэзии заключалась в подборе наиболее ярких эпитетов к определению советской власти, к призывам строить новую жизнь, бороться со всем прошлым. Словом, многое развивалось так, как сегодня. Одновременно шел поиск художественной формы за счет освоения опыта русской литературы, литератур других народов, собственного развития.

С 1925 года в чеченской литературе начинают появляться новые имена. Это ставший основоположником чеченской советской литературы Саид-Селим Бадуев, успешно работавший одновременно в прозе, поэзии и драматургии, прекрасно владевший родным языком. Он хорошо знал творчество Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького, лично был знаком со многими известными русскими советскими писателями 20–30 гг. Видное место заняли Х. Ошаев, С. Арсанов, М. Мамакаев и некоторые другие, которые явились костяком и основой качественно нового этапа развития чеченской литературы, который

позволил перейти от декларативности и дидактивности к реалистической прозе и поэзии. Здесь уместно упомянуть цикл рассказов и повестей С. Бадуева под общим названием «Адаты», рассказы С.-Б. Арсанова, поэмы М. Мамакаева, ряд драматических произведений разных авторов. Надо отметить, что эти писатели играли большую роль и как просветители, организаторы печатного дела, образования, как фольклористы. Так, Х. Ошаев стал автором чеченского алфавита на латинской графической основе, С. Бадуев являлся автором школьных учебников, С-Б. Арсанов редактором газеты и т. д.

30-е годы XX века — это годы становления чеченской советской литературы. К началу 30-х гг. относится появление первого чеченского романа («Петимат» С. Бадуева, «Два поколения» С.-Б. Арсанова). Широкую известность приобретает поэтическое творчество М. Мамакаева, С. Бадуева, Н. Музаева, А. Мамакаева, поэмы, повести, пьесы Ш. Айсханова, А. Мамакаева, Х. Ошаева и других. Началось более углубленное освоение и художественное осмысление действительности.

Особое место, как отмечалось выше, в чеченской литературе занимает творчество С. Бадуева, который внес огромный вклад в развитие родной литературы. С его именем связано и становление национального театра.

Творчество Саид-Селима Сулеймановича Бадуева (1904–1938 гг.) свидетельствует о разносторонности и широте интересов писателя. Его волновали буквально все вопросы жизни народа как в прошлом, так и в настоящем. Роман, повести, рассказы, стихи и поэмы, пьесы, школьные учебники переводы с русского. Собирание и обработка фольклора, публицистические статьи — вот далеко неполное свидетельство его литературной деятельность. Пьеса «Закон отцов», написанная в 1929 году совместно с Исой Эльдархановым и поставленная на сцене только что рождающегося Чеченского драматического театра, имела большой успех и свидетельствовала о том, что в чеченскую литературу пришел талантливый драматург. В последующем он написал ряд произведений драматического жанра о разных сторонах прошлой и настоящей жизни.

Начало 30-х годов совпало с этапом завершения перевода крестьянства Северного Кавказа на рельсы коллективизации сельского

хозяйства. После начатого в 1985 году процесса демократизации и гласности в обществе, пересмотра и переоценки многих ценностей наш современник конца XX века смог узнать к каким тяжелым последствиям привела насильственная коллективизация, раскрестьянивание крестьянина в огромной стране. А в такие годы каждый, кто был не согласен с тем, что предпринималось партией и государством, считался врагом и подвергался репрессиям. Тотализирущееся общество жило по принципу, выдвинутому одним из возможно недовольных апологетов сталинского режима — А. М. Горьким: «Если враг не сдается, то его уничтожают». А врагом практически был весь народ. С. Бадуев, убежденно преданный советской власти, активно поддерживавший все, что ни делалось в стране, естественно, не мог стоять в стороне от происходящих в жизни изменений, поэтому он быстро откликался на современную жизнь.

Так, в 1931 году он написал пьесу «Горы меняются», посвященную «…борьбе с горным кулачеством и созданию поселково-животноводческого товарищества в горах». О собственном содержании свидетельствует и пьеса «За большевистский посев», написанная в 1932 году.

Тема коллективизации сельского хозяйства и классовой борьбы в Чечне нашла отражение и в других пьесах. Одна из них — «Политотдел» (1934 г.). Она является как бы продолжением предыдущей. Но если в первой проявляется мастерство в создании более или менее убедительных характеров, умение использовать народный фольклор, то в «Политотделе» чувствуется отсутствие серьезных жизненных наблюдений и обобщений. Возможно, драматург устал создавать искусственные сцены классовой борьбы в ауле. Конфликт, положенный в основу пьесы, разрешается в скучных, ненапряженных, порой наивных действиях и поступках персонажей. В ней нет драматического накала. Диалоги чрезмерно длинны, скучны и монотонны, нет цельных убедительных образов. Селу посвящены и такие пьесы, как «Проснувшаяся ячейка» (1935 г.), «Семья чабана» (1937 г.) и ряд других.

К числу лучших пьес, посвященных гражданской войне в Чечне, относится пьеса «Красная крепость» (1933 г.). Она имела хороший успех у зрителя.

Саид Бадуев первым в драматургии поднял злободневную тему о создании национального рабочего класса, написав пьесу «Золотое озеро» (1937 г.), посвященную нефтяникам.

С. Бадуев сыграл большую роль в создании литературного языка, утверждении его норм. Он новаторски использовал богатый языковой материал чеченского народа в создании первых и основополагающих произведений в прозе, поэзии, драматургии.

Как уже отмечалось нами, к началу 30-х годов относится появление и первого чеченского романа — «Два поколения» Саид-Бея Арсанова и «Петимат» Саид-Селима Бадуева. О зрелости национальной литературы говорит и факт написания «Петимат» в стихах. Оба эти произведения можно считать историческими, но с большим вниманием к проблемам быта, традиций. Это и понятно. В обществе шло быстрое обострение интереса к истории, к прошлому. Для литератур, не имевших письменную историю, было вполне естественно желание восстановить прошлое, оценить его с позиций сегодняшнего дня.

Многие годы считалось, что в чеченской литературе преобладает поэзия, что соответствовало действительности. Здесь сказывалась и традиция восточной литературы: поэтическое воспевание действительности, а также сказывался собственный опыт. Однако в последние десятилетия основательно заявила о себе проза, что свидетельствует о зрелости и творческих возможностях художественной литературы. Большое место занял исторический; историко-революционный роман, что связано прежде всего с обострением интереса к прошлому. В числе наиболее значительных в новейшей чеченской прозе самое видное место занимают романы С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба», тетралогия Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Зелимхан», Ш. Окуева «Четыре правителя», А. Айдамирова «Долгие ночи» и другие. Каждое из этих крупноплановых произведений воссоздает определенные стороны жизни народа и занимает свое место в литературе.

Через образ молодого героя Арсби изучает жизнь своего народа С.-Б. Арсанов в романе «Когда познается дружба». Большое место в романе занимает быт, традиции, обычаи, взаимоотношения в чеченском ауле накануне революции 1917 года. В нем жизненно убедительно показана царстская администрация на Кавказе, ее

отношение к народам колоний. «Когда познается дружба» — это, пожалуй, самая большая вершина чеченской прозы конца 50-х годов. В нем правдиво воссоздана жизнь чеченского народа в ста связях с Россией и освободительным движением. Главный герой романа бедняк и сын бедного аульчанина Арсби, жизнь которого во многом схожа с жизнью автора, проходит через сложнейшие коллизии, не теряя человеческого национального достоинства и постепенно становится в ряды тех, кто хочет изменить к лучшему жизнь своего народа, сделать его счастливым. С.-Б. Арсанов сам человек интересной судьбы, прошедший закалку в предреволюционные годы, находившийся в эмиграции в Германии, а в годы революции и гражданской войны находившийся на Крайнем Севере. В 1937 году он подвергся репрессии и более десяти лет познал фут лиха в лагерях ГУЛАГА.

Вторую часть книги написать С.-Б. Арсанов не успел, но в первой части сумел показать национальный колорит, быт, психологию народа, продемонстрировав большое писательское мастерство.

Революции 1917 года и гражданской войне посвящен роман одного из интереснейших чеченских писателей Х. Ошаева «Пламенные годы». Автор его, сам активный участник событий тех лет, встретил Февральскую революцию в Петрограде, будучи студентом лесного института. Вскоре он вернулся в Чечню и включился в бурную политическую обстановку на Тереке, имел непосредственные контакты с руководителями революционного движения на месте А. Шериповым, Н. Гикало и другими. Все это нашло отражение в эпопее «Пламенные годы». Тетралогия широко и многосторонне воспроизводит жизнь народа через семью Шапиевых и других героев книги. Автор делает очень интересные экскурсы в историю, глубоко и увлекательно производит многие страницы жизни своего народа. Здесь показана и расстановка противоборствующих сил на Тереке, их социальные, политические, национальные интересы. Хорошо показана эволюция главного героя Ахмада.

Роман написан динамичным слогом, с отличным знанием чеченского и русского языков, с увлекательной фабулой. Несомненно, «Пламенные годы» занимает большое место в современной чеченской литературе.

Национальной трагедии, связанной с выселением части чеченского рода во второй половине XIX века в Турцию, и

национально-освободительной борьбе народа в 70-х годах прошлого века посвящен роман-хроника А. Айдамирова «Долгие ночи» (часть I) и «Молния в горах» (часть II).

Большой писательский талант, умение выхватывать из жизни самые интересные события, исключительное умение видеть детали и словесно раскрывать их продемонстрировал талантливый прозаик, рано ушедший из жизни Шима Окуев. Он успешно работал над историческим многоплановым романом «Республика четырех правителей». Две части романа «Красные цвет на снегу» и «Начало». Обширна география действия главных героев. Начав показом жизни горного аула, автор уводит нас и в промышленный Грозный, и в бурный по тому времени Петербург, и на поле сражений Первой мировой войны и последующих событий в России. В романе захватывающая динамика действий. Писатель превосходно использует богатства народного языка. Ш. Окуев начинал с поэзии, но вскоре его увлекла большая проза. После первой крупной повести принесшей автору шумную известность, многоплановый роман «Республика четырех правителей» тепло был принят читателем, хотя выход его из печати осложнился смертью писателя и накладками, связанными с переходом издательского дела на рыночные отношения. Но то, что вышло из печати, свидетельствует о том, что в чеченской литературе появилось исключительно высокохудожественное произведение, равного которому пока не видно.

Видное место в чеченской литературе занимает поэт, прозаик, литературный критик Магомед Сулаев. Его поиски в литературе были очень многогранны. От тонкой любовной лирики до философских обобщений большого звучания, от короткого четверостишия до больших поэм, от маленького рассказа до повести и романа — таков путь М. Сулаева в родной литературе. В 1967 году вышел его роман «Товсултан покидает горы», который вызвал к себе большое внимание. Роман состоял из нескольких сюжетных линий: выселение чеченцев в 1944 году в Казахстан и Среднюю Азию, пребывание там, возвращение на родину и обустройство здесь. Главным двигателем сюжета стал и неординарный старик Товсултан и его две дочери — Селита и Нурседа. Роман вызвал неоднозначную оценку в критике и у читателя. Но издание романа совпало с окончанием «оттепели» в 60-х годах. На роман откликнулась радиостанция «Свобода», которая

оценила роман как направленный против идеологии партии и национальной политики КПСС. Это было подхвачено местными недоброжелателями, в связи с чем писателю пришлось изрядно поволноваться. Но дело далеко, к счастью, не зашло и на этом остановилось. Естественно, в таком виде переиздан он не был. Да и автор едва ли хотел его переиздать без соответствующей доработки. Он продолжал скрупулезно работать над ним, учитывая доброжелательные замечания друзей и коллег. Пришлось ждать новой «оттепели», уже образца перестройки, начатой М. С. Горбачевым в 1985 году. Итогом многолетней работы автора стал роман «Г оры слышат, но молчат» на чеченском языке и в собственном переводе на русский язык. Первая книга вышла в 1991 году, вторая в 1993 году, уже после смерти писателя. Книга обогатилась новыми фактами и писательской раскованностью, связанной с падением «бастилии» цензуры и принципов социалистического реализма. Пожалуй, пока это единственное в своем роде художественное исследование такого уровня о депортации чеченского народа.

Заметное место в истории чеченской литературы занимает творчество одного из наиболее плодовитых писателей Нурдина Музаева.

Нурдин Музаев являлся делегатом I съезда советских писателей и в том же году был принят в Союз писателей.

Первые стихи Н. Музаева полны свежести, жизнерадостности, оптимизма. Конечно, нельзя сказать, что все они написаны на одном уровне. Немало среди них и таких, в которых много плакатности и декларативности, лозунговости, не подкрепленные глубокими образами. Собственно, это общая особенность поэзии 20-30-х годов.

В стихах, написанных в годы войны, поэт призывает своих земляков к борьбе с фашистскими захватчиками, выражает твердую уверенность в грядущей победе над врагом.

Наиболее крупные и художественно значимые произведения Н. Музаевым написаны начиная со второй половины 50-х годов. Это роман в стихах «Сказание о Чечено-Ингушетии», «Горячие сердца», «Бейбулат Таймиев» и многие другие. В них поэт большой интерес проявляет к героическому прошлому родного народа, его дружбе с другими народами. Главным героем в его произведениях показан народ, его борьба за лучшую жизнь.

Н. Музаевым в разные годы написано более десяти пьес. Большинство из них поставлено на сцене Чеченского драматического театра.

Первое крупное прозаическое произведение Н. Музаева — это повесть «Замза», в которой писатель создает образ современной чеченки-инженера. Вслед за повестью были написаны романы «Марш смелых», «Сила мечты», сатирическая повесть «В долине Аргуна».

Творчество Н. Музаева всегда отличалось злободневностью, актуальностью тематики. Желание исследовать современность, в меру своих сил художественно отобразить наиболее типичные явления жизни через образы и сложные коллизии, ответить на вопросы, которые волновали людей — эти качества были свойственны творческому поиску писателя.

Нурдин Музаев — поэт, прозаик, драматург, литературовед, один из чеченских писателей, которые внесли заметный вклад в развитие национальной литературы.

Видное место в целом в советской литературе занимал поэт и прозаик Магомет Амаевич Мамакаев (1910–1973 гг.). Он автор одной из первых чеченских поэм. Поэма «Кровавые горы» написана в 1928 году. Это было становление жанра.

Одна из сильных сторон поэзии М. Мамакаева коренится в глубоком внутреннем образе, когда поэтическая речь покоряет нас исключительной силой чувств и мыслей без внешней витиеватой игры слов. Чувства и мысли образов М. Мамакаева истинны. Отсюда скупость поэта на слова, на сантименты. М. Мамакаев — поэт-новатор в чеченской поэзии. Мужество и преданность — два слова, которые характеризуют поэзию М. Мамакаева. Мужество перед жизнью, ее неожиданными превратностями и преданность той же жизни, беспредельная преданность матери-Родине, Отчизне, земле, вскормившей его, гортанным речам чеченских рек, преданность вечно молодым и мудрым горам, которые являются немыми свидетелями и хранителями нелегкой жизни народа.

Я больше всех люблю одну на свете,
Принадлежит вся жизнь моя одной
От первых лет, звеневших на рассвете,
До зрелых лет, богатых сединой.

Она права всегда была и будет,
Милей ее на свете не найду.
Я виноват — пускай она осудит,
Я все равно люблю ее одну.

И нет ее прекрасней и светлей,
Нет без нее ни ночи мне, ни дня,
Она цветет все ярче, не старея,
Единственная родина моя!
(Перевод А. Передреева)

Анализ поэтического творчества М. Мамакаева дает нам право говорить о нем как о талантливом мастере слова, который становится в один ряд с выдающимися представителями горской поэзии Кавказа, такими, как Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев и др.

Параллельно с поэзией М. Мамакаев работал и в прозе. В начале это были короткие рассказы, очерки, публицистика, а в последние годы и крупные жанры — романы. Но и здесь писателя волновали образы мужественных людей. Так появился роман «Мюрид революции», о героической жизни героя гражданской войны и юного революционера Асланбека Шерипова.

Вслед за первым романом появился и второй — «Зелимхан», о героической личности, борце-одиночке с царской администрацией на Кавказе, человеке, имя которого гремело в начале XX века по всей России. Знаменитый народный мститель, легендарный абрек, о котором он написал в юности стихотворение, стал главным героем нового романа.

Исторический роман М. Мамакаева «Зелимхан» — это широкое художественное полотно, в котором уделено главное место социальным противоречиям общества. Кроме самого Зелимхана перед читателем проходит целая галерея интересных, живых образов, которые так или иначе связаны с главным героем.

Многогранное творчество Магомета Мамакаева заняло прочное место в чеченской литературе.

Произведения разных жанров и на самые различные темы созданы в чеченской прозе М. Мусаевым, А. Дадашевым, У. Ахмадовым, Х. Саракаевым и многими другими литераторами. Следует отметить и о новом поколении прозаиков, входящих в чеченскую литературу в последние годы. Это М. Ахмадов, А. Нанагаев, З. Абдуллаев, С.-Х. М. Нунуев и др.

В поэзии заметный след оставили Х. Эдилов, А. Мамакаев, З. Муталибов, успешно работают Х. Сатуев, Ш. Рашидов, С. Гацаев и многие другие, чье творчество заслуживает пристального внимания.

Немалые успехи в своем развитии имеет и национальная драматургия. В 20-40-е годы успешно творили (естественно, на разных уровнях) С. Бадуев, Х. Ошаев, Ш. Айсханов, А. Мамакаев, Н. Музаев и другие. Наиболее высокого уровня она достигла в наше время. Начиная с конца 50-х годов, когда началась хрущевская «оттепель» и была восстановлена Чечено-Ингушская АССР.

Чеченская литература обогатилась новыми именами талантливых писателей, которые вместе со старшими своими собратьями по перу активно включились в возродившийся литературный процесс.

Большой вклад в драматургию 50-60-х годов внесли Х. Ошаев, А. Хамидов, М. Мусаев, Н. Музаев, Б. Саидов, У. Ахмадов, Л. Яхъяев, Р. Хакишев и др.

Любимым жанром чеченского зрителя является комедия. В 50-80-е годы этот жанр получил дальнейшее развитие.

Важнейшей особенностью чеченской комедии, пожалуй, является ее бытовое содержание.

Наиболее успешно в жанре комедии работал А. Хамидов. Именно его творчество первым вышло за рамки национального театра. К числу таких произведений относится комедия «Бож-Али», переведенная на многие языки народов России. Это выдающееся произведение современной чеченской драматургии. Комедией «Бож-Али» А. Хамидов закрепил за собой имя одного из самых талантливых драматургов, творцов родной литературы.

Таким образом, в 50-80-е годы активно развивался литературный процесс, который в целом способствовал дальнейшему и всестороннему развитию литературы.

В краткой статье о чеченской литературе мы проследили основные закономерности и специфику развития чеченской

литературы. Путь этот похож во многом на путь, проделанный литературой большинства народов, входивших в СССР. Мы привыкли считать художественную литературу отражением общественного сознания, зеркалом жизни общества. С этим можно согласиться лишь частично, ибо чеченский народ на протяжении последних пятидесяти лет был объектом перманентного преследования, дискредитации и геноцида 1944–1957 годов. Освободившись от оков железных схем требований социалистического реализма и всесильной цензуры, методологической и содержательной схоластики, чеченская литература еще должна доказать, что она является подлинным летописцем жизни собственного народа.

Чеченская литература конца XIX — начала XX века

С наступлением XX века остался позади великий, длиной в две тысячи с лишним лет, путь формирования духовной культуры чеченцев — этой особой и неповторимой, многослойной системы художественности, в каждом пласте которой трансформировалась история народа, его философия прошедших эпох, взаимосвязи с мировыми художественными системами.

Мифы и нартский эпос, волшебные и героические сказки, малые формы эпоса, выдающаяся архитектура башенного строительства Средневековья, наскальные рисунки и надписи на башнях и склепах, а также новая форма осмысления действительности, сформировавшаяся в эпоху Ренессанса — героико-эпические и исторические песни илли, арабоязычная литературно-художественно-эстетическое наследие народа, шагнувшего в XX век.

К познанию этого наследия обращались путешественники, ученые и писатели Запада и Востока. Но их знакомство с древней культурой происходило путем эпизодических контактов с ее носителями.

«Открытие» же Кавказа русскими классиками в XIX в., особенно нравственного мира чеченцев, привнесло в их творчество совершенно новое философское направление, усилило в русской литературе идеи освободительного движения и гуманизма.

«Разработка» эстетических категорий духовной культуры народа для осмысления художественных, нравственно-этических проблем, вставших перед ним на новой стадии его истории — в XX веке, начинается в период перехода от старых форм художественности к новым. В советском литературоведении принято было считать, что этот период приходился на время зарождения так называемых младописьменных литератур.

Сейчас, в условиях неполитизированного подхода к художественному наследию народа, становится очевидным, что духовное наследие народа сыграло большую роль в решении общественнопросветительских задач в Чечне еще в XIX в., в условиях формирования письменной литературы на арабском языке.

Внутри группы национальных просветительских литератур народов Северного Кавказа, связанных между собой многими «валентностями» — этническими, географическими, языковыми, общностью фольклорного развития (И. Г. Неупокаева), чеченская выделяется своим поздним зарождением на русском языке (70-е годы XIX в). Однако сходство фольклорной эстетики, почти равномерный процесс разрушения феодально-родовых устоев горской среды, формирование в ней буржуазных отношений, активное вовлечение части горцев в орбиту российского социально-экономического, культурно-общественного развития ускоряли постановку «поздней» просветительской мыслью Чечни актуальных проблем общественно-политической и экономической жизни народа тех лет.

Чах-Ахриев и Умалат Лаудаев (70-е годы XIX в.) вышли далеко за рамки фольклорного принципа осмысления действительности и, обратившись к «Европейским» жанрам литературы — историкоэтнографическому исследованию, публицистическому и путевому очерку, — явились подлинными новаторами, ознаменовали своим творчеством начало нового исторического этапа в развитии художественного мышления чеченцев и ингушей. Созданный ими собирательный образ народа, найденные художественно-эстетические принципы описания жизни и мировоззрения горца, острая социально-критическая направленность их произведений — традиций на которые первоначально опирались представители художественной и общественной мысли Чечни в начале XX века.

Представители первой волны чеченской светской художественной интеллигенции получили глубокое и всестороннее образование в России, вышли из офицерских и купеческих семей, находились в России, когда там начался всеобщий подъем освободительного движения, направленного на духовное раскрепощение российских народов, на завоевание для них экономических и политических свобод.

Во многом этим объясняется то, что начало XX века в истории Чечни отмечено удивительным всплеском общественного сознания. Появились личности яркие, неординарно мыслящие, мужественные. Таштемир Эльдарханов, Тапа Чермоев, братья Ахмет-ханли и Исмаил Мутушевы, братья Денилбек, Заурбек, Асламбек Шепиповы, Бек Саракаев — представители общественной и художественной мысли Чечни, формировавшейся на стыке XIX и XX веков. Они прошли

школу суровой российской действительности 90-х годов XIX — начала XX веков. Их видение своей роли в судьбах народа во многом было созвучно идейным исканиям передовых людей России того времени, чей обобщенный прототип утверждался в русской литературе как борец за создание справедливого общественного строя.

Они принимали деятельное участие в военной и политической жизни самой России и потому воочию видели, как отражались происходящие в России процессы на судьбах народов Северного Кавказа.

Их чаяниям и устремлениям отвечала, в частности, идея национального возрождения национальной самоорганизации и самоуправления, захватившая передовые умы России того времени народов.

Они были убеждены, что в истории настал момент, когда вынашиваемые народами мечты о свободе и независимости, можно осуществить, пользуясь сложившейся в России политической ситуацией 1905–1907 годов, относительной свободой слова, отвоеванной демократическими кругами России у царизма. Их публицистика обостряла гражданские чувства представителей общественной и художественной мысли не только Чечни, но и Северного Кавказа.

Широта социального и политического спектра их деятельности была вызвана тем, что они взяли на себя функции историков и экономистов, политических деятелей, публицистов и редакторов первых газет, авторов национального алфавита и первых школьных учебников.

*** * ***

Ахметхан и Исмаил Мутушевы родились в семье офицера царской армии, который еще в 1868 году определился на военную службу, окончив Владикавказское окружное училище.

Имена этих братьев до середины 80-х годов XX в. были под запретом. А. Мутушева местные историки и партийные органы считали буржуазным националистом лишь на том основании, что он в

1917 году был председателем чеченского национального Совета, являвшегося местным органом временного правительства.

Первые статьи А. Мутушева, чья общественная и публицистическая деятельность началась в конце XIX — начале XX века, отличались широтой взгляда на жизнь народа, интернациональным пафосом. В этом смысле показательна одна из его первых публикаций в газете «Новая Русь», издававшейся в С.-Петербурге. Ставя читателя газеты в известность об открытии в ней «мусульманского» отдела, А. Мутушев говорил, что эта «первая попытка солидной газеты послужить культурно-экономическим интересам мусульман России» является в то же время «верным средством испытания нашей гражданской зрелости».

Автор статьи сознает, что «каждая мусульманская народность бедна грамотой в процентном отношении» и все же «насчитывает отдельных представителей как со средним, так и с высшим образованием». К этим представителям и обращается А. Мутушев: «Пусть мы плохие литераторы, пусть наши статьи не блещут красотой художественного слова. Но мы должны твердо запомнить Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан, и помня, эти великие слова, сказанные в горячие дни шестидесятых годов, мы не должны быть инертны, эгоистичны, думать только о своих личных, будничных интересах».

«Интеллигентные мусульмане! — писал А. Мутушев. — К Вам обращаюсь я с призывом. Помните, что народности, из которых Вы вышли, имеют право рассчитывать на Ваше культурно-экономическое служение их священным интересам».

Сам А. Мутушев старался не на словах, а на деле служить «священным интересам народности». В своих статьях он ставил актуальные проблемы общественно-политического положения горцев, резко критиковал в частности, принципы царской администрации по «наведению порядка в Терской области». Так, в статье «Устроение» А. Мутушев писал, что «горцы Терской области, жаждущие больше, чем кто-либо и действительного порядка, и спокойствия», «затравлены и деморализованы длинным рядом более или менее неудачных «устроителей» их общественной и экономической жизни».

В насыщении общественной и художественной мысли Чечни 1910–1937 годов новыми открытиями большую роль сыграли братья

Шериповы.

Назарбек Шерипов явился основоположником жанра национальной драматургии.

Первым, кто органично соединил традиции художественных культур русского и чеченского народов, был герой гражданской войны на Северном Кавказе Асламбек Шерипов — воспитанник полтавского кадетского корпуса.

В творчестве А. Шерипова намечается два периода. Первый из них — период, предшествовавший Октябрю. Это время литературной учебы, накопление опыта. К первому периоду относится работа по записи и переводу на русский язык народных песен, вошедших позднее в отдельный сборник. Именно в работе над переводами ярко проявилась творческая одаренность А. Шерипова. Он перевел всего три песни: «Абрек Геха», «Юсуп — сын Мусы» и «Асир — абрек» (одна из возможных историй). Судя по языку и стилю переводов и путем сопоставления их с оригиналами и вообще с идейно-художественным направлением песенного эпоса, можно прийти к выводу, что сонеты песен, нравственные представления их героев претерпели значительные изменения под творческим воздействием переводчика.

Когда читаешь переводы песен А. Шерипова, живо вспоминаются горьковские «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». В них тот же романтически приподнятый стиль, сравнения и эпитеты, придающие событиям возвышенный пафос, олицетворение сил природы («Тоская безумная», «Кровавые тучи», «Красивая смерть», «Сокол, бьющийся в тройном круге клюющих падаль вагонов», «Геха купался в густом темном море огня и свинца» и т. п.), в них слышится гимн мужеству и нарождающейся новой жизни.

Среди переводов А. Шерипова особым сюжетом и композицией отличается песня «Асир-абрек». Предупредив читателя, что «Асир-абрек» — «одна из возможных историй», А. Шерипов не претендует на то, что в основе песни — реальные события. Основной мотив песни — мотив отверженности героя от общества, идейного разлада между ними. Это нам знакомо по некоторым произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова. Но если в романтической литературе это гордый одиночка, не находящий своей цели в жизни, то в песне разлад между героем и «толпой» произошел из-за того, что абрек Асир не находит

среди нее «гордых, непреклонных и смелых духом героев», которые, как и он, жили бы одной только страстью — бороться и умирать за свободу гор и людей Кавказа». «Забитые и жалкие рабы», не способные на подвиг, «ликуют после смерти каждого героя: они рады, что избавились от живого укора прошлой, героической жизни». Так, образом Асир-абрека в песне утверждается идея борьбы за свободу и счастливую жизнь. Другое дело, что и здесь А. Шерипов остался верен исторической правде: в своей борьбе Асир-абрек умер одиночкой. Таков был удел всех абреков, которые, несмотря на кажущееся единство с народом, все-таки не были тесно связаны с ним.

Начало публицистической деятельности А. Шерипова относится ко второму периоду его творчества, оно было обусловлено Октябрьской революцией. Коренным образом меняются его взгляды на художественную культуру, призванную содействовать просвещению горцев. Его выступления перед чечено-ингушской беднотой, письма к друзьям и идейным противникам, научные статьи и заметки — все было подчинено им одной цели — помочь ему осознать свое национальное достоинство путем разъяснения складывавшейся в его истории сложнейшей ситуации периода гражданской войны на Северном Кавказе.

Статьи А. Шерипова, относящиеся к периоду накала событий 1918–1919 годов, отличаются широтой мысли, аргументированностью, умением верно ориентироваться в сложнейших переплетениях национальных, классовых, политических интересов в Терской области, выбрать из этого запутанного клубка единственного правильный путь, отвечающий интересам народа («Герои Чечни и Дагестана», «Работа «Святых», «Обращение к грозненской демократии», «Письмо правителю Чечни от добрармии генералу Э. Алиеву и председателю Атагинского Совета И. Чуликову и др.).

В одном из писем к знакомой А. Шерипов писал: «Мы пойдем на смерть за народ не по обязанности, а с наслаждением и радостью». Его фольклорные герои тоже встречали смерть «с наслаждением и радостью». Применительно к жизни А. Шерипова эти слова приобрели реальное, жизненное содержание, здесь они отражают внутренний мир, нравственный идеал человека, погибшего в 1919 г., защищая интересы трудовых чеченцев.

На формировании мировоззрении А. Шерипова несомненно оказал влияние его старший брат — Денилбек Шерипов, который в начале XX века принимал активное участие в культурно-просветительской работе, проводимой чеченской интеллигенцией среди своего народа. В 1911–1912 годах Д. Шерипов издавал в г. Грозном газету «Терец», которая уделяла большое внимание жизни края, изобличала национально-колониальную политику царизма, показывала, что среди чеченцев и ингушей зреет протест, что, несмотря на отсталость крестьян и противодействие шейхов и купцов, у народа пробуждается самосознание, стремление осмыслить свою роль в истории и тяга к просвещению.

После окончания гражданской войны и установления советской власти на Северном Кавказе З. и Д. Шериповы входили в состав Чеченского ревкома, затем Чеченского облисполкома. Д. Шерипов с 1922 по 1925 г. — председатель облсуда, а З. Шерипов заведовал отделами, являлся заместителем Председателя облцика. За эти годы каждый из них в своей сфере сделал немало: Д. Шерипов внедрял в сознание горцев азы закона и нового общежития, З. Шерипов — в организации новой системы образования. Обе сферы деятельности требовали от них огромного мужества и самоотверженности, ибо жившие веками вольной и свободной жизнью горцы всячески противодействовали установлению над ними строгих правил закона, а открытие советских школ проходило в острой схватке с приверженцами примечетских религиозных школ.

В указанные и последующие годы активизировалась литературная, публицистическая и исследовательская деятельность З. и Д. Шериповых. З. Шерипов собирал и публиковал фольклорные произведения, впервые написал очерк о Шейхе Мансуре.

*** * ***

Особое значение для освоения населением русского языка и переводческой деятельности начинающих писателей имело составление и издание З. Шериповым русско-чеченского словаря. Читатели отметили своевременность и актуальность этого издания.

Чеченская литература 1920-1930-х годов

Во второй половине 20-х годов усилился интерес к истории народа.

Основоположниками исследовательской мысли Чечни явились просветители Х. Ошаев, впервые обратившийся к проблеме мюридизма в Чечне и на Северном Кавказе своеобразия революционного движения в Чечне.

Прояснение в таких исследованиях некоторых коллизий истории народа явилось безусловно своеобразным импульсом для обращения начинающих поэтов и писателей к теме исторического прошлого. Первые произведения на эту тему по времени совпали с активизацией в Чечне исследовательской мысли. На стыке 20-30-х годов основной проблематикой молодой литературы стала воссоздание образа людей, живших в прошлом, боровшихся и страдавших во имя счастья своего народа. К этому времени в лирике был накоплен определенный идейно-эстетический опыт в осмыслении гражданской позиции лирического героя. В недрах лирики, опираясь на ее достижения, созревала лиро-эпическая поэма. В появившихся в то время поэмах М. Мамакаева «Кровавые горы» (1928), «Разговор с матерью» (1934), С. Бадуева «Партизаны» (1934), А. Нажаева «Чабан» (1936) налицо новаторские достижения поэтов, сумевших переплавить традиции народных песен и русской поэзии, создать яркие произведения, пронизанные идеями братства между русским и чеченским народами. В поэмах широко использованы традиции историко-героических песен. Обращение поэтов к устно-поэтической культуре народа являлось необходимым этапом в становлении национальных литератур. В жанре поэмы они продолжают и развивают демократические традиции героико-исторических песен. Поэты создавали понятные и доступные народной массе (чье просвещение только начиналось) произведения. Использование поэтических образов народных песен приближало поэтов к познанию национального характера народа.

Одно из примечательных явлений чеченской литературы 20— 30-х годов — обращение поэтов и писателей к большим художественным

формам, в которых обобщался исторический путь народа. Запечатленные в поэмах М. Мамакаева, С. Бадуева, А. Нажаева, А. Мамакаева («В горах Чечни», 1941) исторические пути народа, выраженная в их произведениях концепция личности и истории утверждали эстетические принципы формирующейся национальной литературы.

Своеобразие творчества чеченских писателей 20-30-х годов заключается в том, что в силу особенностей общественно-политической и историко-культурной ситуации, характерной для Чечни до и после октябрьского периодов, писатели решали многие задачи просвещения художественными средствами. В Чечне к концу 1924 года было всего 58 советских школ, и только в начале 1925 года, по инициативе Председателя Чеченского облисполкома Т. Эльдарханова, было организовано общество изучения края. В этих условиях начинающие писатели, опиравшиеся на традиции своих предшественников, просветителей конца XIX— начала XX в., осознали, выражаясь словами В. Г. Белинского (из его «Письма к Н. В. Гоголю»), что Чечне отныне «нужны не проповеди <…>, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства».

По убеждению молодых писателей, это является необходимым условием для быстрейшего достижения народом успехов «в цивилизации, просвещении и гуманности».

Саид Бадуев — основоположник чеченской литературы

Достижения литературы в этом направлении, постановка и решение значительных социальных проблем, предопределивших развитие жанров рассказа, повести и романа, связаны с появлением в ней Саида Бадуева и Саид-Бея Арсанова.

С. Бадуев с самого начала заявил о себе как писатель, которому было тесно в рамках зарождающегося рассказа, основанного на кровной зависимости от фольклорных сюжетов и образов, выразительных средств. Уже первые его рассказы свидетельствуют о том, что он пришел в литературу, пройдя школу хорошей профессиональной подготовки в русской литературе, по своим собственным видениям истории и современности, со своей тематикой и манерой повествования. Характерной чертой писателя стало умение в маленьком эпизоде, посредством небольшого на первый взгляд конфликта, сказать о многих теневых сторонах быта и характера народа, его мировоззрении, нравственных и этических представлениях. Каждый герой его произведений несет в себе социально и общественно значимые идеи, штрихи каждого из них все глубже характеризуют жизнь народа, его внутренний мир.

В начале творческого пути писатель как бы проверяет нравственный мир своих героев ставя их перед трудным выбором. При этом ярко выраженной особенностью уже первых его произведений является попытка проникнуть во внутренний, духовный мир героев. Настоятельная необходимость подчиниться властному требованию человеческого долга борется в душе Усама с условностями, навязанными адатом, — и эта внутренняя борьба приводит его в смятение. В результате происходит трагедия («Адат»).

Один из действенных приемов писателя — внутренний монолог персонажа, монолог писателя, обычно завершающий сюжет рассказа, состоящий из вопросов-обращений к читателю. Эта форма и особенность стиля С. Бадуева были привнесены в чеченскую прозу. Именно обличающая, обвиняющая, осуждающая устаревшие адатские нравственные установки позиция писателя, именно острый публицистический пафос его произведений, воспитывающий читателя, были обусловлены временем, когда среди горцев начали складываться новые морально-этические нормы. В этих условиях на первых порах наиболее плодотворной оказалась форма письма С. Бадуева, позволяющая прямо и непосредственно обращаться к читателю. Она

имела огромное воспитательное значение своей дидактической направленностью («Олдум», «Имран», «Колодец», «Зийнап», «Кабиха», «Месть», «Ураза» и многие другие).

Переход писателя к большим эпическим формам повествования был подготовлен его предыдущими идейно-эстетическими поисками в жанре рассказа. Процесс развития жанра повести в творчестве С. Бадуева был настолько стремителен, что в конце 20-х — начале 30-х годов писатель написал пять крупных произведений («Г олод», «Огненная гора», «Бешто» и другие), в которых в полной мере отразились его идейно-художественные искания, запечатлены внутренние сдвиги в характере и мировоззрении горца, жившего на рубеже двух эпох. Естественно, поэтому в основе его повести лежат социально-классовые конфликты своего времени и сопряженные с ними эпизоды духовной жизни человека.

В рассказах и повестях С. Бадуева впервые в письменной чеченской литературе подняты гуманистические проблемы, развивая и обновляя традиции гуманизма, заложенные в фольклоре. Лирическими, публицистическими отступлениями, явно выраженным сочувствием к герою, анализом описанных событий в конце рассказа — всеми этими художественными приемами писатель выражал, прежде всего, гуманистическую концепцию человека и решал вопрос о необходимости бережного, чуткого и терпеливого отношения к человеку, душевно надломленному в прошлом, а ныне очутившемуся в водовороте острой классовой борьбы. Кстати, эта проблема ставилась им и в поэзии (стихотворение «Наш сад», поэма «Два солнца» и др.).

Анализ возможностей человека в моменты резких сдвигов в его жизни — качество, которое определило эстетическую структуру целого ряда произведений писателя, воссоздающих прошлую жизнь народа. Момент кризиса, перелома в судьбах героев выявляет меру их человечности, мужества, подготовленности для сопротивления реакционным нравственным нормам бытия, для восприятия и утверждения новых идей своего времени. К осмыслению образа Петимат — героини из одноименного романа — писатель подошел, опираясь именно на эти критерии. В романе «Петимат» писатель показал читателю, что в дореволюционном прошлом была и другая правда, которая в корне отличалась от «правды» муллы в повести «Огненная гора». Правда эта поддерживала энергию социальных

низов, вдохновляла на борьбу с угнетателями, интернационализировала их сознание. Правда эта заключалась в постоянном влиянии на умы трудящихся горцев демократических идей передовой, протестующей и борющейся России.

После романа «Петимат» тематика творчества С. Бадуева резко меняется. Писатель приступает к новым обобщениям, анализирует духовный мир человека, очутившегося на гребне социалистического строительства. Произведения, написанные им с 1930 по 1937 год (до его репрессии) в поэзии, прозе и драматургии по своему эстетическому потенциалу и художественной силе менее значимы, чем произведения, в которых он осмысливал дореволюционную жизнь своего народа.

Почти одновременно с С. Бадуевым приступил к написанию своего романа и С.-Б. Арсанов. Но в отличие от романа С. Бадуева, в романе С.-Б. Арсанова «Два поколения» на первый план выступили другие факторы, свидетельствующие об эволюции эпического жанра в молодой литературе. Писателя заинтересовал новый тип человека, в котором воплотились судьбы трудящегося народа, пришедшего вместе с русским пролетариатом к первой русской революции.

Главная сюжетная линия романа сопряжена с судьбой самого писателя. Но это не только хроника жизни одной семьи. Знакомое, лично пережитое, события, сопутствовавшие ему и его семье и определившие их место в истории, — все это писателем осмыслено на примере типичной судьбы чеченского крестьянина, участвовавшего в русской революции и впитавшего в себя идеи демократии и социализма, вынашивавшиеся русским пролетариатом.

В рождении такого творческого замысла и в его осуществлении важнейшая роль принадлежит известным русским писателям А. Серафимовичу и А. Фадееву, с которыми С.-Б. Арсанов находился в дружбе. Опубликованные в начале 30-х годов, в журнале «Революция и горец», первые главы романа были просмотрены А. Фадеевым, им правлены и благословлены в печать. В 1931 году С.-Б. Арсанов отдал свое произведение на суд А. Фадеева. И сразу же появился его отзыв, свидетельствующий о том, что А. Фадееву была близка история, воссозданная в романе. «С моей точки зрения, — писал А. Фадеев в своем письме в издательство «Федерация», — это первый советский роман о горцах, в котором нет ложной, традиционной экзотики, и горцы поданы с подлинным знанием их быта и психики. Роман

охватывает большую историческую полосу и широкие социальные слои (казачество, рабочие, чиновничество, революционеры) — все это органически связано с судьбой основного героя романа Бено, крестьянского парня, растущего в пролетарского революционера… Роман читается с очень большим интересом, несомненно, он выдержит не одно издание и будет с особенным интересом читаться нашей молодежью».

С.-Б. Арсанов первым художественно зрело и полноправно отразил в чеченской литературе проблему взаимосвязи личности и коллектива. Он показал эволюцию мировоззрения героя, заставив его прозреть в самой гуще классовой борьбы, в тесной связи с революционным движением русского пролетариата.

Синтез автобиографического материала и художественного вымысла в произведениях романных форм — типичное явление в национальных литературах 20-30-х годов, в которых строгий документализм озарен ответом романтики, обусловленной революционной эпохой. С.-Б. Арсанов первый из чеченских писателей тех лет расширил пространственно-временные рамки действий своих героев, вывел их за пределы узких национальных рамок, показал их причастность ко многим событиям, происходившим в России, нарисовал их связи со многими социальными сословиями России. Такая широта взгляда на исторические судьбы родного народа, глубина анализа его уклада в чеченской литературе появились впервые.

Общим итогом художественных исканий в чеченской литературе 20-40-х годов является то, что они прочно стали на путь осмысления исторического прошлого, новой действительности, обогатились гуманистическими идеалами.

Чеченская литература 1950-1980-х годов

В начале 1944 года весь чеченский народ подвергся сталинской репрессии, был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. Развитие литературы и искусства народа было приостановлено. И все же пути ее развития во второй половине 50-х — конце 80-х годов отмечены значительным идейным, тематическим и художественным ростом, жанровым обогащением, укреплением связей с другими братскими литературами страны. Новая нравственная атмосфера в обществе, глубинные изменения, происшедшие во внутреннем мире и в гражданской позиции человека, емко отразились прежде всего в поэзии. Ее дальнейшее развитие со второй половины 50-х годов связано с именами поэтов старшего поколения: М. Мамакаева, Н. Музаева, Б. Саидова, А. Мамакаева, А. Сулейманова, М. Сулаева, Х. Эдилова и др.

Некоторые из них (М. Мамакаев, Н. Музаев, А. Мамакаев), явившиеся, по существу, родоначальниками поэзии 20-30-х годов, сразу же после восстановления Республики в 1957 году продолжили осмысление темы личности в обществе, начатое ими в предвоенные годы, прерванное войной, а затем выселением чеченцев в 1944 г. Тринадцать лет бесправия обострили звучание этой темы в их поэзии. Тяжкие раздумья о себе, о судьбах народов и родины придали ей поразительную открытость к состраданию, небывалые ранее глубину и задушевность, вызванные народной трагедией. На смену характерному для их раннего творчества решению тем и конфликтов, обусловленных сугубо внутринациональными проблемами, несмотря на глубокие травмы, оставленные в их душах сталинским террором, пришла широта общественной, общечеловеческой проблематики. Все чаще звучала в их поэзии тема предназначения человека, смысла и цели его жизни. Лирико-философское осмысление бытия стало характерной чертой не только поэтов старшего поколения, но и поэтов так называемых второго и третьего поколения, пришедших в литературу в 60-80-е годы.

Все это является одним из весомых свидетельств того, что чеченские поэты сумели перешагнуть через личные обиды, не

замкнулись в себе, годы сталинского террора не погасили их интернационалистские чувства. В их поэзию, как и в поэзию поэтов второго поколения — Р. Ахматовой, Ш. Арсанукаева, М. Кибиева, Х. Сатуева и других, широко вошли мотивы отчизны, любви и сыновнего долга перед ней. Начались кропотливые поиски художественных средств для передачи тончайших движений души лирического героя, идейно и нравственно созревшего для того, чтобы вместить в своем сердце радости и боли всей страны. У такого лирического героя в жизни могут быть только три высоты: первая — его родные места, где жили отцы — «Роднее их нет на свете мест»; вторая высота — Кавказ; третья высота — Россия — «Родина, славная и великая», «Сияющие вершины трех высот — моя любовь, моя судьба» («Три высоты» Ш. Арсанукаева, «А Лермонтову было двадцать семь», «На могиле Бестужева» Р. Ахматовой).

Во второй половине 50-х, в 60-70-е годы в литературе вновь усилилось стремление писателей осмыслить и объяснить важнейшие события истории чеченского народа. Интенсивно развивались традиции романного мышления, сложившиеся на стыке 20-30-х годов. Появились романы Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Мюрид революции», «Зелимхан», А. Айдамирова «Именем свободы» и «Долгие ночи», Ш. Окуева «Красные цветы на снегу», «Пролог», на которых лежит «печать переходных эпох». Романы восприняли и развили способы и принципы нравственных качеств героев, воссозданных в первых литературных опытах, воедино связали значительные события с судьбами героев. Впервые героем эпического произведения стал народ.

Указанные романы — своеобразный сплав строгой документальности, острой публицистики, художественного вымысла и даже некоторой очерковости. Исторические и фольклорно-этнографические познания писателей стали основой создания этого фона, на котором развертывалось повествование об исторических событиях и человеческих судьбах, вводя читателя в национальноспецифический мир изображаемого времени. В образах Арсби, Дмитрия Ивашина, Асланбека Шерипова, Зелимхана, Алхаста и др. героев писатели воплотили типичные социальные, психологические и моральные черты, присущие лучшим

представителям народа, преодолевшего бури и невзгоды прошедших веков.

Во второй половине 80-х — начале 90-х годов наметился постепенный отход писателей от темы исторического прошлого. Усиление их внимания к современности можно объяснить развитием общественных процессов сегодняшней национальной жизни, в которой накопилось слишком много неотложных актуальных проблем, требующих своего художественного осмысления. В литературе вновь на первый план выдвигаются жанры повести и романа: «Подъем» А. Айдамирова, «На рассвете, когда звезды гаснут» М. Ахмадова, «Запах прелой листвы» И. Эльсанова, «Мелодии Родины» С.-Х. Нунуева — произведения, написанные в разной стилевой манере, но их объединяет проблема формирования социально-нравственных позиций героев, находящихся в гуще событий своего времени. В центре внимания писателей — проблема человека и его корней, наследования им морально-нравственных традиций, этики народа.

Но, начиная с 1994 года, в результате двух опустошительных войн в Чечне, развитие литературы и искусства чеченского народа по сути приостановилось.

Когда гремят пушки, музы молчат…

Писатели и поэты Чечни

Абузар Айдамиров

Абузар Айдамиров — народный писатель Чечено-Ингушетии, прозаик, поэт, публицист, известный общественный и политический деятель.

Он родился в 1933 (1929?) году в селе Мескеты Ножай-Юртовского района. Детство закончилось в феврале 1944 года, в тот холодный зимний день, когда он вместе со всем народом отправился в далекий Казахстан. Безвинный, но с клеймом изменника Родины, врага народа. На его плечи легли тяжелые испытания, которые он преодолевал мужественно, с упорством работая, учась.

Некоторое время он был учетчиком полеводческой бригады, потом школьным библиотекарем, заместителем главного бухгалтера совхоза. Возвращение на родину помешало закончить Бишкекский сельскохозяйственный техникум. Впрочем, работа бухгалтера не отвечала его духовным запросам. С 1 сентября 1957 года Абузар открывает новую страницу своей биографии, став учителем чеченского языка и литературы в Мескетинской школе. Почти три десятилетия, с 1958-го по 1987 год, он работает директором этой школы, совмещая тяжелый труд учителя с литературным творчеством.

В 1963 году А. Айдамиров окончил заочное отделение историко-филологического факультета ЧИГПИ. А в 1967–1969 годах прошел Высшие литературные курсы в Литинституте им. М. Горького. Он стал поистине народным учителем и народным писателем.

Был награжден почетными знаками «Отличник образования РСФСР» (1997), «Отличник образования СССР» (1985), а в 2002 году ему присвоено звание «Народный учитель Чеченской Республики». Кроме того, он является народным писателем Чечено-Ингушетии (1977), почетным профессором Чеченского государственного университета (1993), почетным академиком Академии наук ЧР (1993). В 1976 году награжден орденом Трудового Красного Знамени. На протяжении тридцати лет он был бессменно депутатом Ножай-Юртовского районного совета, а в 1989–1991 годах — депутатом Верховного Совета СССР. В 2004 году избран председателем Союза писателей ЧР.

У Абузара Айдамирова пятеро детей и двенадцать внуков. Сын Магомед (1965 г. р.) и дочь Совдан (1960 г. р.) закончили исторический факультет, дочери Яхита (1960 г. р.) и Машар (1963 г. р.) — филологический факультет Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого. Младшая дочь — Седа — родилась в 2002 году. Творческий путь Абузара Айдамирова начался в 1956 году, когда он отнес свои первые произведения в редакцию газеты «Знамя труда», которая издавалась в Алма-Ате. Именно вокруг этой газеты начали собираться чудом уцелевшие в годы репрессий писатели старшего поколения, которые прошли все муки ада сталинских лагерей, — Х. Ошаев, М. Мамакаев, А. Мамакаев, С. Арсанов, а также представители нового поколения, к которому принадлежал и сам А. Айдамиров.

Его первые стихотворения и рассказы мало отличались от подобных произведений других авторов того времени и по содержанию, и по форме. В рассказе «Письмо» молодой писатель создал образы двух молодых людей, Солты и Дадаш, счастью которых помешала сначала война, а затем ссылка. В стихотворениях тех лет преобладает тема родного края, характерная для поэзии всех репрессированных кавказских народов. В эти же годы он пишет целый ряд прекрасных лирических стихотворений. На слова некоторых из них позднее были созданы песни.

Плодотворными для писателя стали 60-е годы. Одна за другой выходят его книги: «Сердце матери», «В родных горах», «Свет в горах», «Подвиги Генарсолты», «В на уле», «Именем свободы». Его стихотворения, рассказы, повести становятся известны широкому кругу читателей.

Всенародное признание писателю принесла историческая проза. Впервые к исторической теме Абузар Айдамиров обратился в повести «Именем свободы», которая вышла в свет в 1963 году в сборнике «Свет в горах». Именно в ней — исток всех последующих исторических романов писателя. Герой повести Али, участник Кавказской войны, а также последнего массового выступления горцев за независимость под руководством Алибека в 1877–1878 годах, возвращается в родной аул после 25-летней каторги. Вокруг Али собираются те здоровые силы общества, которые стали на путь борьбы; для них он становится учителем и наставником, связующим звеном с центрами революционного движения на Кавказе. Али погибает во время боевых действий в период Первой русской революции 1905–1907 годов. Таким образом, писатель попытался охватить наиболее важные события почти 50-летнего периода жизни Чечни и России, но дать их развернутую картину в одной небольшой повести было невозможно. Это проявилось и в значительно расширенном варианте этой повести — одноименном романе, изданном в 1968 году. Осознавая это, Абузар Айдамиров приступил к трилогии «Долгие ночи», над которой проработал более тридцати лет. В нее вошли романы «Долгие ночи» (1972), «Молния в горах» (1989) и «Буря» (1999).

Пожалуй, во всей истории чеченской литературы нет другого произведения, которое имело бы такой успех у читателей, как роман «Долгие ночи»: 5000 экземпляров книги разошлись в считанные дни, о нем говорили, спорили. Десятки и сотни людей специально научились читать по-чеченски, чтобы прочесть этот роман. И такой интерес к нему проявлялся вплоть до событий последних лет. В чем же причина такого успеха?

Несомненно, одна из важных причин то, что Абузар Айдамиров несколько раздвинул временные рамки своего романа, обратился к событиям, о которых до него не было написано. Кавказская война, изображенная в романе ретроспективно, через воспоминания ее участников, массовое переселение горцев в Турцию в 1865 году — эти темы в чеченской литературе до него оставались почти нетронутыми. Абузар Айдамиров заполнил этот пробел в чеченской литературе своим романом, что и обусловило его успех. Тема мухаджирства привлекала к себе внимание кавказских писателей и до А.

Айдамирова, и после него — достаточно вспомнить такие произведения, как очерк «Горцы-переселенцы» Инала Канукова, романы «Из тьмы веков» Идриса Базоркина, «Последний из ушедших» Баграта Шинкубы, повесть Михаила Лохвицкого «Громовый гул» и другие.

Все три романа Абузара Айдамирова вытекают из повести «Именем свободы». Темы, пунктирно намеченные в ней, в новых произведениях были развернуты писателем в широкую панораму.

В романе «Долгие ночи» действие разворачивается в 60-е годы XIX века. События, происходившие на Кавказе, писатель рассматривает в контексте европейской и мировой истории. В романе наряду с вымышленными героями появляются и образы реальных исторических деятелей: Шамиль и его наибы, русский царь и генералы, вплоть до Маркса, руководившего зарождавшимся тогда коммунистическим движением. Читателю пришлись по душе и запомнились Телхиг, Юсуп-хаджи, Байсангур.

В истории чеченского народа не хватало личностей. Фигурировало лишь несколько фольклорных героев — Алиев Сурхо, Таймиев Бейбулат и некоторые другие. На страницах романа «Долгие ночи» ожили новые герои, о которых в свое время знали во всей Европе, — военачальники и мыслители. Писатель вложил в их руки оружие, а в уста — речь, вернул их народу, тем самым обессмертив. Всем своим содержанием роман подводил читателя к мысли, что история чеченского народа начинается не с 1917 года, как утверждалось официальной идеологией, а уходит своими корнями значительно глубже, насыщена яркими страницами и выдающимися личностями. В этом было значение романа, воспринимаемого многими как исторический документ, а не как художественное произведение.

Появление романа «Долгие ночи» в печати в те годы, позднее обозначенные как годы застоя, стало возможным из-за того, что идеологи местного масштаба не совсем поняли смысл этого романа. Спустя некоторое время роман подвергся многочисленным нападкам, был фактически запрещен. Так, в 1983 году, когда отмечался 50-летний юбилей писателя, на торжественном вечере было запрещено произносить название романа. Была спущена соответствующая директива, и за ее соблюдением зорко следили «компетентные» органы. Это только подогревало и до того существовавший интерес к

нему со стороны читателей. «Реабилитация» романа произошла только в годы перестройки: в 1990 году появилось его переиздание на чеченском языке, а в 1996 году он был издан и на русском.

Драматично сложилась и судьба второй книги трилогии. От момента завершения работы до издания романа прошло более десяти лет, он был напечатан в 1989 году. Роман «Молния в горах» тематически связан с «Долгими ночами», в нем встречаются герои первой части трилогии, в том числе и Алибек. Основное внимание писателя в новом романе привлекают события 1877–1878 годов, когда, воспользовавшись тем, что основные силы России отвлечены на войну с Турцией, горцы подняли восстание. Оно было жестоко подавлено. Алибека и четверых его ближайших сподвижников повесили, многих участников заключили в тюрьмы, отправили на каторгу. Восстание 1877–1878 годов стало последним массовым выступлением горцев.

На рубеже XIX-XX веков на Кавказе широкое распространение получило абречество. Как отмечал в своем предисловии к переводам чеченских песен Асланбек Шерипов, «власти терроризировали население, а абреки терроризировали эту власть». Наиболее ярким представителем абречества является Зелимхан Гашмазукаев, державший в страхе администрацию области более десяти лет, вплоть до своей гибели в 1913 году.

Сложные политические и социально-экономические проблемы конца XIX — начала XX века, события Первой русской революции, а также последовавшая после ее поражения реакция нашли отражение в романе «Буря», вышедшем в свет в 1999 году. Изданная мизерным тиражом на чеченском языке фондом Зелимхана Гашмазукаева непосредственно перед началом военных действий, книга уже стала библиографической редкостью.

Надо отметить и ряд других книг Абузара Айдамирова — «По горным дорогам», «Вершины» и «Один день судьбы». В первую из них вошли произведения малых жанров — «В день смерти сына», «Рассказ разведенной женщины», «Хорошие люди», «Соперник», а также историческая хроника о Шамиле. В рассказах писателя о современности в центре внимания были нравственно-этические вопросы, проблемы духовности. Писатель не только констатирует факты, но и вскрывает причины, предлагает пути выхода из ситуации, в которой оказалось наше общество именно из-за духовного кризиса.

Эти размышления писателя легли в основу вышедшего в 2004 году нравственно-философского трактата «Наши нравы».

В книгу «Один день судьбы» вошли одноименная повесть, а также повести «Сыновья свободы» и «Калужский пленник». Первая была написана А. Айдамировым еще в начале 60-х, но тогда издать ее не удалось, так как тема оставалась запретной — в повести изображен один день из жизни чеченского народа — день годовщины выселения. Своеобразная композиция, напоминающая киносценарий, позволяет писателю показать множество эпизодов, десятки образов, достигнуть тем самым широкого изображения жизни народа, поставленного властью вне закона. Повесть полна трагического пафоса, но в то же время наполнена оптимизмом, верой в человека, который даже в нечеловеческих условиях все-таки остается Человеком. Писатель посвятил эту повесть своему отцу. Она, несомненно, носит автобиографический характер.

В повести «Калужский пленник» А. Айдамиров вновь обращается к исторической теме. В ней писатель изобразил последние годы жизни имама Шамиля; в отличие от других его исторических произведений, в которых на первом плане стоят события, писатель отразил внутренний мир своего героя, создал глубоко психологический образ.

В последние годы А. Айдамиров опубликовал в периодической печати большое количество публицистических произведений, в которых осмысливаются происходящие в настоящее время в Чечне события, предлагаются пути выхода из затяжного кризиса, в котором время идет работа над изданием собрания сочинений писателя на русском языке в 6 томах. Три из них уже вышли в свет.

Абузар Айдамиров — один из самых известных и почитаемых деятелей чеченской литературы, внесший огромный вклад в ее историю последних десятилетий.

Глубоко переживает писатель трагедию, связанную с военными конфликтами, унесшими многие человеческие жизни, о чем написано в статье «Корни чеченской трагедии», вышедшей отдельным изданием в 2002 году.

О своей жизни, творческом пути А. Айдамиров написал книгу воспоминаний «Мой жизненный путь», фрагменты которой появились на страницах журнала «Орга» (2003. № 7). Многие годы он работает над описанием истории своего народа. В 1991 году вышла в свет его

«Хронология истории Чечено-Ингушетии», в которой отмечены наиболее значительные события, начиная с древнейших времен до 1917 года. Работа еще не завершена, автор в настоящее время значительно расширяет и углубляет свое исследование, включая в него и события последнего столетия. Это огромный труд, ценный вклад ученого-историка в развитие науки.

Произведения Абузара Айдамирова переведены на арабский, турецкий, русский и другие языки. В Иордании изданы его книги «По горным дорогам», «Завещание брата» и «Долгие ночи».

Магомет Сулаев

Магомет Сулаев — писатель и врач, член Союза писателей СССР и заслуженный врач Чечено-Ингушетии. Аналогии из истории русской литературы напрашиваются сами собой — Антон Чехов, Михаил Булгаков. В русской поэзии у М. Сулаева было два кумира — А. Пушкин и М. Лермонтов, чьи стихи он переводил с русского на чеченский. Однако своим главным наставником в творчестве он считал родной чеченский фольклор, который очаровал его в самом начале писательского пути и увлек на всю жизнь. Об этом свидетельствует и его первое стихотворение «Чеченская песня», написанное в духе фольклора, когда юному поэту было 15 лет.

М. Сулаев родом из села Гойты, близ Грозного. В 1933 году будущий поэт едет учиться в Баку. Заканчивает в 1937 году педагогический рабфак, затем — в 1941 году — Азербайджанский медицинский институт. После этого начинается врачебная деятельность, которую М. Сулаев неизменно совмещает с литературным творчеством. С 1941 г. он работал главным врачом районных больниц республики и г. Грозного.

В 1943 году была написана первая крупная поэма «Солнце победит», посвященная подвигу Героя Советского Союза Х. Нурадилова во время Великой отечественной войны с фашистской Германией. Это — одно из лучших произведений чеченской литературы военного времени. В 1966 году вышел в свет роман «Тавсултан покидает горы» — самое значительное произведение Магомета Сулаева об истории чеченского народа на протяжении почти двух десятилетий. Творческий путь поэта и прозаика продолжался

свыше пятидесяти лет. За эти годы бьти изданы десятки сборников стихов и рассказов, критических статей и переводов на русском и чеченском языках: «Правда», «Искры из сердца», «Песни любви», «Вечный огонь», «Чинар на скале», «Человечность», «Цвет планеты», «Горы не забывают» и другие. В большинстве своих произведений поэт воспел любовь к людям, к родному дому, к Родине, потому что сам был наделен сердцем, способным вместить в себя целый мир и подарить этот мир другим.

Голуби быстрые

Разорву в порыве страсти
Сердце я на сто частей,
Обращу я эти части
В стаю быстрых голубей!

И пущу по белу свету,
Чтоб, летя быстрее стрел,
Всю б увидели планету,
Что я в жизни не успел!

Чтоб они, будя повсюду
В людях жажду добрых дел,
Сердце всем раздали б людям.
Что я в жизни не успел!

* * *

Раз в детстве испугалась мать моя,
Не слыша моего сердцебиенья;
К холму целебному, за край селенья,
Тотчас же понесла она меня.

О том холме твердили старики,

Что сказочен его прозрачный воздух,
Настоенный на травах и на звездах,
Врачующий от хвори и тоски.

Я воздух тот испил, следя с холма,
Как облака тянулись караваном:
За край земли, как в край обетованный,
Они текли струисто, как волна.

На западе, светясь, одно из них
Вдруг опустилось золотою кровлей,
Но солнце прорвало его покровы,
Лучистыми снопами брызнув вниз.

А за поляной в зелени тонул,
И в зеркале пруда едва качался,
И сквозь листву мне тихо улыбался,
Да, улыбался мне родной аул!

Так жизнь впервые потрясла меня,
И громкий стук тогда в груди раздался,
Да! Это сердце жизни резонансом
Стучит во мне с того большого дня!

И мир, и родина, и жизнь, и мать —
Все в красоту одну соединилось.
И сердце с той поры всегда стремилось
Законы этой красоты понять.

*** * ***

Мой друг, не называй красивой ту,
Что отличил глазами, глядя в лица…
Глаза создать не могут красоту:
Источник красоты в душе таится.

И верь, не всякая любовь сладка:
Любовь, что нас не мучит, гаснет вскоре,
И счастья не найдешь в любви, пока
Не принесет она познанье горя.

Любовь нам силу нартов придает,
Когда она кипит без суесловья,
И красота нетленная цветет
Навеки, сотворенная любовью.

Слово к матери

Я в сердце воскрешаю образ милый,
Узнай, чем я дышу и чем горю,
О мать моя! Я над твоей могилой
Стою и, как с живою, говорю.

В каком бы жизнь моя ни мчалась русле,
Я совестью твоей себя сужу.
Уеду ли куда, назад вернусь ли,
Я на твою могилу прихожу.

И мысль моя становится всесильной,
И весь я чувством одержим одним.
Когда на холмик погляжу могильный
И на пустое место рядом с ним.

О мать моя! Твое — всегда со мною:
Вдыхаю воздух, что вдыхала ты.
Хожу твоей дорожкою лесною,
Кидаю на твои следы цветы.

Как ни уходишь дальше ты с годами,
Родимая, тебе забвенья нет.

Передо мной твой образ в светлой раме,
В душе моей — твой негасимый свет.

Куда б меня ни бросила судьбина,
Мысль о тебе во всех краях со мной.
Тоскую о тебе тоскою сына,
Тоскою сына о земле родной.

Раз увидал я женщину в Измире,
Похожую немного на тебя.
В гостинице чужой — в чужой квартире —
Я тайно плакал, о тебе скорбя.

Могильный холмик, близко ли, далече —
Тебя ж увидеть мне не суждено;
Ни громогласной и ни тихой речи
Ты не услышишь, мама, все равно.

Пусть из могилы не подашь ты голос,
Молю тебя я, неутешный сын:
Качни травинкой тонкою, как волос,
Подай мне знак, хотя бы знак один.

Взываю я сейчас, собрав все силы,
Ко всем, кто потерял родную мать:
Да будут материнские могилы
О долге и любви напоминать!

Раиса Ахматова

Начало творческого пути чеченской поэтессы Р. Ахматовой относится ко второй половине 50-х годов — ко времени восстановления автономии Чечено-Ингушской АССР. Первый ее сборник стихов, изданный на чеченском языке, — «Хьоме республика» («Республика родная», 1958), имел большой успех у читателей прежде всего благодаря появлению на его страницах новой для чеченской поэзии лирической героини — с ее стремлением заявить о себе как о личности и о готовности активно участвовать в жизни общества. Для чеченской поэзии это было новаторством. В лирике Р. Ахматовой воспевалась любовь горянки, основанная на равноправии с мужчиной. Сугубо личный мир лирической героини, отображенный в первых стихах, впоследствии стал вбирать в себя общественно значимые темы. Плодом долгих раздумий о таких понятиях, как честь, достоинство и гордость, явил ось, например, стихотворение «Талисман». Лирическая героиня Р. Ахматовой в нем «вся тут, без лести, без обмана. Насквозь видна, как горная вода». Раздумья поэтессы об истории Чечни и ее народа, окрашенной и светлыми, и трагическими красками — в лиро-эпических поэмах «Олха-зур — летящая птица», «Тропою памяти» и других.

Одной из тем поэзии Р. Ахматовой стала тема многонационального содружества народов страны. Так, в стихотворении «Сибирь» она писала о предназначении поэта — быть выразителем дум и чаяний своего народа и связующим звеном с другими народами, излучая приязнь и доброту и тем самым способствуя сближению народов. Необъятные дали за горами Кавказа, скрытые в прошлом от горцев, открылись читателю в стихах Р. Ахматовой. Это ее стихотворения «Тиса», «Селенга», «Ереван», «Махачкала», «Каспию», «Я не видела как твои луга…» и другие. В

ряде произведений Р. Ахматовой — дань памяти представителям художественной культуры русского народа, оставившим свой след в истории Чечни — «А Лермонтову было двадцать семь», «На могиле Бестужева».

При жизни поэтессы вышло более 20 ее поэтических сборников, многие произведения Р. Ахматовой были изданы на русском и других языках республик СССР.

Много времени и сил отдавала Р. Ахматова общественной деятельности. Она была участницей Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, членом Советского комитета защиты мира, избиралась депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

Как общественный деятель Р. Ахматова много внимания уделяла вопросам становления современной чечено-ингушской литературы. С 1961 по 1983 годы, когда Р. Ахматова возглавляла Союз писателей ЧИ АССР, произведения чеченских и ингушских авторов получили известность как в республиках СССР, так и во многих зарубежных странах.

*** * ***

Я сегодня совсем не спала…
Память, память, веди меня в детство,
Где аул примостился у гор,
Где тревожное детское сердце
В тесной сакле живет до сих пор!

Детство! Как я тебя обижала:
Не ценила ни слез, ни затей…
Тропкой дней от тебя убежала
В мир серьезных и взрослых людей.

Дни поспешнее стали, короче.
Я не знала, не знала тогда,
Что бывают бессонные ночи
И что сердце болит иногда.

За окошком огни вереницей,
Все тропинки зима замела,
И слеза обжигает ресницы…
Я сегодня совсем не спала…

*** * ***

Иду к тебе дорогой горной,
В ладони — яркая звезда,
Я свет ее, простой и гордый,
Сквозь мрак несу тебе всегда.

А если будет холод лютый,
Я солнцем над тобой зажгусь,
А загрустишь — я стану утром,
Чтобы, как ночь, исчезла грусть.

В пути бывают ураганы.
Но если хлынет долгий дождь,
Я радугой весенней стану,
И ты под радугой пройдешь.

Захочешь пить — водой прозрачной
Я пробегу среди камней,
Тебя оставят силы, — значит,
Я стану силою твоей.

Иду к тебе всесильной лаской,
Открыв ветрам лицо и грудь,
Я без тревоги, без опаски
С тобою разделю твой путь.

*** * ***

Небо сбросило звездную шаль,
Гордых маков зарделись огни…
Я тебе подарю — мне не жаль! —
Красоту недотроги Чечни.

Подарю полевые цветы —
Все в предутренних капельках рос,
Чтобы дальнему северу ты
Их, как наше дыханье, принес.

Терек наш, как вино, пригуби,
В русле он, как в ковше, — через край,
Полюби ты его, полюби,
Словно чистый и сильный мой край.

Скалы, сакли… Я выросла тут
И мечты обретала свои.
Наши горы тебе принесут
Сотни тысяч легенд о любви.

Вот цветы открывают глаза,
Пьют большими глотками зарю…
Лучших песен моих голоса
На прощанье тебе подарю.

Откровение

Нет, я перед любовью не лгала,
Не прятала ее от глаз недобрых.
Как совесть, неподкупна и светла,
Она вставала из глубин бездонных.

Да, мне досталась дорого она,
Трудна и высока ее безбрежность…
И если я с тобою так нежна,

Ты знай — она мне даровала нежность,

Я и горда, и мужественна с ней.
Она меня всегда оберегала,
И под защитою любви своей
Я — словно речка между берегами.

*** * ***

Вставал рассвет, медлительный и древний,
Была земля, как наш огромный дом.
Нас охраняли сонные деревья.
С тобой рассвет встречали мы вдвоем.

В моих глазах твои глаза синеют,
Твоя улыбка — на моих губах…
Я стала вдруг слабее и сильнее,
И счастье ощутила я, и страх.

Я оттого кажусь сейчас девчонкой,
Что отогрелась на твоей груди.
И мы с тобой идем тропинкой тонкой,
И звезды догорают впереди.

*** * ***

Все в жизни мне давалось нелегко,
Но я всегда трудом брала преграды,
И в косы пережитое легло
Сединками, как высшею наградой.

Я много плакала. Мне слабость не чужда.
Я человек, он плачет и смеется.

Но я боролась с бурями всегда
И сквозь туманы шла навстречу солнцу.

Я огорченьям счета не вела.
Я падала и поднималась снова.
Я просто не запоминаю зла
И крепко помню дружеское слово.

Кипарис

В земле весенней — красоты начало.
Хоть величав и строен кипарис,
Но я люблю чеченскую чинару,
С которой мы бок о бок родились.

Как строен кипарис и скрыто страстен.
Нет, описать его я не смогу!
Стоит он, словно восхищенный странник,
Над морем, на высоком берегу.

Я признаю тебя! Но мне нужнее
Чинара возле сакли. С первых дней
Привыкла я во всем делиться с нею:
Она нежнее, и она родней.

Магомед-Салах Гадаев

Гадаев один из самых уникальных талантов. Прежде всего он известен как поэт и прозаик, хотя его творчество в годы коммунистического режима не только не исследовалось, но и замалчивалось. Годы творческого расцвета Гадаева прошли в изгнании, в Киргизии. Поэтому тема Родины была основной в его творчестве. Стиль, колорит, образность, глубокую народность его стихов трудно адекватно передать на другом языке. Но о том, как органично творчество Гадаева для культуры Чечни, свидетельствуют многочисленные музыкальные произведения на его стихи, которые знают и любят во всей республике. Не менее интересна в наследии Гадаева проза. Это романы «Двое», «Ночной всадник», повести «Сноха», «Грузин», «Дикость», рассказы «Страшные картины», «Хазман», «Кровная месть» и другие.

М.-С. Гадаев был также автором прекрасных литературных переводов на чеченский язык стихов Шевченко и Некрасова. Кроме стихов М.-С. Гадаев перевел ряд произведений русских и советских писателей — А. Чехова, Л. Толстого, А. Фадеева.

М.-С. Гадаев был наделен множеством талантов от природы. Поэтому ему удалось сделать свой вклад и на научном поприще. Причем отнюдь не в гуманитарной сфере. Им были изданы такие, например, труды — «Основные законы диалектики неорганической химии» (1954); «Временные, качественные изменения материального мира» (1956); «Программа выявления звезд (спектр-плотность) (1956) и другие. Названия исследований говорят о широте интересов поэта и ученого, его способности неординарно мыслить. Его работы признаны

в научном мире. Некоторые его рукописи хранятся в архиве Бюроканской астрофизической обсерватории.

У М.-С. Гадаева была мечта — чтобы в его родном селе Цен-Берд Ножай Юртовского района стояла стела, на которой были бы высечены строки из его стихотворения «Цен Берд» («Красная скала») — о прекрасной природе родного края и о верности родине.

Магомед Мамакаев

Магомед Мамакаев (1910–1973) — поэт, прозаик, публицист, литературный критик — один из тех, кто стоял у истоков современной чеченской литературы. Родился М. Мамакаев 16 декабря 1910 года, в чеченском селе Ачхой-Мартан в семье крестьянина.

Оставшись в десять лет круглой сиротой, воспитывлсяя в детском доме. Все пережитое в детстве: боль утраты, горести и радости лирически изложены в его поэме «Разговор с матерью»(1934 г.). В молодости М. Мамакаев был комсомольским активистом, учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Мировоззрение того периода отразилось в его первых литературных произведениях — «Утро над Аргуном», «Ласточка», «Пондар», лироэпическая поэма «Кровавые горы» (1928 г.).

На стыке 20-х и 30-х годов М. Мамакаев писал публицистику. На страницах журналов «Революция и горец», «На подъеме» он полемизировал с авторитетами того времени по вопросам освещения истории Чечни периода гражданской войны на Северном Кавказе. Общение с крупными советскими литераторами — М. Горьким, В. Маяковским, Э. Багрицким (который стал первым переводчиком стихов М. Мамакаева на русский язык), впоследствии с А. Фадеевым, Р. Серафимовичем, М. Шолоховым, А. Твардовским, Н. Тихоновым —

оказало влияние на формирование взглядов М. Мамакаева. Он подчеркивал в свои статьях роль русской интеллигенции в становлении чеченской литературе и искусства, значение сближения культур русского и чеченского народов.

Работа М. Мамакаева в партийных, советских органах Чечено-Ингушетии, в редакциях газет «Грозненский рабочий», «Ленинский путь», была связана с просветительством. Вместе с другими чеченскими просветителями Эльдерхановым и М. Исаевой он организовал издание первого на чеченском языке общественнополитического и литературного художественного журнала.

В художественном наследии М. Мамакаева особое место занимает поэия. Он первым из чеченских поэтов обратился к жанру поэмы. Значительны заслуги Мамакаева и в развитии чеченской прозы. Его книги «Лед тронулся» (1958 г.) и «Дорогой Родины» (1960 г.) ввели в чеченскую литературу путевой, документальный и публицистический очерк. Эпические романы М. Мамакаева — классика современной чеченской литературы. «Мюрид революции» (1963 г.) посвящен теме гражданской войны в ней чеченцев во главе с А. Шериповым.

М. Мамакаев был в Чечне не только любимым писателем, но и признанным авторитетом. Он редактировал поэтические сборники, литературные альманахи, журналы, участвовал в составлении антологии чечено-ингушской поэзии. Много внимания писатель уделял воспитанию литературной молодежи. Вклад М. Мамакаева в становление современной чеченской литературы навсегда вписал его имя в историю культуры Нахистана.

Баллада о матери

Матери Тазу — вождя веденского крестьянского восстания 1903 года

Притих аул, пустой и дымный…
И вот должна увидеть мать,
Как будет сын ее любимый
На эшафоте умирать.

Сам генерал решил, каратель,
Что сдастся сын ее мольбам
И назовет своих собратьев,
Своих друзей по именам.

Но мать в минуты эти сыну
Сумела так в глаза смотреть,
Как будто измеряла силу,
С какой он должен встретить смерть.

— Что ж ты молчишь? —
палач окликнул
Ее, немую, как гранит,
— Хоть соверши над ним молитву,
Быть может, Бог его простит!

Ты что, старуха, онемела?!
Тебе бы плакать и кричать,
А ты стоишь окаменело!
Быть может, ты ему не мать?!

Понять ли вешателям злобным,
Чья правда — пушка и наган.
Что мать свои святые слезы
Не может подарить врагам!

Пускай кровавыми руками
Они вершат неправый суд…
Заговорят однажды камни
И силу взрыва обретут!

Старик и смерть

— Пусти меня, теперь навек ты мой, —
Смерть к старику седому постучалась.
Старик ответил: — Погоди, постой,
Не раз ты на пути моем встречалась.

Костлявая стучится в двери вновь.
— Так знай же, раз ты ко мне явилась в гости,
Я отдал родине и сердце и любовь,
Тебе же я оставляю только кости.

И камни говорят

Иду в горах.
Старинная дорога пустынна…
Лишь уступы гор,
Встающие таинственно и строго,
Ведут со мной безмолвный разговор.

Кто говорил, что эта сторона
Была темна и бессловесна в прошлом?
На каждом камне, вечностью поросшем,
Начертаны былого письмена.

Бессмертный почерк — шрамы и рубцы —
Здесь было все записано на совесть.
Столетья горя, гнева и борьбы,
По шрамам гор читаю вашу повесть.

Я вглядываюсь в ржавчину камней, —
Писалась кровью каждая страница!
Я крикну — горы отвечают мне…
А может, это голос летописца?

Бессмертный почерк шрамов и рубцов
Горит, горит по склонам и отрогам,

И говорят на склонах гор о многом
Развалины жилищ моих отцов.

Но не согнет вершины гор печаль
Стоят, как войско в боевом порядке,
И облака, как белые палатки,
У гор моих ютятся на плечах.

Кто не воспел величие вершин,
Кому здесь вдохновенье не явилось?
Здесь Лермонтова сердце чаще билось
Здесь волю славил он, России сын.

Здесь мой учитель пламенный Коста
Свободу пел, внимая вьюги вою…
И дорога мне здесь не высота,
Горжусь сейчас не вечной сединою, —

Поклон тебе за то, моя страна,
Что дух свободы вел их к этим склонам,
Они твои читали письмена
И отзывались вдохновенным словом.

Мамакаев Арби

Один из известных чеченских поэтов А. Мамакаев родился в селе Нижний Наур Надтеречного района Чечено-Ингушской АССР в семье крестьянина. Он рано осиротел: отец и дядя (оба были партизанами) погибли в Гражданскую войну. Воспитывлсяя А. Мамакаев в Серновод-ском детдоме, затем учился на рабфаке. А в 30-е годы уже начал работать в газете «Ленинский путь» и на радио и поступил на учебу на курсы драматургов. Однако призванием его была поэзия. Первые стихотворения А. Мамакаева были напечатаны в 1934 году. Это были теплые лирические стихи. В ранних произведениях А. Мамакаева воспета природа родного края, современная жизнь народа, его историческое прошлое. В 1940 году вышел первый сборник поэта «Волны Терека». Это уже были стихи зрелого автора. Недаром в эти же годы А. Мамакаев обратился и к крупным жанрам — его поэма «Аслага и Селихат» считается одним из лучших достижений современной чеченской литературы.

В начале 40-х годов А. Мамакаев был ответственным секретарем Союза писателей ЧИ АССР. В это время на сцене Чечено-Ингушского драматического театра были поставлены его пьесы «Гнев» и «Разведка», опубликованы его крупные стихотворные и прозаические произведения: повесть «В родной аул», поэмы «В чеченских горах», «Шатой» и другие. К этому же периоду относятся его переводы на чеченский язык стихов М. Лермонтова, К. Хетагурова, Т. Шевченко, С. Маршака и других поэтов.

Зайнди Муталибов

Родился 15 сентября 1922 году в селении Хаттуни Веденского района Чечено-Ингушетии. Свое первое стихотворение он опубликовал в республиканской газете в четырнадцать лет.

Девятнадцатилетним юношей З. Муталибов добровольцем ушел на фронт. В годы Великой Отечественной войны он воевал в составе 255 отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка на Южном, Сталинградском, Юго-Западном фронтах. Начав службу рядовым бойцом, закончил войну начальником штаба кавалерийского дивизиона; заслужил 7 правительственных наград, в том числе орден Красной Звезды.

В военные годы З. Муталибовым было написано много стихов, очерков и рассказов о героизме советских солдат, а также любовной лирики. В послевоенные годы З. Муталибов преподавал в школах Киргизии. После возвращения в Чечено-Ингушетию он занимался журналистской работой, работал директором Чечено-Ингушского книжного издательства.

Литературное дарование З. Муталибова щедро раскрылось во второй половине 50-х годов. Из печати вышло несколько его стихотворных сборников и прозаических книг. Главная тема многих стихов З. Муталибова — военная. Поэт-фронтовик часто возвращался к теме антифашистской борьбы, рассказывал о героях, совершавших подвиги на войне и в тылу. Интересны и прозаические книги З. Муталибова. Сборник рассказов «Раненая анкета» — первая в чеченской литературе книга прозы, воссоздающая не только боевые подвиги, но и внутренний мир людей того времени.

После кончины З. Муталибова его именем была названа средняя школа в селе Хаттуни, где родился замечательный чеченский писатель.

Солдатский путь

Нет, не паду я в бою на колени.
С честью пройду я солдатский свой путь.
Если ж во мне ты почуешь измену —
Счастья лиши и навеки забудь.

В грозном бою закаляется братство
Разноязычных твоих сыновей.
Если ж не буду я храбро сражаться —
Ты меня, Родина-мать, не жалей.

Солнечный свет надо мной не померкнет,
Будут нам петь соловьи о любви.
Если ж не стану солдатом я верным —
Ты меня сыном своим не зови.

Будь, моя песня, свидетелем — другом,
Что сквозь бои я отважно пройду.
Если ж придется в сраженьях мне туго —
Ты помоги мне осилить беду.

Горы чеченские мной не забыты —
Там я провел свои юные дни.
Если ж погибну, то пусть как джигита
Люди помянут меня в Хаттуни.

Детство свое я оставил в ауле.
Родину там я впервые познал.
Если ж настигнет в бою меня пуля —
Знайте, что я за Чечню воевал!

Гул канонады в сердцах отдается,

Путь наш к победе опасен и крут,
Если же песня моя оборвется —
Пусть ее в битву другие возьмут!

Ноябрь, 1942

Старой бурке

Дымится Волга. Пуля и осколок
Летят в меня. Ни отдыха, ни сна.
О бурка черная, твой век недолог,
Ты в решето уже превращена.

Степь продувает вьюга ледяная,
Ни блиндажа, ни дота, ни огня.
И бой затих, и тьма легла ночная,
И с ног уставших валит сон меня.

Скорей укрой меня одной полою,
Ляг, бурка, подо мной другой полой,
Чтоб я, в покой укрывшись с головою,
Не расставался с горною тропой.

И мне тепло, как не было ни разу,
Среди снегов на волжском берегу,
Как будто подо мной земля Кавказа,
Которую в бою я берегу.

Декабрь, 1942

Терек

Прошли мы много верст с боями,
За нами отчие края,
Планета-родина за нами,
Она у каждого своя.

У ярославца — волжский берег,
Иртыш — мечта сибиряков,
А у меня, чеченца, — Терек
Среди пологих берегов.

О Терек! Терек!
Верит свято
Моя душа, моя мечта,
Что есть в моей судьбе солдата
Твоя судьба и красота.

За нами — братские могилы,
И край родной, и шар земной.
И ты, мой Терек быстрокрылый,
Везде со мной, всегда со мной.

Июнь, 1943

Письмо с фронта

Моей матери — Келимат

Отвыкли пальцы от карандаша,
Пишу тебе, как школьник, неумело…
Шуршит земля в обшивке блиндажа,
Дрожит огонь коптилки от обстрела.

Взрывают ночь. Осколки темноты,
Как табуны, несутся от снаряда!

Из памяти ко мне приходишь ты
И смотришь долгим, терпеливым взглядом.

Ты пишешь, нана, что пришла весна,
Что яблони в саду белы и седы.
Я помню все. Но грянула война,
И я простился с этим до победы.

О, горе тем, кто сеет кровь и прах!
Мы отомстим врагам своим жестоко
За то, что наши девушки в слезах
И поседели матери до срока.

Жужжат над нами пули, как шмели,
Прожектора пугают пальцем белым.
Как трудно оторваться от земли,
Когда в атаку надо бросить тело.

Убьют — живым останусь для тебя.
Но коль предам того, чей локоть рядом, —
Родного сына проклянешь, скорбя,
Что молоко твое не стало ядом!
Платком позора твоего лица
Я не покрою. И судьбу приемля,
Как мой отец когда-то, до конца
Я буду биться за родную землю!

Нам завтра в бой. На дальней стороне
Ракеты, словно молнии, блеснули…
Но вспомни, нана! Вспомни обо мне,
И меткая свернет с дороги пуля.

Нурдин Музаев

Родился в 1913 г. в крестьянской семье, в селе Белгатой. Окончив сельскую школу, в 1929 г. поступил на Грозненский рабфак. С

увлечением приобщался к русской литературной классике. В

1933 г. получил направление на учебу в Москву во Всесоюзный коммунистический институт журналистики газеты «Правда». В 1935 г. — студент сценарно-драматического факультета кино академии. В 1934 г. молодого поэта, автора уже трех книг принимают в члены Союза писателей СССР. В 1937 г. Н. Музаев возвращается из Москвы в родную республику. Он много работает, пишет стихи, пьесы, сотрудничает с Чечено-Ингушским драматическим театром. В 1944–1957 гг. учительствует в Киргизии, заведует редакцией чечено-ингушской художественной литературы в Казахском издательстве. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Чеченская литература на путях социалистического реализма» и преподавал в Чечено-Ингушском университете на кафедре родного языка и литературы.

Одно из центральных мест в творчестве Н. Музаева занимает историческая тема. Он стремится осмыслить прошлое своего народа от глубокой древности до современности. В 1957 г. создает эпическую поэму «Сказание о Чечне» («Говорит Салим»). В 60-е гг. пишет многочисленные отдельные стихи о грозненских рабочих, о тружениках совхозов республики. Самыми значительными прозаическими произведениями Н. Музаева о рабочем классе, о новой интеллигенции республики стали романы «Марш смелых», «Сила мечты», пьесы «По светлому пути», «Верить человеку», «Нефтяники».

К 60-летию Нурдина Музаева был издан сборник его лучших стихов под названием «Горячие сердца». Многие стихи Н. Музаева положены на музыку и стали популярными песнями.

Н. Музаев перевел на чеченский язык ряд произведений В. Шекспира, в том числе «Отелло», «Гамлет». А также «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставелли.

Поэт, прозаик, драматург, литературовед Нурдин Музаев внес заметный вклад в развитие национальной художественной литературы.

Ошаев Халид Дудаевич

Классик чеченской литературы, родился 1 января 1898 года в слободе Воздвиженская. Начало его творческой деятельности совпало с бурными революционными событиями в крае и стране. О них — первое крупное произведение Ошаева — роман «Пламенные годы». Со страниц романа встает Чечня времен Гражданской войны: 20-е годы прошлого столетия, кровопролитные схватки под знаменами революции, начало социального переустройства в горных чеченских селах. Надежды и разочарования, связанные с красивыми революционными лозунгами.

Этот роман, как и все последующие произведения писателя — осмысление автором сложного времени, в которое ему довелось жить.

В начале 20-х годов Ошаев был председателем Чеченского ревкома, заведовал политпросветом Областного отдела народного образования. Затем был ректором педагогического института в городе Владикавказе. Позже Ошаев стал руководителем Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института языка и истории в Пятигорске.

В литературном наследии Ошаева важное место занимают его сатирические пьесы. Такие, как «Побег бюрократа», «Борьба продолжается», «Клещ», «В одной руке два арбуза» и другие. Их тема — высмеивание новой бюрократии и мешающих современной жизни пережитков прошлого. С другой стороны, драматург Ошаев писал пьесы и на историческом материале. Пример тому — пьеса «Асланбек Шерипов» — о герое Гражданской войны, командире Чеченской Красной армии.

Особое место в творческом наследии Ошаева занимает его книга «Брест — орешек огненный». Это — результат многолетнего

исследовательского труда. Писатель поставил задачу установить имена чеченцев-участников героической обороны Брестской крепости в первые дни Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Для этого он объехал десятки городов и поселков России, встречался и переписывался со многими очевидцами. В результате Ошаев установил фамилии около 300 чеченцев — защитников Брестской крепости. Книга Халида Ошаева «Брест — орешек огненный» вышла в свет в 1990 году. В книге впервые был опубликован поименный список всех выходцев из Нахистана, защитников крепости-героя.

Эта книга вместе с другими произведениями Ошаева о войне показала вклад чеченского народа в победу над фашизмом. В суровые годы войны чеченский народ вместе с другими народами СССР отстаивал свободу, честь и независимость нашего Отечества.

Саид-Бей Арсанов

Один из известных чеченских писателей 20-го столетия — оставил о себе память как человек, который в своем творчестве и в общественной деятельности плодотворно осваивал опыт других культур, в первую очередь — российской и европейской.

Молодость Арсанова пришлась на бурное революционное начало века. Он учился в С.-Петербургском политехническом институте, участвовал в студенческих демонстрациях, за что был арестован, сослан, бежал из ссылки, эмигрировал в Германию. Затем его бросило в гущу гражданской войны. Вернувшись в Россию, Арсанов воевал на Дальнем Востоке на стороне большевиков. Типичный путь прогрессивно мыслящего интеллигента того времени. Мировоззрение

Арсанова с молодости формировали общественно-политические события в России и на Западе.

В начале 20-х годов Арсанов на различных руководящих постах в партийных и советских структурах в Чечне много внимания уделял вопросам просвещения. В это время он регулярно публиковал в газете «Советский юг» рассказы и очерки, посвященные становлению советской власти в Чечено-Ингушетии. Эти его первые литературные опыты были положительно оценены известным советским писателем А. Фадеевым. У двух литераторов сложились творческие и дружеские связи. «В 1924 году Фадеев приезжал в Грозный, чтобы помочь мне организовать областную газету», — писал в своих воспоминаниях Арсанов.

С 1926 по 1930 год Арсанов — уполномоченный представитель Чечни в Москве. Вскоре он уехал по путевке ЦК партии на ответственную работу на Колыму. Затем ему поручили возглавить Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка, истории и литературы. По инициативе Арсанова и при его участии были подготовлены сборники фольклора на русском, чеченском и ингушском языках. Один из них был издан в Москве в 1940 году.

Роман, над которым Арсанов работал все эти годы, был издан в 1956 году в Алма-Ате, столице Казахстана, где писатель находился в годы депортации. Автор дал ему новое название — «Когда познается дружба». Первое в чеченской литературе крупное эпическое произведение было высоко оценено критикой. По сложности проблематики и масштабам освещения народной жизни этот роман Арсанова и по сей день занимает в чеченской литературе одно из ведущих мест.

В восстановленной Чечено-Ингушетии Арсанову пришлось много заниматься организационно-административной работой. С 1957 года он возглавлял Союз писателей ЧИ АССР. При его участии проводились литературные семинары, издавались произведения поэтов. Как депутат Верховного Совета республики Арсанов занимался вопросами культуры, образования, науки и литературы. И только после ухода на пенсию он смог всецело отдаться литературному труду. Тогда была написана вторая часть романа «Когда познается дружба», очерки, рассказы, путевые заметки, публицистические статьи. Герои малой прозы Арсанова не только чеченцы; цикл рассказов о представителях

народов Севера («Серебристая улыбка», «Ононди» и др.) был написан по впечатлениям о поездке писателя в места, где он жил и работал в молодости. Отличительной особенностью всей прозы Арсанова является то, что размышления писателя о человеке, его судьбе, его делах никогда не ограничивались национальной тематикой.

Х. Туркаев, Ю. Айдаев

Стихи чеченских поэтов

Шайхи Арсанукаев

Утро в горах

Как сизый голубь, утро прилетело
И опустилось в замершем саду,
Где, заневестясь, вишня в платье белом
Стоит у всей округи на виду.

Уже ведром горянка загремела:
Спешит к ручью, приветствуя рассвет.
А солнце, встав на цыпочки, несмело
Из-за горы глазеет ей вослед.

Уходящий день

Подожди, не прячься за горами,
Подожди немного, ясный день,
Не спеши оставить между нами,
Словно стену, темноту и тень.
Я прошу, не гасни надо мною,
Подожди немного, светлый день,
Очень виноват перед тобою —
Целый день я дома просидел.
Я еще не жил сегодня, даже
Не успел напиться и воды.
Я еще людей не видел, дай же
Поглядеть на них до темноты…

День уходит, постепенно тая,

Сумерки ползут по следу дня…
Вот он речку перешел, блистая,
Он не может больше ждать меня.
Ясный день костром пылает красным.
Светлый день огнем уже горит,
И, мигая мне огромным глазом,
Исчезает за спиной горы…

*** * ***

Ты не сердись:
Я только на минуту.
Незваный гость,
А все же не гони.
Я притулюсь на краешке уюта,
Как будто в те
Неправдашние дни.
Я сам не свой…
Со мной такое редко.
Не прогоняй, дай дух переведу.
Передохну,
Докончу сигарету
И, как пришел,
Из памяти уйду.
Я день за днем
Плутал в лесу просчетов.
И, хоть до слез
Упущенного жаль,
Не мне винить
В утраченном кого-то
И самому себе читать мораль.
Но кто о чем,
А я опять про то же —
Опять судьбу
Листаю наизусть.

К тому же, словом делу не поможешь,
Не надоел?
Но я не засижусь.
Уже пора.
Спасибо за молчанье.
Я непривычно много говорю?
Да вот устал, и годы за плечами…
Но разрешишь,
Я снова закурю?

* * *

Вершины вытянулись в ряд,
Их темя лысое в тумане.
От ветра времени крестьяне
Следы минувшего хранят.

В ущелье, темном и сыром,
Не скачут солнечные блики;
А башни дремлют даже днем,
Как одряхлевшие владыки.

Дорога, как змея, ползет,
Карабкается на вершину,
А горная река с высот
Бежит, по-лисьи выгнув спину.

И небо голубым огнем
Прольется вниз с надгорной шири…
Вон монастырь — а, может, в нем
Томился в келье бедный Мцыри?.

Летний вечер

Мошкара клубится роем,
Длится сумеречный час.
За соседнею горою
Луч метнулся и погас.
Вечер долог, сумрак тонок,
Свет и тьма еще в родстве.
Как проказливый ребенок,
Ветер шастает в листве.
Сон спешит, густеют тени
Речка путает слова.
И в одном переплетенье
Слиты ночь и дерева.
Птица кинулась в испуге,
Пронеслась — и не слышна.
И опять во всей округе
Верховодит тишина.

Встреча

И ждать не ждал,
И думать позабыл.
А повстречал — и весь мой труд напрасен.
Но я ж простил,
Отрекся,
Позабыл!
Я сжег мосты и память обезгласил.
Я приказал рассудку: «Замолчи!
Она мертва, ушла бесплотной тенью.
Перетерпи.
Не мне тебя учить
Нерадостному мужеству забвенья».
Но вот стою — и горькие года
Не властны над восторженностью прежней.
А ты —
Несуетлива и горда,

И смотришь
Веселей и безмятежней.
Будь счастлива:
Моя печаль не в счет.
Нас время полюбовно рассудило.
Пускай оно
По-старому течет:
Ты — в сердце,
Ты вовек не уходила.

Время не ждет

Как пожухлая медь,
Осыпаются дни нашей жизни —
Отрывной календарь
Невезений и редких удач.
Вот уходит один —
Ты лицо заслони в укоризне,
Отлетает другой —
Ты его, словно друга, оплачь.

Он был ярок, что плод,
На губах не оставивший вкуса,
Переменчив, как сон,
Как закат, растерявший огни.
Погоди, не спеши,
Пересиль эту слабость искуса:
Проследи его ход —
И бестрепетно в завтра шагни.

Видишь, время не ждет —
Все стрекочут его шестеренки,
И сегодняшним днем
Закрепляя вчерашнего след,
Поспеши записать

На металле, на камне, на пленке
Все, что было с тобой
И чего для тебя больше нет.

Как пожухлая медь,
Осыпаются дни нашей жизни —
Отрывными страницами календаря
Ты им вслед погляди
И лицо заслони в укоризне:
Сколько прожито лет,
Сколько по ветру пущено зря!

* * *

Ну что ж,
Всему приходит этот срок —
Похоже, время облагает данью.
Но помолчим…
Я все сказал, что мог…
А ты чиста и выше оправданий.
Пускай просчет останется ничьим,
Хотя итог
Взаимностью печален.
Но лучше напоследок помолчим,
Как, помнится,
Влюбленными молчали.

Мариам Исаева

Зелимхан

Над зеленой долиной
Дрожит ручеек на весу.

Дует ласковый ветер
В кудрявом Веденском лесу,
И на этом ветру
Шелестит, словно зыбкий ковыль,
Еле слышная песня,
Седая абрекская быль.

О, рассказ о героях,
Что в те отгоревшие дни
Умирали в лесах
За свободу родимой Чечни!
Мнится, жизнь их была
Даже этой листве дорога,
Их природа сама
Укрывала от взора врага.

И лепечет ручей,
Вьется ветер в зеленой тени.
Зелимхану слагают
Хвалебную песню они:
— Зелимхан Харачойский!
Привет тебе, славный джигит!
Пусть народная память
Вовеки твой сон сторожит!

О свободе народной
Звенел твой бесстрашный кинжал
Бедноту, Зелимхан,
Ты своею семьей называл.
Ты детей и жену
Предоставил заботам судьбы,
Бросил дом
И пришел
В этот лес для великой борьбы.

Здесь играли метели,
Взвивая серебряный прах,

По ночам завывали
Голодные звери в горах.
За народное дело
Ты бился, народный герой,
Этот путь для тебя
Был родней,
Чем семья и покой.

Став абреком,
Себя
Ты великим лишеньям обрек,
По суровым горам
Ты оленем блуждал, одинок,
Ты свой слух напрягал:
Не таится ли враг за спиной?
По-орлиному взор твой
Сверлил этот сумрак лесной.

Ты не спал по ночам:
Не таится ли недруг в тени?
Но тебя охраняла
Природа родимой Чечни.
Если голод томил,
Ты был рад, ежевику найдя,
Если мучила жажда,
Ты рад был и капле дождя.

Было небо само
Одеялом твоим голубым,
А родная земля —
Незастеленным ложем твоим.
Ты подругу имел —
Закаленную шашку свою,
Ты имел побратима —
Кинжал, выручавший в бою.

Ты бродил, одинок,

По хребту истощенной страны
И выслушивал
Жалобы
Сонной лесной тишины.
А когда, утомлен
Тяжким грузом неслыханных дел,
Ты к жилищам людей,
Словно раненый сокол, слетел,

Вкруг тебя зашумело,
Страшась твоих глаз,
Воронье —
И свершило к полуночи
Черное дело свое.
Царь был счастлив:
Ты умер!
Но слава твоя не умрет —
Не забудет тебя
Твой свободный чеченский народ!

1934

Ахмад Сулейманов

* * *

Как ночь темна! Как ночь грозна!
Какая буря завывает!
Метели серая стена
Пути-дороги закрывает.

Мой вороной едва бредет,
Укрыт густой попоной снега.
Над нами — снег, под нами — лед
И полстолетья до ночлега.

Не греет бурка, конь продрог.
Буран ревет, леса шатая.
И неотступно — близок срок! —
Идет по следу волчья стая.

Мы заблудились. Мы в плену.
Хотя б спасительная стежка!..
И вдруг
Мелькнул сквозь пелену
Огонь далекого окошка!

Кричу: «Эй, люди! Кто тут есть?»
От заметенного забора:
Уж он-то сразу отличит
Друзей от недруга и вора!

Кудлатый пес навстречу мчит
Но кто бы ни был, он поможет:
Для горца гость — извечно честь,
И чем нежданней, тем дороже.

И вот уже на храп коня
Хозяин выскочил наружу:
«Ай, нынче праздник у меня!
К нам гость — в такую темь и стужу!

Да будет мирным твой приход!
Гляжу, намаялся в дороге?
Входи, живи хоть целый год,
И позабудь свои тревоги».

И впрямь: хозяйка очага
Мне, точно родственнику, рада.
А у меня в глазах — пурга,
Летучий промельк снегопада.

Накормлен конь. Вздыхает печь.
Хозяйка радостно хлопочет.
В углу постель — пойти и лечь,
Забыть бездомность этой ночи.

Мне не согреться до утра.
Но я дошел, добрался, выжил…
«К нам гость!» — ликует детвора
И подбирается поближе.

Раскаяние

Когда над слабым властвовала сила,
Я пули слов закладывал в строку —
И правота насилие косила.
Хвала и честь умелому стрелку!

Но как я каюсь, как я горько каюсь,
Что лишь однажды правды не сказал!
При мне обидчик слабого терзал —
Я не вступился, занятый собою,
Я был совсем не подготовлен к бою.
Я мог и не решился — не сказал!

Я щедрым был: коль жить, так нараспашку!
Не жаль — бери оружие, коня!
Бери — сниму последнюю рубашку.
И по аулам славили меня.

Но как я каюсь, как я горько каюсь,
Что лишь однажды не помог тому,
Кто шел с надеждой к дому моему!
Он был в нужде, он мне всецело верил —
И оказался у закрытой двери.
Ведь я же мог — и не помог ему.

Чужой бедой душа моя болела,
И я вставал до солнца, чтоб помочь.
На свете нет ответственнее дела
Вставать с зарей и гнать невзгоду прочь.

Но как я каюсь, как я горько каюсь,
Что я однажды солнцу изменил:
Не встал, проспал, безволье извинил!
А счастье где-то рядом прошумело,
Хотело подойти, да не посмело.
Я сам себе однажды изменил.

Я был влюблен и принимал как милость
Моей любимой жест, улыбку, взгляд.
Уйдет — как будто солнце закатилось
И не вернется, ясное, назад…

Но как я каюсь, как я горько каюсь,
Что был однажды резок и суров!
Я не сказал любимой нужных слов,
Таких простых… И вот брожу по свету.

Слова со мной, а милой рядом нету.
Я промолчал, и нынче пуст мой кров.

И вот я каюсь, безутешно каюсь.
Однажды правду высказать не смог.
Однажды душу запер на замок.
Однажды солнце радостью не встретил.
Однажды милой лаской не ответил.
Простите, люди!
Я же это мог!

Скала

Видел я, как море бушевало,
Как вздымались пенные валы, —
Но не сдвинуть яростному валу
Гордой, неуступчивой скалы.

Разгоняясь, набирая силы,
Волны злобные скале грозят,
Бьют, колотят! Но не тут-то было:
Отступают, катятся назад…

Силы и уверенности полной,
Будь, страна моя, такой скалой:
Отражая войны, словно волны,
Ты на страже мира твердо стой!

Надписи на камнях

* * *

Есть ветер всегда для чинары высокой,
Кто славен, тот не защищен от упрека.
Без брата сестра, — что орел без крыла:
Его исклевать и ворона б могла.

* * *

Коль воин один, — не составить нам рать,
Коль камень один, — башню нам не сложить.
Но жизнь лишь одна — и другой не бывать, —
И эту одну надо с честью прожить!

* * *

Коль конь твой хорош, — то один раз стегнуть
Довольно, чтоб несся он вихрем весь путь.
Коль слово разумно, — один раз его
Довольно сказать, чтоб людей повело!

* * *

Одно только каждому сердце дано,
Но может огнем ярким вспыхнуть оно:
Кто сердце свое посвящает Отчизне, —
Тем жить в миллионах сердец суждено.

* * *

Огромна земля, — но родная страна,
Как мать и отец на земле лишь одна.
Кто Родине верности клятву нарушит;
Достоин проклятья на все времена.

* * *

Родимую землю должны мы беречь,
Легко на ней жить и легко в нее лечь.
И славен, кто жизни в бою не жалея,
За землю свою обнажает свой меч!

* * *

Коня перед скачками зря не хвали,
Дочь не наряжай, если нравом плоха, —
Конь может споткнуться и рухнуть в пыли,
Девица — вовек не найти жениха!

* * *

Мой друг! Недостаточно шапку носить,
Чтоб храбрым мужчиной в ауле прослыть.
Как вор, что он честен, твердить не привык, —
Дела его рук не прикроет язык.

* * *

Не греет ни летом очаг, ни зимой.
Нет в доме тепла у хозяйки плохой.
Где правит хозяйка негодная, — там
И холодно мужу, и зябко гостям.

* * *

Когда я недружную вижу семью, —
То словно терплю пораженье в бою:
На сердце обида, тоска и печаль,
И тех, кто живет в этом доме, мне жаль.

* * *

Кто гибнет в сраженье, как доблестный воин,
Тот имя свое обессмертить достоин.
А трус малодушный, хоть жизнь свою спас, —
Утративши честь, умирает сто раз!

*** * ***

Мужчина, что гордость свою бережет,
Как крепость, Отчизны надежный оплот.
А девушка, верная чести своей,
Сравнима с надежностью трех крепостей!

Рассвет в горах

Озаренные рассветом,
Розовеют выси гор,
С первым солнечным приветом
Оживает птичий хор.

И олень ветвисторогий
Сквозь редеющую тьму
Устремляется в тревоге
К олененку своему.

Потому что в чаще где-то
Выл всю ночь свирепый волк,
Даже в зареве рассвета
Волчий голос не умолк.

Вторит волку диким воем
Бурный, пенистый Аргун, —
И весьма обеспокоен
Этим всем олень-прыгун.

Легкой тенью вверх несется
Мать-олениха, с ней сын,
Чтоб добраться раньше солнца
До спасительных вершин.

И луна, взглянуть не смея.
Как лучами блещет день,
Прочь с небес бежит скорее,
Как испуганный олень.

Асланбек Осмаев

Улица детства

Я часто представляю, как на гребне
Встречных лет,
В накрапах середины
Вернусь я в тот далекий вечер летний,
Где спит калитка
В кущах тишины.
Тревожные глаза,
Глаза соленые,
Стесненное дыхание в груди…
Я руку подаю: «Прими, зеленая!
Оставленная улочка,
Прости!
Дай руку, вольно пахнущую травами…»
Не узнавая,
Та глядит светло.
Уже давно живет Иными нравами,
Подвинувшееся к городу
Село.
Другое детство
На просторных улицах

Здесь оглашает криками возню.
Лишь изредка в толпе —
И что тут хмуриться? —
Я сверстников забытых
Узнаю.
Узнай меня,
Нам данная в наследство!»
Очарованье верности храня,
Ведет меня
Звонкоголосым детством,
В улыбках окон
Улочка моя.
Поет арык, давно прорытый другом,
Врачуя душу свежестью,
Речист…
А в вышине —
Взметенной в небо туго
Акации
Смеется каждый лист.
И груша, что я посадил когда-то,
Плодоносит.
Спасибо, брат, ее спасавший в осень!
Протянутые ветви пожимаю. —
«Давай-ка жить, не старясь!» —
призываю…

Клятва

«Я все смогу!» —
Не ради красоты
Пятнал иной истории страницы…
История ломает вам хребты —
Слепым, самонадеянным спесивцам!
Того, кто сеял не зерно,
а зло

Под голубым,
Добро творящим небом,
В жестокости лишь
Видя божество, —
Смело, как сор,
святым народным гневом.
Коварный князь,
губивший храбрецов
За смелый взгляд,
за дерзость ослушанья,
Что стоишь ты
перед судом веков,
Перед глухим молчаньем мирозданья!

«Я все смогу!..»
Вы яростным копьем
Жестокий клич
в историю врезали…
Правители,
вы сталью и огнем
Калеча мир,
бесследно исчезали.
Наполеон,
ну, где твои полки?
Эй, бесноватый фюрер!
Вас хватало,
Чтобы топить в крови
материки —
Народная пята
вас
в прах втоптала.

Звучи
во имя мира и добра
Людская клятва,
с верой и любовью!
А клятву,

что во имя зла дана,
Бесплодному зерну
уподобляю.

Страна моя!
ты все перенесла,
Как богатырь,
ты не кичилась мощью.
И в праве говорить:
«Я все смогла!
Я все смогу!»
Уверен я —
ты
сможешь!

Первая любовь

Цвел медленный закат у родника,
Где выкликало сумрак
Птичье пенье…
Любимая,
Как облачко, легка,
Прозрачна…
И страшит прикосновенье.

Грел щеку встрепенувшийся листок,
В сиянье яблонь,
Золотых и летних,
Пойми, моя любимая, восторг,
Мой отроческий,
Первый мой! —
Последний…

Мешая краски, шум затих земной.
Недвижно я стоял перед тобою.

Какое чувство
Завладело мной,
Восторгом охватив,
Лишив покоя?

Сверкал родник
И тихо пел, скрепя.
Чист и кристален,
Без соринки, фальши,
Не смея оглянуться на тебя,
Я уходи все дальше,
дальше,
дальше.

Театр

Вайнахский профессиональный драматический театр был основан в 1931 году, а через 13 лет вместе с народом отправился в изгнание. С восстановлением республики в 1957 году Чечено-Ингушский театр (которому в 1943 году было присвоено имя Героя Советского Союза Ханпаши Нуралилова) возобновляет работу на родине.

В условиях творческой несвободы театр, как и другие виды искусства, должен был существовать в заданных идеологических рамках. Этим определялась тематика спектаклей: борьба с пережитками прошлого, раскрепощение женщины-горянки, трудовой подвиг советского народа, антирелигиозная тема и др. Конечно, все это не могло истребить истинные духовные ценности вайнахов. Народ продолжал жить по законам своей, глубинной, пульсирующей в нем силы, существующей, пока он ощущает себя народом.

Наибольшим успехом пользовались комедии — вайнахи всегда любили посмеяться над собой!

Пьеса А. Хамидова «Бож-Али», поставленная П. Харлипом в 1965 году, стала чеченской театральной классикой. Спектакль выдержал наибольшее количество представлений, был отмечен дипломом и премией на смотре, посвященном 50-летию Октября. Корреспондент «Советской культуры» В. Полтавцев, анализируя этот спектакль, писал: «Думается, что национальному Чечено-Ингушскому театру удается сохранить и продолжить линию творческого слияния различных по возрасту, школам и направлениям актеров в едином ансамбле».

С середины 60-х годов, с приходом М. Солцаева и Р. Хакишева, воспитанников ленинградской академической школы, Чечено-Ингушский театр из социально-бытового превратился в театр героической романтики и высокой поэзии. Героико-романтическая тема стала главной в его репертуаре.

Первые крупные гастроли в Москве прошли летом 1971 года. В столицу театр привез спектакли: «Асланбек Шерипов», «Бешто» М. Солцаева, «Бессмертные» А Халидова, «Петимат» С. Бадуева, «Нефтяники» Н. Музаева, «Кровавая свадьба» Г. Лорки.

Театр стремился рассказать московским зрителям о героических представителях нашего народа.

Героическая драма «Бессмертные» прославляла подвиг, совершенный в Великой Отечественной войне Героем Советского Союза Ханпашой Нурадиловым, чье имя носил театр. О людях сильных духом, об их борьбе за свободу и счастье рассказывали спектакли «Бешто» и «Петимат».

Героические нотки звучали и в современной драме «Нефтяники», и в классической трагедии испанца Лорки «Кровавая свадьба». А героическая драма «Асланбек Шерипов» рассказывала о легендарном революционере, герое гражданской войны. «Уже в «первых спектаклях проявились неповторимые творческие особенности коллектива театра — стремление к искусству высокой героики и патетики. Темперамент режиссуры, эмоциональность актерского исполнения, развернутый музыкальный фон — все направлено на выявление больших идей, мыслей, чувств», — писала «Московская правда» 11 августа 1971 года.

Хроника Шекспира «Ричард III» всегда вызывала полемику среди исследователей творчества английского драматурга. Один из основных спорных моментов — жанровая принадлежность пьесы. Театр в 60—70-е годы рассматривал пьесу как трагифарс. В 70-е годы «Ричард III» становится ведущей постановкой в репертуаре театра.

Спектакль «Пир во время чумы», поставленный Р. Хакишевым по произведениям Пушкина, раскрывает его маленькие трагедии как целостное произведение с единым героем — поэтом, который может менять обличья, но неизменно будет нести идею независимости, непокорности — идею свободы.

После работы над произведениями зарубежной и русской классики Хакишев обращается к фольклору и ставит спектакль «Песни вайнахов». Из множества народных песен, веселых и грустных, воинственных и лирических, свадебных и траурных, режиссер отобрал самые яркие и характерные и в то же время точно укладывающиеся в сюжетную канву. И родилось произведение, глубоко народное по духу и содержанию, традиционное и в то же время чрезвычайно оригинальное по форме.

Пели и танцевали в спектакле все актеры, и делали это темпераментно и профессионально. Заслуга в этом не только балетмейстера и режиссера. Сказались народная одаренность, музыкальность и пластичность, свойственные вайнахскому народу. В 1977 году спектакль «Песни вайнахов» получил Госпремию РСФСР.

Своеобразным подведением итогов почти 30-летней деятельности Чечено-Ингушского драматического театра явились гастроли в Москве в 1984 году. Гастрольный репертуар театра состоял из спектаклей «Из тьмы веков» И. Базоркина, «Кориолан» Шекспира, «Инспектор ОБХСС» М. Солцаева, «Иду в путь мой» А. Проханова, «Ревизор» Гоголя, «Когда арба перевернулась» О. Иоселиани. Позже в театре имени Ханпаши Нурадилова с большим успехом несколько сезонов, вплоть до начала боевых действий в Грозном, шли спектакли «Чудаки» Саида Гацаева (постановка Руслана Хакишева), комедия «Соседи» и драма «Один лишь Бог» Сайд-Хамзата Нунуева (постановки Мималта Солцаева и Руслана Хакишева).

Чечено-Ингушский драматический театр всегда воплощал в себе лучшие черты народа, он говорил со сцены о самом сокровенном, подспудном мироощущении вайнахов. В лучших своих спектаклях театр опережал историю и поднимался до пророчества. Оправданный, стремящийся к преобразованию мира, не терпящий компромиссов максимализм трагических образов как бы предупреждал о возможных катастрофах. И одновременно устами героев спектаклей театр говорил о невозможности уйти за пределы генетической ментальности, противящейся всякому проявлению несвободы. В этом противоречии — трагедия народа, выразителем которого всегда был Чечено-Ингушский драматический театр.

Русскому театру в Грозном непросто сосчитать свой возраст: смотря что считать днем рождения. В 1904 году свои первые постановки с полупрофессиональным коллективом начал ставить в Грозном режиссер, ставший гордостью российского театра — Евгений Вахтангов. В 20-е годы сюда приезжал нарком просвещения А.В. Луначарский — специально на премьеру постановки его пьесы «Яд».

В 20-е годы в связи с реконструкцией нефтяной промышленности стремительно увеличивалось население Грозного. За пять лет — с 1920 по 1925 год — оно выросло с 45 до 60 тысяч. Ощущалась нехватка учреждений культуры. В это время по проекту архитектора А. П. Ларионова начал строиться комплекс, включавший в себя школу, театр, зал съездов. Кроме того, городские власти приняли решение о сооружении большого современного кинотеатра. Его строили на заложенном еще в 1914 году фундаменте «доходного дома» нефтепромышленника Схиртладзе на улице Красных фронтовиков. В этом помещении в конце 1928 года и открылся первый в истории города театр. 12 января 1929 года газета «Грозненский рабочий» сообщила о первой постановке. Это была пьеса драматурга Ромашева «Конец Криворымска».

Грозненский русский драматический театр был образован в 1938 году специальным постановлением совнаркома ЧИ АССР. А в ноябре 1938 года зрители увидели и первую работу коллектива — спектакль по пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем». Второй постановкой театра стал спектакль «Кремлевские куранты». Русским театром в Грозном руководили в разное время талантливые режиссеры: М. Трофимовский, И. Гуревич, В. Игнатов, В. Белов, Е. Красницский, А. Исаев, В. Губин, Н. Децик.

Имя великого русского поэта М. Ю. Лермонтова было присвоено театру в 1941 году. Коллектив осуществил несколько постановок пьес

Лермонтова, в том числе — «Испанцы» и «Маскарад».

Репертуар театра был обширным: классика и современная драматургия, драмы и комедии и, конечно же, постановки для детей. Репертуар русского театра отражал основные вехи в истории чеченского народа и всей страны. Достаточно назвать несколько постановок: «А поутру они проснулись» по пьесе В. Шукшина, «Три минуты Мартина Гроу» по пьесе Г. Боровика, «Любви все возрасты покорны» Г. Рябкина. Театр много и охотно работал с местными авторами: были поставлены пьесы Н. Мурзаева, А. Бокова «Мы вернемся, Нани», А. Мальсагова «Расплата». Постановки театра не раз удостаивались высших наград и дипломов на всесоюзных и всероссийских конкурсах.

В годы Великой Отечественной войны концертные бригады грозненского русского театра часто выезжали на фронт. А еще артисты собирали деньги на строительство самолетов. За сбор средств на защиту Родины театр был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего.

С русским театром в Грозном связаны биографии таких знаменитых людей, как народный артист РСФСР В. Оглоблин, засл. артисты РСФСР и народные артисты ЧИ АССРМ. Слуцкая и И. Жирнов, засл. артисты ЧИ АССР и СО АССР В. Панов, Н. Чипиженко, А. Михайлушкин, С. Холмский, А. Третьяков. Со сцены этого театра начиналась артистическая карьера известных деятелей театра и кино И. Смоктуновского, С. Бондарчука, Л. Броневого.

И сейчас все грозненцы и коллектив русского театра ждут восстановления мирной жизни, чтобы снова вспыхнули огни рампы, поднялся занавес и ожила сцена.

В культурной жизни чеченской столицы Грозного был и еще один театр — для подрастающего поколения республики. На фасаде белокаменного здания по вечерам загорались разноцветные буквы: «Кукольный театр». В этом здании находилась маленькая кукольная страна, которую населяли герои разных сказок. В их жизни всегда побеждало добро, и не было места злу.

Грозненский театр кукол начал работать еще в 1935 году. 30 ноября 1935 года впервые афиша пригласила на спектакль не взрослых, а детей. Был поставлен первый кукольный спектакль «Волшебные галоши». Этот день считается днем рождения театра.

Свое первое здание, хоть и совсем не большое, театр получил сразу же после Великой Отечественной войны — в 1946 году. И куклы сразу же порадовали детей в сказке «Девочка и медведь».

Первые постановки Грозненского кукольного театра готовили русские режиссеры — П. Вольский, А. Балабанов. С 1957 года в театре уже работала полноценная чеченскаятруппа. В ней были такие способные актеры, как Т. Алиева, А. Ташухаджиева, С. Шаипова, Т. Закриев, М. Албастов, Р. Мехтиева. Режиссерами-кукольниками стали Билал Саидов, Гарун Батукаев, Хасан Шаипов. А вскоре у театра появились и свои национальные авторы. Одной из первых таких постановок была сказка А. Хамидова «Сизокрылый голубь».

В 1968 году в Грозненском кукольном театре образовалась еще одна труппа — ингушская. Вслед за ней появилась экспериментальная труппа, создававшая спектакли для самых маленьких зрителей — дошкольников.

В 70-е годы директором театра стал молодой театровед, выпускник ленинградского театрального института Бек Абадиев. Театр состоял из трех самостоятельных коллективов: русского, чеченского и ингушского. У них было общее руководство, но каждый имел своих актеров и режиссеров. А репертуар был интернациональный: пьеса Б. Абадиева «Приключения Ибрагима», О. Тараковской «По щучьему велению», Г. Гагиева «Пусть всегда будет солнце», сказка по пьесе В. Раббано «Маленькая фея», «Бексултан», «Огниво», «Царевна-лягушка», «Храбрый Кикила» — сказки, сказки, сказки…

Театр гастролировал по всей республике и выезжал за ее пределы во многие города страны. И каждый его спектакль был праздником для детей. Военные действия 90-х годов лишили театр здания, коллекции кукол. Но дух театра жив.

Р. Ташаева

Драматург Абдул-Хамид Хамидов

Хамидов — один из самых ярких талантов в чеченской литературе. Он прожил недолгую жизнь, но успел сделать очень многое. Прежде всего нельзя не отметить многообразия его творчества.

Это пьесы сатирические, лирические, исторические. Кроме того, известно, что только подлинно талантливые произведения становятся частью повседневной культуры народа. Именно так случилось с творчеством Хамидова. Его сатирическая пьеса «Бож-Али» была поставлена почти всеми драматическими театрами республик Северного Кавказа. А на родине автора эта пьеса не только постоянно (вот уже более трех десятков лет!) идет на сцене Чеченского драматического театра, ее герои — любимцы народа, их словечки и шутки стали поговорками и присловьями в каждодневной жизни.

Хамидов родился в 1920 году в селении Старые Атаги. Высшее образование получал в Московском театральном институте. Еще будучи студентом, Хамидов перевел на чеченский язык ряд пьес русских и зарубежных классиков, в том числе «Отелло» Шекспира, «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Власть тьмы» А. Толстого.

В годы Великой Отечественной войны Чеченский драматический театр, которым руководил Хамидов, регулярно выезжал на фронт в армейские части со спектаклями. Работу Хамидова в театре высоко

оценило правительство СССР. Он был награжден медалью «За доблестный труд в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

В 50-60-е годы Хамидов немало сделал как организатор культурной жизни в Чечне. Он создает Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и танца, возглавляет Союз писателей ЧИ АССР, Чечено-Ингушский драматический театр.

Кроме пьесы «Бож-Али» в наследии драматурга Хамидова еще ряд сатирических пьес, а также лирические пьесы о молодежи — «Девушки с гор», «Совдат и Дауд». В результате научно-исследовательской работы над документами, связанными с боевыми подвигами земляков на фронтах Великой Отечественной войны, Хамидов написал пьесу «Бессмертные».

В 1959 году Абдул-Хамиду Хамидову было присвоено почетное звание народного артиста ЧИ АССР. Это была поистине заслуженная награда. Народ одарил его еще большим — он был и остается любимым писателем уже нескольких поколений чеченцев.

Музыка

Музыкальный фольклор

Чеченский музыкальный фольклор своей яркостью и самобытностью уже давно привлекал внимание русских и советских композиторов.

Первые записи чеченского музыкального фольклора сделаны в середине XIX века, русским ссыльным на Кавказ декабристом, который сделал нотные записи нескольких народных произведений.

В своем музыкальном творчестве чеченский музыкальный фольклор использовал и известный азербайджанский композитор, чеченец по национальности, Муслим Магомаев.

В 1925 году в работе научно-художественной экспедиции участвовал композитор А.А. Давиденко. Выезжая в чеченские аулы, он записывал народные мелодии. Результатом этой поездки явился выпущенный в следующим 1926 году Музыкальным сектором Государственного издательства в Москве сборник «30 обработок чеченских народных мелодий для фортепиано в 2 руки и 30 чеченских мелодий, записанных А. А. Давиденко». В этот сборник вошли исторические, обрядовые, любовные и танцевальные чеченские народные песни.

В 30-е годы много сделал в области изучения народной музыки композитор Г. Х. Мепурнов, собиравший и обрабатывавший чеченские и ингушские народные мелодии.

С 1938 года собиранием и изучением вайнахского музыкального фольклора начал заниматься Н.С. Речменский, который написал исследование, легшее в основу настоящей статьи.

На протяжении ряда лет записывал народные мелодии чеченцев художественный руководитель Государственного ансамбля песни и танца бывшей ЧИ АССР А.М. Халебский.

После восстановления в 1957 году Чечено-Ингушской АССР работа по сбору и записи музыкального фольклора возобновилась. В 1959 году был составлен фольклорный сборник, в который вошли шестьдесят шесть мелодий старинных и современных песен и танцев чеченцев и ингушей в записях Е.А. Колесникова, А.М. и М.М. Халебских, С. Цугаева и Н.С. Речменского.

В большом количестве записи народных мелодий провели на выездах в села и смотрах художественной самодеятельности работники местного радио.

Собиранием музыкального фольклора занимался и республиканский Дом народного творчества. Два тома музыкального фольклора подготовил и издал научно-исследовательский институт гуманитарных наук. В подготовке этих сборников приняли участие С. Ч. Эльмурзаев, Х. Ахмадов, композиторы У. Бексултанов, А. Шахбулатов, С. Цугаев, преподаватели республиканского музыкального училища Л. Браиловский, Б. Бронштейн, Б. Шнапер и другие.

Народная музыка вайнахов состоит из трех основные групп или жанров: песни, инструментальные произведения — так называемая «музыка для слушания», — танцевальная и маршевая музыка. Героические и эпические песни характера былин или сказаний, говорящие о борьбе народа за свою свободу или воспевающие героев, и народные предания, легенды называются «илли». Песни без

прикрепленного за ними текста иногда также называются «илли». Любовные песни с закрепленными текстами и песни шуточного содержания, типа частушек, которые поют только женщины, называются «эшарш». Произведения, обычно программного содержания, исполняемые на народных инструментах, называются «ладугту йиш» — песня для слушания. Песни со словами, созданными самими исполнителями, — «йиш». Йир — это русские и другие нечеченские песни, бытующие у чеченцев. Народные танцевальные мелодии называются «хелхар». Часто народные песни, начинающиеся в умеренном или медленном движении, при постепенном ускорении темпа переходят в быстрый, стремительный танец. Такие танцы очень характерны для вайнахской народной музыки.

Много общего имеют между собой лады, строение мелодий и гармоническая фактура народной музыки чеченцев. Основным ладом музыки является дорийский, реже встречаются миксолидийский и фригийский. В мелодиях отсутствуют хроматизмы и увеличенные секунды, характерные для музыки других народов Кавказа. В прошлом пение в в основном было одноголосым. Но зачатки многоголосого пения у чеченцев можно встретить еще в прошлые века.

Народная чеченская музыка обычно исполняется на народных инструментах — дечик-пондурах, адхоку-пондурах, имеющих три струны, или на кавказских гармониках, если это песни. Структура и функциональность народных гармоний чеченцев очень своеобразны и имеют свои характерные особенности.

Тоническое трезвучие дорийского лада — ре-фа-ля, функционально связано с неустойчивым трезвучием — до-ми-соль. В этих основных трезвучиях терцовый тон иногда замещается его верхним или нижним вспомогательным тоном, т. е. вместо ре-фа-ля — ре-ми-ля или ре-соль-ля, а вместо до-ми-соль — до-ре-соль или до-фа-соль. Эти аккорды звучат в заключениях как неразрешенные задержания аккордов терцового построения.

В народе эти аккорды воспринимаются как устойчивые, они встречаются в опорных местах произведений, и ими часто заканчиваются народные песни или танцы.

Иногда гармония лада расширяется введением третьего аккорда — трезвучия, лежащего секундой выше тонического, в данном случае

— ми-соль-си. Такие трезвучия обычно применяются в кадансовых оборотах.

В чечено-ингушской народной музыке встречаются и обращения трезвучий с замененным терцовым тоном, такие созвучия являются квартовым созвучием. Например, трезвучие ре-соль-ля в обращении дает квартовые созвучия ля-ре-соль; вместо ре-миля — квартовое созвучие ми-ля-ре и т. д.

Созвучия, состоящие из секунды и квинты или из кварты и квинты, можно считать также обращениями аккордов квартового, а не терцового построения. В чеченской народной музыке квартовые аккорды довольно часто встречаются в вокальных и инструментальных произведениях.

Например, квартовое созвучие соль-до-фа — обращение — до-фа-соль или ре-соль-до — обращение до-ре-соль и т. д.

Интервал кварты, часто встречающийся в народной музыке чеченцев, занимает в ней такое же место, как терция в гармонии (классической) терцового построения. В инструментальных и особенно в вокально-хоровых чеченских произведениях часто можно наблюдать параллельные квартовые последования. Кроме того, многие народные песни и танцы оканчиваются квартой.

Характерной чертой большинства народных чечено-ингушских мелодий является постепенное, секвенцеобразное построение в нисходящем движении. Примером может служить «Танец Садыкова».

То же наблюдается и во многих чеченских народных мелодиях. Очень часто в народных мелодиях чеченцев встречается смена триолей и дуолей. При трехголосом изложении песен и танцев основная мелодия обычно проходит в среднем голосе, она как бы обрамляется квинтой, реже секстой в крайних голосах. Очень характерна

своеобразно звучащая выдержанная квинта. В народной чеченской музыке часто встречаются переменные размеры.

В «Танце Садыкова» дорийский лад сменяется дорийским ладом — вместо до-бекар появляется до-бемоль.

Мелодии многих народные песен начинаются восходящим скачком на септиму. Появление септимы в народной музыке чеченцев не является случайным, так как этот интервал заключает крайние звуки трезвучия квартового построения (то есть две кварты); это лишний раз подтверждает правильность наблюдения, что основой народной чеченской гармонии является трезвучие квартового, а не терцового строения.

Для чеченских песен характерны остановки на одном из звуков мелодии, обычно в начале песни иногда с форматой.

Иногда напевность мелодии народных песен сменяется речитативно-декламационными эпизодами.

Современные народные песни, обычно куплетной формы, исполняются в многоголосом исполнении, иногда с элементами контрапункта.

Но особенно народ любит и умеет танцевать. Бережно сохранены народом старинные мелодии «Танца стариков», «Танцев юношей», «Танцев девушек» и других. В народных танцах, особенно в старинных, часто меняется ритмический рисунок.

В приведенном отрывке из «Танца стариков» главная мелодия первого восьмитакта сменяется синкопированным ритмом второго восьмитакта. Это придает музыке танца оригинальный и своеобразно-контрастный характер.

Почти каждый аул или селение имеет свою лезгинку. Атагинская, Урус-мартановская, Шалинская, Гудермесская, Чеченская и многие другие лезгинки бытуют в народе.

Так же как и в песнях, в народных танцах мелодия трехдольного размера или триоли сменяется мелодией двудольного размера или дуолями.

В этой лезгинке триоли первого четырехтакта сменяются четким ритмом двудольного размера.

Многие мелодии народных танцев носят имена талантливых народных танцоров-виртуозов. Например, «Танец Салмана», уже приводившийся «Танец Садыкова» и другие.

Для чеченских народных песен типичны синкопы.

Популярна в чеченском народе мелодия так называемой «Молитвы Шамиля», известная за пределами республики. В предании рассказывается, как однажды Шамиль с верными ему мюридами был окружен русскими войсками. Надежды на спасение не было никакой. Даже самые верные мюриды пали духом. Тогда Шамиль расстелил молитвенный ковер, который он всегда возил с собой. Приближенный мюрид отвел зурнача в сторону, поговорил с ним и приказал войску спешиться и встать всем вместе на молитву. После заключительного молитвенного «салама» заиграла зурна, и имам Шамиль, жестоко преследовавший всякие развлечения и в том числе танцы, бросился в бешеный танец. За ним пошли другие мюриды, постепенно бодрое настроение войск начало нарастать все больше и больше. Азарт танца и музыка так подняли дух бойцов, что страх перед русскими войсками был забыт. В самый разгар танца был дан приказ двинуться на царские войска. Мюриды бились как львы, и вырвались из железного кольца.

Под впечатлением этого предания народный гармонист, проживавший в селении Шатой, сочинил музыку «Молитвы Шамиля», состоящую из двух частей: первая — грустно-торжественная и вторая — быстрого веселого танцевального характера. Это произведение стало очень популярным среди чеченских гармонистов, игравших его иногда в различных вариациях.

Сегодня у чеченцев много новых массовых и парных танцев. «Танец урожая», «Танец друзей», «Девичий танец» и многие другие. Оригинальные танцы исполняет и талантливая молодежь Нахистана. Плавные и грациозные движения женщин, как бы плывущих в воздухе, контрастируют с вихревыми и темпераментными движениями мужчин, которые с особым мастерством исполняют проходки на пальцах-пуантах.

Народная танцевальная музыка чеченцев отличается самобытным ритмом.

Оригинальны в танцевальных мелодиях неожиданные перемещения сильных долей тактов, как бы нарушающих весь ритмический рисунок танца. Своеобразно звучит смена гармоний на слабых долях такта.

В танцевальной чеченской народной музыке часто встречаются переменные размеры, смена шестидольного размера трехдольным или смешанного размера.

Очень оригинальна музыка народных маршей, исполняемая в темпе кавалерийских маршей.

Походный старинный чеченский воинственный марш Газы Магомы создан во время имамства Шамиля, в бытность Газы Магомы наибом Шамиля (первая половина XIX века).

Кроме песен и танцев у чеченцев очень распространены инструментальные программные произведения, с успехом исполняемые на гармонике или дечик-пондуре. Обычно название таких произведений определяет их содержание.

«Высокие горы», например, — народное произведение импровизационного характера, имеющее в основе гармоническую фактуру, воспевает красоту и величие гор Чечни. Таких произведений немало.

Для инструментальной народной чеченской музыки очень характерны небольшие перерывы — короткие паузы.

Народные музыкальные инструменты

Одним из самых старинных у чеченцев является струнный инструмент дечик-пондур. Этот инструмент имеет деревянный, долбленный из одного куска дерева корпус удлиненной формы с плоской верхней и изогнутой нижней декой. Гриф дечик-пондура имеет лады, причем порожками ладов на старинных инструментах служили веревочные или жильные поперечные перевязы на грифе. Звуки на дечик-пондуре извлекаются, как на балалайке, пальцами правой руки приемами удара по струнам сверху вниз или снизу вверх, тремоло, бряцанием и щипком. Звук старинного дечик-пондура имеет мягкий тембр шелестящего характера. Строй этого инструмента: первая струна — соль первой октавы, вторая струна ми и третья струна — ре первой октавы.

Другой народный струнный смычковый — адхоку-пондур имеет корпус округлой формы — полушария с грифом и опорной ножкой. Играют на адхоку-пондуре смычком, причем во время игры корпус инструмента находится в вертикальном положении; поддерживаемый за гриф левой рукой, он упирается ножкой в левое колено играющего. Звучание адхоку-пондура напоминает скрипку. Строй этого инструмента первая струна — ля, вторая — ми и третья — ре первой октавы.

Из духовых инструментов в Нахистане встречается зурна, повсеместно распространенная на Кавказе. Этот инструмент обладает своеобразными и несколько резкими звуками. Из клавишно-духовых инструментов наиболее распространен инструмент — кавказская гармоника. В правой клавиатуре этой гармоники расположен в основном диатонический звукоряд с несколькими хроматическими звуками, что ограничивает исполнение на ней произведений со сменой тональностей и с хроматическими последовательностями. В левой клавиатуре, как на русской гармонике — «хромке», расположены клавиши басов и «готовых аккордов», причем исполнители во время игры мало пользуются аккордами левой клавиатуры, так как они имеют терцовое повторение, не характерное для народной чеченской гармонии. В левой клавиатуре чаще используются только басы, а

аккорды исполняются одновременно с мелодией на правой клавиатуре кавказской гармонии. Звук ее своеобразный, по сравнению с русским баяном, резковатый и вибрирующий.

Барабан с корпусом цилиндрической формы (вота), на котором обычно играют деревянными палками, но иногда и пальцами, является неотъемлемой принадлежностью чеченских инструментальных ансамблей, особенно при исполнении народных танцев. Сложные ритмы чеченских лезгинок требуют от исполнителя не только виртуозной техники, но и высокоразвитого чувства ритма.

Не меньшее распространение имеет и другой ударный инструмент — бубен. Из струнных инструментов в музыкальный быт в последнее время прочно вошли балалайка и гитара.

Умар Димаев — Лекарь народной души

Непревзойденный исполнитель и композитор, народный артист республики Умар Димаев оставил после себя около тридцати произведений для гармони и сотни аранжировок народной музыки. Творчество Димаева пришлось на одну из самых драматических полос в судьбе чеченского и ингушского народов.

Димаев родился в 1908 году в крестьянской семье. Это была семья из поколения в поколение музыкальная. Все братья и сестры Умара играли на гармони. Своей младшей сестре, Аруже, Димаев был особо благодарен всю жизнь за приобщение к миру музыки, за поддержку. Отец не особо поощрял музыкальные наклонности сына и даже одно время прятал гармонь от него, хотел, чтобы сын занимался более серьезным мужским делом. Помогала Умару сестра Аружа: давала свою гармонику, учила играть. И талант расцвел! С 15 лет Умара наперебой приглашали играть на праздниках, на свадьбах и еще — у постели больных: его музыка врачевала!

В 1924 году в Урус-Мартане открылся радиоузел, и Димаев начал выступать с концертами у микрофона. Популярность его как исполнителя все росла. Через пять лет он уже был солистом в оркестре Национального театра. Оркестром руководил тогда известный композитор и дирижер Александр Ильич Александров. Работа с таким опытным музыкантом пробудила композиторский дар Димаева. До сих пор исполняются мелодии и песни, созданные им в те годы. Среди них

— «Чеченский вальс» к спектаклю «Красная крепость», песня из спектакля «Бэла» по Лермонтову и многие другие.

Исполнительское мастерство Умара Димаева получило всенародное признание. В 30-е годы он был солистом оркестра народных инструментов республиканского радио. На первом Всесоюзном конкурсе исполнителей на народных инструментах Димаев был удостоен звания лауреата, он завоевал второе место на конкурсе после казаха Джамбула Джабаева. Впечатления от виртуозной игры Умара Димаева — в стихотворении чеченского поэта Адиза Кусаева.

Когда гармонь растягивал Умар,
Она весенней радугой казалась…
И пальцы, что метались, как пожар,
Не клавишей, а струн души касались!..

Играл Умар…
К гармони приникал,
Внимательно прислушиваясь к звукам,
И в самые глубины проникал людских сердец —

Желанным, верным другом.
Играл… То грустно плыли звуки,
То вихрем бурным в пляску поднимая.
Играл он так, как не умел никто,
А только он умел один — Димаев!

50-е годы после востановления Чечено-Ингушетии были периодом бурного расцвета творчества Димаева. Он создал свои известные произведения: «Танец, посвященный Махмуду Эсамбаеву», «Песню дружбы чеченцев и украинцев», танец «Два друга». В этот период он принимал участие в становлении чеченского фольклорного танцевального ансамбля «Вайнах», национальной филармонии, работал и на телевидении, и на радио, участвовал в съемках фильма о творчестве танцора М. Эсамбаева. Жизнь подарила Умару Димаеву немало добрых друзей в мире искусства в самых разных уголках

Советского Союза — он поддерживал отношения с композиторами В. Мурадели, И. Дунаевским, А. Эшпаем, А. Петровым, со многими поэтами, певцами-исполнителя-ми. Жизнь наградила Умара Димаева талантливыми детьми, которые стали продолжателями музыкальной династии Димаевых. Три его сына профессиональные музыканты: композитор и музыковед Саид Димаев; пианист, композитор, певец Али Димаев; пианист, аранжировщик.

Мовсар Минцаев

У каждого талантливого артиста непростой путь в искусстве, тем более нелегок путь на прославленную первую сцену Большого театра России. У Мовсара он был особенно труден и тернист, потому что лежал через преодоление бытующего в чеченском народе мнения, что профессия артиста не относится к престижным для мужчины, через запрет почитаемого сыном отца. До сих пор для него это кровоточащая рана, особенно в трудные минуты. Путь лежал через долгое непонимание его устремлений со стороны соплеменников из старинного почитаемого рода, к которому он принадлежит.

Не смог тогда 22-летний юноша, вернувшийся в Грозный с дипломом одного из Московских институтов, объяснить, убедить своего отца и сородичей, что без музыки, без оперы, без театра жизнь его теряет смысл. Трудно было отцу, вернувшемуся наконец с семьей в родные горы после тринадцатилетнего изгнания, мытарств по казахским степям, воспринять все реалии быстро меняющегося мира. Не хотелось вновь расставаться с младшим сыном, с которым по народному обычаю должны доживать свой век родители. Отец хотел, чтобы Мовсар жил стабильной, по мере возможности обеспеченной жизнью — как все, а не занимался пустым делом, стремясь ухватить звезду с неба. Годы, пережитое брали свое. У него была своя правда, которая не совпадала с правдой повзрослевшего сына. И это было мучительно для обоих.

Оперное искусство — сложный для восприятия жанр, ему надо долго и упорно учиться, и не всем дано его постичь. Не следует

сбрасывать со счетов и того, что этот вид искусства весьма непросто вписывается и в культурные традиции мусульманского народа. Но Мовсар — избранник Всевышнего. Он наделил его абсолютным музыкальным слухом, красивейшим голосом, способным передать людские страсти. Не имея даже начального музыкального образования, он едет вновь учиться, теперь вокальному искусству. Поступил на подготовительное отделение Ленинградской консерватории. Нелегко дался год учебы, жизни в северной столице. Сырой, холодный город, чужие люди… На материальную поддержку из дома рассчитывать не приходилось. Но у него была цель — и он подчинил все ее достижению.

Через год Мовсар стал студентом Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Днем прилежный ученик в классе профессора Г. И. Тица, а по вечерам — рабочий сцены Большого зала консерватории. Он одновременно учится и работает, все время погружается в мир музыки, постигает нелегкие «муки» творчества, его житейские законы. Приобщаясь к оперному искусству он не забывает и музыкальную культуру чеченского народа, поет свои любимые народные песни. В 1980 году становится участником конкурса «Красная гвоздика» в Сочи и получает первую премию за лучшее исполнение песен о Кавказе. Своим искусством он несет славу чеченскому народу, делом доказывая истинность выбора. Отношение в родной республике, в том числе и среди родственников к его выбору меняется. Он популярным певцом и уважаемым человеком.

Чечено-Ингушетия признает его и гордится его именем.

Но как говорят положение обязывает. В творческой жизни певца — престижные международные конкурсы, награды, выступления на радио и телевидении, записи на пластинки, гастрольные поездки по стране и за рубеж. Мовсар продолжает совершенствовать свое мастерство.

В мае 1993 г. в России проводится Международный конкурс басов, посвященный 120-летию Ф. И. Шаляпина. В отличие от разного рода конкурсов этот привлек внимание музыкальной общественности тем, что в течение двух недель в Москве состязались между собой в мастерстве лучшие басы России и стран СНГ, многие из которых уже являлись лауреатами различных конкурса. «Басы гремели над Москвой», — писали газеты тех дней.

Первую премию на этом конкурсе получил Мовсар Минцаев. Он был также удостоен самого дорогого для него приза — приза зрительских симпатий, учрежденного столичной газетой «Вечерний клуб», — большого бронзового колокола, отлитого специально по этому поводу на тульском заводе.

Мощно и красиво звучит бас Мовсара в партиях Бориса («Борис Годунов» М. Мусоргского), Руслана («Руслан и Людмила» М. Глинки), Фигаро («Свадьба Фигаро» В.-А. Моцарта), Феррандо («Трубадур» Д. Верди) и др. И совершенно иные — мягкие, лирические интонации появляются у него в голосе, когда он исполняет народные чеченские песни, старинные русские романсы и песни. Камерная музыка в его интерпретации звучит так проникновенно, что у слушателей мурашки по коже бегут.

Беда, обрушившаяся на землю Чечни, горечью отозвалась в сердце Мовсара. В интервью журналистам в связи с освобождением заложников в дагестанском селе Первомайское в январе 1996 г. он сказал: «Когда я сегодня узнал, что все-таки началась военная операция, и увидел по телевизору кадры боя, сердце сжалось от боли и горя: опять, в который раз, льется кровь, опять люди не смогли договориться. Я не был там и не знаю, была ли такая возможность, все ли доводы в переговорах черпаны. Я знаю лишь одно: нет и не может быть ничего дороже человеческой жизни. Но я также знаю, что ничем нельзя оправдать терроризм. Однако я убежден, что народы найду мудрое решение, как это было во все века. Я родился я в Казахских степях, а Кавказские горы увидел в отрочестве. В Кавказских горах

прошла жизнь моих предков, там мои корни, там корни моих детей. Человеческая жизнь коротка, и провести ее в окопах непозволительно. Оружие разъединяет людей, сближает — культура. Многие дети Кавказа прославили свои народы и вышли на мировую сцену через русскую культуру и культуру своего народа — Темирканов, Гамзатов, Гергиев, Кажлаев, Кешоков, Дударова, другие. Мы сильны, когда едины. Какие неведомые силы хотят расколоть нас? Какой сатанинский дирижер вновь хочет умыть народы России кровью?»

В марте 2000 года в Большом театре состоялся премьерный спектакль оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» (музыкальный руководитель и дирижер — всемирно известный маэстро Евгений Светланов). Партию царя Ивана Грозного в спектакле исполнил Мовсар Минцаев.

Сегодня невольно задаешься вопросом: разве не заслужил он того, чтобы о его жизненном выборе и пути знали, прежде всего, чеченские дети, чтобы вновь в Чечне слышали его голос и песни, смягчались людские сердца и души, опаленные войной, бедами, разрухой и голодом. Его творчество объединяет сердца людей разных национальностей, убеждений и возрастов, демонстрируя великую гуманистическую силу искусства.

Валид Дагаев

Валид Дагаев — певец и композитор, народный артист республики, заслуженный артист России. Он исполняет песни как собственного сочинения, так народные. В сотрудничестве с известными чеченскими поэтами Валид Дагаев создал песни, полные любви, силы, красоты духа народа. Ему удается найти музыкальные образы, равные стихам по глубине мысли и красоте выражения. Секрет творчества Валида Дагаева — в постоянном труде. Он из тех, кто не спешит выносить на суд зрителя свои произведения, подолгу работая над каждой нотой, над каждым словом. Результат его работы — своеобразные, яркие музыкальные произведения, созданные человеком высокой культуры и творческого вдохновения.

В песнях Валида Дагаева — красота мира. Он живет одной жизнью со своим народом, горюет и радуется вместе с ним. Слушаешь его песни — и встает перед глазами Чечня — земля горных вершин, средневековых башен, легенд, сказаний, многоголосых песен и быстрых танцев. В своих песнях он открывает душу чеченского народа.

Время, стой, задержись немного,
Долг мне позволь отдать Отчизне.
Этот долг для людей всех выше,

Для него мы живем и дышим.

Это слова из стихотворения «Время» известного чеченского поэта М. Мамакаева, положенные Дагаевым на музыку. Народ любит эту песню. Дагаев исполняет песни не только на родном чеченском языке, но и на грузинском, казахском, ингушском…

Сейчас Валид живет в одном из ингушских сел, а его дом в Грозном разрушен. Он никогда ничего не просит лично для себя. Его жизненным девизом стали слова «Плохих людей я не замечаю, а хороших вижу». Недавно Валиду Дагаеву исполнилось 60 лет. Хочется пожелать ему всего того, что можно пожелать близкому другу, который своим творчеством роднит людей, помогает им в жизни.

Марьям Айдамирова

Марьям — заслуженная артистка РСФСР, народная певица Чечено-Ингушетии. Ее имя знакомо всем любителям музыки. Она ушла из жизни в ноябре 1992, когда ей было 67 лет. И оставила после своей смерти яркий след.

Это была «яркая, сильная личность, прекрасный композитор, музыкант, она до сих пор пленяет нас своим искусством. До сих пор нас волнует неповторимый голос певицы», — сказал о Марьям Жанна Безуглова, известная в республике пианистка.

«Когда она начинала петь, прежде чем нажать на клавишу аккордеона, она нажимала на клавишу своего сердца. Добрая, отзывчивая, никогда неунывающая, она всех нас заряжала своей энергией, с ней было легко работать. Мы никогда не видели ее в плохом настроении. Ее любил народ. На ее концерты приходили целыми семьями. И когда ее не стало, оборвался от самый клавиш, на который нажимала Марьям» — так отзывалась о своей коллеге Раиса Гечаева, известная актриса театра.

Поработавший более 40 лет с певицей Валид Дагаев, отмечал ее удивительную работоспособность. В каком городе она ни давала концерт, в какой бы республике ни выступала, она обязательно заучивала по несколько песен на том языке, где мы выступали. В ее репертуаре были песни на армянском, грузинском, казахском, узбекском. Зрителей подкупала такая отзывчивость.

Марьям Айдамирова родилась 1 января 1924 году в селении Бено-Юрт Надтеречного района. Она росла единственным ребенком. Это был живой, энергичный ребенок. Петь начала еще в школе, принимала активное участие в школьной художественной самодеятельности. В пятом классе маленькая Марьям поехала в Пятигорск, где проходила Олимпиада творчества всех народностей Кавказа. Это было ее первое публичное выступление перед большой аудиторией. В самодеятельности с ней занимался Махмуд Эсамбаев, с которым училась Марьям в школе.

Февраль 1944 г. для Марьям, как и для многих ее односельчан и родственников, сыграл трагическую роль. Они были высланы в

Джамбул. Стать певицей ее заставила нужда. На скудную помощь, выделенную семье, мать Марьям купили ей гармошку. На этой гармошке Марьям начала учиться играть чеченские песни. Как она позднее вспоминала, «чтобы оставшиеся в живых родные не умерли с голоду». За свои импровизированные концерты, Марьям получала еду, которую она распределяла между родственниками и соседями.

Специального музыкального образования Марьям Айдамирова не получила. Она состояла в творческом коллективе, в который входили певцы, артисты театра, танцоры. В составе этой творческой группы, Марьям и начала свою карьеру артистки. Они ездили по селам, районным центрам и давали небольшие концерты.

О мужестве юной Марьям в народе слагали легенды. Однажды она исполнила песню перед земляками на запрещенные стихи. Ее посадили в тюрьму. Эта была песня на стихи Гадаева о безвинно выселенных чеченцах в далекую и чужую страну. Месяц она просидела в одиночной камере. Когда поняли смысл песни и выяснилось, что слова песни, написанные не ею, Марьям освободили из-под стражи.

Любовь к народной песне в те годы для Марьям была единственным смыслом жизни. Ее пригласили работать в Казахский оперный театр. Купила себе аккордеон. В составе театральной труппы выезжала с концертами в Чимкент, Караганду, Талды-Курган. В своей программе она часто исполняла песня на казахском, киргизском языке.

Вернувшись на родину в 1957 году, Марьям начала работать в Грозненской филармонии, где 35 лет проработала. Не гонялась за высокими титулами. Ее единственным хобби в жизни — были книги. На последние деньги она покупала книги и радовалась, когда коллекция ее домашней библиотеки пополнялась редким изданием.

До последних дней своих выходила на сцену. Она знала большие сцены и маленькие. Она объездила с концертами немало стран, но до последнего дня выходила на импровизированные сцены в каждом селе своей республики, которую бесконечно любила и без которой не мыслила свою жизнь.

В 1992 г. жизнь Марьям Айдамирова трагически оборвалась. Тяжелая болезнь свалила певицу. При жизни она была всеобщей любимицей. К сожалению, сегодня вспоминают великую певицу редко. Еще при жизни Марьям переживала, что нет нотных записей

вайнахской народной музыки, никто всерьез не занимался этой проблемой.

Айдамирова говорила, что фольклорная, народная музыка должна жить всегда. Она стержень народа, ее память. Марьям Айдамирова, отдавшая всю свою жизнь пропаганде родной музыки, родного языка, прожила хоть и небольшую, но счастливую жизнь, заслужив высокую почесть — любовь своего народа.

Тамара Дадашева

Основоположница чеченской эстрады, народная артистка Чечено-Ингушской АССР, Дадашева из самых популярных певиц в истории музыкального искусства Чечено-Ингушетии.

Тамара Дадашева родилась в Киргизии в Ошской области в семье служащих. Отец Тамары был врачом-стоматологом и по возвращении его распределили в Ножай-Юртов-скую центральную районную больницу. Детство прошло в Ножай-Юрте, где окончила среднюю школу. Участвовала в художественной самодеятельности. В один прекрасный день приехали работники радио во главе с Тамарой Ахмадовой, редактором музыкального отдела, попросили спеть. Исполнила песню, слова которой Тамара взяла из одной книги, а мелодию придумала сама. Ее записали и прокрутили на радио. Песня произвела фурор. Так первая песня Дадашевой, с которой она появилась в далеком 1976 году в республиканском теле- и радиоэфире, принесла ей всенародное признание и любовь.

С тех пор на Тамару посыпались приглашения на радио, телевидение. Она написала еще две песни на слова Шаида Рашидова и Зарган Халидовой.

Так внезапно на Тамару обрушилась популярность, к которой она вообщем-то и не стремилась и не была готова. О профессиональной сцене даже не думала. Музыкальное училище, культпросветучилище, кооперативное училище, педагогический институт — это неполный перечень учебных заведений, в которых училась Тамара. Затем было

приглашение в филармонию, где ей предоставили ставку в 150 рублей! Ее решение стать певицей вначале не поддержали родители. Тамара убедила семью. Первые ее концерты прошли в здании старой филармонии на проспекте им. Ленина. Оба концерта состоялись в один день и залы были полными. По 16 песен в каждом концерте.

В 1980 году ведущей солистке государственной филармонии Тамаре Дадашевой было присвоено звание заслуженной артистки ЧИ АССР. В разное время певица работает с различными музыкальными коллективами: «Синтар», «Седа», «Зама». Подрабатывает в театре, в ансамбле «Веселый час».

С тех пор ее песни являлись гвоздем всех музыкальных программ 70-х и 80-х годов. Подкупает своеобразие ее голоса, искренность и непосредственность исполнения, умение устанавливать контакт со слушателем. Т. Дадашева исполняет песни ведущих чеченских композиторов, много песен пишет сама. Песни Дадашевой считаются национальной классикой. Тамара Дадашева — исполнительница народных песен, первая чеченская артистка, которая соединила в своем искусстве традиции национального фольклора и современный эстрадный уровень. Дадашева выступала в самых престижных залах Советского Союза, представляла чеченскую музыкальную культуру на Всесоюзных и международных конкурсах и фестивалях.

Сегодня ее концертный график плотно расписан и каждый проходит с большим аншлагом.

Айдамирова Аймани

Певица появилась на эстраде в середине 80-х годов в группе народного артиста Чечено-Ингушетии Ш. Эдисултанова. Пела в дуэте с сестрой Маликой. Впоследствии создала свой ансамбль «Жовхар» («Жемчуг»). Коллектив исполнял народные песни. Профессиональная подготовка, творческий подход позволили А. Айдамировой по-новому взглянуть на фольклор, внести в него новые краски, что снискало ее коллективу известность и любовь слушателей. Ансамбль «Жовхар» неоднократно выступал в Москве, гастролировал по регионам России и странам ближнего зарубежья.

Красивая, очаровательная, грациозная, с гордой осанкой Аймани Айдамирова с первого же своего появления на сцене была и поныне остается эталоном истинной горянки. Но стать, красота — только вопрос породы, природный дар, а здесь еще и высочайший артистический профессионализм. Ее мощный голос отточен, ее оригинальное обаяние достигает всей полноты своего блеска благодаря недюжинной сценической культуре. Она служит искусству ради самого искусства, что проявляется во всем, но очевиднее и прежде всего — в невозможности схалтурить на подмостках. Ее скрупулезное отношение к своим сценическим костюмам, каждому движению и взгляду, безукоризненное умение держаться на сцене, строгая выверенность исполнительской манеры — все это говорит само за себя. И, заметим, все ее песни исполняются исключительно

живым голосом. Использование популярной среди многих исполнителей фонограммы, в просторечии «фанеры», скрывающей многие недостатки, а нередко и попросту отсутствие вокальных данных, Айдамирова считала бы уроном своей профессиональной чести. Поразительно, но Аймани может воспроизвести любую свою песню в точности так, как она звучала пятнадцать — двадцать лет назад. Примечательно, что Айдамирова производит впечатление незаурядной натуры не только тогда, когда блистает на сцене, но и в житейском обиходе. Она сумела совместить то, что, как доказывает опыт многих, плохо сочетается: карьеру успешной, популярнейшей артистки и роль рачительной хозяйки дома, заботливой матери. Аймани великолепна во всех этих амплуа, такое мало кому удается. И несмотря на все превратности судьбы и трудности Аймани уверена: «Наперекор всему жизнь продолжается, надо жить, растить детей, сажать цветы и творить на радость людям».

Марьям Ташаева

Ташаева — народная артистка Чеченской Республики и Республики Ингушетия — родилась 12 июня 1959 года в с. Валерик Ачхой-Мартановского района ЧИ АССР. Окончила дирижерско-хоровое отделение Грозненского культурно-просветительного училища.

Когда слушаешь Марьям Ташаеву, не перестаешь удивляться вечной молодости артистки, неуемной энергии, тембру и силе голоса и артистизму. Она, по-особому, легко и просто заводит зрителя. Совсем юной пришла она в 1980 году на сцену, затмив многих звезд чеченской эстрады. Тогда, помнится, мода была на Айдамирову, Шамилеву и Нажаеву. Мы привыкли к их голосам, манере и характеру исполнения. Поэтому многие с настороженностью приняли молодую вокалистку. И песни у нее, какие-то непонятные, — говорили слушатели. Но в начале пути откуда бы и взяться хорошему репертуару? Кто доверит свои произведения неизвестной певице? Репертуарный голод испытал каждый начинающий артист. Марьям заставила поверить в себя исключительно адским трудом и мастерством. Заворожила голосовыми красками. Кроме того, у нее есть режиссерский дар, умение выстроить образ. И получились ташаевские песни! Кажется, Марьям вобрала в них все лучшее из того, что накоплено эстрадой за вековую историю. Ее песни — мольберт, а голос — кисть художника, наносящего краски на холст жизни.

Краски жизни… Не все они ярки и радостны. Были в жизни певицы и черные дни, когда хотелось уйти, чтобы не возвращаться. Удержали дети. Материнская любовь помогла жить. Низкий поклон всем матерям! И среди них — Марьям. Под бомбежками в сыром и холодном подвале разрушенного дома в первый год первой чеченской войны она выходила двух грудных детей. Может быть, поэтому при внешней беззаботности и веселом нраве в глазах ее — печаль.

Марьям Ташаева — на сцене: открытая, откровенная, душевная. Она просит Всевышнего помочь людям не сбиться с пути, сохранить любовь и человеколюбие во имя мира и добра, во имя будущего, во

имя Хавы и Адама, Амира и Амиры. Марьям верит, что ее песня, ее мольба будет услышана.

Сулейман Токкаев

Желание стать певцом пришло к С. Токкаеву в ранней юности. И произошло это под влиянием творчества Султана Магомедова, чьи песни вошли в сокровищницу музыкальной культуры Чечни. В середине 60-х годов С. Токкаев впервые вышел на сцену Гойтинского сельского Дворца культуры. Никто не знал тогда молодого исполнителя. Популярность пришла к молодому певцу в 1968 году, когда он записал лирическую песню «Осень» композитора Аднана Шахбулатова. А потом были годы учебы. Академические знания С. Токкаев получил сначала в Г розненском музыкальном училище, а затем в музыкально-педагогическом институте Ростова, который окончил в 1982 году. Его прекрасный голос — драматический тенор — раскрыл перед С. Токкаевым широкий диапазон творчества. Он был принят на работу в Чечено-Ингушский Государственный драматический театр им. Х. Нурадилова. Почти в каждом спектакле Сулейман исполнял основные вокальные партии. Со сцены театра звучали в его исполнении песни — «Свобода или смерть», «Один лишь бог!», «Песня вайнахов» и др. Его работа в театре была отмечена несколькими, в т. ч. Г осударственными премиями. Кроме того, в эти годы С. Токкаев много гастролировал. Германия, Казахстан, Иордания,

Турция, Киргизия, Сирия — вот не полный перечень стран, где он выступал. Все, кто общался с С. Токкаевым, говорят о нем, как о человеке добрейшей души. На его лице всегда улыбка, хотя не раз в его жизни был повод погрустить. В настоящее время С. Токкаев живет в Москве, участвует в концертах и творческих вечерах своих земляков. Но постоянно жить и работать в российской столице артист не планирует. Он мечтает вернуться на родину, в Чечню.

Султан Магомедов

Народным певцом, народным соловьем называли в Чечне Султана Магомедова. Начиная с 1957 года, его голос не переставал звучать, радуя и вдохновляя людей. Оригинальный, чарующий голос Султана Магомедова невозможно забыть, услышав хотя бы раз. «Вдали от Родины», «Прекрасное утро Кавказа», «По горным дорогам», «Песня пастуха» — эти и другие песни в исполнении С. Магомедова звучат до сих пор. Никто не споет их столь же задушевно, как он.

Молодые годы С. Магомедова пришлись на период депортации, он жил в Киргизии и работал бетонщиком. Но юношу с богатым от природы, лирическим голосом заметил знаменитый драматург Абдул-Хамид Хамидов, который взял его в только что созданный национальный ансамбль песни и танца.

В 1956 году оргкомитет по восстановлению Чечено-Ингушской Республики, учитывая не только материальные, но и духовные потребности возвращавшегося на родину населения, начал отбирать из среды переселенцев одаренных людей. Стараниями композитора Халебского была собрана группа артистов, в том числе такие таланты, как Щита Эдилсултанов, Зулай Сардалова, Умар Дениев, Яраги Зубайраев, Альви Дениев, Тамара Алиева. В ту первую группу артистов, возвращаемых в республику, С. Магомедов не попал. Но вскоре его мечта вернуться на родину осуществилась. В Чечне у С.

Магомедова не было дома. На первых порах домом для него стало помещение филармонии. Там два молодых таланта (вторым был 17-летний Муслим Магомаев) дневали и ночевали в буквальном смысле слова — спали прямо на сцене. Обоих звали в Баку. Азербайджанский композитор Гаджиев предлагал поступление в государственную консерваторию без вступительных экзаменов. М. Магомаев вскоре уехал в Азербайджан. А С. Магомедов остался в Чечне. Он стал солистом Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца. Он хотел, чтобы его работа и творчество служили чеченскому народу. И он работал, не жалея времени и сил: филармония, радио, концерты, репетиции, студия звукозаписи, гастрольные выступления по республике…

Творческий труд и талант С. Магомедова были оценены. Через несколько лет ему присвоили звание заслуженного артиста Чечено-Ингушской АССР. Налаживалась жизнь в республике, устраивалась и личная жизнь у певца. Появился дом, семья, родился сын. Казалось, впереди еще много времени, много свершений. Все складывалось успешно. Не хватило одного — здоровья. Жизнь народного певца оборвалась, когда ему не было и 35 лет.

Память о певце жива. Его земляки в селе Курчалой собираются открыть музей народного любимца.

Усманов Имран Германович

Композитор и певец, заслуженный артист Чечено-Ингушетии, в школьные годы он выступал в самодеятельности. Окончил Ростовский музыкально-педагогический институт по классу вокала.

«Песня о друге» — так назвал свой очерк об И. Усманове искусствовед Аднан Яхьяев.

«Он — вокалист, голос которого не спутаешь ни с каким другим. Его баритон ласкает слух любителей музыки уже три десятка лет. Он поет свои песни. В них все есть — и мелодия, и философия стиха. Только такие песни имеют право на долгую жизнь. И живут его «Малика» и «Дагмара», песня «О друге» и родном селе Ножай-Юрт.

И. Усманов из плеяды таких знаменитостей, как Токкаев, Димаевы, Дадашева — тех, кто поднял престиж национальной чеченской музыки. Уже можно отнести песни Усманова к классике, потому что он чувствует нерв времени, ритм жизни, пульс эпохи. Имран никогда не гонялся за модой, напротив, своим упорством и трудолюбием добивался того, чтобы мода пристраивалась к нему, приспосабливалась к его творчеству. Он всегда относился к литературному содержанию песни так же строго, как к музыкальному. Каждое предложение несет в себе философскую нагрузку, слово, как и звуки музыки, ласкает слух. В песнях И. Усманова — мир человека, с его болью и радостью, страданиями и восторгом.

Принято считать, что Ножай-Юрт — чеченская Одесса. И действительно, здешний народ очень смекалистый, острый на язык и музыкальный. Неудивительно поэтому, что костяком филармонического штата в Чечне стали ножайюртовцы. Если оглянуться назад, то это — Бека Эльмурзаев, Магомед Бушуев и мужская вокальная группа. Их «Ласточка» и «Время» по сей день звучат свежо. В них все, что накоплено народом за свою историю: и любовь, и нежность, и традиции. И. Усманов воспитывался на их творчестве. Их влияние в его первых песнях: «Малика», «Дорожная»… Сегодня на вопрос, сколько всего у него сочинений, отвечает неуверенно и поражается знаниям других, напоминающих ему давно позабытые песни. Однажды, задумавшись, «сколько их все-таки?», сказал — «Больше пятисот — это правда». При этом многие его песни считают не авторскими, а народными. Их играют замечательные гармонисты Рамзан Паскаев, Умар Сагаипов и другие. Под его музыку танцует «Вайнах». В то же время сам И. Усманов исполняет не только свои, но и произведения других авторов. Например, «Чечню» Аднана Шахбулатова, сатирическую песню «Мужчина» Р. Паскаева, «Тамару» Баудина Сулейманова.

И. Усманов одарен многосторонне. Пишет не только стихи и музыку. На основе сюжетов известных фильмов, таких как «Свадьба в Малиновке», сочиняет полные заразительного юмора диалоги. Он — великолепный рассказчик. Часами можно слушать в его пересказе фольклор, анекдоты, стихи. Одно время возглавлял музыкальную редакцию телевидения и — прекрасно работал. Играет на гармонике, знает дечиг-пондур.

Село Ножай-Юрт расположено в самом живописном уголке Чечни. Я часто бывал в этих краях. И каждый раз поражался радушию и гостеприимству здешних жителей. Они готовы носить гостя чуть ли не на руках. Их открытость и человеколюбие читаются в глазах. Сердца ножайюртовцев такие же чистые и честные, как музыка Усманова. Он поет, выражая чувства своих земляков, о Родине, о родном уголке — Ножай-Юрте, о верности, дружбе и любви. В его таланте особенная необходимость сегодня, когда народу Чечни так необходима поддержка. Искусство дает веру в завтрашний день. Поэтому И. Усманов побывал в палаточных городках, выступил перед

переселенцами. Он верит, что своим творчеством помогает своему народу».

З. Алиева

Композиторы Чечни

Современная чеченская профессиональная музыка имеет богатейшую основу народно-песенного и музыкального творчества. Тысячи исполнителей народных песен-илланчей остались безвестными. Они жили в каждом селе и ауле, они воодушевляли своих земляков на ратные подвиги за свободу и независимость народа, были выразителями его дум и чаяний. Их хорошо знали в народе, имена многих еще помнят и вспоминают. О них живут легенды.

XIX веке они стали известны и России через представителей своей культуры, оказавшихся на Кавказе. В числе первых был М. Ю. Лермонтов. В поэме «Измаил-Бей», написанной в 1832 году, указав на то, что столь драматичный сюжет поэмы ему подсказал «старик-чеченец, хребтов Кавказа бедный уроженец», поэт изображает народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец, —
Наряд войны ему не нужен,
Он горд и беден, он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три стуны
Уж забренчали под рукою.
И живо, с дикой простотой
Запел он песни старины.

Интересный образ певца создал и К. Белевич, который служил в действующей армии на Кавказе в 40-х годах XIX века и написавший книгу «Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев» (СПБ, 1910). В поэме «Чеченец Берсан» так изображен народный певец:

Чеченцы мирные порой
Меня в редуте посещали,
И все бояром величали
За угощенье аракой.
Однажды с ними за стаканом
В кругу сидел один певец —
То был из гор Чечни беглец,
И назывался он Берсаном.
На балалайке он играл
И с чувством песни пел родные.

Народно-профессиональное искусство чеченцев представлено длинным рядом имен талантливых музыкантов, чьи произведения завоевали большую популярность.

Среди этих музыкантов, имена которых хорошо известны, следует назвать музыкальную семью Бисирхоевых, передававшую из рода в род свое музыкальное искусство, талантливого гармониста Магомаева — авторе популярной мелодии «Молитва Шамиля», Гадаева Юсупа из Старых Атагов, гармонистов Секинат Дудаевой, Дашукаева и многих других, чьи имена носят известные в народе мелодии.

В XX веке одним из старейших и популярных илланчей был Ибрагим Батаев. Много песен создал народный певец Баудин Сулейманов.

Талантливый гармонист-виртуоз народный артист республики Умар Димаев оставил после себя около тридцати произведений для гармоники, написанных в духе чеченского народного творчества, не говоря уже о сотнях записей народной музыки в его исполнении.

Много мелодий и современных песен, ставших популярными в народе, создала сказательница Балкан Анзорова, певица Марьям Айдамирова, гармонистка Есита Ганукааева, дечик-пондурист Идрис Цицкиев и многие другие. К счастью, музыкальный фольклор народа продолжает интенсивно развиваться и в наши дни.

Не случайно, что многие композиторы разных национальностей обращались к чеченской народной музыке и на ее основе создали немало интересных произведений разных жанров. Среди них А. Давиденко, М. Коваль, С. Ряузов, Н. Нариманидзе, В. Шведов, А.

Александров, А. Х алебский и многие другие. Произведения некоторых из них хранятся в фонотеке российского радио, исполняются различными музыкальными коллективами.

Значительную роль в развитии профессионального музыкального искусства в республике сыграл композитор Г. Х. Мепурнов (1900–1957 гг.). Грузин по национальности, получивший образование в Московской консерватории, Георгий Христофорович

Мепурнов связал свою творческую судьбу с Чечней и плодотворно работал там в тридцатые годы. Разносторонне образованный музыкант, одаренный композитор, он был хорошим организатором, настоящим музыкантом-общественником и педагогом.

По инициативе Мепурнова в 1936 году был создан оркестр народных инструментов, который он возглавил. Вскоре возникла необходимость реконструкции народных инструментов.

Для создания оркестровой группы дечик-пондуров были привлечены профессор Московской государственной консерватории В. М. Беляев, заведующий учебной частью Грозненского музыкального училища М. М. Халебский и музыкальный мастер-конструктор П. А. Шошин, успешно проведший реконструкцию народных инструментов в ряде братских республик. На основе старинных народных трехструнных дечик-пондуров при сохранении их формы была создана группа оркестровых инструментов: пикколо, прима, альт, тенор и бас. Для усиления звучности при игре на дечик-пондурах были введены медиаторы. В этой оркестровой группе был также использован балалаечный контрабас с его обычным строем как наиболее звучный из группы щипковых струнных инструментов. Группа адхоку-пондуров также расширилась: в ней появились примы и альты.

Пополненный гармониками, зурной, ударными инструментами, оркестр народных инструментов дал возможность Мепурнову ввести в его репертуар многие произведения.

Собирая и обрабатывая чеченские и ингушские народные мелодии, Г. Х. Мепурнов создал много художественных обработок и написал ряд оригинальных произведений на народные темы. Творческая деятельность Мепурнова была прервана в годы репрессий, в связи с чем большая часть его ценных рукописей не сохранилась.

В дальнейшем подготовка композиторов-профессионалов из числа чеченцев была продолжена после 1957 года.

Авторами многих произведений являются чеченцы-композиторы, получившие высшее музыкальное образование в Москве и Санкт-Петербурге, Умар Бексултанов, Саид Димаев, Аднан Шахбулатов, Али Димаев. Успешно создают музыку на профессиональном уровне Суньян Цугаев, Рамзан Паскаев, Чергизбиев и ряд молодых авторов.

Значительную творческую работу по развитию чеченской профессиональной музыки провели в республике и композиторы не коренной национальности. О некоторых из них уже говорилось выше. Это Н. С. Речменский, А. М. Халебский, В. И. Шнапер, В. И. Ашкенази, Е. Казановский, А. Шаргородский, Е. Захарович, А. Розенберг и др.

Большой вклад в развитие музыкальной культуры чеченского народа внесла Г осударственная филармония, организованная в 1939 году, Государственный ансамбль танца «Вайнах», музыкальные школы и Чеченское музыкальное училище, открытое в 1936 году.

Большую полезную работу по записи и пропаганде чеченской музыкальной культуры ведут телевидение и радио, а также художественная самодеятельность, получившая широкое развитие в городах и селах республики.

Муслим Магомаев-старший

В России и далеко за ее пределами хорошо известно имя певца и композитора, долгие годы остававшегося бесспорным кумиром молодежи — Муслима Магомаева. Но не многие знают, что имя свое певец получил в память о деде. А дед — старший Муслим Магомаев был выдающимся музыкантом своего времени.

Муслим Магометович Магомаев, чеченец из Старых Атагов, еще в начале века нашел свою судьбу в Азербайджане. Там он жил и работал. Поэтому он, чеченец, считается азербайджанским композитором, классиком музыкальной культуры этой закавказской республики. Там он, неутомимый педагог, воспитал и целое поколение музыкантов.

Трудно сказать, как бы сложилась его творческая судьба в Чечне. Магомаев-старший опережал время своим громадным талантом. Он был «запрограммирован» на симфоническую музыку, на произведения больших форм. А в Чечне в начале прошлого века это творчество не могло быть востребовано в силу слабого знакомства с европейской музыкальной культурой. Так что чеченской культуре, можно сказать, повезло, что ее гениальный представитель обрел вторую родину в другой кавказской республике.

Магомаеву-старшему принадлежат широко известные оперы «Шах Исмаил» и «Наргиз», которые десятки лет не сходят со сцены оперных театров. Им также созданы симфонические произведения, на азербайджанском материале — «На полях Азербайджана», «Танец освобожденной азербайджанки». Но творческое наследие Магомаева-старшего свидетельствует и о том, что родные чеченские мотивы всегда звучали в его душе. Именно ими вдохновлены такие незаурядные симфонические произведения Магомаева, как «Чеченская пляска» и «Песни и танцы Чечни».

Талант Магомаева-старшего был поистине многонациональным. Но истоки этого незаурядного таланта — в далеком чеченском селе Старые Атаги…

Аднан Шахбулатов

Аднан Шахбулатов — лауреат премии комсомола Чечено-Ингушетии, заслуженный артист Российской Федерации. Выпускник Грозненского музыкального училища и Московского института им. Гнесиных по классу композиции.

А. Шахбулатов создал десятки произведений в разных жанрах: для симфонического оркестра, песни, романсы, камерно-инструментальные сочинения. Они стали известны в исполнении известных певцов и инструменталистов многих городов страны. Его симфонией когда-то открывали концерты на съездах композиторов СССР. Немногие знают, что в течение 23 лет А. Шахбулатов писал музыку, будучи прикованным к постели после тяжелой аварии, писал, не касаясь стоявшего рядом фортепьяно.

В творчестве А. Шахбулатова по-современному сочетаются национальная чеченская музыкальная традиция и традиции русской классики. Не случайно он писал песни на стихи Лермонтова и Есенина. Не случайно среди любимых авторов чеченского композитора — П. Чайковский и Г. Свиридов. А. Шахбулатов стремился стать продолжателем их традиций в вокальной музыке. Его всегда привлекал мелодизм и народность композиций. Он считал, что мера гениальности автора определяется своеобразием мелодики его музыкального языка, узнаваемостью его тем.

Основной тональностью музыки А. Шахбулатов был лиризм. Его считают композитором-романтиком. В этом стиле выдержаны все его произведения — от песен до вокально-инструментальных кантат и сюит. Самые известные произведения А. Шахбулатова — вокальный цикл «Из чечено-ингушской поэзии» и «Разлука» — любили исполнять заслуженная артистка РСФСР Н. Исакова и Ш. Чалаев. Русская, дагестанец, чеченец — их объединяло искусство.

Саид Димаев

Композитор Саид Димаев родился в августе 1939 г. В 1963 г. окончил музыкальное училище в Грозном и поступил на музыкально-теоретическое отделение Московского государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Затем перешел на композиторское отделение вуза. После окончания учебы и возвращения в Грозный, преподавал в грозненской музыкальной школе. Тогда же начал писать музыку. Выросший в семье народного певца, выдающегося гармониста Умара Димаева, Саид впитал в себя самые лучшие черты и качества своего народа: великодушие, гуманизм, честность, порядочность, готовность прийти на помощь нуждающимся.

С 1970 г. Саид Димаев работал художественным руководителем Государственной Чечено-Ингушской филармонии. В тот период при его непосредственном участии были созданы национальные фольклорные и эстрадные коллективы: ансамбль «Зама», группа «Веселый час», детский коллектив «Звезды» и др. Он являлся главным дирижером и художественным руководителем оркестра народных инструментов Госкомитета ЧИ АССР по телевидению и радиовещанию.

Саид Димаев — автор многих произведений в самых разных жанрах: песен, романсов, симфонических и камерных произведений,

оркестровых сюит, музыки к кинофильмам, театральным постановкам, обработок и вариаций на народные мелодии.

Саид Димаев был членом Союза композиторов РФ. Его произведения исполнялись оркестрами Москвы и Владикавказа, Грозного и Тбилиси. «Детский альбом» Саида Димаева был оценен Союзом композиторов РФ, как выдающийся вклад в развитие музыкальной культуры.

В 2001 г. в Москве вышел сборник «Сто мелодий из рук Умара Димаева», который явился результатом многолетнего труда Саида Димаева. Была также опубликована сюита Саида Димаева «Московская осень». Он являлся автором оратории «Время действовать».

Саид Димаев умер 28 марта 2005 г.

Творческие коллективы

Ансамбль «Вайнах»

Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца был образован в 1939 году. Его создавали корифеи песенного и танцевального искусства — такие, как известный исполнитель характерных танцев Ваха Дакашев, драматург Абдула Хамидов, Ваха Татаев, бывший в то время министром культуры ЧИ АССР. Первоначально коллектив состоял из большого хора и пятнадцати исполнителей народных танцев. В 1940 году ансамбль отправился на свои первые гастроли в Пятигорск, а затем в Москву. В это время в нем уже танцевал легендарный Махмуд Эсамбаев, которому было в ту пору всего пятнадцать лет. В годы депортации ансамбль был воссоздан на киргизской земле. Свой первый концерт в восстановленной Чечено-Ингушетии ансамбль дал в зале филармонии Грозного. К началу 60-х годов Государственный ансамбль песни и танца ЧИ АССР представлял из себя интернациональный коллектив, который исполнял песни и танцы народов Кавказа. В нем работали русские и украинцы, армяне и азербайджанцы, осетины и грузины, чеченцы и ингуши. Великие мастера сцены были тогда в коллективе ансамбля: популярная исполнительница песен народов Востока Марьям Айдамирова, народный артист РФ, исполнитель народных песен Валид Дагаев, народные артисты ЧИ АССР Умар Димаев, Зулай Сардалова. В 1969 году ансамбль возглавил талантливый балетмейстер, выпускник ГИТИСа Топа Элимбаев. Более двадцати лет руководил он этим коллективом. Именно Элимбаев предложил в 1974 году дать ансамблю название «Вайнах», что значит «наш народ», «наши люди». Ансамбль трансформировался в чисто танцевальный, в нем было более 150 артистов. В 70-е годы репертуар ансамбля обогатился новыми танцами народов Кавказа и танцами многих народов бывшего Советского Союза. С большим успехом ансамбль «Вайнах» выступал за рубежом: в Латинской Америке, Европе, Африке, в Турции. Немало талантливых мастеров сцены выросли в коллективе ансамбля. Среди них народные артисты Чечено-Ингушетии Адаш Мамадаев, Тамара Дидигова. Магомед Дидигов, Сейд-Эмин Януркаев, Ромзан Абазов, Лидия Айдамирова, Ваха Идрисов. Своей работой ансамбль «Вайнах» дарил

людям радость. К сожалению, годы кризиса и военных действий на территории ЧР нарушили творческую деятельность ансамбля «Вайнах». В течение двух лет коллектив находился в вынужденном простое. Танцоры разъехались по разным уголкам России. В конце 2000 года Министерство культуры РФ совместно с аналогичным региональным ведомством ЧР поручило заслуженному артисту России Дикалу Музакаеву воссоздать «Вайнах», назначив его художественным руководителем ансамбля. Возрождение было трудным. Д. Музакаев собирал артистов «Вайнаха» в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Башкирии, в различных городах Сибири.

Примерно половина прежних танцоров вернулась в коллектив. Но основу нынешнего «Вайнаха» составляет талантливая молодежь. Юноши и девушки прошли обучение в школе-студии ансамбля, в которой преподают опытные танцоры. В течение года артисты коллектива проходили адаптацию в Краснодарском крае, воссоздавали старые программы, работали над новыми. В мае 2001 года в городе Краснодаре состоялся их первый концерт. После чего, перебравшись в Нальчик, коллектив начал концертную деятельность по городам Северного Кавказа, выступал в Москве, в концертном зале «Россия». Летом 2002 года прошли двухмесячные гастроли «Вайнаха» по городам Франции. Сегодня в коллективе работает 55 человек. Полностью восстановлен прежний репертуар, за короткий срок Д. Музакаев осуществил три новые постановки. Это — «Чеченский молодежный танец», «Танец-приглашение» и «Ингушский праздничный танец». Руководство ЧР, министерства культуры РФ и ЧР сделали все возможное, чтобы вернуть к творческой жизни ансамбль. Однако прежде всего надо отдать должное самим танцорам. И в

первую очередь ветеранам. В 2001 году, после возобновления творческой деятельности ансамбля им были присвоены почетные звания. Народными артистами ЧР стали солисты ансамбля Гапиржан Темирхожиев и Турко заслуженными — Солтахмед Дукалаев, Луиза Котиева, Мадина Музакаева, Зара Цакаева, Хусейн Магометов, Бислан Индуркаев, Петимат Ахметов, Элит Бокова. Все они — честь и слава ансамбля. В июне 2002 года коллектив ансамбля «Вайнах» вернулся на родину и временно базируется в Гудермесе.

Молодежный чеченский ансамбль песни и танца «Ловзар»

«Детский танцевальный ансамбль «Ловзар» был создан в 1983 году на базе Республиканского Дворца пионеров города Грозного. После одиннадцати лет плодотворной работы в связи с военными действиями в Чечне ансамбль фактически распался. Но в июне 1995 года в разрушенной чеченской столице руководство ансамбля сумело собрать 30 мальчиков и 30 девочек. С помощью Министерства социальной защиты ЧР детей вывезли в Кабардино-Балкарию, в Нальчик. В этом городе и состоялось становление нынешнего «Ловзара». За прошедшие годы ансамбль добился больших успехов. Большую роль в этом сыграл его руководитель, заслуженный артист Магомед Тахаев, который любит говорить, что «мы красотой танца должны показать всему миру настоящее лицо чеченца, нашу культуру и традиции». Мастерство детей, выступающих в ансамбле, завораживает зрителя в любой стране. За последние шесть лет ребята были удостоены самых различных премий. В 1996 году в болгарском городе Варне коллектив «Ловзара» стал дипломантом Международного фестиваля. Затем были выступления в Турции в Турхале и Чоруме и ансамбль вновь стал победителем. В 1998 году в Анкаре на международном фестивале, посвященном 75-й годовщине Турецкой республики, ансамблю «Ловзар» присвоили звание лауреата. Есть у коллектива и всероссийские награды. Например, 1-я премия на международном фестивале «Ярославские гулянья». 2001 год был для коллектива ансамбля «Ловзар» наполнен выступлениями в России, зарубежными гастролями. Ребята приняли участие во многих концертах в Москве, побывали в Белоруссии на фестивале «Славянский базар», где имели огромный успех. Во время гастролей в Лондоне юные чеченские танцоры растопили сердца чопорной английской публики — многие номера исполнялись на «бис». В 2002 году «Ловзар» гастролировал в Италии и Франции.

Не менее удачным для ансамбля «Ловзар» был и 2003 год. Во время концерта в Париже выступление ансамбля увидел известный французский модельер Пьер Карден. Он пригласил чеченских детей

выступить в своем мюзикле «Тристан и Изольда». Выступление в труппе самого Кардена! Об этом можно было только мечтать — ведь теперь у «Ловзара» появился шанс побывать во многих городах мира. В сентябре 2003 года мюзикл Кардена увидели московские зрители. По словам руководителя «Ловзара» Магомеда Тахаева, французы были удивлены тому, как быстро юные чеченские танцоры начали осваивать иностранный язык. Участники ансамбля в полной мере осознают свою задачу: с помощью танца восстановить доброе имя чеченского народа — народа, имеющего богатую культуру и древние традиции. Будущий, 2004 год обещает быть для «Ловзара» весьма насыщенным. В январе предстоят гастроли в Японии, в феврале ансамбль приглашен на фестиваль в Дубаи. В марте юные чеченские танцоры уже во второй раз отправятся на фестиваль в Катар.

Детский танцевальный ансамбль «Зия»

«Детский танцевальный ансамбль «Зия» был создан в 1999 году при финансовой поддержке чеченского предпринимателя Зии Бажаева, погибшего в авиакатастрофе в 2001 году. В настоящее время в коллективе ансамбля около 250 человек. Это мальчики и девочки от 6 до 14 лет. Выступления ансамбля идут в сопровождении оркестра, состоящего из профессиональных музыкантов под руководством известного гармониста и композитора Рамзана Паскаева. Ансамбль «Зия» базируется в Москве, во Дворце культуры «Меридиан», где проходят ежедневные репетиции под руководством профессиональных педагогов, выходцев из Чечни.

Занятия проводятся в пяти танцевальных классах по группам — подготовительной и основной. Танцуют в ансамбле в основном чеченские дети, временно проживающие в российской столице. Но есть и ингуши, и русские, и даже болгары. В репертуаре ансамбля «Зия» танцы разных народов Кавказа, в т. ч. аджарские, армянские, дагестанские. Самые успешные постановки ансамбля — чечено-ингушский «Праздничный танец», чеченские «Вечеринка» и «Лебединая нежность», дагестанская сюита «Озорные девчонки». Постановки осуществил руководитель ансамбля Т. Элимбаев. Юные артисты «Зии» уже побывали на гастролях за рубежом. Они постоянные участники концертов чеченских мастеров искусств,

которые проходят в российской столице. В марте 2003 года во время Фестиваля чеченской культуры в Москве, ансамбль «Зия» выступал в Государственном концертном зале «Россия».

Детский танцевальный ансамбль «Башлам»

Детский танцевальный ансамбль «Башлам» был организован впервые много лет назад в Советском районе Чечено-Ингушской АССР Хасаном Алиевым. Сегодня «Башлам» вновь радует зрителей своими зажигательными танцами, но не на родине, а в Москве.

Так уж случилось, что чеченцы разъехались по всему миру. Дети растут, не зная языка, обычаев, традиций своего народа. Хотя бы немного исправить эту ситуацию попытался заслуженный артист Чечено-Ингушетии и РСФСР, лауреат международного конкурса, международных фестивалей Дока Мальцагов. Благодаря его стараниям 3 мая 2001 года в московском дворце культуры «Чайка» открылась школа «Башлам», при которой возродился ансамбль. Дока Мальцагов начинал свою карьеру танцора в ансамбле «Башлам». А Хасан Алиев был у него учителем и наставником. Дока Мальцагов хочет сохранить некогда громкое название ансамбля в память о тех, кто, так красиво танцуя на сценах разных стран мира, показывает истинные ценности чеченского народа, передавая их через танец. «Мы стараемся научить наших детей всему тому чистому, красивому, что присуще нашему народу», — говорит Дока Мальцагов.

Как говорится, один в поле не воин. Открыть школу, создать ансамбль Доке Мальцагову помогли бизнесмен Муса Шуаипов, академик Аднан Эльдерханов, труды которого известны во многих странах, банкир Абубакар Арсамаков. Участникам «Башлама» помогла также Администрация президента Российской Федерации, выделив деньги на новые костюмы. Руководитель ансамбля и сами дети с блеском в глазах рассказывают об этом. Они гордятся тем, что руководство страны заботится и помнит о детях Чечни, несмотря на тяжелую ситуацию в республике.

Дети из ансамбля «Башлам» за два года научились многому. Их приглашают принять участие в концертах. Когда видишь эти замечательные танцы, забываешь и о войне, и о том, что происходило и происходит в Чечне. Война лишила этих детей детства, заставила раньше времени повзрослеть, но они полны оптимизма, готовы

возродить свою землю, отстроить Грозный. Хочется верить, что так это и будет.

З. Алиева

Художники

Петр Захаров

15 сентября 1819 года после ожесточенного штурма крупными силами во главе с генерал-майором Сысоевым был полностью разрушен и взят один из значительных чеченских аулов на правом берегу Терека — Дады-Юрт. В кровопролитном и неравном сражении против хорошо вооруженных царских войск активное участие принимали все жители села, в том числе женщины и дети. Царские войска вошли в аул, покинутый оставшимися в живых жителями. Но той же ночью оставили его сами, боясь ночного нападения чеченцев, которые развели вокруг села костры и беспорядочно стреляли в село.

Чеченский народ свято хранит в своей памяти героических дадыюртовцев. Об этом свидетельствует и песня, сложенная народом в честь защитников аула. Большие потери понесли и войска. В этом сражении они потеряли треть своего состава.

Когда после ожесточенного сражения русские начали уносить с поля убитых и раненых, солдаты нашли умирающую молодую мать, на груди которой лежал израненный трехлетний малыш, который был доставлен к командующему отдельным Кавказским корпусом генералу-лейтенанту А. П. Ермолову. Последний передал его на выхаживание казаку станицы Бороздинской Захару Недоносову, находившемуся при хозяйстве командующего.

Позже к казаку попадает и другой сирота — мальчик-лезгин. Имя приютившего отца послужило основой для фамилии двух маленьких пленников, чеченец стал Петром Захаровым, лезгин — Павлом Захаровым.

До 1823 года Петр воспитывался у Захара Недоносова, затем его взял на воспитание двоюродный брат А. П. Ермолова — Петр Николаевич Ермолов, находившийся в Грузии и командовавший 3-й бригадой 21-й пехотной ими. И хотя у П. Н. Ермолова было семеро своих детей, он с большой любовью заботился о приемном сыне и сделал все, что мог для хорошего воспитания и образования юного чеченца. Вскоре П. Н. Ермолов по состоянию здоровья уходит из армии и поселяется в Москве, летом же семья проживала в подмосковной деревне.

У Петра рано проявилось влечение к рисованию. Как отмечал приемный отец в письме к своей матери, мальчик «.. кроме обучения грамоте… рисует все, что попадается под руку. Видимо, будет художник и неплохой».

Портрет А.П. Ермолова. 1843

В исследование биографии и творчества П. З. Захарова самый заметный вклад внес искусствовед и архитектор Н. Ш. Шабаньянц, который посвятил этому благородному занятию много лет.

Портрет историка Т.Н. Грановского. 1845

Более шести лет будущий художник обучался на дому у портретиста Волкова, а в 1833 году после блестяще выдержанного экзамена его зачисляют посторонним учеником Петербургской

Академии художеств. Согласно уставу Академии художеств туда не могли быть зачислены дети крепостных крестьян и представители национальных меньшинств. Одаренных детей этих категорий людей зачисляли «посторонними» учениками. Художническое дарование Петра Захарова раскрывалось с каждым днем. Значительные успехи в учебе уже на первом же году обучения «чеченец» был принят на содержание Обществом поощрения художников, что давало ему определенные преимущества.

Портрет детей П.Н. Ермолова. 1839

П.З. Захаров получил доступ в Эрмитаж и получает право копировать картины известных мастеров и написание перспективных видов комнат в Эрмитаже. Здесь он совершенствует свое мастерство, основательно изучает классические художественные полотна. К тому времени относится его автопортрет.

Молодой художник активно участвует в выставках и получает денежные премии и серебряные медали. В 1834 году за копию с картины фламандского художника Антониса Ван-Дейка «Молодой принц» Общество поощрения художников наградило его 70 рублями.

Как убедительно доказывает Н. Ш. Шабаньянц, П. З. Захаров является автором знаменитого портрета М. Ю. Лермонтова в лейб-гусарском мундире с наброшенной на плечо шинелью и треугольной шляпой в руке.

Из-за материальной нужды Захаров напряженную учебу совмещает с работой в свободное от основной программы время. Он пишет ряд работ, замеченных критикой, а в 1835 году за работу

«Старуха, гадающая в карты» он поощряется серебряной медалью. Эта картина на выставке художественных произведений 1836 года получает высокую оценку. К тому времени он уже вырос в самостоятельного художника и обращается в Совет Императорской Академии художеств с просьбой присвоить ему звание свободного художника. Просьба эта была удовлетворена. 10 августа 1836 года ему выдается аттестат об успешном окончании Академии, он получает право почетного потомственного гражданина.

На всех своих картинах П. З. Захаров подписывал: «Чеченец из Дады-Юрта».

В Петербурге и особенно в Москве у Захарова устанавливаются хорошие товарищеские отношения со многими интересными людьми России. Биография молодого чеченца, воспитанного в семье известного генерала — человека необычной судьбы, надо полагать, интересовала многих. А современниками его были А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, многие выдающиеся деятели русской культуры. Об этом свидетельствуют картины, портреты этих людей, выполненные П.З. Захаровым: портрет духовного писателя, историка А.Н. Муравьева. Что интересно, в это же время портрет А.Н. Муравьева пишет и М.Ю. Лермонтов. В 1839 году Захаров создает портрет детей П.Н. Ермолова. В том же году он демонстрировал на выставке картину «Искушение спасителя дьяволом».

Мастерство портретиста совершенствуется с каждой новой работой. Он становится известным портретистом в Москве и Петербурге. Ему заказывают знатные москвичи, петербуржцы. Параллельно он дает частные уроки по живописи, работает, рисуя формы солдат и офицеров в департаменте военных поселений Военного министерства. Отсутствие средств к существованию заставляло его много работать. Но самое трудное и неожиданное было заболевание чахоткой, которую в то время практически не излечивали. На здоровье юного кавказца не самое благоприятное воздействие оказал сырой климат Петербурга. Поэтому художнику больше нравилось быть в Москве. Да и связей у него здесь было значительно больше.

В 1840 году он закончил портрет российского императора Павла I по рекомендации своего воспитателя П. Н. Ермолова. В том же году создает целый ряд портретов. Несмотря на тяжелую болезнь, художник

упорно продолжает трудиться. В 1842 году он получает заказ от Академии на написание портрета генерала А.П. Ермолова. В августе следующего года портрет был готов. Эта работа оказалась экзаменом на высшее мастерство. За нее он получил звание академика. Портрет Ермолова и некоторые другие работы художника «из чеченцев» заслуженно вошли в сокровищницу русской живописи XIX века. В том же году он пишет свой знаменитый автопортрет в бурке с ружьем, который находился до января 1995 г. в Грозном в музее изобразительных искусств. И хотя он не имел никакой живой связи с родиной, Захаров всегда чувствовал себя чеченцем. Об этом свидетельствует автопортрет: черные густые брови, типичный чеченский нос, острый взгляд, узкие, заметно впалые щеки, густые большие усы. Его желание подчеркнуть свое происхождение видно и по одежде, в которой изобразил себя художник, хотя никогда не носил ее: мохнатая горская шапка, нужно подчеркнуть, не парадная, а простая, пастушья, затем бурка и ружье в чехле, перекинутое через плечо. Не будет ошибкой сказать, что Захаров всю жизнь должен был испытывать тоску по своему народу и родине, иначе чем объяснить, что мальчик, выросший в генеральской семье, воспитанный в Академии художеств в Петербурге и всю жизнь проживший в столицах России, считал необходимым подчеркивать на всех своих произведениях, что он «из чеченцев», родился в Дады-Юрте и изобразил себя в горской одежде.

Умер П. З. Захаров очень рано, в 1846 году, в самом расцвете творческих сил и таланта. Об уровне его мастерства и признания можно судить по оценке, данной ему К. П. Брюлловым, который считал его вторым после себя портретистом в России.

Еще в 1958 году нами была высказана мысль о том, что прототипом главного героя известной поэмы М. Ю. Лермонтова послужила жизнь П. З. Захарова, которая так же трагична и горька, как у Мцыри, тоже горца, взятого в плен русским генералом. Стоит вспомнить строки из поэмы:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал,
Ребенка пленного он вез.
Он был, казалось, лет шести,

Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал.

Мцыри «знаком пищу отвергал и тихо, гордо умирал». Мы не знаем, как держал себя в начале пленения Захаров, следует однако полагать, что такое поведение вполне естественно для ребенка, попавшего в совершенно чуждую среду, язык которой он не знал.

Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом.

Если умирающий Мцыри «… никому не мог сказать священных слов: отец и мать», то Захаров нашел себе, как впоследствии и Мцыри в монахе, в лице П. Н. Ермолова второго отца, давшего ему общественное положение и образование. Об этом свидетельствуют письма Захарова своему воспитателю с глубокой благодарностью.

Однако ни Ермолов будущему художнику, ни монах Мцыри не смогли заменить настоящих родителей:

И вспомнил я отцовский дом.
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул,
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов,
Я вспомнил смуглых стариков
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон

Кинжалов длинных… и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.

Судьба этих двух героев удивительно напоминает судьбу самого Лермонтова, любимая бабушка которого оторвала его от родного отца. Стоит вспомнить стихотворение, написанное в 1831 году:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть.
В другом стихотворении он писал:
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой.

Жизнь горца-пленника, гордого Мцыри, кончается трагически, вдали от родины. Он просит перенести свое тело в сад монастырский, так как

Оттуда виден и Кавказ,
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком…
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной?
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот.
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну…

Лермонтов не мог знать о конце жизни П. Захарова, ибо сам поэт погиб раньше своего прототипа, но авторский вымысел и фантазия вполне могли привести его к такому концу.

Взяв в основу образа Мцыри жизнь чеченца Захарова, пленника российского самодержца, историю и легенды Грузии и другие факты, Лермонтов создал образ своего современника, себя, чувствовавшего

свою жизнь в самодержавной России, как в мрачном монастыре. В этом монастыре томились Пушкин, Белинский, Г ерцен и сотни других истинных представителей русского народа, не согласных с политикой царизма, «жандарма Европы».

Эта версия о прототипе лермонтовской поэмы была бесспорно воспринята известными литературоведами бывшего СССР.

Так тесно переплелись жизненные и творческие пути двух выдающихся представителей русского и чеченского народов. И было это почти полтора века тому назад.

Ю. Айдаев

Ильяс Дутаев

Талант художника раскрылся у Ильяса Дутаева неожиданно и для него самого, и для окружающих. Подростком он тяжело болел, был прикован к постели многие месяцы. И как-то случайно в больнице он взял в руки перочинный нож, попросил какую-нибудь деревяшку, ковырнул ее раз, другой. И… увлекся резьбой.

Вскоре у него в руках появился хрупкий стебелек с едва распустившимся бутоном подснежника. Потом Ильяс вырезал гладиолус, розу, ромашку… Так с цветов и началась его биография художника. В 1962 году букет цветов — резьба по дереву И. Дутаева — привлек внимание зрителей и искусствоведов на первой республиканской выставке декоративноприкладного искусства. Работа эта подтвердила талант И. Дутаева. Его направили на учебу в знаменитое Абрамцевское художественное училище. Получив диплом, И. Дутаев начал работать над фигурами из дерева. Не сразу, конечно, появились его знаменитые шахматы — фигурки лукаво улыбающихся горцев. Шахматы произвели фурор и попали в экспозицию Грозненского музея. За этим последовали композиции из дерева «Танцующий внук», «Ожидание сына», «У сапожника». Они были представлены в 1982 году на Лейпцигской выставке-ярмарке. И. Дутаев предпочитал малые формы, считая, что не размер скульптуры дает возможность выразить большое содержание. Сюжеты ему подсказывала сама жизнь. Вот гордый отец несет первенца, рядом —

счастливая жена, а прохожий глядит с осуждением: не положено, мол, горцу выставлять напоказ свои чувства.

До военных действий в Чечне вся мастерская И. Дутаева была заставлена фигурками, многие работы находились в Музее изобразительного искусства имени Петра Захарова. Мастерская сгорела, музей разрушен. Но жизнь продолжается, появятся новые работы. Тем более, что искусством резьбы по дереву овладел и сын И. Дутаева — Асламбек, тоже выпускник Абрамцевского училища. Есть в республике и другие художники, работающие с деревом. Но И. Дутаев — патриарх. Народный художник республики. Это звание было присвоено ему первому.

Исаев Харон

Харон Исаев родился 1 апреля 1951 г. в Казахстане. После окончания средней школы в Грозном поступил в Ленинградскую Академию художеств. Но учиться в ней не пришлось. Надо было помогать семье, в которой было пятеро детей. В 1975 г. Х. Исаев окончил отделение станковой живописи и графики факультета изобразительного искусства Народного университета искусств Министерства культуры РСФСР.

С 1987 г. принимал участие во многих республиканских, зональных и всероссийских выставках.

Его картины, например, были представлены в 2000 г. на выставке «Мастера изобразительного искусства — защитникам Отечества» в Ставрополе, в январе 2002 г. — на Всероссийской выставке в Москве, в ноябре 2003 г. — в экспозиции Зональной выставки в Краснодаре. Шесть произведений Харона Исаева находятся в постоянной экспозиции Национального музея ЧР. По приглашению различных музеев и частных лиц Харон Исаев демонстрировал свои работы в Иордании, Сирии, Турции. Всего за годы творчества художник написал более 1200 полотен.

Харон Исаев является членом Союза художников России. В мае

2005 г. Указом президента ЧР Алу Алханова Харону Исаеву присвоено звание заслуженного художника Чеченской Республики.

Зарета Муртазалиева

Зарета Муртазалиева родилась в 1963 г. в Казахстане. С детства хорошо рисовала и мечтала стать профессиональным художником. Но судьба распорядилась иначе, и в 1985 году Муртазалиева окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Несколько лет работала в школе учительницей. Но в начале 90-х годов она поступила на художественно-графический факультет Чеченского государственного пединститута. После его окончания в 1995 г. работает как профессиональный художник, является членом Союза художников Чечни. Неоднократно участвовала в республиканских и региональных выставках. В июне 2005 г. представляла свои работы на выставке произведений художников ЧР, проходившей в рамках Дней культуры Чечни в Москве.

Фатима Даудова

Фатима Даудова родилась в 1975 году в г. Старая Сунжа Чеченской Республики. В 1992 году после окончания детской художественной школы № 1 г. Грозного поступила в Чечено-Ингушский государственный педагогический институт.

Во время военных действий на территории Грозного была вынуждена перевестись в Ростовский государственный педагогический университет на художественно-графический факультет.

С 1998 года принимает участие в выставках Юга России, Всероссийских и международных выставках. В 2005 году представила три свои работы на второй Всероссийский конкурс художников на лучшее произведение реалистического искусства среди молодых, не старше 35 лет, мастеров кисти. Всего на конкурс было представлено более 3 тысяч работ 1287 художников.

Литография Фатимы Даудовой — «Крепость Грозная» вошла в число лучших 54 полотен конкурса и была выставлена на итоговой выставке молодых художников в Третьяковской галерее.

С 1998 года Фатима Даудова работает старшим преподавателем на кафедре «Архитектура» Г розненского государственного нефтяного института. Занимается оформлением книг. Последняя ее работа — иллюстрации к роману известного чеченского писателя Канты Ибрагимова — «Детский мир». С 2001 года Фатима член Союза художников России. Стипендиат Государственной стипендии России за 2004 год.

Ваха Умарсултанов

Вахит Осмаевич Умарсултанов принадлежит к поколению чеченских художников, которые заявили о себе в 70-х годах XX века. Он родился 20 августа 1950 года в Казахстане. В конце 50-х годов семья вернулась на родину и Вахид, окончив среднюю школу в Грозном, поступил в Пензенское художественное училище им. Савицкого. После окончания училища (1970 г.) он работал преподавателем рисования в школе-интернате. В эти годы живописные работы В. Умарсултанова начали появляться на республиканских выставках. Эти картины, пронизанные любовью к родной земле, ее строгой и неповторимой красоте, обратили на себя внимание и на зональных выставках в Махачкале, Нальчике, Владикавказе. Вскоре В. Умарсултанов стал членом Союза художников РФ. Его картины были представлены на выставках в Сирии и Германии. В начале 90-х годов, в труднейшее для Чечни время, он возглавил Союз художников. Благодаря усилиям В. Умарсултанова, живописцы из Чечни участвовали во всероссийской художественной выставке «Имени твоему» (декабрь 2000-январь 2001 года) В этой экспозиции было представлено и творчество самого В. Умарсултанова — четыре картины, в том числе «Калаус» — одна из лучших его работ. На выставке чеченских художников, проходившей в мае 2002 года в залах Российской Академии художеств в Москве, посетители познакомились с новыми картинами В. Умарсултанова. Организацией этой выставки он занимался более двух лет, собирая работы чеченских художников по всей России. Несмотря на загруженность работой по линии Союза художников, В. Умарсултанов находит время для творчества. Его пейзажи легко узнаются на выставках. В скором времени в городе Гудермесе, где в настоящее время живет художник, состоится его персональная выставка.

Аманды Асуханов

Вся творческая жизнь А. Асуханова — члена Союза художников СССР, заслуженного художника ЧИ АССР, академика Народной академии Чеченской Республики — связана с Чечней. Он родился в 1939 году в г. Гудермесе. Правда, школьные годы пришлись на жизнь в Казахстане. В 1961 году он поступил в Махачкалинское художественное училище. Только по окончании образования А. Асуханов вернулся в Грозный и с тех пор живет и трудится в Чечне. Темы его картин — быт, традиции народа и окружающая природа. Работы 70-х годов — «Вечер», «Мотивы родины моей», «В краю предков», «Чудо природы» — написаны в результате поездок по республике. В 80-е годы на творчество художника большое влияние оказали поездки за рубеж: в Венгрию, в Чехословакию, Индию, Шри-Ланка, Турцию, Иорданию, Сирию. Отовсюду он привозил этюды, наброски, эскизы и законченные картины.

Годы чеченского конфликта лишили А. Асуханова мастерской, библиотеки, собрания живописи, но — не желания работать. Он написал ряд картин — «Раны войны», «Улица мира», «Центр Г розного», «Взрыв президентского дворца», «Теперь без мамы» — о безумии людей, забывших о своем главном предназначении — созидании и ставших на путь разрушения.

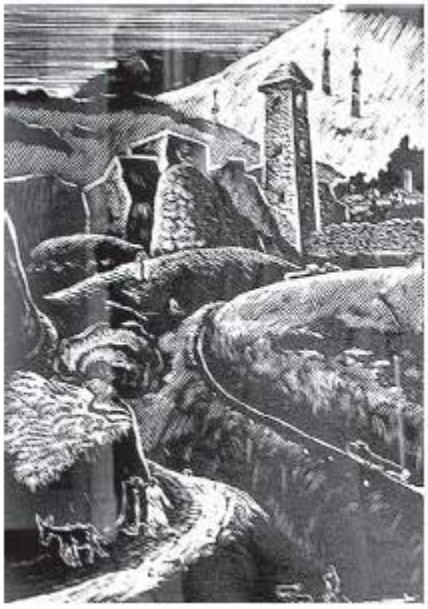
А. Асуханов участвовал в более чем 47 всероссийских, зональных, республиканских выставках. В 1999 г. — во всероссийской выставке «Россия-99» в Центральном выставочном зале Москвы. В период 1966–1997 гг. прошло свыше 30-ти его персональных выставок как на родине (в СССР, в РФ), так и за рубежом — в городах: Нитре (Чехословакия), Зарке (Иордания), Стамбуле и Бурсе (Турция). Картины А. Асуханова находятся в музеях и частных коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Херсона, Махачкалы, Владикавказа, Нальчика, Ярославля, Караганды, Ростова-на-Дону; а также за рубежом: в Великобритании, Финляндии, Турции, Иордании, Чехии, Германии, Голландии, Венгрии, Сирии, Италии, Казахстане, на Украине.

Шахмурзаев Шамиль

Один из самых известных современных чеченских художников. Шахмурзаев Шамиль Алиевич, родился 1 мая 1932 года в Гудермесе. В конце 50-х годов он окончил Дагестанское художественное училище и сразу же стал участвовать в республиканских и зональных выставках «Советский Юг». Впервые он заявил о себе очень красивой по цвету картиной «Нефтяник» и поэтическим портретом «Горянка». Ш. Шахмурзаев работает как живописец и портретист. С начала 60-х годов XX века является членом Союза художников РФ. За годы творчества им создано более 600 произведений. Особенно широко работы художника были представлены в Грозненском художественном музее, но, к сожалению, в ходе военных кампаний 90-х годов сгорели или пропали. В настоящее время полотна Ш. Шахмурзаева представлены в экспозициях Русского музея в Санкт-Петербурге, в Литве в Художественном музее Вильнюса. За большой вклад в развитие изобразительного искусства Ш. Шахмурзаеву присвоено звание — заслуженный деятель искусств ЧИ АССР. Живет художник в городе Грозном, который не покидал даже в период военных действий.

Дадан Идрисов

Впервые чеченский живописец Дадан Идрисов, заявил о себе, как о талантливом художнике, в начале 70-х годов. Он стал участником зональной выставки в Ставрополе и его картина «Рассказ внука» была высоко оценена специалистами. Окончив в 1968 году Краснодарское художественное училище, молодой художник родом из селения Шали, где он родился в 1943 году, уже через три года стал членом Союза художников СССР. В последующие годы Д. Идрисов занимался творческой и общественной работой в Союзе художников ЧИ АССР. Он был активным участником всех выставок современной живописи Чечни. Кроме живописи маслом Д. Идрисов работает в графике. Эти картины получили оценку, в частности, на экспозициях художников ЧИ АССР во время Дней культуры и искусства автономной республики в Ленинграде. Многие произведения Д. Идрисова были представлены в разделе современной живописи Грозненского художественного музея, практически полностью уничтоженной в период военных действий. В течение последнего десятилетия Д. Идрисов постоянно живет в Грозном.



Нурлан Усманов

Среди современных чеченских художников-мастеров, занимающихся декоративно-прикладным искусством, Нурлан Усманов занимает одно из ведущих мест. Он родился в 1954 году в Карагандинской области. После возвращения депортированных чеченцев в 1957 году в родные края, жил в селе Знаменское Надтеречного района Чечни. Н. Усманов получил образование в известном в России Абрамцевском промышленно-художественном училище им. Васнецова (в Подмосковье), став мастером по художественной обработке дерева, металла и камня. С 1974 года он принимает участие в республиканских и зональных выставках. Не раз представлял чеченское искусство в Германии и Сирии. Его работы неизменно привлекают внимание, многообразием используемых автором национальных орнаментов. На выставке «Художники Чечни» в Академии художеств России в Москве (май-июнь 2002 г.), особый интерес вызвала его работа из дерева «Декоративная качалка». С 1989 года Н. Усманов — член Союза художников ЧР. Ему присвоено звание народного мастера России, а совсем недавно — звание заслуженного художника ЧР. По стопам отца пошел и сын Н. Усманова — Заурбек, который унаследовал талант отца. Сейчас Н. Усманов продолжает создавать авторские произведения и преподает. Он обучает искусству резьбы по дереву и обработке металла группу из 50 одаренных подростков села Знаменское.

Султан Абаев

Известный чеченский пейзажист Султан Абаев родился в 1954 году в поселке Хеверган Фрунзенского района Киргизии. Семья вернулась из депортации в Чечню когда Султану было четыре года. Художественные способности проявились у Султана в раннем детстве. Так же, как и его младший брат Лечи, он занимался в грозненской художественной школе, брал уроки у известного педагога Николая Федоровича Лантюгина. В 1974 году С. Абаев поступил в Дагестанское художественное училище, а затем продолжил образование в Академии художеств им. Репина в Санкт-Петербурге. С. Абаев — часто выставляется на разнообразных тематических художественных выставках в городе на Неве, он — постоянный участник, проживает в Санкт-Петербурге.

Саид-Хусейн Бициараев

Художник получил высшее художественное образование в Санкт-Петербургской Академии художеств им. Репина. Он поступил в Академию в 1975 году после окончания Краснодарского художественного училища. С-Х. Бициараев — автор многочисленных живописных и графических работ, участник более пятидесяти всероссийских и зарубежных выставок. Художник провел уже пять персональных выставок: две — в столице Финляндии Хельсинки и три — в Санкт-Петербурге. С 1981 года С-Х. Бициараев — член Союза художников России. В настоящее время является доцентом кафедры живописи Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной Академии. Живет в Санкт-Петербурге.

Хасан Седиев

Имя чеченского художника Хасана Седиева пока известно не очень широкому кругу почитателей живописи. И основная причина в том, что рассвет его творчества пришелся на непростое для родины Хасана время, на 90-е годы. Он просто не мог представить свои картины широкому зрителю.

Родился Хасан Седиев в 1960 году в селе Старые Атаги Чечено-Ингушской АССР. После окончания школы поступил в Грозненский государственный университет и параллельно стал заниматься резьбой по дереву. Его наставником был известный художник Илес Татаев. Увлечение художественным творчеством изменило жизненные планы Хасана, и он поступил в Грозненское художественное училище по специальности художник-оформитель. Седиев стал писать картины, разработав свою определенную технику, близкую к графике с элементами живописи, под названием «смешанная техника». Первая персональная выставка Хасана Седиева состоялась в 1983 году, а вскоре он стал постоянным участником региональных выставок «Юг России», а в «Справочник-указатель народных умельцев России» была включена статья о нем. Некоторые полотна Хасана Седиева, например «Водопад» и «У родника», купил в свое время Республиканский краеведческий музей Грозного.

Последние годы были особенно плодотворными для Хасана Седиева. Он написал такие картины, как «В горах», «Лунная ночь», «Вечер» и многие другие, на которых отобразил красоту родного края: реки, горы, вековые дубы и знаменитые чеченские башни. Его работы отличаются плавным переходом света и тени, неброскими, спокойными тонами.

В январе 2001 года Седиев был принят в Союз художников России, который в ближайшее время намеревается провести его персональную выставку в Москве. Несколько работ художника уже представлены в столичном Музее современного искусства.

Ибрагим Самбиев

Те, кто впервые видит работы самодеятельного чеченского художника Ибрагима Самбиева, не остаются к ним равнодушными. Художник использует в них традиционные вайнахские орнаменты, что придает его работам особую новизну и оригинальность. Специалисты называют И. Самбиева новатором, отмечают его профессионализм. Однако специально живописи И. Самбиев не учился.

И. Самбиев (р. 1950 г.) имеет два высших образования: медицинское и журналистское. Он врач высшей категории. Кроме того давно пишет прозу — новеллы. Тяга к рисованию у Ибрагима проявилась в детстве, но к серьезному занятию живописью он пришел в уже зрелом возрасте. Основные жанры, в которых он работает, — графика и декоративно-прикладное искусство. Работы И. Самбиева есть в частных коллекциях в Финляндии, Голландии, Карелии и, конечно же, в Москве и Санкт-Петербурге.

В прошлом году представители ковроткаческой фирмы из Финляндии приобрели несколько эскизов И. Самбиева, а голландская фирма решила использовать его работы для фарфоровых и керамических изделий. Живописные и графические орнаменты И. Самбиева использованы при оформлении уникальной книги-альбома «Чеченское оружие» Исы Асхабова. В настоящее время художник готовит к изданию книгу «Орнаментальное искусство Чечни», которая будет оформлена графическими черно-белыми и цветными авторскими орнаментальными композициями, бордюрами, окантовками — всего около тысячи иллюстраций. А недавно в выставочном зале Карачаево-Черкесского республиканского музея-заповедника прошла персональная выставка И. Самбиева. Называлась экспозиция «Метаморфозы». На ней было представлено 109 работ: реалистические зарисовки, такие как «Полуночная серенада», «Юный скрипач», «Маэстро», «В чайхане», «Старик-чеченец» и другие; абстрактные композиции — «В стране вайнахов», «Крылатые башни», «Чечня и космос».

Замир Юшаев

Талантливый чеченский художник Замир Юшаев родился в Хасавюрте (Дагестан) 22 апреля 1965 г. в семье, где любовь к рисованию была унаследована всеми детьми от отца, художника-любителя. Начальное художественное образование Замир получил в художественном училище в Махачкале, затем служил в армии, а с 1987 по 1992 год учился в Институте имени И. Е. Репина в Санкт-Петербурге. Далее продолжил образование в Институте искусств в городе Лейпциге в Германии (1992–1997). В настоящее время живет и работает в Германии. В 2002 году там же стал победителем в конкурсе снежных скульптур, проявив талант не только художника, но и скульптора.

Популярность творчества Замира Юшаева впечатляет, об этом свидетельствует их география: Грозный, Нальчик, Махачкала, Ленинград, Лейпциг, Бонн, Нюрнберг, Берлин, Барселона и т. д.

З. АЛИЕВА

История взаимоотношений чеченцев с Россией и русскими

Начало политических контактов

Ослабление Ногайской Орды и Крымского ханства, этих островков уцелевших после распада Золотой Орды, отвечало интересам и горских народов Кавказа, которые могли теперь получить свои степные земли обратно, и Российского государства, обеспечивающего себе выход на Черное и Каспийское моря. Верно определившие свой геополитический интерес и новый политический расклад Кабарда, Адыгея, Черкесия первыми вступили в союзнические отношения с Россией. Взаимоотношения собственно чеченцев как система политических контактов начинаютя с 1567 года. У их истоков стоял чеченский (окоцкий) князь Ушурма.

Во время первой русско-турецкой войны 1569 года, когда турецкий султан совершал военную экспедицию на Астрахань, чеченцы были на стороне русских и способствовали позорному провалу этой экспедиции.

Но озлобленный османский двор, по мнению профессора Я. Ахмадова, в 1571 году приказал своему вассалу — крымскому хану совершить поход на Москву. Москва была разорена и по требованию Турции крепость Терки в 1571 году была снесена. Россия, занятая Ливонской войной, не могла воевать еще и на юге.

Однако связи России с Кавказом не прервались, хотя и ослабли. Вайнахский феодал Ушурма и его сын Шихмурза продолжали сохранять верность Москве; это видно из следующего документального сообщения: «После ого, как велел еси, государь, те городы (Терки) разорити и мы тогда с твоими государевыми и терскими атаманами и казаками тебе, государю служили». Достоверность этого весьма примечательного положения подтверждается и челобитной терских атаманов и казаков от 1586 года, в которой они заявили, что «прежде всего служили государю на Тереке и промышляли всяким государевым делом за одно с Шихмурзою Окуцсим».

Более тесные связи с чеченским населением в крае устанавливались у беглого люда из России, которые чаще всего бежали от порядков крепостного права.

Великий русский писатель Л. Н. Толстой, опираясь на гребенсой и вайнахский фолклор, очень точно охарактеризовал сложившуюся тогда ситуацию: «предки нынешних гребенцев… бежали из России и поселились на Тереке, между чеченцами на Гребне первом хребте лесистых гор Большой Чечни… Живя между чеченцами, казаки породнились с ними…»

Не прерывались контакты влиятельных вайнахских старейшин с Москвой и в XVIII веке. Во время движения в Грузию московского посольства в 1638 году активно содействовал проходу через горную Ингушетию «земли своей владелец Хавса» и его широкое вайнахское окружение. Длительные переговоры терских воевод с вайнахами-мичкизами, осложненные недальновидными действиями некоторых кабардинских князей, увенчались успехом в 1647 году. Тогда четверо «выборных, лучших людей от всей Мичкизской земли» юго-восточной Чечни, насчитывавшей 36 поселений, принесли в Терском городе шерть (присягу) Москве. В тоже время в Москве побывали делегации из Аргунского ущелья, которые заключили «межземельные договора». Посланцев крупнейшего в Чечне «Шибутского джамаата» в сентябре 1658 года были приняты русским царем Алексеем Михайловичем. Они присягнули в Успенском соборе Кремля. Многие историки отмечают, что тогда же грузинский князь Теймураз передал царю Алексею Михайловичу о принятии в подданство трех братьев из числа приглашенных на княжество мурз Турловых, княжевших в низовьях Аргуна «на земле на Чачине», «Чеченеевкой деревне», где обитатели вайнахи-выходцы из гор. Отвечая «государева грамота» гласила: «Раз они учинились под государевою высокою рукою… держать их в государевом милостливом жалованье, ка и иных иноземцев, которые под государевою высокою рукою».

Велико было значение чечено-ингушских посольств, которые побывали в тот век в далекой столице России, иной раз подолгу задерживаясь в ней. Источники ХУЛ века (в том числе западноевропейские и восточные) фиксируют овладение русским языком у представителей многих северокавказских народов.

Все это служит подтверждением постепенно растущей российской ориентации в самых разных слоях чеченцев и ингушей. Даже в исключительно трудных для России условиях последней трети ХУ11 века русско-чечено-ингушские связи не прерывались.

Российская ориентация Чечни в XVI–XVII вв

Чеченцы, жители равнинной части все активней шли на работу в пограничную службу Российского государства. Устраивались на службу в действующую армию. Известно, что целые отряды вайнахов сражались на Дону в 1646 году, давая вместе с русскими отпор крымским войскам. В 1674 году принимали участие в сражениях под Азовом против отрядов Крымского хана.

В XVIII веке процесс сближения русского и вайнахского населения продолжался. Как пишут наши историки «Более развитая русская земледельческая культура, впитав местный производственный опыт обогатила новых партнеров. Набирало силу боевое содружество против общих врагов. Участвовали представители Северного Кавказа и в крестьянских войнах России. Свой вклад в подлинное открытие нашего края вносили и торговые люди российское офицерство, первые ученые побывавшие тут многочисленные делегации посольства горцев, зачастившие в российские города.

В период так называемого Персидского похода Петра I равнинные чеченцы были приняты в подданство. Вскоре постоянные связи с российской администрацией на Тереке завязывает Чечен-Аул.

С возникновением города Кизляр стали налаживаться торговые русско-вайнахские отношения. Документы последующих лет рисуют выразительную картину все более активных торговых связей между чеченцами, ингушами гребенскими и терскими казаками и Кизляром вопреки не благоприятному в целом для горцев таможенному режиму.

В 1733 году в контакт с Россией вступили горные общества чеченцев и ингушей. В коллегию иностранных дел России поступило сообщение, что «знатные правители именуемые кисть дзур-дзуки, да глегаи просят, чтобы приняты были в протекцию и под высокую державу е. и. в.». Подобная ориентация на Россию была оправданна в условиях, когда к землям северокавказских народов проявляли интерес давние общие враги, в числе которых было и Крымское ханство и Турция.

Так, в середине лета 1735 года в Нахистане на берегах Сунжи появилось 80-тысячное войско крымского хана Каплан-Гирея. Хан

хотел обложить данью чеченцев. Но как пишет профессор Я. Ахмадов, «Каплан-Гирей решил вторгнуться на чеченскую землю через ущелье Хан-Кала в Сунженском хребте, но там его ожидали военные силы стянутые со всей Чечни. Первый крымский отряд в 5000 человек, вошедший в ущелье, был наголову разбит горцами и обращен в бегство. Второй отряд чеченцы пропустили в ущелье, закрыли проход и истребили до последнего человека. В числе убитых было много знатных мурз и два царевича.

Крымский хан был вынужден отказаться от дальнейших попыток покорить Чечню и, оставив ее в стороне, продолжил путь в Прикаспий».

Между 1743 и 1756 годами укрепляются позиции России в округе Чечен-Аул, приобретая характер прочного союза и официального оформления службы России со стороны многих местных феодалов владетелей и их узденства. В русское подданство вступили такие группы чеченского общества Герменчук, Чебутлы, Шали, Алды и др.

Постепенно складывание общенародной внешнеполитической ориентации у вайнахов воплотилось также в настойчивых действиях ингушских или, как их тогда называли, «киштинских» делегаций, ходатайствовавших, чтобы под протекцию ее императорского величества приняты были и счисляемы в ней как и стоящие в российском подданстве чеченцы».

Случались, однако, и конфликты, доходившие до ожесточенных столкновений, но эти конфликты не были системой, не были обусловленны объективным антоганизмом. Выгодность как политических, так и торгово-экономических культурных взаимоотношений была очевидна.

Начало оформления русско-чеченских политических связей

В феврале 1770 года завершилось добровольное вхождение в Россию ингушей. Принципиальное положительное решение Правительствующего Сената по сути ингушских ходатайств было сформулировано еще в 1757 году и доведено указами до Коллегии иностранных дел и Астраханской губернской канцелярии. Однако Россия до поры не имела возможности официально удовлетворять обращения ингушей. Но началась русско-турецкая война 1768–1774 гг. Россия ответила на прошения ингушей реальными политическими действиями.

Со второй половины XVIII века усиливается российская ориентация чеченцев, ибо были заинтересованы в расширении торговли, других экономических связей. Но не всегда политика царизма устраивала горцев. Так, к примеру, не одобрялась горцами политика активного заселения русскими и казаками левого плодородного берега Терека. Обрабатывавшиеся веками чеченцами земли произвольно раздавались местными чиновниками на свое усмотрение.

Чеченцев возмущали многие запреты на торговлю, на владение землями, на передвижение.

На иконных чеченских землях русское командование строило казацкие станицы, поселения, крепости.

На противодействия чеченцев военные отвечали карательными экспедициями. Протест горцев вылился в народно-освободительное движение во главе с чеченцем Ушурмой (шейх Мансур). Восстание продолжалось в течение 1785–1791 годов.

Внутренние противоречия не мешали, однако, чеченцам и русским объединяться в моменты исторической опасности, нависавшие над страной. Как свидетельствует профессор Н. Гриценко, «В Отечественной войне 1812 года активное участие принимал Александр Николаевич Чеченский, близкий друг Дениса Давыдова. Давыдов дал ему сжатую, но меткую характеристику: «Состоящий по кавалерии ротмистр Чеченский — черкес, вывезенный из Чечни

младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвет лица бронзового, волосу черного, как крыло вороны, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных».

Сам Денис Давыдов остался в народной памяти как выдающийся деятель, герой Отечественной войны 1812 года, имя его неразрывно связанно с национально-освободительной борьбой русского народа против наполеоновского нашествия. Когда Смоленск оказался в руках неприятеля Давыдов представил свой «план партизанских действий» высшему командованию русской армии. Он предложил организовать летучие партизанские отряды из солдат, появление которых в тылу противника ободрит народ и «обратит войсковую войну в народную».

В партизанский отряд Давыдова входили и другие горцы, смелые предприимчивые офицеры, хорунжие и сотники. Это были бесстрашные люди, которые при помощи крестьян громили неприятельские тылы, пленили тысячи французских солдат и офицеров.

А. Чеченский со своим отрядом казаков в составе партизанского соединения Д. Давыдова прошел большой путь по тылам неприятельских войск. С августа по декабрь 1812 года А. Чеченский прошел от Вязьмы до Смоленска, Вильно, Гродно, Польши. В марте 1813 года он с небольшими силами осадил Дрезден. 9 марта в рапорте генералу Лансому Давыдов доносил: «Вчерашнего числа я предпринял усиленное обозрение Дрездена. Ротмистр Чеченский, командующий 1-м Бугским казачьим полком, отличился, это его привычка».

После войны Д. Давыдов по-прежнему дружил с А. Чеченским.

Многие чеченцы были готовы ринуться за отступающей армией Наполеона. В этих целях был создан отряд горских ополченцев. За короткий срок в кавказское ополчение вступили сотни ополченцев. «Всем были хорошо известны, — писал В. Потто — превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. Можно было наперед предвидеть, каких чудес могли натворить летучие отряды этих центавров, неуловимых, как воздух, если бы только их бросить на фланги и в тыл неприятельской армии… Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собой красивое зрелище, и, глядя на

них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки».

Но горцам не удалось по неприятелю «ударить в шашки». Кавказское ополчение не было использовано в деле по двум причинам: во-первых, русские войска преследовали противника уже за пределами своего государства; во-вторых, сам царь Александр боялся держать сотни вооруженных горцев на Кавказе. Он испытывал страх не только перед горцами, но и перед своим народом, запрещая выдавать крестьянам оружие».

Взаимоотношения чеченцев и русских с XIX века до октябрьского переворота 1917 года

Интерес чеченского, русского, других соседних народов друг к другу нарастал с развитием экономики, культуры, духовной среды. Но власти, пытающиеся демонстрировать свою заботу о благе государства неуемными аппетитами, не всегда способствовали укреплению этой дружбы, эволюционному развитию общества. Царизм все упорнее наступал на права горцев, отнимая у них земли, загоняя их повыше в горы.

Царизм вел неуклонное наступление на права горцев, сея вражду между прежними кунаками и побратимами, он самые удобные для землепашества плодородные земли равнин изымал из владений местных обществ и передавал их казачеству, которое к тому времени уже в значительной степени утеряло свою социально-имущественную однородность и преобладающая часть которого превратилась в вооруженный привилегированный отряд телохранителей царизма. Потому-то казачьи станицы и стали напоминать настороженные крепосцы. Поэтому-то и были они переселены на левый берег Терека — естественной преграды для горцев.

Свою власть над завоеванными районами колонизаторы скрепляли дулами пушек, что были нацелены на горские аулы из десяток новых крепостей и редутов. Теперь (с начала XIX века) они строились в непосредственной близости к горам и преследовали цель отсечь обитателей ущелий от населения равнин. Укрепления Назрановское, Воздвиженское, Преградный стан, Бурная, Топли-Кичу, Злобный Окоп, десятки редутов поднялись по берегам Сунжи и ее притоков. Этого показалось мало. Мрачные укрепления все глубже и глубже проникали в горы, достигнув к концу XIX века таких высокогорных ущелий, как Джераховское, Чанты-Аргунское, района Ведено.

Доведенные до отчаяния низы горских народов отвечали яростными восстаниями. В 20-х годах XIX века они переросли в Нахистане и в Дагестане в настоящую войну, длившуюся почти 30 лет. В начале 1859 года Шамиль — глава этого нового государства —

теряет последние районы Чечни, сыны которой решили возвратиться к поискам своей судьбы на дороге мира с Россией.

Тягостны и драматичны были годы Кавказской войны. Но и они не смогли полностью убить тех ростков взаимного доверия и тяги друг к другу, что были заложены прежде в деле общений русских и вайнахов. Несмотря на жесткие законы войны, вопреки им, крепла тенденция постепенного сближения трудовых слоев двух народов.

В русских крепостях и вокруг них поселялись вайнахи. В центре «мятежных гор» возникали целые селения, состоявшие из русских беглецов от гнета царизма. Продолжается обмен товарами и торговля. Большое значение для ее развития сыграло открытие ярмарок в станицах Наурской, Николаевской, Калиновской, Слепцовской. По-прежнему «куначились» некоторые казаки и чеченцы (в том числе даже немирные). Передовые слои русского общества выступали против братоубийственной войны, против колонизаторских методов царизма, призывали к миру и дружбе русского народа с горцами. Об этом же, естественно, и вайнахи, привыкшие веками и тысячелетиями жить на своей исторической родине в мире и согласии с соседними народами.

Последующая история еще прочнее сплела судьбы чеченского, ингушского и русского народов. Горской бедноте импонировали идеи справедливости и свободы, декларируемые большевиками. Чеченцы и ингуши, как отмечал комиссар юга России Георгий Орджоникидзе, наиболее активно и предано поддерживали революционные события. Грозненский пролетариат получил решающую поддержку со стороны Чеченской Красной армии, которую возглавил революционер-романтик Асламбек Шерипов.

Я. Ахмадов, З. Алиева

Русская и Российская культура в судьбе вайнахов

Великие россияне в судьбе вайнахов

Оказавшись в тесном соприкосновении, а затем в составе России, у наиболее передовой части чеченского и ингушского общества появилась потребность приобщиться к российской грамоте, науке, культуре. До этого у вайнахов письменность была на основе арабской графики. Духовные школы-хижары были в каждом крупном селе. Учеными (шейхами) становились на основе восточной (исламской) науки. Надо отметить, что ученые (дешна нах) очень высоко ценились в вайнахском обществе. Их авторитет был настолько велик, что нередко их ставили на уровень пророков.

Российская, русская наука была очень праграмична, приближена к земным делам. Чеченцы и ингуши быстро оценили его значение. Тяга к этой науке и культуре была поистине огромной. Ортодоксальное духовенство просто не могло чинить этой тяге серьезное противодействие.

Надо отметить, что настоящие ученые царской России с большим уважением относились к покоренным народам, старались помочь в интеграции к российской и европейской культуре.

В 1856 году русский академик А. А. Шифнер впервые составил чеченский алфавит на основе латинского письма. В 1862 году П. К. Услар создал чеченский алфавит на основе русской графики. Но царская власть особенно не торопилась покрывать горную часть учебными заведениями. Вот характерный случай, когда жители села Урус-Мартан ходатайствовали в 1895 году об открытии начальной школы на 160 человек. Они обязывались на свои средства построить школы и оборудовать ее, выделив для этого 400 десятин из общественных земель. Но этот проект, как свидетельствует архив, так и застрял в недрах административной канцелярии.

Но не отношения чиновников определяла судьбу русско-чеченских культурных, духовных взаимоотношений. В мыслях великих русских писателей, ученых, общественных деятелей свободолюбивый Кавказ все больше обретал романтический, героический образ. Г орцев рассматривали как гордых, высоко одухотворенных людей с высоко развитым чувством чести и

достоинства. И лишь зашоренные военными проблемами генералы типа Ермолова любили повторять, что не успокоятся, пока в живых останется хоть один чеченец.

Первые контакты вайнахов с русскими, казаками оставили свой след в народном фольклоре. Контакты эти были разные, но в целом обогащали культуру, работали на прогресс. Один современный летописец, не оставивший своего имени писал, что чеченцы и русские, «как и всякие соседи ссорились и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, менялись оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пировали на свадьбах, запоминали кровных врагов и братались с кунаками». В сказании об удальце Ахмаре Автуринском, в сцене его встречи в вольной степи с удальцом — казаком говорится:

— Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай.
Если ты успеешь
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь,
И тогда все скажут:
«Ахмад Автуринский
был убит каким-то
Казаком станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным,
Так давай друзьями
Будем мы с тобою…
…И подумав малость,
Дал свое согласие
Ахмад Автуринский.

И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших…

Обряд куначества (дружбы, братания) широко распространялся между казаками и вайнахами.

«Дядя Ерошка прост был, ничего не жалел. Зато у меня вся Чечня кунаки были. Придет ко мне какой кунак, водкой пьяного напою, ублажу, с собой спать уложу, а к нему приеду, подарок пешкешь свезу», — вспоминает о своей молодости один из героев повести Л. Н. Толстого «Казаки». Дружба между чеченцами и русскими, безусловно, приводила к взаимообогащению их материальной и духовной культуры. Первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев писал: «Основав на плоскости аулы, чеченцы и ингуши в тот час воспользовались выгодами, которые могли из земли своей; подражая русским, они заменяют свои горские сохи плугами; производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружных стран».

Живущие по соседству русские люди перенимали многое в свою очередь у горцев. Исследователь прошлого века отмечает: в станице Гребенской «избы бревенчатые, часто дубовые и с острой, высокой крышею, а кровля с «коньком», окна «косящатые» и украшены резьбою». «К удовольствию своему, вы видите и чеченские сакли, стоящие рядом и на одном дворе с русскою избою… Домашняя обстановка гребенца еще более поражает оригинальностью, когда переступаешь порог его дубовой, великорусской избы. Первая комната напоминает чеченскую кунацкую, нежели жилище русского: на стенах развешаны шашки, кинжалы и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят пестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики азиатского образца и изделия. «Большинство членов ее здесь сидят по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, и из мебели в ходу чаще чеченская треногая скамеечка, нежели стул или русская скамья». И в одежде русские подражали горцам. Л. Н. Толстой, долгое время живший в Чечне, обратил на это внимание. Вот как одет его герой Лукашка: «Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы

спущены ниже колен. Одежда его была небогата, но она сидела на нем с той особой щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам».

Беглым русским людям, однако, не всегда удавалось продлевать на долгие годы свои благоприятные отношения с народами. По их пятам продвигалась администрация со своими не всегда приемлемыми для народов (особенно мусульманских) законами. Как писал один из краеведов прошлого времени, «куда бы ни бежали русские люди без видимой государственной цели, за ними по пятам шло и русское царство. Казалось бы, укрывшись за Терек и даже за Сунжу, наши беглецы совсем ушли о глаз Московской Руси, а вышло так, что не сменилось у них еще первое поколение, как уже Терек и Сунжа вошли в пределы Русского государства, и наши переселенцы опять очутились на его рубежах».

Как уже отмечалось, другое было отношение к Чечне и чеченцам у лучшей части российской интеллигенции. С Кавказом была связана практически вся жизнь великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Он писал:

«Синие горы Кавказа, приветствую Вас!
Вы взлелеяли детство мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
Облаками меня одевали, вы к небу меня приучили,
и я с той поры все
Мечтаю об вас да об небе».

Эпизоды сражения царской армии с горцами молодой Лермонтов описывает с чувством огромного уважения достоинства чеченцев, высоко поднимается он над политическими амбициями политиков. И именно это благородство подлинной русской интеллигенции сохраняло веру горцев в Россию и в русский народ. Одна из поговорок чеченцев гласит: «Чиста дорога, по которой прошел истинный русский человек».

В стихотворении «Валерик» Лермонтов писал:

Раз это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на обратный зов
Толпы стекались удальцов…
…Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

История, к великому сожалению, повторилась. И разве не о том же думает лучшая, достойная часть русской интеллигенции, хотя кое-кому и удалось спровоцировать эти нелепые, ничем не объяснимые варварские акции, называемые первой и второй чеченской войной?

Зло порождает зло. Добро, уважительное отношение тоже порождают ответное добро и благодарность.

Чеченский поэт М. Мамакаев писал:

Кто не воспел величие вершин,
Кому здесь вдохновенье не явилось?
Здесь Лермонтова сердце чаще билось,
Здесь волю славил он, России сын.

Первооткрывателем Кавказа в русской литературе называют А. С. Пушкина. Известна его лестная оценка Бейбулата Таймиева, знаменитого лидера равниной Чечни, человека выдающихся дипломатических способностей.

В черновой записи шедевра Пушкина «Не пой красавица, при нем» остались строки:

Напоминают мне оне
Кавказа горные вершины,

Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

В Чечне происходят действия поэмы Пушкина «Тазит».

Верно сказано нашим именитым современником Расулом Гамзатовым о влиянии русской культуры на судьбы северокавказских народов:

«Не Русь Ермолова нас покорила.
Кавказ пленила пушкинская Русь».

С Чечней, с крепостью «Грозная» была тесно связана жизнь другого русского поэта А. И. Полежаева. О его отношении к кровавой драме, разыгравшейся во время Кавказской войны середины XIX века, можно судить по следующим строкам:

Вот там-то, милостивцы, мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось, вплоть до воли,
И травим… И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало…

Русский поэт-демократ Полежаев, находясь в Чечне, думал о том времени, когда:

Где б люди жили не врагами,
Без права силы и войны…

Как эти слова также, как и лермонтовские строки актуальны в условиях сегодняшней Чечни!

Огромную роль сыграл Кавказ, земля вайнахов в судьбе писателя Грибоедова. По этому поводу В. Г. Белинский высказался так: «Дикая

и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновляли его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Хлестаковых, Тугоуховских, Репетиовых, Молчалиных — этих карикатур на природу человеческую!..»

В крепости Грозной, как утверждают исследователи, Грибоедов перенес драматичные события своей жизни: узнал о жестоком подавлении восстания декабристов и свой арест по подозрению в связях с их тайными обществами.

Большую роль в судьбе великого гуманиста, мыслителя Л.Н. Толстого сыграли Чечня и чеченцы. Впрочем, связь эта была и остается исключительно значимой для развития духовной культуры горного края. Ведь многое из учения писателя перекликается с философией, идеологией суфийского ислама.

Толстой часто и тесно общался с чеченцами. Однажды, как свидетельствуют историки и краеведы, Толстой чуть не попал в плен, когда со своим чеченским другом Садо Мисербиевым возвращались из крепости Воздвиженской в Грозную: «Ехали они вместе с оказией, состоявшей из двух рот Куринского полка и одной роты линейного батальона. Сзади тащились две пушки. Двигались медленно и Толстой с Садо, отделившись от колонны, поехали вперед. Толстой был на недавно купленной лошади кабардинской породы, которая отлично шла рысью, но была слаба для скачки. Под Садо была поджарая, длинноногая лошадь ногайской породы, очень резвая. Мисербисев предложил Толстому попробовать ее, и они поменялись.

И вдруг Садо заметил отряд конных чеченцев, человек двадцать, которые вовсю неслись навстречу. Толстой предупредил товарищей об опасности, а сам поскакал с Садо к Грозной. У Садо было незаряженное ружье. Он прицеливался из него в сторону погони, что-то кричал по-чеченски нападающим. Толстой мог бы ускакать на быстрой лошади Садо, но не хотел оставлять своего кунака в беде. Тут в колонне заметили приближение немирных горцев, хотели выстрелить в них из пушки, но кто-то предупредил их: «Там наши!» Из Грозной тоже увидели нападение, и оттуда поскакала кавалерия. Это было возле Ханкалы».

О своем друге Садо Мисербиеве Толстой писал: «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям для

меня; у них это считается ничто — это стало привычкой и удовольствием».

Исследователь творчества Л. Н. Толстого отмечает: «Дом Толстого в станице Старогладовской был открыт не только для русских офицеров. Вот одна из записей в его дневнике: «После обеда пришли Оголин, Жукевич, кунаки из Старого Юрта…» Одним из приятелей братьев Толстых был чеченец Балта Исаев. От него Толстой услышал немало драматических история, некоторые из них вошли в произведения писателя.

Часто бывал Лев Николаевич в аулах, расположенных возле крепости. Интересовался он и горной Чечней. Ее вековые леса, горы, бурные реки, ее храбрые сыны и их богатая история послужили делу создания великолепной повести «Хаджи-Мурат».

Кавказская действительность расширила кругозор писателя и явилась мощным стимулом в его творческой деятельности. На Кавказе Толстой тесно общался с широкими массами казачества, русских воинов, горцев. Здесь он осознал себя художником слова и создал свои первые произведения. Вошедшие в золотой фонд русской и мировой литературы. В них молодой Толстой поставил на первое место проблему народа, русского национального характера и вопросы кризиса крепостнических отношений.

За ситуацией в Чечне внимательно следили и революционные демократы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Они гневно осуждали царизм за его политику геноцида в крае.

Положение бедных горцев менялось, однако, медленно. Передовая российская культура проникала с трудом и встречала жестокое сопротивление со стороны главным образом религиозных фанатов. Неверно трактующих величайшую гуманистическую религию — ислам.

Вот строки из одной полной горечи и грусти чеченских песен тех лет:

Гордо стоите вы, горы высокие,
Как необъятны вы, горы высокие!
Сколько голодных сирот, обездоленных
Вы приютили на скалах заоблачных…

Если б из сердца я горе мог выплеснуть
В синее небо, то небо низверглось бы,
Рухнуло, землю покрыв необъятную, —
Так необъятно и горе мое!

Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула —
Так безысходна печаль моя тяжкая!..

Влияние российской культуры на Чечню и чеченцев

Вместе с великими писателями интерес к Чечне проявляли такие известные художники, как Г. Гагарин, Ф. Горшельд, Е. Лансере, Ф. Рубо, Л. Дмитриев-Кавказский и другие. Воспитывались собственно чеченские и ингушские деятели культуры, имеющие самые тесные контакты с Россией.

Среди деятелей науки и культуры России начали появляться первые чеченцы и ингуши. Один из них — художник Петр Захаров, вывезенный из соженного аула Дады-Юрт братом генерала Ермолова, мальчик воспитывался в Москве, в доме его родителей. Талантливый мальчик стал блестящим художников, академиком живописи, кисти которого принадлежат портреты выдающихся деятелей, пейзажи. Судьба П. Захарова вдохновила поэта М.Ю. Лермонтова к созданию образа Мцыри в своей одноименной поэме.

В научном и литературном кавказоведении стали известны имена вайнахских этнографов, историков, просветителей. Среди них Чах Ахриев, Умалат Лаудаев, Ахмед Базоркин. Свою этнографическую работу о чеченцах Умалат Лаудаев начал такими словами: «Из чеченцев, я первый пишу на русском языке о моей Родине, еще так мало известной». Учителями и наставниками первых выйнахских светских интеллигентов были такие именитые, благородные россияне, как П. Устлар, А. Берже, Н. Воронцов, Н. Семенов, В. Долбежев, Г. Вертепов, и многие другие.

Развитию единой российской культуры способствовали стремительные процессы оживления экономики. В составе России Чечено-Ингушетия быстрее интегрируется в единую экономическую систему, в единый рынок. Установились связи с черноморско-азовским и каспийским портами. Особое значение в развитии экономики и культуры имело строительство в 1875–1893 годах железнодорожной магистрали от Ростова до Петровска.

Заметными были успехи в развитии сельского хозяйства. 1876–1891 гг., то есть за 15 лет посевы пшеницы увеличились на 46 %, а посевы кукурузы за 5 лет (1888–1893) увеличились на 39 %; посевы

всех зерновых хлебов за эту же пятилетку возросли на 21 %. Так же улучшалась и укреплялась животноводческая отрасль. К концу XIX века Грозненский округ занимал в Терской области первое место по количеству крупного рогатого скота.

Наиболее предприимчивые и состоятельные верхи чеченцев и ингушей выступали в роли крупных оптовых торговцев, вывозили свои товары на знаменитую Нижегородскую ярмарку и таким образом устанавливали связи с русскими купцами. Были и такие из среды нарождающейся чеченской буржуазии, которые вкладывали свой капитал в промышленное производство. Сколачивалась довольно состоятельная группа чеченской буржуазии. К таким представителям национальной буржуазии относились, в частности, Тапа Чермоев — крупный нефтепромышленник, миллионер, Баширов — владелец паровой мельницы в Грозном, хлебный король; Мациев — хозяин черепичного завода; Цугиев — другой крупный заводчик; владельцы Староюртовского общества «Нефть».

Чеченское и ингушское купечество начинало все больше и больше прибирать торговлю к своим рукам. Растет не только внутренняя, но и внешняя торговля. Данные о ввозе и вывозе товаров конца XIX века — начала XX века показывают, что Чечено-Ингушетия имела довольно прочные рыночные связи с такими индустриальными центрами, как Приазовье, Черноморье, Донбасс, Московский промышленный район, промышленные районы Закавказья, Средней Азии, Поволжья и даже Урала. Из Чечено-Ингушетии вывозились преимущественно нефть, сырье, а ввозились главным образом промышленные изделия.

Чеченцы и ингуши все больше сливались с российской культурой, изучали русский язык, посредством которого приближались к достижениям мировой цивилизации. Особенно эти процессы были заметны в городах и главным образом в Грозном. Население Грозного за период с 1872 по 1897 год, то есть за 25 лет увеличилось почти в шесть раз — с 2615 до 15 564 человек. Добыча нефти в Грозненском районе за 10 лет (1893–1902) увеличилась в 4,3 раза — с 8 до 35 миллионов пудов, а к 1917 году она достигла уже 109,6 миллионов пудов.

Под влиянием передовой российской культуры формировались демократические взгляды местных просветителей Адиль-Гирея Долгиева, Ассадуллы Ахриева, Таштамира Эльдарханова.

На всем Кавзазе известно имя выдающегося композитора Муслима Магомаева, деда известного современного певца-тезки.

В 1859 году в Чечне побывал знаменитый французский писатель Александр Дюма. Думал о Кавказе и Чечне его современник Л. Н. Толстой. Об этом свидетельствуют его строки из письма А. Фету: «Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горцах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные. Нет-нет и перечитываю». Своей любовью к горской поэзии он заразил Фета, и тот сделал переводы двух чеченких песен: «Высохнет земля на могиле моей» и «Ты, горячая пуля, смерть носишь собой».

Вдохновлялись кавказской темой и другие. Маринист Айвазовский настолько был покорен красотой кавказских гор, что написал большое полотно «Алхан-Юрт». Отец, а затем и сын Лансере создали — один в бронзовых статуэтках, а другой в графике — талантливые произведения из жизни казаков и горцев, изумительные по мастерству иллюстрации к «Казакам» и «Хаджи-мурату». Были созданы монументальные полотна «Пленение Шамиля» и картина «Смерть генерала Слепцова», принадлежавшего кисти автора знаменитых панорам «Оборона Севастополя» и «Бородинский бой» русского живописца Ф. А. Рубо.

Эти и другие писатели, ученые, художники, поэты продолжали просвещать российское общество в отношении кавказских народов, оказывая огромное влияние на воспитание местной интеллигенции. Известный русский ученый был уверен в том, что «русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже умственное, бесконечно важны для Кавказа…»

Он был уверен в том, что только образование, культура, сделают то, что не могут делать пушки и сабли.

Как свидетельтсвуют источники, летом 1862 года Услар организовал в крепости Грозная школу для обучения чеченцев родному языку.

На любительских спектаклях, игравшихся здесь, ставились пьесы А. Островского, других русских классиков.

Увеличивалось число преподавателей-чеченцев. Вайнахи были даже среди преподавателей музыки.

1 марта 1867 года в Грозном было открыто женское бесплатное училище. В нем обучалось 200 учениц, и оно было преобразованно в гимназию.

В 1876 году было создано театральное общество, затем общество хорового пения. Грозный посещали знаменитые артисты Чарский, Дауров, Лола, Васильев-Вятский и другие.

На строительстве железной дороги к Г розному побывали писатели М. Горький и С. Серафимович. Результатом этой поездки стали рассказ Г орького «Ущелье» и рассказ Серафимовича «Лихорадка». Все эти контакты оказывали громадное влияние на развитие культуры собственно чеченского и ингушского народов.

З. Алиева, С-Х. Нунуев

Чеченцы в Великой Отечественной Войне

Вероломное нападение фашистской Германии, как и во всей нашей стране, вызвало в республике справедливый гнев народа. Чеченцы и ингуши, как и все народы нашей страны, выразили готовность с оружием в руках защищать свою Родину, ее честь и независимость. Во всех городах, селах, аулах Чечено-Ингушетии состоялись массовые митинги, на которых трудящиеся самых разных национальностей заявили о необходимости дать отпор врагу и направить все свои силы на его быстрый разгром.

Заявления в военкоматы от добровольцев начали поступать сразу же после объявления по радио о начале войны.

Так, газеты тех лет описывали, например, уход на войну братьев Бейбулатовых из селения Осман-Юрт Чечено-Ингушетии. Прощаясь с матерью, старший брат Ирбайхан сказал ей: «Мать, в нашем доме не останется мужчины, все мы уходим на войну. Я знаю, трудно в доме без мужчины… Но имею ли я право остаться с тобою? Посмотри мне в глаза, мать, и скажи: будешь ли ты любить сына, который в час роковой опасности домашний очаг поставит выше счастья народа? Я знаю тебя, что ты согласишься скорее видеть меня мертвым на поле боя, чем живым, спрятавшимся от сражения». И мать в ответ сыну сказала: «Ты уходишь на войну, оставляешь мне гордость, но не слезы».

В июле 1941 г. в стране началось формирование отрядов народного ополчения. Практически это была вторая волна мобилизации.

В Чечено-Ингушетии в это движение включилось население практически всех городов, крупных селений, многих аулов. 4 июля

1941 г. было принято решение о создании в Грозном, Малгобеке и Гудермесе подразделений народного ополчения. С 4 по 12 июля с просьбой о зачислении в него обратились сотни жителей республики.

На 14 июля 1941 г. в народное ополчение Чечено-Ингушетии записалось 17 тысяч человек.

Были приняты меры к укомплектованию вновь созданных частей ополчения командными и партийно-политическими кадрами.

Результат мобилизации был высоким. Из Чечено-Ингушетии в годы войны было призвано в действующую армию более 18 500 представителей чеченского и ингушского населения республики. Причем две трети из них ушли на фронт добровольцами. К тому же в кадровых частях к началу войны насчитывалось не менее 9 000 человек. Таким образом, чечено-ингушский народ отправил на защиту Отчизны 27 500 человек, что составляло более 6 % от всего населения республики. Это без учета 17 000 человек, которые находились в народном ополчении по защите Грозного и его окрестностей.

Совершенно новая ситуация на Северном Кавказе сложилась в условиях неудач Красной армии в ходе весенне-летней кампании

1942 г., когда противнику удалось вплотную приблизиться к Кавказу.

Академик А. М. Самсонов справедливо отмечал, что главными причинами неудач этого периода на фронте были не столько объективные, сколько субъективные причины. Сталин посчитал, что в ходе весенне-летней кампании 1942 г. враг вновь нанесет главный удар на западном направлении, как это было в 1941 г., с учетом этого были размещены и резервы Красной армии. Стратегической же задачей гитлеровского командования на 1942 год было широкомасштабное наступление на юго-западном направлении с целью прорыва обороны Красной армии и овладения нижней Волгой и Кавказом.

30 августа 1942 г. в печати Чечено-Ингушетии появилось принятое накануне обращение обкома ВКП (б), СНК республики, Грозненского горкома партии и городского Совета депутатов трудящихся ко всем трудящимся Грозного и Чечено-Ингушетии с призывом: «Трудящиеся, поднимайтесь на защиту города Грозного! Опоящем наш город стеной неприступных оборонительных рубежей…».

Непосредственная угроза, нависшая над родным городом и независимостью народов, мобилизовали трудящихся республики на строительство оборонительных сооружений на Тереке и подступах к Грозному. Общая численность участников этих работ составляла свыше 40 тысяч человек.

Большая помощь была оказана населением Чечено-Ингушетии военному командованию в строительстве и ремонте дорог.

Наступление противника на Северном Кавказе продолжалось. Создалась реальная угроза прорыва вражеских танковых групп к Грозному, Туапсе и Новороссийску. По приказу Ставки Верховного главнокомандования были приняты все меры для создания сплошного фронта обороны на рубеже рек Терек и Баксан.

Власти национальных автономий Северного Кавказа мобилизовали практически все население своих республик и областей на строительство оборонительных сооружений.

В эти дни Ставка Верховного главнокомандования принимала все возможные меры по наращиванию помощи Кавказу. В связи с блокированием противником основных транспортных артерий, переброска военных подкреплений и материальных ресурсов осуществлялась морским путем через Астрахань и Махачкалу.

Несмотря на все прилагавшиеся усилия, удар немцев был столь стремителен, что в начале сентября противнику удалось форсировать Терек и после двухнедельных боев захватить Малгобек. Отсюда они предполагали начать наступление на Грозный, а затем на Махачкалу и Баку. Оборонительная операция советских войск по линии Моздок — Малгобек сыграла существенную роль в срыве планов противника по захвату Грозненского и Бакинского нефтяных районов.

В те трагические дни пожарные команды Грозного, готовившиеся к возможному его захвату противником, залили нефтью 28 километров противотанковых рвов, пропитали нефтью 9 километров соломенного вала, залили нефтью места проходов танков общей площадью один миллион квадратных метров.

За самоотверженный труд многие трудармейцы были удостоены правительственных наград. Около тысячи человек были награждены почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧИ АССР. Тысячи активных участников строительства оборонительных рубежей были награждены медалью «За оборону Кавказа».

Высоких правительственных наград были удостоены также многие представители чеченского и ингушского народов, которые сражались на различных участках фронта. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 г. чеченец Ханпаша Нурадилов, уничтоживший 920 немецких фашистов, посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. По мнению военного историка Х.-М. Ибрагимбейли, всего в годы Великой Отечественной

войны 36 воинам — чеченцам и ингушам — было присвоено звание Героя Советского Союза. Но есть и другие данные о численности Героев Советского Союза из числа чеченцев и ингушей. Например, И. П. Рыбкин, будучи секретарем Совета Безопасности РФ, отмечал, что «к концу войны было 56 Героев Советского Союза. Это только среди тех, кто говорил: «я — чеченец, я — ингуш». Но были и чеченцы, которые, чтобы получить высокое звание Героя, называли совсем другую национальность».

В последующие годы, с учетом принятых в 1943–1944 гг. политических решений о судьбах ряда народов Северного Кавказа, стало вдруг «немодным» и даже опасным вслух говорить о тех страницах истории войны, в которых горские народы представали активными участниками антигитлеровского сопротивления.

Так, долгое время умалчивалась героическая роль, которую наряду с представителями других народов сыграли чеченцы и ингуши в обороне Брестской крепости. Лишь благодаря большой поисковой работе, проведенной писателем Халидом Ошаевым, а также историками-краеведами, работниками музея Брестской крепости П. И. Королевым, М. И. Глязером, И. И. Караваевым и другими удалось установить, что в обороне крепости принимали участие не менее 240 чеченцев и ингушей.

Что же касается территории Чечено-Ингушской АССР, то за исключением оккупации города Малгобека и нескольких станиц, она не была захвачена врагом. Никаких антисоветских, буржуазно-националистических воинских формирований, легионов или организаций из чеченцев и ингушей не создавалось, как не было и восстаний, о которых распространяли слухи бериевские палачи. Чеченцы и ингуши никогда не стали бы верноподданными германского рейха, потому что тираническая власть противоречит самой природе вайнахов.

Грабежи и злодеяния на территории республики совершали отдельные предатели, уголовные преступники. Они грабили и убивали своих же земляков — чеченцев, ингушей, представителей других национальностей, председателей сельсоветов, колхозов, партийных и советских работников. 22 ноября 1942 года колхозники с. Гуни Веденского района вступили в бой с напавшими на животноводческую ферму «Красный животновод» бандитами. В этом бою погибли

колхозники — чеченцы А. Хамбахадов, А. Атаев, В. Джамалуев, М. Вахабов. В сентябре 1942 г. фашисты сбросили в высокогорные районы три десанта общей численностью до 40 человек. 2 октября 1942 г. на парашютах спустились еще пять диверсантов. Все они были выловлены в течение полутора суток с помощью местных жителей и ликвидированы. В некоторых районах СССР, оккупированных фашистами, удельный вес населения, сотрудничавшего с ними, был несравнимо выше, чем в национальных автономиях Северного Кавказа.

Таким образом, опыт участия трудящихся национальных автономий Северного Кавказа в боевых действиях и партизанском движении наглядно показывает, что основой военных успехов на фронте и в тылу было морально-политическое единство советского народа. Представители всех наций и народностей упорно сопротивлялись врагу вне зависимости от того, какую часть единой советской Родины они защищали.

Х. Такаев, С.-Х. Нунуев

Исторические личности ЧЕЧНИ

Первый президент Ахмат-Хаджи Кадыров

История знает и антигероев, преследовавших корыстные, узкогрупповые, клановые интересы, спекулируя на трагедии народа, осуществляя свою политику от его имени, хотя такого делегирования они и не получали. Современная история чеченцев изобилует такими «героями», именно они проповедовали сомнительные этнополитические ценности, что стало причиной изоляции народа от окружающего мира, способствовало внутринациональной и межнациональной конфронтации и в конечном итоге ввергло Чечню в жестокую трагедию.

Герои всегда служат достойным примером для подражания, предметом историко-философского, политологического и культурологического анализа, фиксируемого в научных студиях, художественных произведениях, театральных постановках. Историческая память сохраняет и неблаговидные деяния антигероев, предательство ими интересов народа, что делает их негативным примером для подрастающих поколений.

Адекватная научная или художественная реконструкция исторической личности — задача далеко непростая, поскольку взявшемуся за это ученому, писателю нужно учесть сложный клубок противоречивых событий, в контексте которых жил, боролся, созидал, переживал человек. Очень часто научное и художественное творчество, нацеленное на историческую или современную реконструкцию, остается поверхностным, схематичным, субъективным. Словом, анализ, оценка, понимание личности мало того, что бывают неполными, но и приобретают социальный феномен и его интерпретация — это сложное переплетение субъективных и объективных факторов.

Тем не менее задача исследователя заключается в том, чтобы стремиться воспроизвести полную картину социальной эпохи, ее влияние на личность, а также в целостной форме реконструировать ее образ. На основе этих методологических соображений следовало бы осуществить анализ жизни и деятельности Ахмата-Хаджи Кадырова, который в час жестокого испытания для своего народа встал на защиту его жизненно важных интересов, решительно противодействуя силам зла и насилия. Это очень колоритная, убежденная в своей правоте личность действовала в «эпоху перемен», сопряженную с трудностями, коллизиями, резким оскудением духовно-культурной шкалы человеческого бытия.

Он прилагал огромные усилия для вывода чеченского народа из кризиса (в котором тот оказался не без предательства антигероев), поставив целью дать ему новую этнополитическую, этнокультурную перспективу. Своим поведением, веским и убедительным словом, принципиальностью и честностью он развенчивал ложь, клевету, возводимую на народ. Думается, что именно в этом для А. Кадырова и заключалась национальная идея.

Если существует народ, обладающий собственной культурой, этнопсихологическими и ментальными особенностями, осуществляющий социокультурные коммуникации с окружающим миром, то этот народ имеет осознанное понимание или смутное представление о своей судьбе, настоящем и будущем. Задача интеллектуалов состоит в том, чтобы в логике понятий, то есть теоретически, осуществить реконструкцию складывающейся социально-психологической и духовно-культурной ситуации в народе.

Именно так, на наш взгляд, формируется национальная идея любого этноса, а стало быть, и чеченского народа.

История рода А. Кадырова в прошлом не знала политических, государственных деятелей, но из него вышли известные в Чечне религиозные деятели. Например, предок А. Кадырова Ильяс был последователем и векилем Кунта-Хаджи. В феврале 1864 года вслед за своим устазом он подвергся царской властью аресту и ссылке. Ахмат-Хаджи, следуя родовой традиции, готовил себя к духовной деятельности, еще в годы советской власти он получил религиозное образование у местных мулл, учился в медресе в Бухаре, Ташкентском мусульманском институте, а в постсоветский период, продолжил обучение на шариатском факультете университета Хашимитского Королевства Иордании.

Основательная духовная подготовка способствовала признанию его как профессионального мусульманского теолога, назначению заместителем муфтия, а затем, в 1995 году, и муфтием мусульман Чечни. Этот момент совпал с первой военной кампанией в Чечне, когда среди мусульманского духовенства не было единого мнения по вопросу российско-чеченского конфликта.

Сопротивление чеченцев ельцинской политике «наведения конституционного порядка в Чеченской Республике», сопровождавшейся ракетно бомбовыми ударами, разрушившими города и села, экономику и социальную сферу, приведшими к массовой гибели гражданского населения, Ахмат-Хаджи признал «газаватом» и призвал народ к решительному противодействию армии, развязавшей гражданскую войну на территории бывшей ЧИ АССР. Этой своей позицией он выражал настроение значительной части чеченского населения, не увидевшего в федеральных войсках и командирах освободителей от диктаторского режима Д. Дудаева, кстати, насажденного в Чечне руководством России.

Августовские события 1996 года, вывод федеральных войск из Чечни, создание военно-полевых судов — что произошло при поддержке ичкерийских «победителей», — укрепление религиозного экстремизма, борьба религиозных радикалистов против традиционного духовенства, не поддерживавшего «чеченскую революцию» и религиозный экстремизм, убеждали Ахмата-Хаджи в

бесперспективности шариатизации всей Чечни и конфронтации с Российским государством.

В сентябре-октябре 1996 года экстремисты в Ичкерии фактически превратились в мощную, влиятельную в политико-идеологическом, военном и финансовом отношении силу. Что касается представителей традиционного ислама, то они были оттеснены на периферию общественной и политической жизни, хотя их духовное влияние на верующих было достаточно сильным. Ахмат-Хаджи Кадыров как человек, сформировавшийся на основе ценностей традиционного ислама, а также в рамках идейно-политической системы координат советского общественного строя, в психологическом, политическом и духовном плане был противником идеологии и практики экстремизма в любой форме.

Среди представителей традиционного чеченского духовенства он первым стал подвергать открытой критике деятельность вооруженных сепаратистов. В 1996–1998 годах в своих многочисленных выступлениях по телевидению, на страницах газет и журналов, Ахмат-Хаджи предупреждал общество и государство об угрозе, исходящей от религиозных радикалистов и политических экстремистов. Но народ и власть, в том числе федеральная, не воспринимали с должной ответственностью эти предупреждения, не до конца чувствовали тревогу, которая звучала в его высказываниях.

В целях организации идеологического противоборства религиозному экстремизму, активно распространяющемуся в регионе при поддержке «ичкерийских идеологов», А. Кадыров организовывает и проводит Конгресс мусульман Северного Кавказа. На конгрессе был создан Координационный центр во главе с муфтием Ингушетии Албогачиевым для «объединения усилий представителей духовенства Северного Кавказа в борьбе с радикалистами и экстремистами. Антиваххабитская деятельность муфтия Кадырова мобилизовала экстремистов в их намерении уничтожить его, следствием чего стали преследования и многочисленные покушения против Ахмата-Хаджи, в результате которых гибли его ближайшие родственники.

В период ичкерийского безвременья происходит заметная трансформация политической позиции и политических воззрений А. Кадырова. Несмотря на то что некоторые исследователи упрекают его в непоследовательности, принципиально важно отметить, что эта

трансформация не является сиюминутной, спонтанной. Она — результат длительных размышлений, анализа масхадовского режима, приведшего к снижению уровня духовно-нравственной культуры этноса, доминированию иррациональных, бездумных установок, к интеллектуальной и нравственной деконструкции личности, криминализации социума.

От позиции политического сепаратизма А. Кадыров эволюционирует к осознанию необходимости возвращения Чечни и чеченцев в социокультурное, правовое пространство Российской Федерации. Чем обьяснить, такую политико-философскую метаморфозу? Она, безусловно, продиктована желанием вывести народ из политического тупика, изоляции, куда завели его ичкерийские лидеры и их хозяева, спасти многострадальный народ от возможного физического уничтожения или полного рассеяния.

Обладая личным мужеством, воспитанный на лучших традициях своего народа, Ахмат-Хаджи не мог мириться со страусиной политикой Масхадова, находившегося в окружении полевых командиров, экстремистов, террористов, многие из которых прибыли в «самостийную Ичкерию» «для ловли счастья и чинов». На этой почве Кадыров разошелся с Масхадовым. Окончательно разрыв этот оформился в начале августа 1999 года, что было связано с провокационным походом ваххабитов Кебедова, боевиков Басаева и Хаттаба в горный Дагестан.

В 1999–2000 годах деятельность А. Кадырова направлена на остановку войны, предотвращение разрушения Гудермеса и других населенных пунктов Чечни. Народ, которому совершенно не нужна была война, решительно поддержал политику Кадырова. Его искреннее желание погасить пламя войны, открытая политика, признание необходимости нахождения Чечни в составе многонационального Российского государства, некоррумпированность явились основанием того доверия, которое было ему оказано президентом России. Находясь на посту главы администрации, а затем и президента Чеченской Республики, он сполна оправдал это доверие.

Если говорить об основных вехах его политической и государственной деятельности, то нельзя не выделить такой значимый ее этап, как разработка проекта Конституции ЧР, подготовка и проведение 23 марта 2003 года общенационального референдума, на

котором была принята Конституция ЧР, согласно которой республика признавалась субъектом Российской Федерации. В вопросе о политическом статусе Чечни был сделан правовой поворот от сепаратизма к возвращению ее народа в конституционное поле единого многонационального Российского государства. Это политическое событие явилось основанием для снижения насилия и давления на население со стороны военных и активного противостояния силам сепаратизма, сторонникам разрушения России.

За короткий промежуток времени Ахмат-Хаджи Кадыров многое сделал для возрождения экономики, социальной сферы Чеченской Республики, обеспечения безопасности гражданского населения, восстановления достойного имени чеченского народа как народа-труженика. А Кадыров, как никто другой, знал свой народ, гордился им. В этой связи вспоминаются слова А. Пушкина — «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Для Ахмата-Хаджи такое отношение к истории своей родины было само собою разумеющимся, и он неустанно и героически боролся против всех, кто унижал его народ. Хотелось бы напомнить читателю его знаменитые слова, произнесенные на телепередаче «Свобода слова» и облетевшие весь мир: «Я не позволю издеваться над моим народом ни генералам, ни боевикам!» Сказать такое и добиваться этого мог лишь гражданин, убежденный в своей правоте, крепко стоящий на национальной почве, взращенный духом и культурой народа, патриот своей республики и общего Отечества. Естественно, такая позиция и лидерские качества, изо дня в день демонстрируемые А. Кадыровым, не могли устроить его врагов.

Оценивая жизнь и деятельность А. Кадырова, глава государства В. Путин признал в нем абсолютно цельную личность. Высказался по поводу того, что он ушел непобежденным, прикрывая собой Чечню и чеченцев, и достоин уважения народ, воспитавший такого сына. В этих словах заложен большой смысл, воспроизведение которого позволит дать исследователям более полный и содержательный социально-психологический и духовно-нравственный портрет Кадырова. Здесь есть над чем поразмышлять ученым, писателям.

Кадыров был открыт для всех. Вся его жизнь свидетельствует о его стоическом характере, наличии в нем нравственно-

гуманистических качеств. Он без колебаний отдал свою жизнь во имя спасения чеченского народа, избавления его от возможного физического уничтожения.

Мусульманский теолог и философ Абу Хамид аль-Газали утверждал, что «человек не создан ради шутки или случайно, но сделан великолепно и для великой цели». Мне представляется, что в этих словах маркируются качественные стороны характера А. Кадырова.

Подводя итог своим размышлениям о личности Ахмата-Хаджи, не могу не отметить, что, хотя очень много говорят о пути Кадырова, он, с моей точки зрения, недостаточно вербализован, то есть не интерпретирован, а стало быть, не зафиксирован в письменной форме в качестве некоего рационально осмысленного документа. А то, что написано о нем, к сожалению, лишь по касательной соотносится с его мыслями, действиями, и, наконец, с духовными устремлениями его личности. И в этой связи мне хотелось бы изложить некоторые свои практические рекомендации: анализируя, описывая жизнь и деятельность А. Кадырова, нельзя допускать легковесности — будь то в телепередачах, книгах, в памятниках ему. Суть и масштаб личности Ахмата-Хаджи, его деяния требуют и соответствующего отношения ко всему, что связанно с его именем.

Этот патриот, мужественный человек, ни при каких ситуациях не терял достоинства и чести. Он умел думать о людях. Нет ни одного случая, чтобы он обидел слабого. О нем нужно говорить, писать, но надо делать это, не раболепствуя, соблюдая меру, умно и достойно.

Полагаю, что именно такая позиция была бы им самим и одобрена.

В. Акаев

Александр Чеченский

Они познакомились и стали друзьями на всю жизнь еще в юные годы: поэт и воин — Денис Давыдов и гордый сын Кавказа — наш земляк из Алдов Александр Чеченский, вероятнее всего, встреча произошла на Украине в Каменке — в родовом имении Давыдовых. Сюда к своей матери Е.Н. Раевской — во втором замужестве Давыдовой — привез Н.Н. Раевский, будущий генерал, герой Отечественной 1812 года, чеченского мальчика, оставшегося без родителей.

Раевский, служивший в то время на Кавказе прапорщиком, сам после смерти отца испытавший сиротство, проникся жалостью к чеченскому мальчику и добился, чтобы маленького горца отдали ему на воспитание. Просьбу уважили, и молодой прапорщик стал крестным отцом Александра Чеченского. Деятельное участие в судьбе приемного внука приняла и сама Е. Н. Давыдова.

Нелегко сложились первые годы жизни и у Дениса. Отца его, воина, закаленного в походах под знаменами Румянцева и Суворова, при воцарении на престоле самодура Павла I, осудили по делу, которому придали политическое значение. Имение было взято в казну, семья, по сути дела, впала в нищету. Юный Давыдов на всю жизнь проникся ненавистью к тирании и первыми его произведениями были басни, в которых порицались порядки, существовавшие не только при Павле I, но и при Александре I. Его произведения «Орлица, Турухан и Тетерев», «Река и Зеркало», «Голова и Ноге» ходили в списках. Впоследствии их широко использовали в целях политическойческой пропаганды декабристы.

Однако, несмотря на тягу к поэзии, Денис Давыдов истинным своим призванием считал военную службу. К этому он пришел в девять лет, когда в 1793 году встретил А. В. Суворова, возвращавшегося на саврасом калмыцком коне с маневров. На вопрос великого полководца, любит ли он солдат, девятилетний сын полкового командира с восторгом ответил: «Я люблю Суворова, в нем все: и солдаты, и победа, и слава». «О, помилуй Бог, какой удалой! — произнес Суворов. — Это будет военный человек». И не ошибся.

Денис Давыдов и Александр Чеченский были друзьями-одногодками. И вполне возможно, что стремление Давыдова на военную службу вызвало такое же желание и у Чеченского. Раевский не стал возражать.

Денис и Александр были определены в гусарские полки. Когда Наполеон двинул армаду своих войск на Россию, главным делом их жизни стала организация глубоко в тылу врага армейского партизанского движения. План его созрел у Давыдова еще до Бородинского сражения. Через генерала П. И. Багратиона, у которого Денис пять лет служил адъютантом, он изложил свой замысел главнокомандующему М. И. Кутузову, и тот одобрил его.

Одним из тех, кого выбрал Денис для действий в тылу врага, стал ротмистр Чеченский — командир Бугского казачьего полка. Давыдов дает выразительную характеристику нашему земляку: «Черкес, вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России (в то время всех горцев Кавказа называли или черкесами или чеченцами. — Ред.). Росту малого, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного; характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решительности мгновенных».

Уже на пятый день после вступления Наполеона в Москву враг почувствовал удары партизан. Они громили на дорогах обозы противника, доставлявшие боеприпасы, снаряжение, продовольствие основным силам французов, захватывали почту, штабные документы. Всего месяц продержался Наполеон в древней столице России, а потом началось бесславное отступление его оборванной, истощенной голодом, изнуренной стычками с партизанами армии.

Давыдов со своими командирами и подчиненными им подразделениями стали захватывать и очищать от противника целые

города. И в рапортах в штаб главнокомандующего очень часто значилось: «Отличился командующий Бугским казачьим полком ротмистр Чеченский, это его привычка». Громя врага, друзья дошли до Парижа.

После возвращения из зарубежных походов жизнь у них сложилась не так, как бы хотелось. Правда, и Чеченский, и Давыдов все же дослужились до генерал-майоров, но Давыдовым явно пренебрегали. Обходили наградами, он по-прежнему считался неблагонадежным. В 1823 году Дениса уволили в отставку, а через год ее получил и его друг Александр.

А. Казаков

Таштемир Эльдарханов

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов родился 1 апреля 1870 года в селении Гехи Урус-Мартановского района, в семье крестьянина-середняка. Отец Таштемира Эльжурка был трудолюбивым человеком и пользовался среди односельчан большим уважением за свою справедливость. И своих детей он приучал быть честными и трудолюбивыми.

В семилетнем возрасте Таштемир был определен учиться в сельскую арабскую школу, после окончания которой он попросил отца отдать его в Грозненскую русскую школу. В Грозном мальчик проявляет исключительные способности в учебе и по окончании школы поступает во Владикавказское ремесленное училище. В годы учебы во Владикавказе Таштемир во время каникул приезжал в родное селение, бывал в соседних аулах. Ему больно было видеть неграмотность своего народа. В связи с этим по окончании Владикавказского ремесленного училища он решил стать народным учителем и деятельно готовил себя для поступления в Тифлисский учительский институт. В 1889 году Таштемир Эльдарханов поступает на 1-й курс. Годы учебы в институте не пропали даром. Он усиленно читает русскую и иностранную литературу, еще студентом занимается изучением чеченской народной словесности, много работает в архивах

Тифлиса и Владикавказа, собирает материалы по истории и этнографии, а также записывает легенды и сказания чеченского народа. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», изданном в 1900 году, он опубликовал свои переводы на русский язык чеченских сказок.

В 1893 году Эльдарханов успешно окончил Тифлисский учительский институт и получил звание народного учителя. Итак, сбылась его заветная мечта — Таштемир становится народным учителем. В том же 1893 году он назначается учителем-надзирателем горских школ города Майкопа, где практически изучает школьное дело, посещает уроки лучших учителей, много читает, совершенствует свое педагогическое мастерство. Под руководством Эльдарханова получили воспитание адыгейцы Сиюхов Сефербей Хацуевич и Нефляшев Хауд. В городе Майкопе Эльдарханов работает пять лет. В 1898 году его переводят в Грозненскую горскую школу учителем. Глубоким знанием дела и педагогическим мастерством Эльдарханов завоевывает авторитет среди учителей и учащихся, он являет собой редкий пример педагога, умевшего разумно сочетать требования неуклонной школьной дисциплины с сердечным отношением к учащимся.

Эльдарханов не входил ни в какие партии, но не мог не принимать близко к сердцу те обиды и унижения, которым подвергался его родной народ со стороны царского правительства.

К революции 1905 года Эльдарханов относился сочувственно. Когда в Грозном и на нефтепромыслах начались стачки и забастовки, он посещал рабочие собрания, слушал выступления руководителей стачек, обсуждал с товарищами смысл происходивших событий. Это была его первая школа революционной борьбы.

6 августа 1905 года был опубликован манифест о созыве совещательной Государственной думы. Рабочие и громадное большинство крестьян на деле были лишены права участвовать в выборах. Совещательная булыгинская дума была сметена Всероссийской Октябрьской стачкой еще до своего открытия. Николай II вынужден был 17 октября 1905 года издать манифест, по которому Дума получила законодательные права, а к участию в ней привлекались более широкие слои населения. Таштемир Эльдарханов, как учитель-интеллигент, был избран членом I Государственной думы

от малых народностей Терской области: чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин и кумыков. В Думе громадное преобладание имели помещики и капиталисты, поэтому она не могла удовлетворить требований малых горских народов, как и миллионов рабочих и крестьян России. Эльдарханов правильно использовал думскую трибуну для разоблачения преступной политики царизма в отношении малых народностей. Он гневно бичевал бюрократизм царских сатрапов и чиновников.

С думской трибуны 12 июня 1906 года Эльдарханов говорил: «… мы с первых уже дней присоединения к России очутились в лапах всесильной бюрократии. Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах его, и в деле смягчения нравов и обычаев народа ими не сделано буквально ничего».

Царские власти жестоко подавляли малейшее недовольство горских народностей. «Разоружение мирных жителей, экзекуция, штрафы, высылки невинных людей без суда и следствия — вот их меры», — указывал Таштемир Эльдарханов.

Царское правительство намеренно сохраняло невежество, бескультурье и неграмотность среди горских народов с тем, чтобы легче было их угнетать. Об этом Эльдарханов говорит, что в Чечне «за пятидесятилетний промежуток времени были открыты только две школы для детей полумиллионного населения».

Эльдарханов проводил активную борьбу за мирные отношения и дружбу между народами Кавказа. С трибуны Думы он разоблачает представителей царских властей: «Все те отрицательные явления, которые совершаются на Кавказе, как-то столкновение наций, которые до последнего времени да и теперь не питают друг к другу никакой вражды, отношения эти — плод провокации наших недоброжелателей, наших отцов-бюрократов. До тех пор, пока Кавказ не будет освобожден из плена полицейской бюрократической власти, ждать того, что там не будут иметь места такие печальные явления, как события в Закавказье, — не основания».

В 1906 году царские чиновники проводят среди отсталой части чеченского и ингушского народа вербовку в отряды для подавления революционного движения в центральных районах России. Они сулили вербовавшимся знаки отличия, почетную службу,

чинопроизводство, а в действительности хотели подготовить из них погромщиков.

Администрации удается завербовать из всей массы чеченского и ингушского народов лишь 200 стражников. Чечено-ингушский народ выразил свой гневный протест против этих позорных действий ее, а тех, кто вступил в стражу, проклял и против них в мечетях читались молитвы: «Дай, Аллах, чтобы все погибли, никто из вас не возвращался бы назад за то, что вы хотите позорить свой народ, накликать беду на его голову».

23 июня 1906 года Эльдарханов выступает на заседании Г осударственной думы и клеймит позором царское правительство: «Наряду с именами палачей современного освободительного движения, которые нагайками и расстрелами стараются заглушить самосознание крестьян, впервые стали произносить имена горцев Терской области: чеченцев, ингушей и осетин, которые в качестве ревнивых оберегателей имущества помещиков творят суд и расправу над бедными крестьянами, братьями своими по нужде и бесправию.

Можно подумать, что они проливают кровь ради удовольствия, что в природе есть кровожадность.

Я категорически отвергаю перед лицом Г осударственной думы это предположение и заявляю, что горцы Кавказа жаждут мирной и спокойной жизни и ни явной, ни скрытой вражды к кому бы то ни было не питают, что свободолюбивые горцы ничего общего не имеют с горстью несчастных сыновей своих, по неведению играющих позорную роль черносотенцев».

Чтобы ослабить революционные настроения горцев, царское правительство всемерно стремилось поддерживать антагонизм между народностями, натравливая их друг на друга и организуя братоубийственные столкновения. В 1906 году атаман Сунженского отдела генерал Суровецкий, имея с собой три сотни сунженских казаков, батальон пехоты Апшеронского полка и пулеметную роту под начальством подполковника Попова, устроил кровавый погром в ингушском селении Яндырка, во время которого было убито 6 и ранено 33 ингуша. В том же году в городе Грозном вооруженная толпа под покровительством местных властей и войск во главе с генералом Алихановым организовала кровавую расправу над мирным чеченским населением.

Таштемир Эльдарханов гневно выступает против этих кровавых злодеяний царских властей.

I Государственная дума не оправдала надежд царского правительства и 8 июля 1906 года была разогнана. Таштемир Эльдарханов возвращается в Г розный, где продолжает свою педагогическую деятельность.

6 февраля 1907 года на Терском избирательном собрании от крестьянских и городских выборщиков он снова избирается в члены II Государственной думы.

Этот период характеризуется уже спадом революции в России, но крестьянские массы еще верят в возможность получения земли через Думу.

Аграрное движение в Чечне, через голову царских сатрапов вылилось в 1905 году в форму широких вооруженных выступлений в различных аулах. И это не случайно. Земельный вопрос в то время продолжал быть чрезвычайно острым среди наиболее обездоленных хищничеством царизма чеченцев и ингушей, которым приходилось на своих клочках земли буквально «делать хлеб из камня». Даже член Государственной думы от Терской области А. М. Маслов, питавший ненависть к горским народностям, в своей речи, произнесенной 5 июля 1906 года на заседании Государственной думы, вынужден был заявить: «Я депутат Терской области, с Кавказа, с того Кавказа, который в центральной России привыкли называть «погибельным Кавказом». До сих пор многие не давали себе отчета, почему такое прилагательное давали Кавказу, и я сам этого не знал. Последние события, которые там совершились, дают основание мне думать, что это название Кавказа есть пророческое. Кавказ назвали погибельным, то есть обреченным русским правительством на гибель. Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе, и в частности на Терской области. Она населена казаками, туземцами и пришлыми русскими, так называемым народом иногородним. Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении.

Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, например, чеченцев: одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины. Если вы спросите, сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля стоит

там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют». Даже специальной комиссией кавказской администрации по исследованию землепользования в Терской области, созданной в связи с аграрным волнением в Чечне, было установлено, что только 10 % наличного населения горной Чечни могло существовать на занятой им территории. Основная же масса населения (90 %) не имела совершенно земли.

На заседании сессии II Государственной думы Эльдарханов останавливал внимание членов Думы на земельном вопросе в Терской области, он ставит вопрос, как утолить земельный голод многомиллионного крестьянства, с думской трибуны говорит о тяжелом положении народа в Терской области: «Вся область делится на две части: на плоскостную и на горную. В плоскостной части острую земельную нужду испытывают чеченцы и ингуши, имеющие на одну мужскую душу от двух до трех десятин земли, считая в том числе и неудобные. Но трудно себе представить более худшие условия, какие имеются налицо в нагорной полосе области.

…Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой горной природой, а в итоге полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе».

В этой же речи Эльдарханов разоблачает царское правительство, незаконно расхищающее природные богатства, принадлежащие горцам, и требует, чтобы расхищение было приостановлено.

Об этой речи Таштемира Эльдарханова В. И. Ленин в своей знаменитой работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» писал: «Эльдарханов от имени своих избирателей-туземцев Терской области — ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса (32-е заседание, 3 мая 1907, стр. 78), а расхищает земли правительство, отбирая лучшую часть нагорной полосы…» И действительно, природные богатства, леса объявлялись собственностью казны, а сами горцы загонялись в горные ущелья.

Здесь необходимо сказать, что Таштемир Эльдарханов в то время стоял не за национализацию помещичьих земель, как этого требовала

социал-демократическая фракция большевиков, а за выкуп, как требовали либералы.

II Государственная дума, так же как и I Дума, была разогнана царским правительством. В ночь на 3 июня 1907 года была арестована социал-демократическая фракция, а утром 3 июня 1907 года был опубликован новый избирательный закон, который обеспечивал в III Государственной думе безраздельное господство помещиков и представителей крупной буржуазии. С тяжелой думой возвращается Эльдарханов в родной край. По возвращении в Грозный он подвергается преследованиям со стороны царской администрации, в Терской области ему запрещают вести педагогическую работу. В связи с этим Эльдарханов переезжает в город Баку и там устраивается на работу в Баскинское городское училище, где и работает вплоть до Февральской революции 1917 года.

В период изгнания Таштемир Эльдарханов занимается составлением букваря на чеченском языке на основе русской графики, который и выпускается в 1911 году в городе Тифлисе. Это было большое событие в культурной жизни чеченского народа.

Февральскую революцию, свергнувшую царизм, Таштемир Эльдарханов встретил с восторгом. Как подлинный сын трудового народа, он искренне верил, что она освободила угнетенные народы, и они сами будут решать свою судьбу, но в ходе революции быстро избавился от этих либерально-демократических иллюзий.

Среди горских народов Эльдарханов пользовался огромным уважением и доверием. На основании рассказов лиц, знавших Таштемира Эльдарханова, можно судить, что он отличался общительностью и простотой характера.

Наметились определенные успехи в экономическом и культурном развитии областей Горской республики, и уже в конце 1922 года из ее состава выделяется Чеченская область как автономная. В 1923 году образуются Северо-Осетинская и Ингушская автономные области.

Сначала Эльдарханов работал председателем ревкома Чеченской автономной области, а после съезда Советов области в августе 1923 года он избирается председателем исполкома Чеченской автономной области. Этот период в жизни Эльдарханова был наиболее плодотворным. К этому времени во многих селениях были открыт начальные школы для детей и ликбезы для взрослых. По инициативе

Таштемира Эльдарханова открывается чеченский областной педагогический техникум в селении Асланбековском — первое среднее педагогическое учебное заведение, явившееся кузницей подготовки квалифицированных учительских кадров для школ области. Создаются детские дома для сирот в селениях Алхан-Кала и Шали. Эльдарханов как старый педагог лично интересовался учебными программами и учебными пособиями для школ. Вводится письменность на латинской основе, строятся школьные здания, больницы, проводится Атагино-Гойтинский канал.

По воспоминаниям старого учителя, ныне пенсионера Тазуева Шерипа, Эльдарханов был самым активным участником всех совещаний учителей области и частным гостем в школах.

Как известно, районы Чечни из-за плохих дорог в то время были слабо связаны между собой. В горных районах совершенно не было дорог. В связи с этим чеченский областной исполком уделил большое внимание приведению их в порядок, так как это имело немаловажное значение в смысле упрочения экономики и строительства Советской власти в нагорной полосе.

В сентябре 1925 года Эльдарханов переводится на ответственную работу в краевой центр — Ростов-на-Дону, где работает председателем Национального Совета при крайисполкоме, является членом крайплана и правления крайпотребсоюза.

Деятельность Эльдарханова в этот период была направлена на дальнейшее укрепление дружбы народов Северного Кавказа. Много он сделал и по развитию, а также расширению сети потребительской кооперации в горских областях.

В 1929 году Эльдарханов переезжает в город Грозный, где занимает ответственный пост в «Грознефти». 14 ноября 1934 года после непродолжительной болезни Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов ушел из жизни.

И. Шаипов

Авторханов Абдурахман

Авторханов Абдурахман Геназович (1908–1997). Историк-советолог, публицист. Почетный гражданин Чечене-Ингушетии (1991). Родился в Чечне. В 1927–1937 гг. — член ВКП(б). С 1943 г. живет и работает за рубежом. В интервью газете «Комсомольское племя» (г. Грозный) Авторханов рассказывает о себе: «…Политикой я начал интересоваться с четырнадцати лет, пройдя коммунистическое воспитание через все три поколения: был в юных пионерах, комсомоле, партии… Я окончил Институт Красной профессуры (ИКП) в 1937 г. и в октябре того же года был арестован как «враг народа». Я принадлежал к идейным фанатикам ленинизма. Поэтому и ожидал еженощно ареста после первого Московского процесса против старых большевиков (август 1936 г.), ибо как критически мыслящий коммунист знал, что Сталин и его уголовная клика решили не только политически, но и физически уничтожить всю идейную часть партии, независимо от того, были ли данные члены партии когда-нибудь в какой-либо оппозиции. В силу этого свой арест встретил с полным пониманием (мотивов) товарища Сталина, а его чекисты в подвалах НКВД позаботились, чтобы выбить из меня всякие остатки иллюзий. Так что в качестве профессионального советского историка я ничего не написал, 1) так как после пятилетнего сидения в подвалах НКВД в два приема (я был дважды судим, и оба раза оправдан: сначала Верховным

судом ЧИ АССР и потом Верховным судом РСФСР) я был выпущен только в 1942 г., а в январе 1943 г. эмигрировал…

КГБ инкриминирует мне следующее: 1) что я якобы дезертировал из Советской армии и перешел на сторону врага, — это ложь, ибо я никогда в армии не служил; 2) что я якобы служил в гестапо и в карательных частях СС и убивал советских людей, — это тоже ложь, ибо таких людей в ФРГ и до сих пор судят и сурово наказывают; 3) утверждали, что я якобы готовил в какой-то немецкой зондеркоманде немецких шпионов из военнопленных кавказцев, — это тоже ложь; 4) меня обвиняли, что я был арестован «в 30-е годы и судим за контрреволюционную деятельность» (Советская Россия. 1970. 13 июня). Неправда; 5) меня обвиняли, что я веду на Западе антисоветскую пропаганду и пишу антисоветские книги, — вот это правда, если КГБ считает сталинскую власть Советской властью…

Что же касается того, чем я был занят в течение двух лет моего пребывания в Берлине, то я занимался тем, чем занимаюсь и сейчас, — исследованием истории Советской России и анализом преступлений сталинской политической системы. Главные результаты этих исследований легли в основу моей первой книги на Западе, вышедшей сначала на французском под названием «Сталин у власти» 2) а потом на других языках еще при жизни Сталина — в 1951 г. Вступление к этой книге служило для меня методологической канвой всех будущих моих исследований о Сталине и сталинщине. За эту книгу Сталин и Берия приговорили меня к смерти…

В 1951 г. я был одним из организаторов радиостанции «Свобода» (тогда она называлась «Освобождение»). Часто выступал комментатором по вопросам внутренней и внешней политики СССР. Одновременно работал профессором и председателем Академического Совета Русского института Американской армии» (Идея, во имя которой и смерть красна) Комсомольское племя. 1990. 31 мая; интервью провел Висхан Давлетукаев. Мюнхен-Грозный, апрель, 1990 год). Приведем выдержки из вступления к книге Авторханова «Сталин у власти».

«Неправда, что в СССР «диктатура пролетариата». Даже больше. В СССР нет и Советской власти. Правда только то, что существующий режим называет себя «Советской властью» по традиции <…> Такое название лишь выгодно маскирует подлинную природу сталинского

режима. Нет в СССР и диктатуры коммунистической партии… Правда только то, что сами большевики называют коммунистическую партию «авангардом трудящихся СССР», чтобы скрыть от народа лицо подлинного «авангарда».

Неправда, что в СССР делят господство и власть партия и военная клика. Генералитет Советской армии является пленником своего политического опекуна — института политических работников…

Неправда, что Политбюро ЦК ВКП(б) является всемогущей сверхсилой Политбюро — хотя и яркая, но все-таки лишь одна тень той действительной сверхсилы, которая стоит за каждым креслом членов Политбюро. Сами члены Политбюро это знают точно, партия смутно догадывается, а народ апатичен к «высокой политике». Народ учат не думать. За всех думает, действует и диктует одна абсолютная сила. Имя этой силы — НКВД МВД МГБ. Сталинский режим держится не организацией Советов, не идеалами партии, не властью Политбюро, не личностью Сталина, а организацией и техникой советской политической полиции, в которой самому Сталину принадлежит роль первого полицейского.

Сказать, что НКВД есть государственная полиция — это значит ничего не сказать по существу… Сказать, что НКВД есть «государство в государстве» — значит умалить значение НКВД, ибо сама постановка вопроса допускает наличие двух сил: нормального государства и сверхнормального НКВД, в то время, как сила одна — универсальный чекизм. Чекизм государственный, чекизм партийный, чекизм коллективный, чекизм индивидуальный. Чекизм в идеологии, чекизм на практике. Чекизм сверху донизу. Чекизм от всемогущего Сталина до ничтожного сексота» (Посев. 1950. № 41. С. 13–14).

Авторханов является автором многих значительных трудов по советской истории, в том числе «Загадка смерти Сталина: заговор Берии» (1979). Эта работа была опубликована в журнале «Новый мир» (1991. № 5). В предисловии к книге Авторханов, в частности, пишет:

«На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому — или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно… Данное произведение и посвящено реконструкции

исторического процесса последних пяти лет сталинского правления (1948–1953), приведшего к этому».

Другие работы Авторханова: «Технология власти» (Мюнхен, 1959; издавалась в СССР для членов ЦК КПСС, а в 1991 г. напечатана в журнале «Вопросы истории»), «Происхождение партократии» (1973), «Закулисная история пакта «Риббентроп-Молотов»» (Континент. 1975. № 4), «От Андропова до Горбачева» (1986), «Сила и бессилие Брежнева» (1990).

Дешериев Юнус

Выдающийся ученый, языковед с мировым именем Юнус Дешериевич Дешериев был первым доктором наук, профессором из чеченцев. Научные труды Ю. Дешериева по изучению нахских языков известны далеко за пределами России. По его учебникам и методическим пособиям обучаются студенты и аспиранты не только высших учебных заведений Северного Кавказа, но и многих вузов СНГ и дальнего зарубежья. Результатом его научной и творческой деятельности стали книги о проблемах происхождения и развития языков горских и других народов СССР, в том числе пятитомный труд «Языки народов СССР». Особое место во всем его творчестве и жизни занимает книга «Жизнь во мгле и борьбе» — о трагедии репрессированных народов.

Родился Ю. Д. Дешериев в 1918 году в богатом традициями и обычаями чеченском селе Ачхой-Мартан. В те времена немногие родители могли мечтать об образовании своих детей. Хотя Юнус рано лишился матери, да и материальный достаток семьи был невелик, отец и все родственники всячески способствовали тому, чтобы мальчик окончил среднюю школу. Да и сам Юнус отличался от своих сверстников желанием постичь науки. Особо ему нравились уроки родного и русского языка. Постепенно это переросло в серьезное увлечение. Закончив среднюю школу, Юнус продолжает учебу —

сначала в Ростове, а с 1936 года учится, работает и постоянно живет в Москве.

Юнус — один из немногих чеченцев, кто по счастливой случайности не был в 1944 году репрессирован. В это время он уже учился в аспирантуре и был одним из перспективных аспирантов, изучающих нахские языки. Он вплотную занимался вопросами взаимообогащения и взаимовлияния нахских языков. Но это не было взято во внимание, и после высылки чеченцев и ингушей на Юнуса Дешериева начались гонения. Это было время унизительного существования. Его лишили жилья, уничтожили рукописи научных трудов, дали 24 часа для того, чтобы покинуть Москву. Частая смена места жительства, слежка со стороны агентов НКВД, недружелюбное отношение со стороны части преподавателей и аспирантов — все это испытал на себе будущий ученый.

Но среди преподавателей были и сочувствующие Дешериеву. В своей книге «Жизнь во мгле и борьбе», вспоминая эти годы, он пишет: «Большую роль в моей дальнейшей судьбе сыграл академик И. И. Мещеряков, который, рискуя своим служебным положением, отстоял своего ученика, помог мне остаться в Москве и продолжить учебу в аспирантуре». В 1954 году Ю. Дешериев защитил докторскую диссертацию, год спустя получил звание профессора. В 1956 году его назначают заместителем директора института языкознания АН СССР. И здесь он проработал до 2002 года.

Но какие бы испытания не выпали на его долю, как бы глубоко не был занят наукой, он всегда помнил, что он сын чеченского народа, и при малейшей возможности, зачастую рискуя собой, стремился помочь своему народу и представителям других репрессированных народов.

В институте, где учился Юнус, числился докторантом первый ингушский докторант, кандидат филологических наук Д. Д. Мальсагов. В военные годы докторанты были обеспечены зарплатой и хорошим пайком. Это было немаловажно в то время. Но Мальсагова отчислили как представителя репрессированного народа. Это был удар, как моральный, так и материальный. Дешериев, находясь на полулегальном положении, старался помочь земляку. И помог, правда, при помощи своих преподавателей. Мальсагов не только продолжил учебу, но и смог пользоваться привилегиями докторанта.

Шел 1954 год. В воздухе еще витал дух «вождя всех времен и народов». И люди, которые осмеливались подавать голос о реабилитации репрессированных народов, подвергали себя серьезной опасности. К тому времени Юнус Дешериев был уже довольно известный ученый и мог в любое время лишиться всего: и званий, и научных трудов. Но эти вопросы уходили на второй план, когда он думал об оскорбительном и нечеловеческом положении чеченского народа. В 1954 году, когда готовилась к изданию Большая Советская Энциклопедия, Ю. Дешериеву, как ученому-языковеду, поручают написать отзыв о статье «СССР», а именно — по разделам «Население» и «Языки народов СССР». Обнаружив, что в статьях вообще не упоминаются ни единым словом репрессированные народы — чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие, Юнус Дешериев письменно заявил Н.С. Хрущеву о явном упущении составителей БСЭ. После этого письма и переговоров с работниками ЦК КПСС в БСЭ был включен 51-й том, где упоминалось о всех репрессированных народах, в том числе о чеченцах и ингушах.

Эта оттепель послужила тому, что была создана делегация в составе тринадцати человек, куда входили представители почти всех социальных групп: Ж. Зязиков, А. Гайсумов, М. Шатаев, С. Таштиев, Х. Муталиев, А. Тайсумов, А. Саидов, А. Ташухаджиев, И. Базоркин, А. Матеев, Х. Хаматханов, Ю. Дешериев. Все они приехали в Москву из Северной Азии и Казахстана, преодолевая большие материальные и психологические трудности. Их могли обвинить в нарушении паспортного режима, в пребывании в Москве, куда им не было разрешено выезжать. Эти люди ежедневно с 29 мая по 12 июня 1956 года добивались приема в Кремле. Они обращались в различные органы — в Президиум Верховного Совета СССР, в Совет Министров СССР, в Центральный комитет КПСС. Было выработано «Обращение», где были подписи всех членов делегации. Их долго не хотели принимать, предлагали по почте переслать «Обращение». Однако они дали телеграмму на имя Н. С. Хрущева, после чего делегацию принял и выслушал А.И. Микоян — член Политбюро ЦК КПСС. Это было 12 июня 1956 года.

Самым главным в «Обращении» был пункт номер один — разрешить чеченцам и ингушам вернуться на свою исконную родину — Кавказ и восстановить национальную автономию. А в декабре 1956

года вышел указ о реабилитации репрессированных народов и возвращении их на свои исконные земли. Это был исторический момент в жизни всех кавказских народов, которых ранее лишили родины. И в этом благодарном деле важную роль сыграл истинный сын своего народа Юнус Дешериевич Дешериев.

На протяжении долгих лет, особенно после восстановления Чечено-Ингушетии, много сил, знаний приложил Ю. Дешериев для обучения и подготовки будущих аспирантов, ученых из числа чеченцев и ингушей. Видные академики, ученые, ныне работающие в Чечне и Ингушетии, были его студентами, аспирантами. В те далекие 40-50-е годы, занимаясь исследованием нахских языков, Юнус часто бывал в научных командировках в Дагестане, Грузии, Азербайджане, встречался с такими видными учеными, как Т. Ганиашвили, А. Чикабава, В. Тонуриа. Эти грузинские языковеды сыграли важную роль в становлении будущего ученого. Он с особой теплотой вспоминал о них. В настоящее время одна из улиц в селе Ачхой-Мартана названа его именем.

З. Алиева

Хасбулатов Руслан Имранович

Руслан Хасбулатов — известный российский ученый и публицист, член Московской городской организации СП России. Член-корресподент РАН.

Руслан Хасбулатов родился 22 ноября

1942 года в Грозном, незадолго до депортации чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию.

Отец — Имран Чукиевич Хасбулатов, родился в 1905 году в селе Старый-Юрт.

Для своего времени он был довольно образованным. Работал от председателя сельского совета и председателя колхоза до директора крупнейшего в Грозном машиностроительного завода «Серп и молот».

Мать — Джовзан Якубовна Хасбулатова (Мусаева) родилась в 1907 году в селе Старая Сунжа, в известной чеченской семье. Во время депортации она оказалась с четырьмя маленькими детьми на руках. Несмотря на все трудности, эта мужественная и трудолюбивая женщина сумела вырастить и поставить на ноги трех сыновей и дочь.

Детство и школьные годы Руслана Хасбулатова прошли в Казахстане. В 1965 году он окончил юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1970 году — аспирантуру экономического факультета того же, московского университета (по кафедре экономики зарубежных стран). В 1970 году на ученом совете МГУ защитил кандидатскую диссертацию, в 1980 году — на том же совете — докторскую

диссертацию. Обе высокие научные степени Хасбулатову были присуждены за исследования в области экономики развитых стран (в частности — Канады, Австралии, США), особенностей государственного макроэкономического регулирования финансово-экономических и воспроизводственных процессов в капиталистической системе. Работал в Академии наук СССР.

С 1978 года он преподает в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова (в 1991 году Институт был переименован в Российскую экономическую академию имени Плеханова). Здесь Р. И. Хасбулатов последовательно прошел ступени роста: доцент, а с 1980 года, после защиты докторской диссертации стал профессором, а потом и заведующим кафедрой международные экономические отношения. Эта кафедра была основана по инициативе Хасбулатова — в то время, то есть в начале 80-х годов, во всех высших учебных заведениях СССР аналогичных кафедр было всего 5–6 единиц; они были самыми элитарными на экономических факультетах ведущих университетов страны.

Хасбулатов много и плодотворно работал как ученый-экономист. Он проводил исследования и их результаты публиковал в своих книгах, брошюрах, статьях, учебных пособиях, посвященные анализу новых явлений в капиталистической экономике, сопоставлению двух мировых систем; участвовал в союзных и международных симпозиумах ученых и специалистов по экономическим проблемам социалистических (СЭВ) и капиталистических стран. Так, еще в 1974 году он выступил на Всемирном социологическом конгрессе в Торонто (Канада) с докладом «Социальные факторы разоружения».

С приходом к власти в СССР Михаила Горбачева (1985 год) Хасбулатов активно включается в большую работу по поддержке демократических процессов и идеи перестройки. Его публицистические статьи часто публикуются в центральных газетах («Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд» и др., журналах), с анализом социально-экономической и политической обстановки в стране, обоснованием необходимости использования мирового опыта в реформах.

В 1989 году издается его книга «Социализм и бюрократия», вызвавшая оживленные дискуссии в обществе. А еще раньше, в 1988 году с острых статей в центральных газетах, началась широкая

общественная дискуссия по вопросам денежной реформы, уровня заработной платы, ценам и социальной политики. В частности, его фундаментальная статья «Бедные люди отечества», опубликованная в Москве, получила большой отклик по всей стране.

Во время избирательной кампании по выборам депутатов в Верховный Совет РСФСР, на родине Хасбулатова, в Грозном, профессора и студенты Республиканского университета имени Льва Толстого, выдвинули его своим кандидатом в депутаты.

В начале 1990 года Руслан Хасбулатов был избран народным депутатом России от Грозненского национально-территориального избирательного округа № 37, ЧИ АССР.

Во время I-го Съезда народных депутатов России (май-июнь 1990), Ельцин, избранный Председателем Верховного Совета РСФСР, предложил на пост своего первого заместителя Р.И. Хасбулатова. Ельцин был заинтересован в том, чтобы его Первым заместителем стал, во-первых, известный экономист, во-вторых, чтобы он был представителем малых народов, это было особенно важным для многонациональной Федерации, которую представляет собой Россия.

В июне 1991 года, после избрания Ельцина Президентом Российской Федерации, Р. И. Хасбулатов становится Председателем Верховного Совета.

В августе 1991 года, когда Г орбачев, как Союзный президент, был отстранен ГКЧП от власти, Хасбулатов, по мнению участников тех событий, сыграл одну из решающих ролей в подавлении путча.

После известных событий, последовавших 3–4 октября 1993 года (указ № 1400 от 19 сентября 1993 года и расстрел из танков «Белого дома»), Хасбулатов был заключен в тюрьму «Лефортово».

По освобождении из «Лефортово», по амнистии, в конце февраля 1994 года, Хасбулатов вновь вернулся к научной и преподавательской деятельности в Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова, в которой по-прежнему стал возглавлять кафедру мировой экономики. Он по-прежнему читает студентам лекции, занимается большой работой по научному руководству аспирантов, докторантов и стажеров, в том числе из различных стран мира, публикует множество статей по различным аспектам экономики и политики.

Основные экономические труды:

Канада. Государство и корпорации,1977;

Освободившиеся страны. Политико-экономический анализ. 1986;

Development country and Imperialism, India, 1985;

Современная международная торговля, 1987;

Управление корпорациями: теория и опыт, 1987;

Международные экономические отношения, в двух томах, 1991;

Мировая экономика, 1994;

Россия: распад или уход из цивилизации? — Экономическая наука, № 2, 1998, Отделение экономики РАН;

Эпоха США: Технология доминирования и грядущего упадка. — Экономика и политика России, № 2, Апрель 2000 г.;

Мировая экономика. Теория. Концепции. Политика. 2 тома, 2001;

Основные издания по социально-политической проблематике: Социализм и бюрократия, 1989;

Власть: размышления спикера, 1992;

Выбор судьбы, 1992;

Россия: пора перемен, 1993; и другие.

Целый ряд его книг издан в различных странах мирах — США, Англии, Италии, Франции, Японии и др.

Им написано большое количество научных и публицистических статей, опубликованы десятки интервью газетами и журналами многих стран мира. Многие из них посвящены войне, которая продолжается на его исторической Родине — в Чеченской Республике.

Махмуд Эсамбаев

Имя Махмуда Эсамбаева, чеченца из старинного селения Старые Атаги, еще при жизни золотыми буквами вписано в историю российской и мировой культуры.

Всемирно известные балерины и балетмейстеры Галина Уланова, Игорь Моисеев, Юрий Григорович, Леонид Якобсон, определили танцы Эсамбаева как танцы-новеллы, танцы-миниатюры, танцы-балеты.

Собирание со всего мира этих танцев, их своеобразная интерпретация и исполнение принесли славу артисту как новатору, неповторимому исполнителю. Мастерство артиста совершенствовалось в течение многих лет в результате титанического ежедневного труда: утром — репетиция у станка, вечером — спектакль или концерт.

М. А. Эсамбаев родился 15 июля 1924 года. Отец Али-Султан брал его с собой на свадьбы, вечеринки, и там мальчик под одобрительные возгласы старших самозабвенно плясал. В 15 лет стоял в первом ряду первого Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца, в 19 — танцевал в Пятигорской оперетте и во фронтовых концертных бригадах под Ростовом-на-Дону и Новочеркасском, в 20 — в Киргизском государственном академическом театре оперы и балета, будучи спецпереселенцем. Причем Махмуд за непокорность был сослан комендантом в аул, где некоторое время ему пришлось сплавлять лес по горной речке. От

верной гибели его спасли поклонники и администрация родного театра.

Танцуя в Киргизском театре с 1944 по 1957 год, он получил то, чего ему не хватало. «Впервые увидев М. Эсамбаева на репетиции, — писал в своих воспоминаниях И. К. Ковтунов, главный балетмейстер театра, — я был восхищен этим бесценным самородком, редчайшим даром природы, певучестью каждой части созданного богом для танца тела». Позже он убедился и в огромном трудолюбии, целеустремленности и дисциплине этого необыкновенного юноши. Молодому артисту не хватает хореографического образования, решил он. Осваивая по ускоренному варианту теоретическую программу балетного училища, Махмуд сразу реализовал ее на практике.

Помогал ему интернациональный коллектив. Вскоре под горячие аплодисменты зрителей и на радость коллег исполнялись не только глубоко осмысленные характерные и народные танцы, но и главные партии в классических русских и других балетных спектаклях: в «Лебедином озере» — злого гения Ротбарта, «Бахчисарайском фонтане» — хана Гирея, «Спящей красавице» — Карабос, «Тарасе Бульбе» — Тараса. Играл в премьерных киргизских национальных балетных спектаклях — «Чолпон», «Анар», «Весна в Ала-Тоо». Вот как пишет о своих впечатлениях о спектакле «Бахчисарайский фонтан» известный режиссер театра В. Ш. Шахрай: «Вот в самом финале появился Гирей — Махмуд Эсамбаев, — и сцена оживилась высокоодаренным человеком».

Всего за 13 лет работы в театре созданы десятки незабываемых образов, в том числе в киргизских национальных балетных спектаклях. У истоков хореографического искусства этого народа, наряду с выдающейся киргизской балериной Б. Бешеналиевой, стоял и М. Эсамбаев, и его творчество вошло в золотой фонд культуры Киргизии.

К 1956-57 годам, к моменту восстановления ЧИ АССР, пришло решение М. Эсамбаева перейти на эстрадную сцену, исполнять танцы народов мира. Для этого у него был накоплен опыт и имелись по существу безграничные технические и профессиональные возможности.

Классический танец, который превосходно освоил Эсамбаев, стоит на пяти позициях ног, служит базой для всякого сценического исполнения: будь то характерный, гротесковый или салонный танец.

Умение управлять своим телом, руками, головой дает возможность двигаться свободно во всех направлениях.

Выучившись только характерным танцам, невозможно исполнять классику. И наоборот, зная классический танец, можно легко воспринять характерный, салонный и другие. Это доказано, как свидетельствует известная русская балерина и балетмейстер прошлого А. Я. Ваганова, на опыте многих лет. Именно этот багаж и, естественно, необыкновенная ли взлету творчества Эсамбаева.

Свои танцы-новеллы он собирал не только у себя в родной Чечено-Ингушетии, но и в Москве, Индии, Испании, Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили, Перу, во Франции и во многих других странах мира, где ему довелось бывать на гастролях.

Визитной карточкой, шедевром и как бы шагом в новый сказочный мир танца на новом витке жизни и творчества М. Эсамбаева, является индийский храмовый ритуальный танец стиля Бахарат Натьям «Золотой Бог», поставленный в 1957 году Элеонорой Грикуровой. Танец рассказывает о том, как, проснувшись, бог Шива зорким глазом окидывает все события, происходящие на земле Индии от восхода до захода солнца. Танцующий изображает бога солнца. Начинается танец с того, что Махмуд сидит на полу на корточках. В балете это называется полное «плие». Из этого положения необходимо медленно и плавно, как встает утром солнце из-за края земли или расцветает цветок, незаметно для глаз подняться за полторы минуты в полный рост. В таком положении танец продолжается в течении шести минут. После этого также незаметно для глаз за полторы минуты надо уйти в первоначальное ритуальное положение. Самое сложное — правильно подняться и опуститься. Стоит ногам только чуть-чуть задрожать или допустить едва заметное резковатое движение — моментально зазвенят чуткие колокольчики, прикрепленные к щиколоткам, и все будет испорчено. Весь танец длится 9 минут. Танец был выучен за 20 дней, хотя индийские специалисты утверждали, что меньше, чем за 8 лет, это невозможно.

Для глубокого понимания танца важно знать об исключительно интересной системе индийских условных жестов — все пластические движения подчиняются тщательно разработанным правилам, своеобразной хореографической грамматике. Различные действия, эмоции и даже понятия обозначаются точным положением и

движением каждой части тела. В этом немом разговоре главная роль отведена наиболее выразительным органам человека — глазам и рукам, особенно положению пальцев, так называемым Мудра. «Мудра можно сравнить с буквами алфавита, — писал А. О. Румне, — из которых слагаются слова и фразы». Мудра являются составными частями жестов, ассоциируются с каким-нибудь представлением о предмете, чаще всего взятом в зрительном аспекте. Например, для обозначения понятия «Бык», руки принимают положение, напоминающие изгиб рогов.

В Индии 4 основных танцевальных стиля: Бхарат Натьям, Катхак, Катхакали и Манипури. Используются они в разных уголках страны, и каждый из этих стилей имеет свои темы, свою технику, свой костюм для танца. Один из самых древних и самых сложных стилей — Бхарат Натьям, названный так по имени Бхарата Муни, автора энциклопедии «Натьшастра», сохранился на юге Индии благодаря храмовым танцовщицам девадазисам, которые передавали их из поколения в поколение. Руки, глаза, голова, ноги в органическом единстве с волнующей чистотой и целеустремленностью рассказывают о чувствах и мыслях танцовщика. Своим телом, каждой мышцей танцор должен владеть в совершенстве, как йог. И это лучше, чем Раму Гопалу (манеру исполнения которого перенял наш земляк) и даже храмовым исполнительницам, удалось М. Эсамбаеву. Впервые в СССР Эсамбаев исполнил «Золотого Бога» в 1957 г. в Москве в зале им. П. И. Чайковского. В танце-новелле мы видим спокойное течение вод Ганга, переходящее в бурные потоки; при этом пластика рук, плеч настолько выразительна, что это место всегда сопровождалось овациями зрителей. Слышим шелест листвы деревьев, пение птиц, будто наяву видим, как природа раздает людям свои дары.

Историки искусства пишут, что на Древнем Востоке великих танцовщиков называли «многоликими». Они считались беспредельно могущественными. Чудо-танцовщики могли пластическими средствами изобразить влажность воды, стремительность огня, свирепость льва, силу урагана. Эсамбаев подтвердил, что такие танцовщики действительно могли быть.

На Всесоюзном художественном конкурсе и Всемирном фестивале молодежи за исполнение «Золотого Бога» М. Эсамбаев был удостоен золотой медали, а за «Таджикский воинственный танец с

ножами» в постановке народной артистки РСФСР Тамары Зейферт и испанский танец с кастаньетами «Булерияс» — серебряных медалей.

Где бы Махмуд Эсамбаев ни оказался, свою концертную программу он начинал чеченским (вернее, чечено-ингушским) танцем, тем самым, подчеркивая сыновью любовь к прекрасному уголку земли, где встретил жизнь. Сам Эсамбаев стиль чеченских танцев трактовал так: «В них должны поражать не внешние трюки, вращения на коленях, не демонстрация наигранного, показного темперамента, нет, — целеустремленность, элегантность, грация, благородство осанки, совершенное владение своей пластикой». Эсамбаев как балетмейстер и блестящий исполнитель создал несколько новых типов эстрадных сюжетных чеченских танцев. Нежный и одновременно темпераментный, жизнерадостный чечено-ингушский танец пленяет своей лиричностью. Примечательна целая танцевальная драма «Любовь к родине», которую артист сам сочинил и исполнил.

За свою многолетнюю плодотворную творческую биографию М. А. Эсамбаевым в балетных спектаклях, на эстраде, в кинофильмах: «В мире танца», «Я буду танцевать», «Лебединое озеро», «Земля Санникова» и других, посвященных ему или созданных с его участием, исполнено около 100 балетных партий, танцев-новелл, танцев-легенд, хореографических миниатюр.

Среди них такие шедевры, как бразильский ритуальный танец «Макумба», «Мелодии Испании», узбекский танец «Чабаненок», русский — «Эмигрант», монгольский «Орел и охотник», еврейский «Портняжка», перуанский «Павлин», башкирский, цыганский, которые доставляли огромную радость зрителям и кинозрителям России, СССР, и многих стран.

Чтобы понять искусство артиста, истинно народное по своей тематике и используемым пластическим краскам, необходимо внимательней посмотреть на его истоки. Эсамбаев, словно опытный врач, держал руку на пульсе космического ритма нашего времени, видел революционные, социально-экономические, политические преобразования, процессы интернационализации духовной жизни человечества, и находил для отображения этих сложных явлений самые выразительные хореографические средства.

В то же время искусство Эсамбаева уходит своими корнями в далекое прошлое. Так, в индийских танцах ритуальная пляска не

отделялась от пантомимы, мимики. Эта особенность наиболее ярко выражена в хореографии античной Греции — родины европейского танцевального искусства. Воздействие танца на зрителя было огромным. Повседневная жизнь людей, гражданские ритуалы были непосредственно связаны с плясом, исполняемой самостоятельно или в сопровождении хора чтецов. В Древней Греции все от мала до велика танцевали, хорошо знали словные и естественные жесты и весь разнообразный язык танца. Величайшие мыслители страны не были исключением. По преданию этому искусству уже в зрелом возрасте научился Сократ. Философы Эсхил, Софокл не только сами танцевали, но и руководили постановками танцев в своих трагедиях. Такое всеобщее увлечение объяснялось тем, что танцы способствовали физическому и духовному восприятию. В частности, развитию чувства красоты и доброты. В творчестве М. Эсамбаева много сходного как с древними индийскими, так и античными греческими плясками.

Параллели можно провести и с чеченскими и ингушскими танцами. В Чечне, например, имеются народные и сочиненные гармонистом-виртуозом, композитором Умаром Димаевым мелодии именных танцев, таких как Шамсудина, Ильясова, Салаха, Андарбека Салыкова, Махмуда Эсамбаева, Урус-Мартановский, Катара-Юртовский и другие танцы свидетельствуют об одноименных названиях сел.

В хореографическом искусстве Эсамбаева можно увидеть как отражение творчества современных цивилизаций, так и древних.

К великому сожалению, сегодня многие села, столица Чеченской Республики, г. Грозный лежат в руинах. Трагедия Чечни приблизила смерть Махмуда Эсамбаева, который ушел из жизни

7 января 2000 года. Но наследие для человечества он оставил огромное, и чеченские танцы в этой сокровищнице на первом месте. «Представитель гордого народа, — писал Игорь Моисеев на страницах газеты «Известия» в свезя с кончиной М. Эсамбаева, — отдавал себя служению людей. Не случайно его репертуар состоял из танцев разных народов. Дружба, добро, красота были целью его творчества, основой его взглядов. С уходом Эсамбаева мы стали беднее. Но скажем спасибо ему за то непреходящее, что он оставил в искусстве и человеческих отношений… Уход такого человека, как М. Эсмабаев, — невосполним для искусства, для культуры…»

На стыке второго и третьего тысячелетий он вобрал в свое творчество пластические культуры чуть ли не всех народов мира. В период обострения ракетно-ядерной, социально-экономической, экологических и духовных катастроф, опасности гибели земной цивилизации был ярким выразителем сокровенной мечты человечества о мире, интернациональном единстве и сотрудничестве народов планеты.

О личности Эсамбаева и его творчестве будут долго помнить те, кто видел его на сцене, экране, кто знал его в жизни, будут помнить, что в нашей стране жил и творил великий чеченец, гениальный человек и легендарный актер-танцовщик М. А. Эсамбаев.

Мовлид Алироевич Висаитов

О мужественном человеке Мовлиде Алироевиче Висаитове я узнал из газетных статей и рассказов людей, знавших его близко. С большим удовлетворением читал его книгу воспоминаний «От Терека до Эльбы», изданную в Грозном в 60-е годы. Из этой книги и других источников имел некоторую информацию о бывшем командире Мовлида генерале П. П. Брикеле, а также об известном всей стране Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове и многих других наших земляках, оказавшихся накануне войны на западной границе. В 1973 году, когда я пришел редактором молодежной газеты «Комсомольское племя» (ныне «Республика»), в редакции имелся большой материал о Ханпаше. Прислал его из Киргизии бывший сослуживец Нурадилова Я. М. Глущенко, который после войны работал на ответственных должностях в системе народного образования Киргизии. Редакция почему-то не решалась публиковать эти воспоминания. Я сразу же ознакомился с материалом, и мы стали готовить его в печать, но решили сопроводить публикацию комментарием П. П. Брикеля, который хорошо знал Ханпашу. Выяснилось, что он живет и здравствует в Ростове-на-Дону, руководит там ипподромом. Мы послали воспоминания Я. М. Глущенко в Ростов. Павел Порфирьевич незамедлительно откликнулся на нашу просьбу и прислал очень теплое письмо: «Моим друзьям-комсомольцам Чечено-Ингушетии». В частности, он писал: «Одним из героев Великой Отечественной войны был Ханпаша Нурадилов, которого я знал и любил, как сына. В своих воспоминаниях о нем бывший секретарь партийного бюро Яков Макарович Глушенко глубоко и полно раскрыл характер героя и особенно наиболее яркие его черты: героизм и мужество, беззаветную преданность Родине, большое чувство долга и дружбы, честность и любовь к людям. Такие черты характера и рождают героев».

Далее, обращаясь к молодежи республики, генерал писал: «Я немало прожил и много провоевал, много пережил и изрядно потрудился, приобретая некоторое моральное право давать советы. Советую вам — молодым, сильным, смелым, пришедшим и идущим нам на смену: любите и защищайте нашу Родину. Помните, что

человек при настойчивости и трудовой дисциплине может достигнуть невероятных результатов.

Поверьте, самое прекрасное в жизни — молодость. Надо работать, работать, набираться сил, достигать новых высот».

Воспоминания Я. Глушенко и доброе напутствие П. Брикеля мы опубликовали в нескольких номерах молодежной газеты в январе-феврале 1973 года. Публикация была поддержана нашими читателями, а главное — для будущих историков прошедшей войны и биографов ее героев появился богатый, разносторонний материал.

Конечно, познакомиться лично и с Висаитовым и с Брикелем было интересно. И такой случай представился. Позвонил как-то Мовлид в книжное издательство, где к тому времени я работал главным редактором, наверно, году в 1979-м. Поздоровался, как со старым знакомым, спросил по чеченскому этикету: как семья, как дела и здоровье, а потом говорит: «Ко мне приехал мой бывший командир и друг генерал Брикель, и мы хотели с тобой встретиться. Когда можно это сделать?»

Вскоре мы встретились в издательстве: в военном кителе с генеральскими погонами и с Золотой Звездой на груди, с худощавым, симпатичным лицом Павел Порфирьевич и в штатском, сером костюме, с орденскими планками, в очках, седовласый Мовлид Алироевич.

Что их привело ко мне? Оказывается, П. Брикель написал книгу воспоминаний в форме документальной повести, однако Москва не берется издавать, так как подобной литературы очень много. Были серьезные ограничения на издание мемуаров и для местных издательств. Не взялись за рукопись и ростовские издатели. И решил помочь ему в этом деле Мовлид.

Воспоминания П. Брикеля относились к категории рукописей, которые мы тоже не имели права издавать, тем более, что в ней не было совсем материала о Чечено-Ингушетии. Я предложил Павлу Порфирьевичу: так как он лично знал по войне многих чеченцев и ингушей, написать о них отдельную главу в будущей книге, тогда я постараюсь помочь ему. Автор согласился с таким предложением и попросил меня написать к книге предисловие. Мне не стоило большого труда написать его, но я высказал мысль, что найдутся люди, которые неправильно истолкуют это (а таких людей, которые писали

по какому угодно поводу анонимки в высокие инстанции, тогда было очень много), истолкуют как злоупотребление служебным положением. И все-таки по настоянию гостей я дал согласие написать небольшое предисловие к книге. Что скрывать, было и приятно предпослать несколько слов к книге известного военачальника. На том мы разошлись. Через некоторое время я получил небольшое письмо от П. Брикеля. Он писал:

«Глубокоуважаемый Юша Ахъядович! Убедительно прошу Вас ответить мне на следующие вопросы:

1. Ознакомились ли Вы с моей рукописью документальной повести «Последний рейд»? Если ознакомились, то какова Ваша оценка? Пригодна ли она вообще к напечатанию? Если пригодна, то подлежит ли что-то изменению и исправлению?

2. Имеются ли какие-либо возможности издать ее в 1982 году, к годовщине вашей республики? Что надо для этого сделать?

Так как Вы любезно согласились написать предисловие к этой повести, то я при сем прилагаю краткие биографические данные об авторе».

К тому времени я уже работал в редакции республиканской газеты «Ленинан некъ», но продолжал оказывать помощь в издании книги. В одно время П. Брикелю показалось, что ничего у нас не получится, о чем свидетельствовала его приписка в открытке — поздравлении в связи с первомайским праздником. Он писал: «Рукопись “Последний рейд” я поручил Мовлиду забрать как непригодную и переслать мне. 10. 04. 82. П. Брикель».

С таким вариантом мы с Мовлидом не согласились, и работа, сказать прямо, борьба за издание книги продолжилась. В рукописи появилась новая глава, посвященная воинам из Чечено-Ингушетии, в целом она выглядела уже лучше. Что касается предисловия, то я все-таки настоял на том, что будет лучше, если его напишет человек, который хорошо знает автора. Таким человеком оказался бывший офицер 3-го кавалерийского корпуса, доктор исторических наук, профессор М. А. Варшавчик. В итоге книга увидела свет в 1983 году.

Павел Порфирьевич очень торопился с изданием книги, хотел, что бы, пока живы его боевые друзья, прочитали о себе повесть. Хотелось увидеть свое творение и самому. Но, как часто бывает в жизни, буквально за несколько дней до выхода тиража из печати он скончался

от обширного инфаркта миокарда. В начале 1983 года я получил написанную рукой Павла Порфирьевича открытку, но с коротким письмом его супруги. Мария Павловна сообщала, что муж написал заранее всем друзьям поздравительные открытки, но разослать их не успел. Так закончился жизненный путь одного из замечательных героев и полководцев отечественной войны.

Павел Порфирьевич был очень интересным собеседником, он глубоко знал жизнь. Он часто бывал у Мовлида Висаитова, и каждый раз мы встречались то дома у Мовлида, то на прудах рыбхоза «Куларинский», где Мовлид работал директором, то в редакции газеты. С большой любовью рассказывал о ратных подвигах Ханпаши Нурадилова, своего друга Мовлида и многих других. Кроме того, он пропагандировал их в рассказах, в публицистических статьях.

П. Брикель прожил богатую жизнь. Сын бедняка из украинского села Великая Рублевка, что в Полтавской области, он рано познал, что такое борьба за хлеб. Шестнадцатилетним юношей в 1920 г. добровольцем попал в Первую Конную армию и прослужил от красноармейца до генерала — командира кавалерийской дивизии. В Великой Отечественной участвовал с пяти часов утра 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года и от Раввы-Русской на западной границе дошел до Эльбы, где встретился с союзниками — войсками США.

Павел Порфирьевич был умным рассказчиком. Его наблюдения, мысли были очень жизненны, он хорошо владел слогом. И если бы не военная карьера, наверняка, стал бы писателем. Запомнились его рассказы о голоде на Украине в 1933 году, о так называемом раскулачивании, репрессиях 37-го года, многом другом. Еще в 30-е годы он начал печатать публицистические статьи в центральных и местных газетах. Читателям газеты «Грозненский рабочий» хорошо запомнился рассказ П. Брикеля «Шолоховский скакун», опубликованный в феврале 1964 г. Это было его первое литературное произведение. Затем пошли рассказы «В степи», повесть «На Эльбе». Хочется отметить постоянную связь Павла Порфирьевича с литераторами Чечено-Ингушетии. Он рецензировал многие книги, писал к ним вступительные статьи. («От Терека до Эльбы» М. Висаитова, «Раненая анкета» З. Муталибова, «Огненный, огненный конь» А. Горлова и другие).

Дружбе М. Висаитова и П. Бригеля можно было по-хорошему завидовать. У них была большая привязанность друг к другу. Павел Порфирьевич любил подчеркивать в Мовлиде такие черты, как мужество, верность, преданность Родине, интернационализм. В свое время много усилий приложил, добиваясь присвоения ему звания Героя Советского Союза. Но эта достойная награда шла к Мовлиду целых 45 лет. Отказывали только потому, что он был чеченцем по национальности и народ его выселен поголовно в Казахстан и Среднюю Азию. И уже в 1990 г. Золотая Звезда Героя была посмертно вручена семье М. Висаитова.

М. Висаитов не единственный с такой судьбой. После февраля 1944 г. около 17 тысяч солдат и офицеров из числа чеченцев и ингушей были уволены из действующей армии и разделили участь своих народов. Правда, ряд мужественных воинов остался в армии. За них вступались их командиры и боевые друзья разных национальностей. В их числе был украинец, командир 6-й гвардейской кавалерийской дивизии. Герой Советского Союза генерал-майор П. П. Брикель. Рискуя собственным положением, он дал возможность дойти до Эльбы одному из храбрых сынов чеченского народа, командиру гвардейского полка Мовлиду Висаитову. Доктор исторических наук, профессор М. А. Варшавчик вспоминал: «Твердый и заботливый воспитатель, тонкий психолог солдатской души, П. П. Брикель, опираясь на поддержку армейских партийно-политических органов, растил людей, растил героев. Это он, например, «открыл» бесстрашного парня из Чечено-Ингушетии Героя Советского Союза Ханпашу Нурадилова, уничтожившего 920 фашистов, слава о котором прошла по всей армии, по всей стране. Он нашел наилучшее применение кипучему темпераменту героического горца, командира гвардейского кавполка Мовлида Висаитова, одним из первых со своими конниками прорвавшегося в мае 1945 года к Эльбе».

Мовлид Алироевич Висаитов родился в 1913 году в селении Нижний Наур. В 1933 году с группой молодежи из Чеченской автономной области он был направлен в Краснодарскую кавалерийскую школу, по окончании которой в 1935 году молодой лейтенант начал службу в полку имени Совнаркома УССР Крымской кавалерийской дивизии. В 1940 г., уже старший лейтенант, М. Висаитов командовал эскадроном на Западнэй Украине. В том же году

его эскадрон смотрел нарком обороны Маршал Советского Союза Тимошенко, который высоко оценил боевую и политическую подготовку эскадрона. По итогам смотра Мовлиду досрочно присвоили очередное звание, и оц был направлен на шестимесячные курсы усовершенствования командного состава. Полученные там военные знания вскоре пригодились молодому командиру. Началась Великая Отечественная война. Конники Висаитова оказались в непосредственном соприкосновении с врагом. Уже в 6 часов утра первого дня войны эскадрон вступил в первые бои в трех километрах восточнее реки Раввы-Русской. В своей книге воспоминаний «От Терека до Эльбы» Мовлид писал: «Противник открыл сильный артиллерийский огонь по колонне подходящей конницы. Все пространство до конца накрыли разрывы. Второй эскадрон шел в головном отряде полка.

Бешеный обстрел ни на минуту не приостановил движения. Смелым броском конники вырвались из зоны огня. Приданный эскадрону взвод станковых пулеметов под командованием лейтенанта Николаева на галопе развернулся популеметно налево, кругом и открыл из всех четырех стволов огонь по наступающим цепям немцев. Под прикрытием шквального огня пулеметов эскадрон изготовился к бою и с криком «ура» понесся на немецкую пехоту. Фашисты, не ожидавшие флангового удара, дрогнули. Наши кавалеристы обратили гитлеровцев в бегство. Так в первый день войны подразделения немецких войск один на один встретились с отважными кавалеристами 34-го кавполка будущей гвардейской дивизии.

Командиром этого полка бы П. П. Брикель.

М. Висаитов участвовал в боях за Киев и Донбасс, у Азова, в других местах, пока не был ранен. После выздоровления он был направлен в Чечено-Ингушетию, где в начале 1942 года формировалась отдельная Чечено-Ингушская 114-я кавалерийская дивизия. В нее были направлены опытные офицеры из числа чеченцев и ингушей, хотя по сути это было интернациональное войсковое соединение. Кроме чеченцев и ингушей в дивизии были русские, кабардинцы, черкесы, дагестанцы, представители других национальностей.

Командиром дивизии был назначен полковник Хаджи-Умар Мансуров, осетин по национальности, впоследствии известный

советский военачальник, комиссаром — секретарь Чечено-Ингушского обкома партии Муслим Гайрбеков.

Однако дивизии не удалось непосредственно встретиться с врагом. Ее вскоре расформировали, а на ее базе были укомплектованы добровольческий отдельный 255-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк, куда начальником штаба был направлен М. Висаитов, и отдельный кавалерийский дивизион. После двух месяцев боев Мовлид стал командиром полка. Полк участвовал в ожесточенных боях на Сталинградском фронте. По правде говоря, кавалеристы воевали против танковых соединений. Трудно в это поверить. Но это абсолютная правда. Конники не только уничтожали вражеские танки, но и брали их в качестве трофеев и пригоняли в расположение наших войск. Однажды неожиданным налетом конные разведчики захватили одиннадцать танков, но в живых остался только один немецкий танкист, которого вместе с танком привели разведчики. Другие трофеи пришлось вывести из строя. Сотни солдат и офицеров пали в тех жестоких боях, но полк ни разу не отступил перед врагом. И сегодня в братских могилах под Сталинградом, в степях Калмыкии покоится прах героических сынов чеченского и ингушского народов.

После разгрома немецких войск под Сталинградом М. Висаитов был направлен в управление 4-го Украинского фронта в качестве помощника инспектора по кавалерии.

В 1944 году он вновь встретился со своим боевым другом и наставником П. Брикслем, который к тому времени командовал 6-й гвардейской кавалерийской дивизией. В декабре того же года командиром одного из полков этой дивизии был назначен Мовлид. В этой должности он дошел до логова врага. А когда шли последние бои по взятию укреплений противника, М. Висаитову было поручено встретить войска союзников. Главной задачей корпуса было взятие городов Темплин и Грайфенберг, одновременно раскрывая участок на стыке 1-го и 2-го Белорусского фронтов на фланге 49-й армии. Дивизия Брикеля была в авангарде. По этому поводу командир дивизии писал: «Важную, пожалуй, главную роль в выполнении этой операции будет играть передовой отряд дивизии. Полки и командиры у нас хорошие. Но здесь надо учитывать специфичность обстановки. Этой специфичностью являются стремительность и слаженность действий в оперативной глубине. Учитывая подготовку командиров полков… для

выполнения этой задачи подходят 28-й полк подполковника М. Висаитова и 29-й полк подполковника Лялика. Больше склонен остановиться на первом. Подполковник М. Висаитов — храбрый, решительный офицер, отличающийся быстротой реакцией в сложной обстановке… Висаитов относится к числу тех офицеров, которые воюют с малыми потерями, он сам может броситься в бой, иногда с безрасудной храбростью, но солдат всегда бережет и стремится избегать потерь».

После такого решения вмешались штабисты дивизии. Они были недовольны выбором командира. Не забыли и то, что Мовлид по национальности чеченец, народ которого выселен. Но генерал не отступил от своего решения.

Полк М. Висаитова полностью выполнил возложенные на него задачи:

2-го мая он дошел до берегов Эльбы. Там они встретились с американскими солдатами.

Кавалеристы спешились. Подойдя к Эльбе, подполковник спустился к реке, напоил коня и пригоршнями попил воды сам. Оказавшийся рядом майор сказал подполковнику:

— Мовлид Алироевич, коня мог напоить и коневод.

— Нет, майор. Вы не понимаете всей прелести — напоить коня в реке врага. Гитлеровцы поили коней в моем родном Тереке. Теперь я напою у них своего коня. Кто его знает, может быть, когда-нибудь внукам своим придется рассказывать, как я выпил воды из Эльбы и напоил коня, — ответил Мовлид.

После встречи с союзническими войсками на советском берегу Эльбы состоялся парад войск-победителей.

К генералу Болингу, старшему среди гостей, подошел с рапортом командир полка М. Висаитов. Его полк, как вышедший первым к Эльбе, был представлен в качестве почетного караула.

На сытых, подобранных по росту и масти лошадях, шерсть которых отливала на солнце червонным золотом, в новом обмундировании, припасенном специально для этого случая, в лихо сдвинутых на бок черных кубанках, с веселыми улыбающимися лицами проходили кавалеристы. И никому из гостей было невдомек, что этот полк в ожесточенных боях прошел от Волги до Кеннигсберга и от Кеннигсберга до Эльбы.

Впереди полка на горячем золотисто-рыжем скакуне гарцевал командир полка подполковник Висаитов. Смуглый, словно прокаленный солнцем, стройный, подтянутый, с красивой посадкой, он вызывал всеобщее восхищение гостей.

— Окэй! Окэй! — повторяли американцы, рассматривая стройные шеренги проходящих всадников.

Так рассказывал П. Брикель, будучи гостем редакции вместе со своим фронтовым другом М. Висаитовым несколько лет тому назад. Он поведал и о других чеченцах: командире полка подполковнике Туте Магометове, Ханпаше Нурадилове, командирах эскадронов — Кабардиеве, Эльдарханове. Когда он рассказывал о своих боевых друзьях, лицо его светлело, исчезали морщинки. «Помнишь, Мовлид?» — «А припоминаете, Павел Порфирьевич?» Много раз слышали мы такие слова. Воспоминания, воспоминания…

Гвардейцы висаитовского полка освободили от фашистского ига тысячи советских людей, а также наших союзников. За два месяца боев в Восточной Пруссии, Померании полку было объявлено четыре благодарности Верховного командования, 615 бойцов и офицеров получили ордена и медали. Командир полка был награжден орденом Ленина, американским боевым орденом «Святого легиона».

… Деревья умирают стоя. Так и два героя, олицетворявшие лучшие черты своих народов, до последних дней своих были в строю. Но время неумолимо. Сегодня их нет среди нас, однако их подвиги останутся в памяти народной, в памяти благодарных потомков, в названиях улиц и площадей, в делах детей и внуков.

Короткая жизнь человеку дана:
Мельканье минут и дней скоротечность…
Но если народу она отдана,
Но если горенье и подвиг она,
Удел человека — вечность!

Даши Эдельханов

Книга Халида Ошаева «Слово о полку Чечено-Ингушском» рассказывает о судьбе доселе неизвестных героев.

Как-то в городе Грозном в Нефтяном институте проходило студенческое собрание. В президиуме сидели руководители института. На собрании выступил генерал запаса, человек видный и всеми уважаемый. Вот что он сказал:

— Смотрите: у чеченцев и ингушей всего четыре Героя Советского Союза. А у народа соседней республики их 35 человек, хотя их меньше, чем чеченцев. Из этого вы можете заключить, как воевали чеченцы и ингуши.

В зале прозвучал смех. Прикрыв руками рты, смеялись и в президиуме.

Несомненно, генерал знал, что с марта 1942 года чеченцы и ингуши были лишены конституционного права призываться в армию и защищать Родину. Генерал, безусловно, знал и то, что половина чеченцев и ингушей, участвовавших в Великой Отечественной войне, состояла из добровольцев. Знал он также и то, что после февраля 1944 года, то есть после переселения народа, все воины: рядовые и офицеры чечено-ингушской национальности — были отозваны из действующей армии. А награды за боевые отличия воинам, чеченцам и ингушам, в этих условиях давали очень и очень скудно. Генерал в своем выступлении об этом ничего не сказал.

Еще до выхода из печати книги «Брестская крепость» нами было послано С. С. Смирнову (автору книги) письмо с просьбой приехать в Чечено-Ингушетию, чтобы поговорить с оставшимися в живых защитниками Брестской крепости. Мы просили его отметить в своей книге и участие сынов Чечено-Ингушетии в этой великой эпопее. Мы писали С. С. Смирнову, что в цитадели Брестской крепости погибло шестнадцать воинов из нашего села Старые Атаги. Двое вырвались из окруженной крепости живыми. Отступали. В бою у Ельца оба были ранены. Одного из них в палатке госпиталя добила фашистская авиабомба. И только один из шестнадцати вернулся с войны. Но С. С. Смирнов не отозвался.

Мы высоко ценим книгу С. С. Смирнова «Брестская крепость», слава о которой прогремела по всему миру. Но почему же в ней нет и намека на участие в героической обороне крепости воинов Чечено-Ингушетии? А их было немало. Брестской твердыне присвоили наименование «Крепость-герой». Чеченцы и ингуши для этого тоже положили свои жизни. Неужели о них нельзя было упомянуть хоть одним добрым словом?

В Музее обороны Брестской крепости нам пришлось увидеть обгорелые, почти полностью превратившиеся в пепел, комсомольские документы Даши Эдельханова. Самого комсомольца постигла трагическая судьба: видно, он сожжен в одном из казематов огнеметом.

Писатель С. С. Смирнов — чрезвычайно дотошный и скрупулезно-настойчивый в своих розысках участников Брестской обороны. Но почему же в этом случае он не принял мер к розыску родственников и друзей Эдельханова Даши?

После коротких поисков нами было установлено, что отец Даши Эдельханова проживает в селе Г вардейском Чечено-Ингушской АССР. Здесь же проживают несколько живых участников защиты Брестской крепости, которые призывались в армию вместе в Дашой и служили с ним.

У Девлетгирея Эдельханова, отца Даши, было два сына. Оба они погибли: Даша — в Брестской крепости, а Эдду — у линии Маннергейма. О трагической судьбе Даши отец узнал только теперь, через 26 лет. Разве не мог Сергей Сергеевич написать об этом комсомольце несколько теплых слов?

По-видимому, писатель в то время обходил «подводные рифы», возникшие ранее. Что ж, это неудивительно. Подобные «рифы» обходил не он один. Ученый Ушаков, например, об ингушах в своем словаре не упоминает вовсе, как будто такого народа нет совсем, а о чеченцах сообщает так: «Чеченцы — кавказская народность, живущая в пределах СССР».

Задачу по розыску участников обороны Брестской крепости и района Бреста мы ограничиваем рамками Чечено-Ингушетии. Она нелегка. Писатель С. С. Смирнов имел возможность получить информацию от участников событий — офицеров, сержантов, красноармейцев, — в общем ясно представлявших происходившие в крепости и вокруг нее события. Офицеров из Чечено-Ингушетии в

Бресте насчитывалось единицы. И почти все они погибли в первый же день боя.

Рядовые чеченцы и ингуши, оставшиеся в живых, в большинстве своем плохо говорили по-русски, смутно представляли себе, что делалось во время боев во всей крепости и вокруг нее. Отлично они знали одно: вот оттуда надвигается враг и его надо остановить, убить раньше, чем он убьет тебя. Некоторые не помнили даже номера своего полка, и выяснять это приходилось по карте-панораме крепости. По ней боец указывал: «Наш полк стоял вот здесь».

Никаких довоенных архивов в Бресте не сохранилось. Крепость в течение трех с лишним лет находилась в руках фашистов. Нет твердо обоснованных списков рядового и сержантского состава полков и частей, стоявших в крепости перед войной. В Музее обороны крепости имеются лишь списки офицерского состава, составленные по документам Наркомата Обороны СССР.

Трудно точно установить участников защиты Бреста из нашей республики, выявить: кто, когда и где погиб, кто в каком полку служил; и нам приходилось выяснять эти данные путем тщательного опроса.

Те из защитников, кто остался в живых и смог выйти из окруженной врагами крепости в первые два дня обороны, сумели догнать отступающие на восток части Красной армии. Во все последующие дни, когда делались попытки выхода из окруженной крепости, вырвавшиеся даже без ранений, почти неизбежно попадали в гитлеровский плен. А из плена возвращались немногие… И очень часто прошедшие через фашистский плен встречали обидное недоверие, а порой испытывали явную несправедливость. Чеченцы и ингуши, вернувшиеся из фашистского плена, уже в силу прямого недоверия к ним, культивируемого к переселенному народу, прямо попадали в специальные лагеря для длительной «проверки».

В архивах районных и городских военкоматов Чечено-Ингушетии нам удалось найти лишь несколько списков призванных в Красную армию в октябре 1939 года и в феврале 1940 года. В списках, обнаруженных в архивах Малгобекского и Надтеречного военкоматов, указывается, что военнообязанные были направлены прямо в распоряжение командиров стрелковых полков, входивших в гарнизон Брестской крепости. В дальнейшем по опросу живых участников обороны нам приходилось прослеживать судьбу воинов, числившихся

в военкоматских списках, узнавать, откуда они, кто их родственники, кем они работали до армии, разыскивать их письма и снятые в Бресте фотографии.

Призванные из Чечено-Ингушетии красноармейцы служили во всех частях Брестского гарнизона. Но особенно много было их в 333-м и 125-м полках. По уверению некоторых участников защиты, в 333-м полку были взводы, наполовину состоявшие из призывников из Чечено-Ингушетии. Иногда в субботние вечера чеченцы и ингуши, служившие в полках гарнизона, устраивали вечера самодеятельности с состязаниями в танцах и игре на дечиг-пондаре.

Ханпаша Нурадилов

На Мамаевом кургане в Волгограде перед величественным монументом, символизирующем Родину — мать, лежат двадцать две плиты, на которых золотом высечены имена самых мужественных и храбрых защитников Сталинграда. В самом центре их лежит плита, на которой написано имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова, бесстрашного сына своего народа. В листовке, изданной Политуправлением Донского фронта, отмечалось: «Это был храбрейший из храбрых, отважнейший из всех отважных. Рыцарь отчизны, горный орел Нурадилов… воплотил в себе все лучшие черты доблестного чеченского народа — его геройство и орлиную удаль, его смелость и отвагу, мужество и доблесть. Былинным подвигам кавказских витязей следовал славный богатырь Нурадилов».

А. Олейник, боевой товарищ Нурадилова, рассказывает о славных подвигах героя, равному которому не дала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Он лично уничтожил пулеметом 920 фашистов, взял в плен более десяти офицеров и солдат врага, уничтожил несколько пулеметов.

В один из декабрьских дней 1940 года я по делам службы находился в 34-м кавполку, интересовался как инструктор политотдела 3-й Краснознаменной Бессарабской имени Г. И. Котовского кавдивизии ходом политзанятий и комсомольской работы в полку. Заместителем командира полка был уважаемый всеми, опытный политработник и замечательный спортсмен-конник, батальонный комиссар Павел

Порфирьевич Брикель, инструктором пропаганды полка — Сагит Марахоев.

Зимой 1940 года в частях дивизии подводились итоги соревнования по сбережению конского состава. В одной из комиссий пришлось участвовать и мне.

Мы проверяли конский состав 34-го кавполка. Командиром полка был майор Сергей Трофимович Шмуйло, грамотный офицер и под стать своему заместителю по политчасти Брикелю — любитель спорта и лошадей. Он придирчиво пропускал каждый эскадрон. Тут же находился и командир пулеметного эскадрона старший лейтенант Кальченко.

— Разве это кони, указывая на лошадей 3-го эскадрона, сказал он мне. — Вот сейчас посмотришь моих. Есть у меня ездовой чеченец Нурадилов, так у него четверка — не кони, а львы. Лучшие в эскадроне, сам увидишь.

— Это какой Нурадилов? Не тот ли, что пулеметчиком хочет стать, да с русским не в ладах? — спросил я.

— Он самый. Откуда ты его знаешь?

Я рассказал ему, как встретился с Ханпашой.

Мы с Кальченко подошли к пулеметчикам. Я посмотрел на Нурадилова. Он уже имел довольно бравый вид, даже как будто бы подрос. Ханпаша то и дело отглаживал, прихорашивал своих любимцев, нашептывая им что-то по-чеченски. Когда я спросил тихо помкомвзвода Кулиева, что это он там шепчет лошадям, Кулиев улыбнулся:

— Просит их, чтобы не подвели его. Что он их будет еще больше любить и лучше ухаживать за ними.

На выводке нурадиловская четверка получила высокую оценку. На что генерал-майор Малеев был скупой на похвалу, и то не выдержал и бросил:

— Товарищ Шмуйло, надо поощрить этого ездового. Добрые у него кони, ничего не скажешь.

Кальченко не вытерпел и с широкой улыбкой на скуластом лице снова подошел ко мне:

— Ну что я тебе говорил? Первое место займем. Это как пить дать, слышал, как Малеев моего Нурадилова похвалил? А ведь сам знаешь, от него не скоро дождешься благодарности.

Весной 1941 года начались полковые тактические учения. На них отрабатывались вопросы встречного боя, наступления и обороны. Обычно такие учения у нас проводились осенью, но в этом году они начались весной.

Часть подразделений 34-го кавполка оборонялась на высотках у деревни Драга. Основные силы наступали. В ходе занятий необходимо было прикрыть левый фланг наступающих. Брикель принял решение: выдвинуть пулеметы (командир полка Шмуйло отсутствовал и полком командовал Павел Порфирьевич) и подавить огневые точки «противника». Нурадилов, как и другие ездовые, только и ждал этого приказа. На полном аллюре тачанка. Нурадилова помчалась в указанное место. Он лихо, на всем скаку развернул тачанку на 360 градусов, и Колесников первым открыл огонь по «противнику». Через несколько минут четверка, управляемая Нурадиловым, переместила пулемет в другое место. Тачанка Нурадилова маневрировала с большой скоростью, нанося огонь по «врагу». Работу пулеметного расчета Колесникова наблюдал комдив Малеев и посредники. Они дали высокую оценку действиям пулеметчиков.

На разборе учения генерал Малеев особо подчеркнул быстрые и умелые действия расчета сержанта Колесникова и ездового Нурадилова. Им он объявил благодарность. Как-то в разговоре с Кальченко я спросил:

— Научился ли Нурадилов стрелять из пулемета?

— Ты знаешь, он оказался способным парнем. Изучил-таки пулемет. Замок с закрытыми глазами разбирает и собирает. Стреляет хорошо, даже лучше, чем некоторые пулеметчики. Посмотрю, может быть его вторым номером назначу.

Этот разговор у нас был накануне войны. В подготовке Нурадилова как пулеметчика много сделали лейтенант Девитт, сержант Колесников, помкомвзвода старший сержант Гриднев и его товарищи по службе в пулеметном взводе.

С начала войны командиром полка стал П. П. Брикель. Наш вынужденный отход от границы сопровождался тяжелыми арьегардными боями. Дивизии пришлось вести бои с фашистами в разных местах — под Злочевом, Тернополем, Волочинском, Казатином, Киевом в районе Таращи, на реке Псел, под Богодуховом, Дергачами (в районе Харькова).

В конце сентября 1941 года 34-й кавполк занимал оборону в районе села Савинцы (на реке Псел западнее Полтавы). Мне в это время пришлось быть в полку. С утра начался со стороны противника сильный артобстрел. Затем немцы крупными силами перешли в наступление, впереди двигались танки.

Полк оказался в полуокружении, нес серьезные потери. Брикель приказал подразделениям отходить на восточный берег реки Псел, через которую был единственный мост; от бомбежки он загорелся. Немцы наседали. В это время мы увидели, как по мосту промчалась пулеметная тачанка. Кто управлял лошадьми, разобрать было трудно — мешали дым и пыль. Но смельчак благополучно прорвался по пылавшему в нескольких местах мосту.

Вечером мы с Марахоевым были в пулеметном эскадроне. Кальченко рассказал, что во время атаки противника полк оказался разрезанным на две части. Обстановка сложилась очень опасная. Решали минуты. Выручил Нурадилов. Он погрузил на тачанку два пулемета, положил двух раненых и на полном карьере помчался к мосту. Проскочил его чудом и остался невредимым.

Когда об этом стало известно Брикелю, он тут же распорядился, чтобы Ханпашу представили к награде. Возвратившись в штадив, я рассказал об этом подвиге в политотделе старшему комиссару Магомету Ахметовичу Британеву. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Нам нужно вести учет героических подвигов котовцев, запиши в тетрадь Нурадилова. Надо этот случай отметить в политдонесении начальнику политотдела корпуса.

Что я охотно и сделал.

В первых числах ноября нашу дивизию вывели из боя на пополнение и отдых. Расположились мы в местечке Буденный Воронежской области.

Здесь я, беседуя с политруком пулеметного эскадрона Бочковым, поинтересовался Нурадиловым. Политрук сразу оживился:

— Думаю с ним поговорить о приеме в партию. Хороший боец: скромный, трудолюбивый, смелый, а главное — упорный. Он все время стремился стать пулеметчиком. Уж больно любит возиться с пулеметом. Комэск из ездовых перевел его вторым номером к

Колесникову. Добился-таки своего. По-русски научился неплохо разговаривать. Доволен, что пулеметчиком назначили.

После короткой передышки 27 ноября 3-я кавдивизия двинулась на север — в район станции Касторная. Здесь дивизия была включена в состав подвижной группы Юго-Западного фронта, которую возглавлял генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко.

6 декабря 1941 года началась известная Елецкая наступательная операция. Невзирая на сильные холода, наши конники энергично кинулись в бой, 34-й кавполк получил задачу — выбить немцев из села Захаровка и продолжать наступление вдоль западного берега реки Олым в направлении села Навесное.

Холода загнали немцев в хаты. Ночью спешенные эскадроны с двух сторон подошли к селу. Завязалась ночная схватка, в этом бою особенно отличились пулеметчики, и в частности расчет Колесникова, в составе которого находился и Ханпаша Нурадилов. Они своим огнем обрезали путь отхода немцам на Алексеевку, Турчанинове. Нанесли противнику большие потери.

В этом бою погиб Колесников, а Нурадилов получил ранение, но и раненый сумел отразить контратакующую группу гитлеровцев. Полком Брикеля в боях за Захаровку и Алаксеевку было разгромлено до двух батальонов 95-й пехотной дивизии противника.

Не менее успешно 16–17 декабря действовал Нурадилоа со своим расчетом в боях за большое село Шатилово, где он уничтожил до сотни фашистов и обеспечил выход подразделениям полка на железнодорожную линию Елец — Орел. О нем говорили в полку как об отважном и умелом пулеметчике.

За успешные боевые действия в Елецкой операции наша 3-я кавдивизия была преобразована в 5-ю гвардейскую имени Г.И. Котовского кавдивизию, что было для нас высокой честью. В этом была доля ратного труда и Ханпаши Нурадилоа, который за период операции истребил до двухсот гитлеровцев и захватил в плен свыше десятка человек, за что был награжден орденом Красной Звезды, назначен на должность командира пулеметного отделения с присвоением воинского звания гвардии сержанта. Надо сказать, что награждение рядового орденом в 1941 году считалось очень высокой наградой. Пока орденоносцев в дивизии было немного.

Почти вся зиму нам пришлось вести бои в Орловской, а затем в Курской области. Помнится такой эпизод.

В феврале 17-й гвардейский полк Брикеля получил задачу — совместно с подразделениями 1-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Руссиянова уничтожить вражескую базу в районе станции Головинка (восточнее города Щигры).

На Брикеля в этой операции возлагалась задача — прикрыть большак Щигры-Черемисиново. В это время немцы начали выдвигать крупные силы из Щигров. Завязалась стычка. Гитлеровцы наседали. Эскадроны попятились.

Нурадилову было приказано оставаться на месте и прикрывать отход эскадронов. И сержант со своим расчетом блестяще справился с поставленной задачей. Когда у него кончились ленты, он оставил своего напарника Федорова у «максима», а сам пополз к убитым немцам и собрал патроны. Здесь Нурадилов уложил до 150 фашистов.

В марте 1942 года мы начали бои на Северном Донце (северо-восточнее Харькова). 17-й полк наступал на село Байрак. Противник сильно огрызался, пулеметное отделение Нурадилова было передано 2-му эскадрону старшего лейтенанта Рыжкова. Когда эскадрон почти добрался до села, по нему ударил вражеский пулемет. Он бил из дзота. Нурадилов хорошо понимал, что из «максима» дзот не подавишь. Он послал бойца с гранатами. Тот не дошел — погиб. Второй боец тоже погиб. Тогда Ханпаша пополз сам. Он ужом подобрался к дзоту с обратной стороны, выбрав удачный момент, метнул в амбразуру одну за другой две гранаты. Дзот замолк.

Это помогло Рыжкову ворваться в Байрак. Вскоре к высоте, где находился Нурадилов, направилась вражеская пехота. Ханпаша подпустил немцев на 100 метров и расстрелял почти полностью.

За бои под Харьковом он был отмечен орденом Красного Знамени. Исполнял должность помощника командира взвода, а фактически командовал взводом.

После неудачного летнего наступления наших войск в районе Харькова под напором превосходящих сил врага 5-й гвардейской, как и другим частям корпуса, пришлось отходить на восток.

Пулеметчик Нурадилов преграждал путь врагу под Ольховат-кой, Валуйками, Каменкой, на Дону.

В конце августа 1942 года 5-я гвардейская кавдивизия, переправившись через Дон в районе станицы Букановской, завязала ожесточенные бои с фашистами на дальних подступах к Сталинграду. 17-й гвардейский кавполк получил задачу — овладеть высотами 217,4 и 220,0, не допустить прорыва немцев на Серафимович и к донским переправам. Полку пришлось столкнуться с офицерским штрафным батальоном, который прочно удерживал высоту 217,4. Его помог выбить Нурадилов, который с двумя пулеметами пробрался в тыл и подавил огневые точки. В это время ударили эскадроны с фронта, успешно захватили высоту 217,4, а затем и 220,0.

В первых числах сентября на этом направлении разгорелись исключительно тяжелые бои. Только 1 сентября нам пришлось отразить 38 танков и до полка пехоты.

12 сентября с утра начался сильный бой. Обстановка усложнилась тем, что противник вклинился в оборону 17-го и 22-го полка, угрожая окружением.

В этот критический момент на скатах безымянной высоты появился со своими «максимами» Нурадилов. Он меткими очередями скосил до сотни фашистов, вынудил гитлеровцев повернуть вспять. В это время Ханпаша получил ранение в ногу, но остался в строю. Пришлось сменить позиции. И когда немцы пошли вновь, Нурадилов встретил их губительным огнем. Враг не выдержал метких очередей и откатился назад.

Рядом с Нурадиловым разорвалась мина. Осколок врезался в грудь. Рана оказалась смертельной. Товарищи бережно погрузили его на повозку, но по пути в медсанчасть Ханпаша скончался.

Так прервалась жизнь замечательного патриота Родины, отважного пулеметчика, гвардии сержанта Ханпаши Нурадилова. Он самоотверженно сражался с ненавистным врагом. На его счету 920 уничтоженных гитлеровцев, 12 пленных, 7 захваченных пулеметов.

Когда о гибели Нурадилова доложили командиру дивизии гвардии генералу Н. С. Чепуркину, он приказал срочно оформить материал на присвоении ему звания Героя Советского Союза.

— Очень жаль Нурадилова, хороший был пулеметчик, просто талантливый пулеметчик. Надо сделать все возможное, чтобы подвиг Нурадилова сделался достоянием всей дивизии, чтобы Нурадилов стал

для всех примером выполнения своего воинского долга, отваги и умения бить врага, — сказал генерал.

Нами в дивизии была выпущена листовка, правда, отпечатанная на машинке, в которой говорилось о героических подвигах Нурадилова, и о том, что он представлен к званию Героя. Позже была издана листовка политотделом корпуса, посвященная Хан-паше Нурадилову.

21 октября 1942 года в газете «Красная армия» была опубликована большая статья «Доблестный рыцарь нашей Отчизны» М. Гусейнова, а 31 октября в газете «Известия» — статья М. Рузова «Сын Кавказа». Эти газеты мы долго хранили, по ним проводили политинформации.

Накануне Сталинградской битвы Политуправлением Донского фронта была издана листовка-обращение, в которой говорилось о Ханпаше Нурадилове как о рыцаре Отчизны, горном орле, уничтожившем из своего пулемета до 920 фашистов. Этот документ имел большое значение в деле воспитания воинов фронта, подъема боевого духа, самоотверженного выполнения своего воинского долга перед Родиной.

Похоронен Нурадилов был с воинскими почестями в братской могиле в станице Букановской Сталинградской области.

Родина высоко оценила ратные подвиги Ханпаши Нурадилова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1943 года ему посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Имя отважного гвардейца-пулеметчика Ханпаши Нурадилова высечено на одной из плит памятника-ансамбля в Волгограде.

Мы, ветераны 5-й гвардейской кавдивизии имени Г. И. Котовского, никогда не забудем нашего боевого соратника, доблестного воина, пулеметчика, гвардейца Ханпашу Нурадилова.

Его жизнь и подвиги должны всегда служить примером для нашей молодежи.

Тутаева Асият

В конце 1920-х годов А. Тутаева окончила медицинский факультет Государственного университета в Ростове-на-Дону. Работала врачом в селах Чечни. В 1932 г. поступила в Первый медицинский институт в Ленинграде. После его окончания учил ась в аспирантуре, специализировалась по микробиологии. Блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Занималась разработкой противотифозных вакцин. Подготовила 11 трудов по различным аспектам профилактики и лечения тифа. Ее успешная исследовательская деятельность, получившая признание ведущих отечественных ученых, была прервана, когда в июне 1941 г. началась Великая Отечественная война против фашистских захватчиков. Асият добровольно ушла на фронт, где стала военным врачом. Спасала раненых в госпиталях Воронежского фронта. В 1943 г. ей было присвоено звание майора медицинской службы. Она стала первой женщиной горянкой, удостоенной военного звания. Фронтовые газеты не рассказывали о сложнейших операциях, выполненных врачом А. Тутаевой, публиковали благодарные отклики возвращенных ею к жизни солдат и офицеров.

В 1944 г. в боях за освобождение украинского города Тернополя А. Тутаева вместе с группой воинов попала в засаду. Она пережила плен, издевательства, пытки. Не вырвав из нее, ее друзей нужной информации, гитлеровцы повесили отважную горянку, ее боевых товарищей. Это произошло 29 октября 1944 г. в городе Колодино Вишневецкого р-на Тернопольщины. Имя и подвиг Асият Тутаевой, отдавшей свою жизнь за родину, увековечено в Первом медицинском институте Санкт-Петербурга на доске почета героев Великой Отечественной войны 1941—45 гг.

Алавди Устарханов

О нем почти ничего не было известно. О нем не писали книги, не снимали кинофильмы: спецпереселенцу и «врагу народа» не полагалось быть героем, кавалером ордена Почетного легиона… А о том, что Алавди Устарханов — герой французского Сопротивления, на Родине знали немногие. Сам же он об этом рассказывать стеснялся…

Где-то на границе брежневского застоя и перестройки, когда начинали робко проклевываться первые ростки гражданского сознания неореформаторов, в республиканской прессе появилась статья о судьбе одного из ветеранов Второй мировой войны. Наверное, именно потому, что публикация появилась на переломе времен, описанная в ней история осталась незамеченной чеченоингушской общественностью. Оговоримся, почти незамеченной. Иначе, мы не имели бы возможности поведать ее сегодня вам.

В 1941 году в числе тысяч добровольцев ушел на войну с фашистской Германией совсем еще юный парень из чеченского селения Ачхой-Мартан. Тогда никто не мог знать, что через несколько лет его имя узнает вся Европа, и на многие годы предаст забвению Родина. Его звали до войны Алавди Устарханов, звание командора Андре, он получит потом. Потом и навсегда.

Из концентрационного лагеря, куда Алавди попал с тяжелой контузией, он убегал несколько раз. Натасканные на человека овчарки снова и снова приводили преследователей к беглецам, и те опять оказывались в замкнутом кругу пыток, истязаний и надрывного нечеловеческого труда.

Очередной побег оказался последним для военнопленных, одни погибли от пуль лагерной охраны, другие были растерзаны собаками. Уйти удалось только двоим — тяжело раненному французу и советскому офицеру, который тогда еще не знал, что зачислен в списки «врагов народа», как и сотни тысяч его земляков и соотечественников. Он не мог знать, что с чеченских солдат и офицеров, прошедших с Советской армией километры военных дорог, были сорваны погоны и боевые ордена и что многие из них навсегда останутся на промерзлых кладбищенских пустырях сталинских лагерей. Алавди шел все дальше

и дальше, пытаясь добраться до горной гряды, где было бы легче скрыть следы и оторваться от преследования. Он нес на себе раненого товарища, который слабел день ото дня.

Жаль, что мы никогда уже не узнаем подробностей этого героического перехода, хотя некоторые сведения об этой местности мы все же можем почерпнуть из описания воспетого историками и библиографами знаменитых переходов Наполеона и Суворова. Путь двоих беглецов из фашистского плена пролегал именно через французские Альпы.

Алавди сумел спасти своему французскому товарищу жизнь, он передал его на руки его землякам — бойцам антифашистского движения Сопротивления. Чеченец и сам стал активным его участником. Воевал он бесстрашно. На его счету было немало дерзких операций. Его имя обросло легендами, и для всего французского Сопротивления он очень скоро стал настоящим героем и любимцем. «Командор Андре» — называли его боевые товарищи. На мотоцикле он врывался в захваченные фашистами небольшие населенные пункты, на большой скорости подъезжал к штабу и в упор расстреливал находящихся на улице охрану и офицеров. Генерал Де Голль лично вручал храброму чеченцу орден Почетного легиона.

После окончания войны Алавди вернулся в Союз. Мы можем только догадываться, что пришлось испытать горою французского Сопротивления, отважному командору Андре, какие чувства обуревали его, когда он узнал, что все чеченцы объявлены врагами народа и находятся в бесплодных степях Средней Азии и Казахстана. Героем он был во Франции. В СССР он из боевого офицера стал «врагом народа», ссыльным спецпереселенцем…

Окончилась казахстанская ссылка. Те, кто пережил ее, вернулись домой. Из ближайших родственников Устарханова почти никого не осталось, и он один жил в маленьком покосившимся домике в Ачхой-Мартане. Вдруг, неожиданно в 1961 году, в село прибыла специальная комиссия из Грозного, в составе которой находились партийные чиновники и руководители республиканского КГБ. Они встретились с Устархановым. Никого не удивило проявление повышенного интереса комитета госбезопасности к человеку, в биографии которого были весьма, по тем временам, подозрительные страницы пребывания в фашистском плену и участия во французском Сопротивлении.

Настораживало только неожиданное присутствие в маленьком административном центре такого большого количества начальства самых высоких рангов. Это не сулило ничего хорошего. Но, вместо ожидаемых неприятностей на лачугу Устарханова снизошла партийно-советская благодать. В этот раз, «гости» были подчеркнуто вежливы с хозяином дома. По их распоряжению избушку ударными темпами принялись перестраивать и ремонтировать: прямо к порогу проложили асфальтовую дорогу, что было по тем временами просто невероятно!

Причину столь разительной перемены властей по отношению к Устарханову узнали быстро. Незадолго до этого, генерал Де Голль, встречая в Париже Никиту Хрущева, поинтересовался о судьбе отважного чеченца:

— Как там поживает наш командор Андре? — спросил он — Хорошо. — отвечал Хрущев, понятия не имея о том, кто такой, этот самый «Андре».

Тут же Де Голль передал Хрущеву просьбу боевых товарищей Устарханова, ветеранов Сопротивления, которые хотели навестить боевого товарища. Отказать было нельзя. Французы приехали в Ачхой-Мартан.

Этот визит был под особым контролем КГБ, и информацию о нем постарались сделать максимально закрытой. Но об одной детали говорила вся Чечня — французы привезли своему другу в подарок… новенький мотоцикл — именно такой, как тот, на котором он совершал свои героические рейды. Встреча друзей была недолгой. Французы пригласили Алавди к себе и обещали снова обратиться через Де Голля с просьбой к Хрущеву. Он проводил друзей до Грозного на своем мотоцикле. Посадил их в поезд. Попрощался. И, как оказалось, навсегда. На обратном пути, переезжая через неглубокую речку Фортангу, его мотоцикл упал с моста.

По официальной версии, Алавди, придавленный мотоциклом, не смог выбраться из воды. Глубина же была совсем небольшая — меньше метра. Его смерть казалась такой нелепой и странной, что все были уверены в том, что он был убит…

Чего боялись его убийцы? О чем мог рассказать чеченец в Париже? Может быть, о том, как Родина встречала его, легендарного героя, ссылкой, допросами и забвением…

* * *

Об этих событиях мало кто помнит и знает. Была только как-то статья в «Грозненском рабочем», о которой мы упоминали в самом начале, небольшой рассказ в книге «Царапины на осколках», чеченского писателя Султана Яшуркаева, и еще — воспоминания соседей Устарханова о «подготовке к визиту французов» в Ачхой-Мартан в 1961 году.

И, вот, уже совсем недавно, готовя материал о чеченцах, оказавшихся во время Второй мировой войны сначала в плену, а затем и в эмиграции, мы обнаружили очень странную заметку на одном из российских web-сайтов. В статье, посвященной теперешней «антитеррористической» компании в Чечне, предпринималась попытка реабилитировать сталинское выселение чеченцев в Казахстан. В качестве одного из оправдательных мотивов рассказывалось и о «массовом переходе чеченцев на сторону фашистов». Говорилось о том, что «предатели-чеченцы» организовывались в карательные батальоны для борьбы с партизанами. Вот красноречивая цитата: «В сентябре 1942 года в Миргороде Полтавской области было начато формирование 842-го, 834-го и 844-го батальонов СКНЛ, в феврале 1943 года отправленных в Ленинградскую область для борьбы с партизанами. Чеченской ротой 842-го батальона командовал уроженец села Ачхой-Мартан Алавди Устарханов».

«Совпадение» показалось нам зловещим. Мы заинтересовались им, и вот что нам удалось выяснить: в Ачхой-Мартане был только один Алавди Устарханов, воевавший на фронте и побывавший в плену. И, это — именно наш командор Андре. Другого не было. Как и не было «мифического» Устарханова, командовавшего карателями…

Ваха Алиев

Свой боевой путь он начал четырнадцатилетним подростком на Кавказском фронте под началом легендарного героя Великой Отечественной войны Мовлида Висаитова, который со своим подразделением первым вы шел на Эльбу в апреле 1945 года. В книге воспоминаний «От Терека до Эльбы» он напишет впоследствии о юном бойце, которого учили стрелять: «В разгар боя рядом со мной с винтовкой в руках оказался четырнадцатилетний Ваха Алиев, который служил в одном из сабельных эскадронов. Как он попал на фронт, мне до сих пор неизвестно. Наши бойцы называли его «сыном эскадрона». Узнал я о том, что он в полку, когда мы уже передислоцировались…» и завершит словами: «До ноября 1942 года Ваха Алиев находился в личном составе полка. С переходом моим на должность начальника кавалерийских курсов вестей о судьбе мальчика я не получал».

А боевые пути «сына эскадрона» пролегли через Украину, где он был участником знаменитой операции по форсированию Днепра, освобождал Белоруссию, Прибалтику, участник Сталинградской битвы, битвы на Курской дуге, затем осколочное ранение, которое оказалось неизлечимым, ставшее потом в 1979 году причиной безвременной кончины. С фронтовым осколком он так и прожил остаток недолгой жизни.

Вот вкратце весь боевой путь, который успел пройти боец Володя, этим именем его нарекли однополчане. Может быть, суждено было ему дойти до самого Берлина, если бы не еще одно событие, о котором он узнал из письма своего младшего брата Шарпудина (впоследствии профессора, доктора медицинских наук).

В 1944 году В. Алиев долго не получал из дома писем. И когда получил — узнал от брата две самые горестные новости: о смерти отца — Амирахаджи и нелепая, несправедливая весть о депортации чеченцев и ингушей за сотрудничество со фашистами. Боль утраты дорогого человека и чудовищная несправедливость лишили его сна на несколько ночей. И в конце концов, достав где-то клочок бумаги с юношеским максимализмом он выплеснул свою обиду словами, которые многие боялись произнести даже про себя. Под утро письмо

было готово. Адрес: «Москва. Сталину». Письмо чуть было не стоившее ему жизни. Вот несколько строк, обращенные, отцу народов: «Мы верили в Вас. Мы служили Родине верой и правдой, не жалея жизни во имя победы, тысячи моих земляков остались лежать на полях сражений от Бреста до Сталинграда. А Вы назвали нас предателями? Мой народ никогда не простит Вам этого! В то время, пока мы погибали за Родину, Вы расправились с нашими матерями и сестрами, не пощадили даже стариков и детей…»

О своем письме В. Алиев никому не сказал. Даже самому близкому боевому товарищу Николаю Гипичу.

Ответ не заставил себя долго ждать. Он был безжалостным и коротким: «Расстрелять».

К этому времени 3 ГСМК дошел уже до Прибалтики и уже Берлин казался совсем близко, а значит и долгожданный час победы был не так уж и далек. Вахе исполнилось 17 лет, и уже не раз он был представлен к государственной награде за мужество.

Кстати, этот эпизод приведен в качестве примера мужества в учебнике для студентов «Курс советской истории 1941–1991 гг.» под редакцией А. К. Соколова и В. С. Тяжельниковой, изданной в Москве издательством «Высшая школа».

И его арест стал для всех полной неожиданностью. Но он никак не повлиял на крепкое фронтовое братство, ведь не первый год они вместе делили радости и горести. И только потом он узнает, что его однополчане Гипич из Краснодара, командир полка Барвинский из Киева, Тумаков из Нижнего Тагила, Скляров из Одессы, многие другие писали письма во все инстанции, обосновывая незаконность его ареста, рассказывали о боевых подвигах Володи. (Вот оно великое фронтовое братство!)

До сих пор неизвестно, кому В. Алиев обязан жизнью. Кто посмел ослушаться приказа вождя, наверняка рискуя собственной жизнью. Его несколько месяцев продержали в подвалах, и при случае отправили этапом в Магадан вместе с дезертирами, мародерами, словом с теми, кого он презирал за трусость и нежелание защищать Родину.

Начались совсем другие будни: изматывающий труд каторжника, обреченного всю оставшуюся жизнь провести на лесоповалах. А остаток этот был совсем незначительным, учитывая недавнее ранение, которое давало о себе знать изнуряющей болью и сочащейся кровью.

Голод, холод, каторжный труд без перерывов и выходных превращали людей в людоедов. Совсем ослабевший становился добычей более сильных. Его убивали и тут же съедали. И как знать, может и В. Алиев стал бы легкой добычей изнуренных голодом, холодом, непомерным трудом людей, превратившихся в почти животных, если бы не медсестра Лида, которая поддерживала его медикаментами из скудных запасов. Был еще один человек, имя которого к сожалению не известно, осетин по национальности, работник в хозчасти. Узнав о том, что Ваха почти земляк, он старался подкармливать его, давал добавки. Благодаря этим людям он окреп, а потом стал лагерным фельдшером. Пригодились знания, полученные на фельдшерских курсах в самом начале войны. Видя страдания людей, памятуя о своих мытарствах тогда же дал себе слово: «если выживу, если когда-нибудь освободят, стану врачом».

Затем была оттепель 1953 года после смерти Сталина и на горизонте забрезжила слабая надежда вернуться домой. В 1954-м настал день, которого В. Алиев ждал 10 долгих, тяжелых лет. В далекой Киргизии в городе Ош нашел своих родных: мать и брата. Младший брат — Шарпудин закончил к тому времени медицинский институт, работал над диссертацией, одновременно работал в местной клинике. На родину в Чечено-Ингушетию вернулись в конце 50-х.

Данному себе слову В. Алиев остался верен. В 1970 году он закончил Северо-Осетинский медицинский институт. Работал врачом, а вечерами зачитывался книгами, одной из любимых была «Длинные ночи» Абузара Айдамирова, которую читал детям, вслух, восхищаясь смелостью и прямотой писателя, любил поэзию Некрасова за ее искренность и патриотизм. Поздравляя старшую дочь с днем рождения, он подарил ей сборник стихов Некрасова с надписью: «… Расти послушной, учись прилежно и люби свой народ так, как любил автор этой книги». И, конечно же, бесконечные воспоминания о войне.

Ни на минуту не забывал он и своих однополчан, с кем несколько лет делил кусок хлеба, промерзший пол в сыром окопе. Особенно переживал за судьбу своего друга Николая Гипича, выжил ли? Очень долго писал в Москву. И только в середине 70-х в Москве был создан Совет ветеранов, после долгой переписки отцу помогли найти его. Через 34 года! Никогда не забыть первых писем, которыми обменялись друзья-фронтовики. Как и их первую встречу на день победы, 9 мая

1978 года. На Грозненском вокзале ни оставалось равнодушных, и даже скупые на слезу, незнакомые чеченские мужчины давали волю своим чувствам. Затем была новая встреча в Краснодаре, боевые друзья вместе встретили Новый 1979 год, а промежутках между встречами были теплые, трогательные письма. Это были недолгие несколько месяцев, которые скупая судьба отпустила двум товарищам.

В том же году страна готовилась отметить 35-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистких захватчиков. Друзья договорились о новой встрече со всеми боевыми товарищами. Сосновые леса, озера и такое количество абсолютно счастливых, веселых людей. Он до конца вспоминал то волнение, которое переполняло его на перроне Минского вокзала, затем Молодечно, где проходили главные торжества. Увидеть однополчан через 35 лет, узнают ли, ведь тогда он был безусым бойцом, самым маленьким в полку? А теперь — пятидесятилетний, седоволосый человек, время от времени подправляющий седые усы.

В центре города, перед гостиницей стояли ветераны, бряцая наградами, не стыдясь своих слез. Когда до этой многочисленной толпы оставалось 100 метров, из нее выбежали несколько человек с криками: «Володя!» Опасения оказались напрасными — и даже седым и усатым его узнали. Несмотря на то что Володя был самым молодым из ветеранов, друзья по-прежнему его опекали. Три дня общения, экскурсий по местам боевой славы, в Хатынь, на курган славы, музей славы в Минске пролетели быстро, а расставаться не хотелось. Договорились следующую встречу организовать на Украине, через которую тоже пролег их славный боевой путь. В Минский аэропорт проводить Володю пришли все и опять слезы, обещания скорой встречи…

На обратном пути был визит в Музей Министерства обороны в г. Подольске. Через 35 лет ему дали свидетельство о его фронтовом ранении и инвалидности 2-й степени, были возвращены все награды. Справедливость казалось бы восторжествовала…

А по прибытию домой была срочная госпитализация, сложная операция без наркоза. За его жизнь бились лучшие медики республики, прежде всего его брат Шарпудин, к тому времени уже именитый врач, доктор медицины, два его сына — Руслан и Тимур, тогда еще студенты мединститута.

И настал неотвратимый, осенний день 10 ноября 1979 года, который подвел черту под жизнью скромного, чуткого человека, потеря которого с годами все больше становится ощутимой. И был нескончаемый поток телеграмм из разных концов тогда еще Советского Союза: из Краснодара, Киева, Нижнего Тагила, Одессы, Днепропетровска: «Не могу смириться. Глубоко скорбим, соболезнуем…»

Абдурахманов Канти

С пяти лет Канти рос сиротой. Добровольцем пошел служить в Красную армию. Когда началась война, он учился на артиллериста. Полк, в котором служил К. Абдурахманов, был дислоцирован недалеко от Сталинграда. Канти писал заявления с просьбой отправить его на фронт. В 1942 г. его направили в 51-ю гвардейскую дивизию 6-й гвардейской армии и назначили командиром орудия. Свой воинский путь он прошел в боях у Таллина, Риги, Полоцка, Витебска. Войну закончил в Польше в 1945 г.

В жарком бою в декабре 1943 г. недалеко от деревни Калинина Калининской обл. смелость сержанта К. Абдурахманова решила исход сражения. Неизвестно за кем была бы безымянная высота, если бы в разгар боя он не выкатил под шквальным пулеметным огнем свое орудие и прямой наводкой не расстрелял вражеский дзот. За этот подвиг К. Абдурахманов был награжден орденом Славы III степени. При форсировании реки Западная Двина в июне 1944 г. К. Абдурахманов, переправившись на левый берег, уничтожил пулеметный расчет противника, препятствовавший переправе. За это он был удостоен ордена Славы II степени. К ордену Славы I степени командование дивизии представляло К. Абдурахманова в феврале 1945 г. за участие в ликвидации немецкой группировки в районе Лиепая. К сожалению, этот наградной лист затерялся. Однако, хоть и не стал солдат полным кавалером ордена Славы, он стал Героем

России — Указом Президента в мае 1996 г. К. Абдурахманову было присвоено это звание.

Ирбайхан Бейбулатов

Ирбайхан Адельханович Бейбулатов родился в 1912 году в селении Осман-Юрт в семье чеченца-крестьянина. В 1935 году окончил Грозненское педагогическое училище и возвратился в родное село. Работал директором школы. В 1941 году ушел на фронт.

Бои на Северном Кавказе, на территории Ростовской области… 690-й стрелковый полк после утомительного марша занял оборону под Зимовниками. После короткого отдыха Ирбайхан под покровом ночи со своим пулеметным взводом полз вперед, к позиции врага. Солдаты вслед за саперами на руках катили «максимы», волоком тащили патронные ящики, рвали проволочные заграждения, чтобы с рассветом двинуться вперед и уничтожить врага. Где-то сзади загремел залп катюш, заработали мощные артиллерийские батареи. Передний край гитлеровцев заволокло разрывами снарядов и мин. Под прикрытием артиллерии батальоны полка бросились вперед. Однако фашисты пришли в себя после неожиданного удара. Заговорила их артиллерия. Снаряды с треском рвались в рядах атакующих, кромсая человеческие тела, срезая осколками поблекшую траву. Зыбко дрожала земля.

Ирбайхан в разорванной гимнастерке, с автоматом наперевес, бежал впереди своего пулеметного взвода. Вместе с комиссаром он прыгнул в траншею. Огромный, с огненно-красной шевелюрой гитлеровец бросился со штыком на комиссара. Ирбайхан сделал прыжок, в воздухе блеснул кинжал.

Комиссар подошел, обнял пулеметчика:

— Спасибо, земляк! Если бы не ты…

Высота была взята. Бойцы готовились к отражению контратаки. Взвод Ирбайхана по-хозяйски устраивал площадки для «максимов», ниши для коробок с пулеметными лентами.

…Жестокие бои между Волгой и Доном. Взвод пулеметчиков лейтенанта Бейбулатова занимал оборону в районе станицы Рычковской. Он в бинокль увидел два танка, идущих от станции Чир. Где танки, там и пехота — решил он. И начал готовить к бою свое подразделение. Вспомнил, как мать напутствовала его, когда он уходил на фронт и что он ей ответил: «Посмотри мне в глаза, нана (мать), и скажи, будешь ли ты любить сына, который в час такой опасности домашний очаг поставит выше счастья народа? Я знаю, нана, что согласишься скорее увидеть меня мертвым на поле боя, чем живым, спрятавшимся от сражения». Заплакала старушка: ведь четыре сына уходили на войну. И он услышал от нее: «Ирбайхан, будь таким, какой ты есть».

…В низине появились танки. Ударили тяжелые пулеметы. Начался бой. Ирбайхан подбежал к пулемету, и огненная струя начала размеренно выплевывать смерть в зеленые мундиры фашистов, бегущих за танками. В небо взметнулись громадные столбы огня. Горели танки. Рассыпались вражьи цепи. Ирбайхан косил и косил их из пулемета.

…В морозный день 1943 года разгорался тяжелый бой на подступах к станице Пролетарской. Зажатый в огненное кольцо враг яростно сопротивлялся, бросаясь в контратаки. За короткий зимний день батальон отбивал десятую контратаку. От пулемета к пулемету перебегал командир роты Бейбулатов, помогая своим солдатам точно вести огонь, подбадривая дружеским словом, улыбкой. На правом фланге просочилась группа гитлеровцев. Еще миг — и тысячи их могут вырваться из окружения. Ирбайхан схватил пулемет, сменил огневую позицию, и струи свинца завалили вражьими телами проход. Противник откатился назад.

— Ура! — вскочил Ирбайхан. — Наша берет. Смерть фашистам!

Вдруг что-то ударило его в грудь. В далекий Осман-Юрт командование части направило Есимат Бейбулатовой письмо о геройской смерти ее сына. Но в госпитале он выжил. «…От того боя,

кроме раны остался мне на всю жизнь орден Красной Звезды. А с врагом мы еще повоюем…», — писал он матери.

..Ирбайхан Бейбулатов вновь вернулся на фронт, в родной полк, который воевал на Украине. Его часть вела бои за Мелитополь в Запорожской области. Командир соединения генерал Казарцев поздравил Ирбайхана с должностью командира l-го стрелкового батальона и присвоением звания старшего лейтенанта.

По приказу командира соединения Ирбайхан создал штурмовые группы, которые завязали в городе Мелитополе уличные бои. Вот уже пятеро суток шла битва за каждый дом, подвал, за каждый этаж. Девятнадцать атак танков и пехоты отбили бейбулатовцы, их огнем были уничтожены более тысячи гитлеровцев и 7 танков. И всегда там, где трудно, где враги усиливали отпор наступающим, впереди штурмовых групп вырастала знакомая и родная для бойцов фигура командира батальона. Мелитополь был взят, но Ирбайхан в боях за него погиб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года И. А. Бейбулатову присвоено звание Героя Советского Союза.

Хаваджи Магомед-Мирзоев

Хаваджи Магомед-Мирзоев родился в 1910 г. в селении Алхазурово Чечено-Ингушской АССР в бедной семье. После окончания 7 классов, учился в Грозненском педагогическом училище. Затем работал учителем и директором школы в своем родном селе.

Был призван в Советскую армию в сентябре 1941 г. Старший сержант Магомед-Мирзоев служил в кавалерийском полку в должности помощника командира взвода. В сентябре 1943 г. Хаваджи в числе первых переправился на правый берег Днепра. Пулеметным огнем очистил берег от врага и тем самым обеспечил успешное форсирование реки подразделением полка.

За проявленные мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. Хаваджи Магомед-Мирзоеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Позднее, преследуя отступавшего на Запад врага, эскадрон, где служил Хаваджи, принял бой. Завязалась ожесточенная схватка. Хаваджи был трижды ранен. Истекая кровью, он продолжал разить врага из пулемета. 144 фашиста уничтожил Хаваджи в том бою, который стал для него последним. Герой Советского Союза Хаваджи Магомед-Мирзоев погиб с оружием в руках.

Абухажи Идрисов

349 фашистов — целый батальон уничтожил в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. прославленный снайпер Абухажи Идрисов.

Он родился в 1918 г. в селе Бердыкель. Учился лишь в начальной школе, так как ему пришлось рано начать трудиться в колхозе. В октябре 1939 г. Абухажи был призван в Красную армию. Служил в одном из батальонов 550-го полка 125 стрелковой дивизии, руководство которой, предчувствуя неизбежность войны, отдало приказ об активном строительстве оборонительных сооружений вдоль западной границы. В тот предвоенный период А. Идрисов выучился на пулеметчика. Война для него началась в 5 утра

22 июня 1941 г., когда их батальон был поднят по боевой тревоге и совершил марш-бросок к границе, где уже шел бой с наступающими фашистами. Он длился целый день. Полк понес большие потери, но не отступил ни на шаг. И весь день не смолкал пулемет Абухажи Идрисова. Ночью по приказу сверху, ведя арьергардные бои, дивизия начала отступление. В июле 1941 г. закрепились на линии Псков — Великие Луки, отражая ежедневные бешеные атаки немцев, рвущихся к Ленинграду. Полк А. Идрисова занял оборону между озерами Ильмень и Селигер. Начались долгие позиционные бои, в ходе которых Абухажи и стал снайпером.

Произошло это так. С разрешения командира он устроил для пулемета в доте особое гнездо, оставив в сторону врага узенькую прорезь, но с широким обзором. Из дота он наблюдал за фашистами и, как только кто-то из них оказывался в поле зрения, снимал его одиночным выстрелом из пулемета. Узнав, что Абухажи убрал таким способом за месяц 22 фрица, его вызвал комбат. «Ты, Абу-хажи, настоящий снайпер! Молодец! Мы решили направить тебя на курсы снайперов. Будешь несколько месяцев учиться в Москве. Согласен?» Но Абухажи отказался, сказав, что научился метко стрелять еще до армии в школе Осоавиахима, где был признан лучшим ворошиловским стрелком. Он не хотел расставаться с родным батальоном и однополчанами. Через три дня ему выдали винтовку с оптическим

прицелом, и опытный снайпер, специально вызванный из штаба фронта, научил, как с ней обращаться. А остальное — великое терпение, потому что снайпер, кроме мужества, должен обладать выдержкой, смекалкой и мгновенной реакцией. Он, как сапер, ошибается только раз в жизни. Как ошибся опытнейший немецкий снайпер, специально присланный убить Абухажи после убийства важного генерала фашистской армии. К тому времени у Абухажи уже был отряд из 10 снайперов. Профессиональный фашистский снайпер сумел уложить четверых из них: неопытные были, попадались на его уловки. Он часто менял позиции, стрелял наверняка. Четыре дня Абухажи охотился за ним, незаметно выходя на позицию и урываясь в разных окопчиках, искал его и днем и ночью. Выжидал, хитрил, готовил «куклы». Но немец каждый раз ускользал. Только на пятые сутки охоты, когда Абухажи еще затемно ушел в засаду к точке, где по его предположению должен был появиться противник, ему повезло. Только он приподнял голову, раздался выстрел. Идрисов ответил, но промахнулся, однако врага все же засек. До вечера целый день выжидал, сидел без движения. И не выдержали нервы у фашиста: он сделал только одно неосторожное движение — и один выстрел решил судьбу гитлеровцев. Абухажи победил в той смертельной дуэли.

Сержант Идрисов был награжден за свои подвиги орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Его имя гремело по всему Северо-Западному фронту. Его стали приглашать на помощь на другие участки фронта. В октябре 1942 г. он был переведен на один из труднейших участков фронта, где ожидалось наступление врага. Об этом вспоминал в статье, опубликованной в августе 1983 г. на страницах газеты «Причулымская Правда» (Томская область), однополчанин Абухажи, свидетель его подвига А. Деряев: «Бой был тяжелый. От разрыва бомб и снарядов мы не могли поднять головы. Немецкие танки и пехота показались из-за кустов. Но Абухажи не дрогнул, а спокойно выслеживал офицеров. Когда враги приблизились, снайпер Идрисов открыл огонь. Фашисты залегли. Захлебнулась первая атака, за которой последовали вторая, третья, четвертая. Они тоже были безуспешными, потому что на пути врага встал чеченский парень, герой-снайпер А. Идрисов. В тех боях, длившихся десять дней, он один уничтожил более ста немцев».

После прорыва блокады Ленинграда, Абухажи вместе с боевыми товарищами участвовал в освобождении городов и сел Псковской области, Прибалтики. В 1944 г. в г. Мозовецк была открыта фронтовая военная выставка. В одном из ее залов Идрисову был отведен целый стенд. На нем была выставлена его снайперская винтовка, фотографии. Под ними — надпись: «Славный сын чеченского народа Герой Советского Союза Абухажи Идрисов уничтожил более трехсот немецких фашистов».

Газета «Вечерняя Москва» писала 23 апреля 1943 г.: «309 фашистов сразил сын свободолюбивой Чечни А. Идрисов. Бьет он их в обороне и в наступлении, днем и ночью не дает передышки врагу. Равняйтесь на отважного снайпера!»

К апрелю 1944 г. на счету Абухажи было уже 349 уничтоженных фашистов. Но не довелось ему округлить это число. В одном из боев осколком разорвавшейся рядом мины он был ранен, засыпан землей. Товарищи раскопали его и без сознания отправили в госпиталь. За подвиги Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 г. А. Идрисову было присвоено звание Г ероя Советского Союза.

Четыре месяца провел он в госпитале Горького. После выздоровления как спецпереселенец поехал в Казахстан. Жил в Алма-Ате, потом в Талды Курганской области. Работал в сельском хозяйстве. Продолжал заниматься овцеводством и после возвращения в родные края в 1957 г. Всю послевоенную жизнь до последних своих дней он отдал селу. Умер герой в 1993 г.

Благодарные потомки хранят о нем память. Золотыми буквами имя А. Идрисова записано в музеях Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве и в Новороссийске. Именем отважного сына чеченского народа, Героя Советского Союза Абухажи Идрисова названа одна из улиц Грозного.

Х. А. Гакаев, Ю. А. Айдаев, З. В. Алиева

Именитые бизнесмены, выходцы из Чечни

Бажаев Зия Юсупович

Родился 11 июля 1960 года в райцентре Ачхой-Мартан Чечено-Ингушской АССР. С пяти лет становится учеником местной школы, которую заканчивает с отличием, и поступает в Краснодарский политехнический институт. На исключительно способного студента обращают внимание, и после вуза ему предлагают продолжить обучение в аспирантуре. Над материалами диссертации он работает в самом именитом центре виноделия — в ялтинском «Магарараче». После публикации целого ряда научных статей с блеском защищает кандидатскую диссертацию, которая была признана ученым советом добротной заявкой на докторскую. Позднее получает и второе образование, окончив Российский государственный университет нефти и газа имени Губкина. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Работал на предприятиях биохимической промышленности в Краснодаре и Грозном.

1991—95 годы — менеджер, затем президент швейцарской нефтетрейдинговой компании «Лиа Ойл».

В 1995 году решением правительства РФ назначен президентом «Южной нефтяной компании» (ЮНКО) в Чечне. Уже вскоре компания

становится единственной реально действующей структурой в республике, охваченной войной.

В 1996 году молодой и успешный нефтяной генерал получает приглашение в компанию СИДАНКО на пост вице-президента, а несколько месяцев спустя становится президентом этой компании. Бажаевский период был для СИДАНКО периодом наибольших успехов.

В 1998 году создал и возглавил холдинг «Группа Альянс». Идея антикризисного управления, предложенная Зией Бажаевым, была поддержана многими губернаторами, общественными и политическими деятелями России и стран СНГ.

Бажаевым были задуманы различные масштабные и чрезвычайно интересные проекты, часть из которых его холдинг начал успешно претворять в жизнь. Часть — так и осталась идеями талантливого, яркого, безупречно обязательного предпринимателя и перспективного политика, трагически ушедшего из жизни в самом расцвете сил — за три месяца до своего сорокалетия.

Он успел поработать на производстве, попробовать себя в предпринимательской деятельности, в ресторанном бизнесе. Но всякий раз душа требовала большего, рамки освоенного становились тесными, а новые идеи продолжали фонтанировать, увлекая вперед и ввысь…

Он раз за разом поднимал планку очередной попытки, и даже самые близкие друзья не всегда верили, что эта высота будет взята. Но он брал ее. И снова поднимал планку.

Он успел за пять лет в нефтяном бизнесе — новом для себя и абсолютно чужом — стать настоящим нефтяным генералом, с которым были вынуждены считаться даже корифеи этой кастовой сферы. А затем и в этой сфере почувствовал себя тесно. И предложил рынку абсолютно новую, но чрезвычайно актуальную идею антикризисного управления…

В 1993 году в Москве появился офис малоизвестной швейцарской компании «Лиа Ойл». Сфера деятельности — торговля нефтью и нефтепродуктами, руководитель — Зия Бажаев. К тому времени этот рынок уже был сформирован, поэтому в нефтяных кругах скептически оценивали возможности нового игрока. Но спустя некоторое время мнение изменилось. Если вначале объем экспортных поставок «Лиа

Ойл» составлял 40 тыс. тонн нефти в год, то через три года этот показатель увеличился до 2,5 млн тонн. Среди иностранных компаний «Лиа Ойл» стала одним из основных нефтетрейдеров. Как тогда говорили в нефтяных кругах, «Зия Бажаев создал конфетку на ровном месте».

В 1995 году, в разгар первой чеченской войны, Зия Бажаев получил от правительства России неожиданное предложение — возглавить создававшуюся в Чечне «Южную нефтяную компанию» (ЮНКО). Он дал согласие, оставив процветающий бизнес в «Лиа Ойл». Для того, как писал еженедельник «Деловые люди», чтобы «испытать себя в новых экстремальных условиях, выйти на совершенно иной управленческий масштаб». Зия Бажаев возглавлял ЮНКО меньше года. На фоне всеобщего развала нефтекомплекс Чечни стал за это время единственной в республике работающей отраслью: возобновилась добыча нефти, начали налаживаться переработка и система сбыта. Впервые после четырехлетнего перерыва чеченская нефть пошла на экспорт, доходы от которого направлялись на развитие нефтяной отрасли разрушенной республики, на социальные нужды, на зарплату, которую здесь не видели многие месяцы. Но Зие Бажаеву пришлось оставить ЮНКО — новые власти Чечни в лице Завгаева и его команды решили взять единственное успешное предприятие под собственный контроль. Местнические амбиции одержали верх, и Бажаев с мировоззрением государственника отказался работать в таких условиях. Он подал в отставку.

В июне 1996 года Зия Бажаев стал вице-президентом компании СИДАНКО по коммерческим вопросам, через несколько месяцев после этого — первым вице-президентом. В апреле 1997 года его избрали президентом компании. К приходу Зии Бажаева СИДАНКО представляла собой рыхлое образование, которое в нефтяных кругах называли «бумажной вертикально-интегрированной компанией». За рекордный срок Зия Бажаев решил три стратегические задачи: построил жесткую управленческую вертикаль, централизовал товарные и финансовые потоки, установил контроль со стороны холдинга над производственной и финансовой деятельностью дочерних предприятий. За год рыночная стоимость СИДАНКО выросла с 630 млн до 6 млрд долларов. Стремительный взлет компании не остался незамеченным ни в России, ни за ее пределами. В

конце 1997 года один из мировых нефтегазовых лидеров — компания «Бритиш петролеум» приобрела 10 % акций СИДАНКО за 571 млн долларов. Одна из газет тогда написала: «Запад снял перед Зией Бажаевым шляпу».

Весной 1998 года Зия Бажаев создал ОАО «Группа Альянс». Образование новой компании он обосновал так: «Я хочу добиться высот в том деле, которым занимаюсь. Я люблю самостоятельность. Я хочу большего, чем СИДАНКО». На российском рынке появилась не просто новая компания, а компания с принципиально иным видом бизнеса — антикризисное управление предприятиями. Предлагаемые услуги сразу же оказались востребованными. Это проявилось, в частности, в том, что в состав акционеров «Группы Альянс» вошли 15 областей, краев и республик. В то время еженедельник «Деловые люди» написал: «Но если бы такой специализации и не существовало, ее, может быть, следовало бы изобрести для Зии Бажаева, ибо антикризисное управление, если вдуматься, — это то, чем он занимался всегда, к чему лежит его душа, что сформировало и продолжает формировать его характер». Спустя три месяца после создания «Группу Альянс» пригласили стать внешней управляющей организацией компании «Роснефть». За две недели она выполнила такой объем работы, на которую требуются месяцы.

Осенью 1999 года правительство Казахстана привлекло «Группу Альянс» к управлению Херсонским НПЗ. Через несколько месяцев после этого компания начала реализовывать новый проект — управление Томским нефтехимическим комбинатом. Загорелся президент «Группы Альянс» и идеей создания нового медиахолдинга. Зия Бажаев был в своей стихии… Определил для себя цель — через три-четыре года превратить завод в одного из лидеров украинской нефтепереработки. Он думал и о другом:

«Этот проект может дать позитивный импульс развитию и углублению экономического партнерства между тремя странами». Над реализацией проекта Зия Бажаев успел поработать всего несколько месяцев, но за это время создал базу, которая сейчас позволяет «Группе Альянс» уверенно двигаться к поставленным целям. Херсонский НПЗ стабильно снабжается нефтью. Впервые за всю историю завода здесь освоено производство бензина АИ-92 и новых сортов дизельного топлива, планируется строительство установки по гидроочистке

топлива. Стабилизируется финансовое положение предприятия: практически погашена задолженность перед бюджетом, которая составляла около 7 млн гривен, нет долгов по зарплате. Таким образом, как считает президент «Группы Альянс» Муса Бажаев, первая часть проекта реализована, на очереди — вторая: привлечение инвестиций для дальнейшей модернизации и реконструкции производства.

Об этом проекте Зия Бажаев часто говорил. До начала его реализации он не дожил два месяца. В мае 2000 года «Г руппа Альянс» получила в управление контрольные пакеты акций Хабаровского НПЗ и предприятий нефтепродуктообеспечения «Хабаровскнефтепродукта», «Сахалиннефтепродукта», «Чукотканефтепродукта», «Приморскнефтепродукта» и «Амурнефтепродукта». По замыслу Зии Бажаева, этот проект должен был стать основой для последующего наращивания участия «Группы Альянс» в активах компаний, ориентированных на работу с регионами Крайнего Севера и Дальнего Востока. Намеченная стратегия, по словам президента «Группы Альянс» Мусы Бажаева, успешно реализуется. Одним из наиболее важных ее составляющих является Хабаровский НПЗ.

Под управлением «Группы Альянс» возросла загрузка завода нефтью, 70 % которой приходится на ресурсы компании. По сравнению с 1999 годом объем реализации нефтепродуктов увеличился на 55 %. За это время «Группа Альянс» инвестировала в предприятие около 90 млн рублей. За счет реконструкции производства на 3–5 % увеличился выход светлых нефтепродуктов. В настоящее время компания завершает разработку инвестиционной программы развития Хабаровского НПЗ на 2001–2005 годы.

О крупном российском бизнесмене, о нефтяном генерале Зие Бажаеве узнали многие. О меценате, о человеке с щедрым сердцем и отзывчивой душой — лишь те, кому он помогал. Помогал молча, не афишируя этого, не привлекая к себе внимания, искренне полагая, что настоящее бескорыстие не требует огласки. Он опекал чеченские школы, всеми забытые посреди бесконечной войны. Вывозил детей с помощью МЧС подальше от грохота канонады — чтоб хоть немного передохнули на черноморском берегу. Учреждал в МГУ стипендию для детей погибших журналистов. Создал специальный фонд помощи студентам и педагогам Щукинского театрального училища. Отправлял на лечение за рубеж очень известных, но совсем не богатых деятелей

культуры. Финансировал детскую академию искусств… Он планировал еще много, очень много по-настоящему добрых дел, на которые никогда не жалел ни сил, ни денег, ни души.

Сегодня эти его бескорыстные дела берет на себя благотворительный Фонд имени Зии Бажаева. Учредителями Фонда стали братья Зии и его самые близкие друзья. Функции президента Фонда взяла на себя жена Зии — Мадина Бажаева, а совет попечителей возглавил народный артист Владимир Этуш.

Когда Зия Бажаев погиб, команда не дрогнула. Братья Зии, не давая себе права на публичную тоску, подхватили его дело. Друзья и коллеги сплотились вокруг в том душевном порыве, который значительно глубже понятия «бизнес». И все вместе сохранили идею. Не изменили принципам, которым всю жизнь следовал Зия, выражая их лаконично: честность, обязательность, прозрачность.

И сейчас «Группа Альянс» не оставила без внимания ни одну из его гуманитарных идей. Особой заботой и «Группы», и братьев Зии была окружена томская школа-интернат для слабослышащих детей. Ее не только отреставрировали к началу учебного года, но и оснастили необходимым оборудованием. Помогают учредители Фонда и московским школам, в которых обучаются дети-инвалиды, детскому дому в Ленинградской области, иркутской школе для шахтерских детей. Не забыто и любимое место учебы и отдыха Зии — Ялта с ее знаменитым научным центром «Магарач». Здесь вручены первые аспирантские стипендии имени Зии Бажаева лучшим и наиболее перспективным соискателям кандидатской степени. Не оставлены без внимания и маленькие беженцы чеченской войны — в канун Нового года в рамках операции «Дети войны», начатой еще Зией, в лагеря беженцев доставляются тысячи новогодних подарков. По-прежнему — от Зии.

И злой рок, подломивший крылья самолета Як-40 и обрушивший всю свою мощь на последнее детище Зии, вдруг дрогнул. Команда не сдалась. Дело не развалилось. «Альянс» устоял. Это стало еще одной победой Зии, улетевшего навсегда. Может быть, самой главной его победой.

Абубакар Алазович Арсамаков

Арсамаков Абубакар Алазович родился в Южном Казахстане 9 сентября 1956 года.

Окончив среднюю школу, Бакар, наряду с любимым предметом математикой, был «на ты» и с техникой — мог уверенно водить автомобиль, управлять комбайном.

Стремление получить хорошее образование выразилось в обычном в советское время желании поступить в московский вуз.

Сделать это удалось лишь после службы в Советской армии. В школе младших авиационных специалистов в Закарпатье, в Центре стратегической авиации им. Марины Расковой в Тамбове Арсамаков получил отличную закалку, привычку к порядку и дисциплине. И на всю жизнь — любовь к самолетам.

Все это помогло ему в 1977 реализовать свою мечту — поступить в Московский инженерно — строительный институт им. Куйбышева.

В 1982 году молодой инженер направлен в Москворецкое отделение Московского управления Стройбанка СССР. По его собственным воспоминаниям, хотелось не в контору, а на большую стройку, однако государственной и партийной дисциплиной пренебрегать в то время было не принято.

Так, 19 лет назад в Стройбанке Москвы начался путь молодого банковского работника. На этом пути были свои ступени: инженер, старший инженер, ведущий инженер отдела инженернотехнического

контроля в Стройбанке СССР, в Российской республиканской конторе Госбанка СССР; старший ревизор, начальник отдела, заместитель начальника Контрольно-ревизионного управления Агропромбанка СССР. С 1990 года — самостоятельная работа — Управляющий Железнодорожным отделением Промстройбанка СССР, а после создания на базе 20-ти Московских отделений Промстройбанка СССР — Московского индустриального банка до мая 1994 года — управляющий Железнодорожным филиалом МИнБа.

В создание Индустриального банка вклад Абубакара Алазовича Арсамакова стал решающим. Коллеги — управляющие в 1990 году не сразу восприняли идею вхождения в рынок, перехода банка на коммерческие рельсы. Тут требовалась вера в новое, способность отказаться от привычного, наконец, материальный вклад — все это одним из первых понял и сделал Абубакар Алазович, своим примером убеждая и увлекая других.

Арсамаков Абубакар Алазович является специалистом в кредитно-финансовой сфере, проработав в банковской системе 22 года. В 1990 году стал одним из основателей и учредителей Акционерного коммерческого банка «Московский Индустриальный банк» (открытое акционерное общество) — ОАО «МИнБ», созданного на базе Московского городского управления Промстройбанка СССР. При его непосредственном участии, а с 1998 года под его прямым руководством сформирована и последовательно реализуется стратегия развития Банка, ориентированная на поддержку отечественного товаропроизводителя и подъем российской экономики. Он — один из авторов программы поддержки отечественного авиапрома, предложенной президенту России В.В. Путину.

Непросто пришлось Московскому Индустриальному. Но банк устоял во время событий августа 98 года, так называемого дефолта, хотя и был вынужден с целью обеспечения расчетов предприятий между собой и бюджетом обращаться в Центральный банк за стабилизационным кредитом. И он был получен. Здесь свою роль сыграла поддержка Правительства Москвы, под поручительство которого Банк России перечислил на корсчет МИнБа 400 млн рублей, а также уверенность ЦБР в полной прозрачности финансовой деятельности и отчетности Московского Индустриального банка. Этот кредит был своевременно банком возвращен.

Таким образом, в тот кризисный период банк не только устоял, но и приобрел новое качество, увеличив свою клиентскую базу. Сейчас он обслуживает свыше 57 тысяч предприятий и организаций и около 200 тысяч физических лиц.

По инициативе А. А. Арсамакова одним из приоритетных направлений в работе Банка, имеющего статус уполномоченного банка Правительства Москвы, стало активное сотрудничество с Департаментом науки и промышленной политики г. Москвы и Департаментом продовольственных ресурсов и через их посредничество — с рядом крупнейших градообразующих предприятий: АМО «ЗИЛ», Московский шинный завод, ММП им. Чернышева, Останкинский молочный комбинат, Очаковский молочный завод и др.

Среди клиентов банка — предприятия с общероссийской и мировой известностью, относящиеся к элите оборонного комплекса России: Завод имени Дегтярева, Ковровский механический завод, Ковровский электромеханический завод, ГКНПЦ им. Хруничева, КБ общего машиностроения имени Бармина и другие.

С избранием А. А. Арсамакова президентом Московского Индустриального банка границы его деятельности значительно расширились. Благодаря личным организаторским усилиям, систематической и планомерной работе А. А. Арсамакова с губернаторским корпусом Банк располагает сегодня свыше 120 операционными офисами (филиалами, отделениями, операционными кассами) в почти 50 населенных пунктах 18 субъектов Российской Федерации. Персональной заслугой А. А. Арсамакова стало заключение соглашений о сотрудничестве с Администрациями ряда республик и областей, уникальность которых заключается в предложенной схеме: все привлеченные ресурсы в регионах реинвестируются в социально-экономическую сферу этих субъектов Федерации.

Московский Индустриальный банк традиционно придерживается политики открытости своих операций. По инициативе А. А. Арсамакова наряду с аудитом по российским критериям международные аудиторские фирмы уже несколько лет подтверждают баланс Банка по международным стандартам.

За последние пять лет руководства Банком Арсамаковым А.А. (с 1999 по 2003 годы) достигнуты следующие результаты: валюта баланса выросла в 3,6 раза, объем привлеченных средств клиентов — в 4,6 раза, в том числе депозиты физических лиц — 13,2 раза, кредитный портфель — в 4,6 раза, прибыль — в 3,4 раза.

Арсамаков А. А. — автор ряда научных трудов и публикаций в СМИ на финансово-экономические темы. В 2002 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Оптимизации управления финансово-банковской системой для устойчивого развития региональной экономики». Предложенные им модели и методики описания и расчета экономической устойчивости и эффективности деятельности коммерческих банков с учетом рисков внедрены в практической деятельности Московского Индустриального банка. А результаты работ Арсамакова, связанные с оптимизацией управления финансовыми потоками, проектными и инвестиционными рисками при сотрудничестве банка с предприятиями ВПК, внедрены на Заводе имени Дегтярева и Ковровском электромеханическом заводе.

А. А. Арсамаков — признанный авторитет в банковском сообществе. Он является советником Председателя Совета Федерации по экономическим вопросам, членом Совета Московского банковского Союза, членом Совета Представителей уполномоченных банков Правительства Москвы. По итогам 2002, 2003, 2004 годов включен в группу «А» списка «1000 лучших менеджеров России». Лауреат ряда профессиональных программ и конкурсов («Банкир-2000», «Финансист-2001»). Отмечен негосударственными наградами: орденом Петра Великого III-й степени (июнь 2003 года), золотой медалью «За помыслы и деяние» имени С. Ю. Витте (ноябрь 2000 года).

Осознавая свой гражданский долг, Арсамаков А. А. много занимается благотворительностью. Лично патронирует бывшую Грозненскую школу-интернат, ныне размещающуюся в Нальчике. Член ряда Наблюдательных и Попечительских советов общественных организаций и вузов, в том числе Первой национальной благотворительной программы «Миллиард мелочью», направленной на оказание помощи детям, страдающим онкологическими заболеваниями. Возглавляет региональную общественную

организацию «Объединение граждан, вынужденно по кинувших Чеченскую Республику».

З. Алиева

Усман Ибадиевич Ериханов

Усман Ибадиевич Ериханов — директор регионального филиала ОАО «Россельхозбанк» в Чеченской Республике — родился 7 августа 1955 года в Джамбульской области Казахстана, куда были выселены, как и весь народ, его родители. Школу окончил в родном селе Махкеты Веденского района Чечено-Ингушской республики. Срочную службу в рядах Советской армии проходил в Германии. В 1976 году поступил во Всесоюзный юридический институт, где и получил диплом о высшем образовании. Работал на ответственной должности в аппарате Областного комитета ВЛКСМ. Последние 17 лет работает в банковской сфере. Кандидат экономических наук.

В зоне нестабильности особую роль играет личный авторитет банкира, его моральные, деловые качества, чувство долга перед народом, как бы пафосно и банально это ни звучало. Таким примером может служить успешная деятельность регионального филиала ОАО «Россельхозбанк», руководимый Усманом Ибадиевичем.

Ериханов известен не только в Чечне, но и в банковских кругах России как исключительно коммуникабельный человек, который по своим личным человеческим качествам внушает больше доверия и уважения, чем стабильные высокие показатели в работе филиала. Он всегда бодр, деловит, оптимистичен, хотя работает в исключительно сложном во всех отношениях регионе. Это как раз те качества, которые

располагают к нему партнеров, заставляют относиться с уважением к любым его смелым проектам.

Усман Ибадиевич был первым бизнесменом, который осмелился открыть в конце 1990 года во встревоженной как улей Чечне частный коммерческий банк с поэтическим названием «Терек». Спустя два года один из соучредителей банка, генеральный директор фирмы «Синтрэкс» Р. Ибрагимов писал в местной прессе: «Когда Усман Ериханов обратился ко мне с предложением создать банк и стать одним из его соучредителей, это вызвало у меня больше скепсиса, чем энтузиазма. И дал-то свое согласие не только в расчете на будущие перспективы, сколько из-за уважения к нашим дружеским отношениям. Два года для банка — возраст небольшой. Тем более отрадно, что вопреки моим ожиданиям, за этот срок комбанк «Терек» обрел свое лицо. Стал, на мой взгляд, лучшим банком республики. Сотрудников банка отличает предельная вежливость с клиентами, готовность быстро решить любой вопрос, даже по телефону. В отличие от других банков республики «Терек» ни разу не имел отрицательного сальдо, чего крайне трудно добиться в условиях, когда сплошь и рядом нарушаются сроки возврата кредитов. Это свидетельствует о порядочности руководства банка в отношениях со своими клиентами…»

Успехи «Терека» вынуждены были признавать даже конкуренты. Так, руководитель коммерческого банка «Нефтехиммашбанк» Билал Оздемиров писал в республиканской молодежной газете: «Сегодня я могу сказать, что приятно удивлен, что за такое короткое время банк “Терек” сумел так развернуться. Сегодня этот банк обеспечивает большой наличностью национальный банк. Там сейчас очень опытные, хорошие, добросовестные работники, хотя и молодые… Я знаю высказывания западных предпринимателей, банкиров, что в наших условиях работать или открывать новое дело они не смогли бы. Потому что это очень и очень сложно».

Дорогого стоит уважение среди собственного народа. Ведь общеизвестно, что чеченское общество в последние годы было расколото, брат враждовал с братом. И в таких условиях откровенной вражды Ериханов во имя дела сумел развить в себе выдающиеся способности дипломата. Кстати, Усман является прямым потомком суфийского шейха Юсуп-Хаджи, верного продолжателя дела аулия

(святого) Кунта-Хаджи Кишиева. Именно аулий Кунта-Хаджи, поборник миротворческого направления непротивления злу насилием, окончательно остановил Кавказскую войну первой половины XIX века своими страстными проповедями и массовыми ритуалами, взятыми из учений средневековых суфийских мудрецов.

Чеченское общество серьезно отличается от многих субьектов Федерации своим особым нравом, традициями, обычаями, внутренним социально-экономическим укладом. Здесь несколько иное отношение к государству как к институту принуждения, потому что это принуждение нередко носило гипертрофированный характер. Иными словами, здесь долгое время более ответственно относились к обязательствам друг перед другом, чем к обязательствам перед государством-насильником. Вероятно, такие отношения способствовали определенной терпимости, не строгого осуждения имевших место преступлений, связанных с невозвратом кредитов, откровенных авантюр, известных как фальшивые авизо. Подобная психология крайне неблагоприятна для учреждения, вступающего в финансово-кредитные отношения с населением. В такой ситуации клиенты вступали, откровенно говоря, во взаимоотношения не столько с банком, как лично с Ерихановым Усманом, как с известной и уважаемой в республике и за ее пределами личностью! Как с человеком, вышедшим из известной в народе, славной религиозной семьи и одного из самых влиятельных в республике тейпа. В условиях Чечни, где долгое время царили хаос и безвластие, все это имело определяющее значение.

Ериханов как бизнесмен, политик и дипломат уникален и в том плане, что он достойно прошел через все невероятные политические сложности, в которых жила Чеченская Республика последние семнадцать лет, в ее непростых отношениях с Москвой. Ведь банк — чрезвычайно хрупкая организация, не терпящая любой политической и социальной нестабильности, не говоря уже о вооруженных конфликтах. Дело доходило до маразма, когда при власти Масхадова от руководства коммерческого банка «Терек» требовали привести финансово — кредитные операции в соответствие с нормами шариата! Не вступая в прямой конфликт с властью, уважая религиозные чувства и мотивы руководителей и населения, Ериханову удавалось находить такие компромиссы, которые позволяли продолжать функционировать

в республике хоть одно цивилизованное банковское учреждение, столь необходимое населению и которое не должно было слишком страдать от авантюризма своих вождей.

В народе бытует поговорка: «Работа учит человека». Это, безусловно, так. Но у Усмана Ибадиевича есть и личная убежденность в том, что «Все, что нас не убивает, — делает нас сильнее!» В бурлящей Чечне банкир проводил свой корабль не только среди скал и рифов, но и умудрялся, кажется, поднимать его в воздух, уводить под землю, если это было необходимо. Но ни разу ни при одной власти не были допущены крупные финансовые нарушения, никогда банкир никому не позволял доводить его деятельность до банкротства. Ериханов продолжал игнорировать любые сложности и опасности, от кого бы они ни исходили, и вскоре народ признал в нем настоящего лидера в своем деле. К нему приходили за консультациями и советами даже незнакомые люди и не только по вопросам, связанным с банковской деятельностью, финансами. Усман Ибадиевич своей мудрой, спокойной позицией и талантом народного дипломата для десятков тысяч людей стал настоящим покровителем, защитником, учителем, несмотря на свой относительно молодой возраст.

Наиболее почитаемым качеством в условиях Чечни, вся история которой протекала в бесконечных войнах со всевозможными кочевниками и насильниками, является личное мужество и отвага, готовность к разумному риску. Эти качества вполне проявились в Усмане Ибадиевиче во все последние годы смут и потрясений.

В самом деле, в условиях, когда бандитствующие людокрады, пользуясь безвластием, похищали каждого второго платежеспособного предпринимателя, чиновника или журналиста, Ериханов ни от кого не прятался, не убегал из республики, хотя в него неоднократно стреляли, а один раз тяжело ранили и жизнь его была в опасности. Боевиков Усман не устраивал прежде всего потому, что он принципиально ни с кем не делился. Они понимали, что разговаривать с ним или угрожать бесполезно. А таких угроз было немало. Даже видеокассеты подбрасывали для психологической обработки.

Новая полоса в банковской деятельности Усмана Ериханова началась в 2001-м году с открытием в Чеченской Республике филиала Россельхозбанка. По поводу кандидатуры на должность директора данного филиала особых вопросов не возникало. Прежде всего, это

должен был быть человек, хорошо знающий не только ситуацию в республике, банковское дело, но и все возможные сюрпризы в условиях реально продолжающейся войны. Кандидатура Ериханова идеально подходила во всех отношениях.

Грозный образца 2001-го года — это сплошные развалины, обстрелы, подрывы и ни одного целого здания! В таких условиях даже прачечную сложно было открыть, не говоря уже о современном офисе серьезного банковского учреждения! Но эту работу обязательно нужно было проделать по многим причинам. И самая главная из них — продемонстрировать всему миру, что на этот раз порядок в республике будет наведен всерьез и надолго! Ведь полевые банковские учреждения — это все-таки временное явление. А народ нужно было убедить, что никаких новых хасовьюртовских соглашений больше не будет, а будут созданы все условия для мирной, созидательной жизни в составе великой, многонациональной Российской Федерации. В этом смысле банк косвенно решал и политические вопросы. Особенно, когда проводился всенародный референдум, выборы в высшие органы государственной власти. Все финансовые вопросы важнейших политических акций успешно решались и решаются через филиал Россельхозбанка.

Открытие филиала банка в воюющей республике, разумеется, было делом рискованным во всех отношениях. Усман Ибадиевич много раз отмечал личное мужество и государственное мышление руководителей, которые непосредственно помогли в создании и развитии филиала. Это, прежде всего, Председатель Правления ОАО «Россельхозбанк» Трушин Юрий, заместитель руководителя Администрации Президента РФ Сурков Владислав, министр сельского хозяйства РФ Гордеев Алексей. Названные руководители не оставили без внимания ни одно обращение как Ериханова, так и Главы Администрации Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова, который делал все возможное, чтобы процесс мирного возрождения республики стал необратимым. Ахмат-Хаджи Кадыров не уставал повторять в тот период: «Я пришел не для того, чтобы остановить войну, а чтобы прекратить ее раз и навсегда!» Тесное сотрудничество с Кадыровым до самого последнего дня его трагической гибели Усман Ибадиевич считает особенно значимой вехой в своей непростой жизни.

Основой своего потрясающего успеха, в результате которого банк не только выжил, окреп, но и стал полновластным финансовым лидером в республике, Усман Ибадиевич считает ответственную, бережную кадровую политику. Ведь в таких экстремальных условиях рядом должны были находиться не просто сотрудники, а надежные и преданные единомышленники! Кроме того, все они должны были быть прекрасными специалистами. Помог опыт работы в коммерческом банке «Терек».

На первопроходцах лежала ответственность максимального приближения банковских услуг к потребителю. Война к тому времени уже шла по всей республике и работа по открытию в отдаленных районах дополнительных офисов выглядела очередной авантюрой. Но Усман Ериханов так не считал. Он любил повторять: войну завершат не танки, а деньги, если оживить производство и социально — бытовую, культурную инфраструктуру! Кроме того, кому-то необходимо было взять на себя ответственность по исполнению важнейшего правительственного решения — обеспечить в короткие сроки выплату компенсационных пособий за утерю жилья и имущества. Необходимо было начать прием от населения самых разных платежей в бюджет республики.

Это была очень хлопотная работа и не приносила банку доходов. Но это было необходимо республике и банк продолжал расширяться. Ведь других желающих рисковать практически не было. (В настоящее время по всей республике функционируют 33 дополнительных подразделения банка, включая самые высокогорные районы!)

Банку со временем окончательно поверили. Это проявилось прежде всего в том, что предприятия и организации, которые ранее открывали свои счета в соседних регионах, начали переводить их в банк, руководимый Ерихановым.

Постоянная беда чеченского народа и Чеченской Республики с советских времен — массовая безработица. Усман Ибадиевич постоянно, почти на всех заседаниях и совещаниях как на общественном, так и на государственном уровне повторяет, что все проблемы, связанные с республикой, в той или иной мере связаны с этой основной бедой — неустроенностью людей. Чеченцы по своей природе, традициям и психологическому складу (менталитету) народ исключительно трудолюбивый и это трудолюбие вытекает из их

базовых нравственных ценностных ориентиров — яхъ (гордость), сий (честь), ойздангалла (благородство) и других. Всего этого нельзя достичь, если лениться, пьянствовать, вести разгульный, легкомысленный образ жизни. Усман Ибадиевич глубоко и тонко чувствует эти и другие особенности своего народа и поэтому смело идет на эксперимент, когда нужно опираться на трудовой героизм (без всякого пафоса) людей, которых он мобилизует для выполнения тех или иных сложных производственных или служебных задач. Так, при его непосредственном участии реализуются в республике многие проекты, обеспечивающие высокую занятость населения, создающие соответствующую инфраструктуру для развития всех отраслей экономики. В короткие сроки ни инвестиции банка открываются заново и восстанавливаются заводы, предприятия, целые отрасли, среди которых завод «Технопром», Чеченский цементный завод, отрасль виноградарства и виноделия. Успешно реализуется приоритетный национальный проект по развитию всей отрасли сельского хозяйства. На всех этих направлениях трудятся до 50 тысяч человек. А если учитывать всех занятых на восстановительных работах, кредитуемых банком, то данная цифра превысит 100 тысяч человек!

При непосредственном финансировании и участии банка в короткие сроки протягиваются газопроводы в самые отдаленные районы республики. Прокладываются и ремонтируются дороги, мосты, восстанавливается энергоснабжение. Банком были профинансированы почти все важнейшие стройки восстанавливаемой республики. В этих вопросах он был горячим сторонником руководства республики, особенно, когда Премьер-министром, а затем и Президентом республики стал выдающийся организатор, не только отважный воин, Рамзан Ахматович Кадыров.

Усман Ибадиевич обладает уникальной способностью ладить с людьми. Не только с простыми людьми, но и с чиновниками, начальством, что весьма немаловажно особенно в наше неоднозначное время. Наверное это играет свою роль, когда он готовит проекты, для реализации которых требуются совместные усилия как с руководством Чеченской Республики, так и Головного банка в Москве.

За последние несколько лет Головным банком подписано несколько принципиальных соглашений с руководством Чеченской

Республики при непосредственном участии Усмана Ибадиевича.

Объемы вложений в экономику республики в настоящее время достигли свыше 10 миллиардов рублей. В настоящее время банком обслуживается около 7 тысяч юридических и более 82 тысяч физических лиц. Обслуживанием охвачено практически все население республики. Филиал последние годы по всем ведущим показателям занимает лидирующее место среди прочих более 70 филиалов по всей стране.

Одним словом, банк, руководимый Усманом Ерихановым, вдохнул в республику жизнь в самый драматический период ее истории и продолжает развивать успех. Иначе это и не могло быть, ибо Усман не представляет себе свою жизнь по-другому. Ведь нет долга выше нравственного долга, особенно, если этот долг в вековых традициях твоей именитой семьи.

Усман Ериханов имеет три десятка правительственных и общественных наград, в их числе медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «200 лет МВД России», медаль Лермонтова «За личный вклад в восстановление мира и согласия на Северном Кавказе», медаль «За заслуги перед Чеченской Республикой», орден «Почетный Знак Петра Великого», Высшая награда Чечни — «Орден Кадырова». Неоднократно поощрялся Всероссийскими премиями.

Усман Ибадиевич в самом расцвете своего делового возраста. Нет сомнения в том, что его впереди ждут новые успехи в деле экономического и духовного возрождения многострадальной республики и его имя наряду с именами политических лидеров народа навечно будет вписано золотыми буквами в историю этого возрождения.

Т. Бетуганов

Знаменитые спортсмены Чечни

Баскетболист сборной СССР Увайс Ахтаев

В будущем году легенде советского баскетбола Увайсу Ахтаеву исполнится 75 лет. Этот юбилей, скорее всего, пройдет тихо и незаметно, как и предыдущие круглые даты спортсмена. Чечне не до праздников. Тем более, что выросли целые поколения людей, которым его имя практически незнакомо. Хотя в свое время Увайс был фантастически популярной личностью. А в Казахстане, где он жил, более известного человека в ту пору просто не существовало.

На огромной кровати, сделанной мастерами по специальному заказу, покоился бывший кумир миллионов. В последнее время он часто болел, и врачи предписали ему домашний режим. Рядом лишь тумбочка с газетами да телефон, который позволяет поддерживать связь с внешним миром. Самый высокий человек планеты прикован к постели. Увайс всю жизнь был среди людей и сильно страдает от своей беспомощности.

В тот день он привычно лежал, пролистывая газеты, когда мимо окна промелькнула чья-то тень. Привстав, он спросил: «Кто там?» В пустой комнате голос прозвучал непривычно громко. Ответа не последовало. Через несколько секунд он увидел фигуру удаляющегося человека. Это был пожилой старик.

«Видимо, зашел помолиться, а я испугал его недружелюбным окриком, — расстроился Увайс и начал обзванивать соседей, чтобы те догнали и вернули старика. Никого не оказалось дома. Тогда позвонил

друзьям, но и их не застал. Этот случай, как вспоминают родственники, так огорчил его, что Увайс получил сердечный удар. С того дня он с постели так и не поднялся…

«Наверное у всех, кто его видел, Ахтаев навсегда останется в памяти, — пишет в своей книге «Центровые» знаменитый тренер Александр Гомельский. — Как жаль, что сохранилось мало фотографий этого рано ушедшего из жизни человека, что не нашлось художника, написавшего его портрет, скульптора, вылепившего его бюст. Ведь лицо у него прямо просилось на полотно: резкое, словно высеченное, характерное, запоминающееся. И очень доброе.

Представьте себе этакую громадину ростом 2 м 36 см, ножищи 58-го размера, брюки, в которые залезла бы вся команда, ручищи-лопаты, в которых и мяча-то не было видно — так, камешек какой-то… Впечатляло, что там говорить…»

Увайс Ахтаев родился в селении Вашендарой Шатойского района. В 14 лет вместе с родителями его депортировали в Среднюю Азию. В городе Караганде поступил в местный техникум физкультуры. Перепробовав многие виды спорта, остановился на баскетболе. И буквально сразу же попал в сборную Казахстана.

По рассказам друзей, появление Ахтаева на баскетбольной площадке стало в Алма-Ате настоящей сенсацией. В те годы рост самых высоких игроков не превышал 190 см. 17-летний великан производил колоссальное впечатление.

«Я впервые увидел настоящего гиганта, рядом с которым все остальные, даже самые высокие игроки, казались обычными людьми, — вспоминает его бывший одноклубник Арменак Алачачян. — Вася (так его звали друзья) прекрасно играл в защите, ставя такую «крышу», что выбраться из-под нее было неимоверно трудно. Если он успевал к своему щиту, то забить оттуда становилось проблемой».

На матчи с участием Ахтаева, по его словам, собирались толпы народа. Экспансивный, несмотря на громадный рост, общительный, он всегда был в окружении болельщиков. За ним ходили целыми группами, и он был ужасно рад, когда вдруг резко оборачивался, и толпа в испуге откатывалась. Вася хохотал во всю мощь своих легких, довольный произведенным эффектом.

Считается, что появлением приличной команды, долгое время выступавшей в высшей лиге чемпионата СССР, алмаатинцы обязаны именно Ахтаеву. Ведь до него баскетбол в Казахстане не очень жаловали. Вася очень внимательно и заботливо относился к молодым, выискивал способных игроков, опекал их, поддерживал. Один из ветеранов советского баскетбола, Валерий Платонов, вспоминал, как 16-летним мальчишкой попал в «Буревестник», куда его привел Вася. Сначала он — просто подавал ему мячи, затем стал носить за ним сетку с мячами, а там и заиграл в основном составе. И все время рядом с ним был Ахтаев — большой и добрый человек, настоящий друг и старший товарищ.

«К баскетболу, — пишет в своей книге Александр Гомельский, — Васю приобщил карагандинский тренер Исаак Капелевич, уговоривший его переехать в Алма-Ату и заняться спортом. А в 1947 году в Ленинграде Вася на спартакиаде институтов и техникумов физкультуры уже выступал как баскетболист. Умел он еще совсем мало, но проблем у противников с ним хватало. Впрочем, своим он трудностей доставлял тоже немало. Правда, трудности эти были из разряда технических. Скажем, нужно было обеспечить Васю формой. А где достать на такую махину трусы, майку, а главное обувь? Сколько помню, Вася всегда играл в огромных черных ботинках-самоделках на толстой микропористой подошве. Эти «кеды» часто рвались, не выдерживая нагрузки, и приходилось снова искать сапожника, материал, чтобы обуть Васю».

С появлением Ахтаева, по словам знаменитого тренера, начались сложности буквально у всех, даже у ведущих команд. Тогда не было правила трех секунд и лимита 30 секунд. Так что задача алмаатинцев была проста: завладеть мячом, держать его, пока Вася своим шагом гусака-великана перемещался от щита к кольцу соперников, дать ему высокий пас, а там уж он заложит мяч в корзину. Был такой замечательный арбитр международной категории Михаил (Мика) Левин. Так вот он вдруг вызвал раздражение Ахтаева. Подошел Вася к Левину и с высоты своего огромного роста грозно, медленно выговаривая слова, пообещал: «Вот посажу на кольцо, и будешь сидеть, пока правила не выучишь…»

В 1956 году в Волгограде на престижном турнире рижская команда впервые выставила в матче с алмаатинцами талантливого

игрока Круминьша. На эту встречу собрались толпы болельщиков. Ян значительно быстрее передвигался по площадке. На это и делался расчет. Но если Вася успевал вернуться, то в дело ступали его почти двадцать сантиметров преимущества в росте, и кольцо оказывалось перекрытым. Да и один на один Вася переигрывал Яниса. «Ничего, ничего, научу вашего лесника играть…» — любил он приговаривать.

Тогда Ахтаев всех поразил длинным первым пасом через все поле. Мяч, кажущийся маленьким шариком в его руках, пушечным ядром проносился через всю площадку и попадал к партнеру, занявшему удобную позицию под щитом. И сегодня так умеют делать лишь единицы, а тогда это вообще было откровением в баскетболе.

Как ни печально, но Ахтаеву так и не довелось сыграть за сборную СССР, хотя в середине 50-х он был, по отзывам специалистов, сильнейшим центровым страны. Тренеры пробовали привлечь Васю в команду. Но спецпереселенец Ахтаев был невыездным…

Сейчас, когда многие в стране пытаются посеять семена межнациональной розни, бывшие коллеги Ахтаева с трепетным чувством вспоминают его улыбающееся лицо. У Васи было много соперников на площадке и великое множество друзей по всей стране. Ахтаев легко покорял сердца соотечественников, как бы служа воплощением образа человека, интернационального по своей сути и складу души.

Спортивная карьера Ахтаева окончилась очень рано. В неполные тридцать лет он заболел сахарным диабетом. Затем — тяжелым воспалением легких. Могучий организм справился с болезнью, но играть в баскетбол ему врачи запретили. В последний раз Увайс приехал в Москву в 1959 году на 11-ю Спартакиаду народов СССР. Говорят, он, как азартный мальчишка наблюдал матч за матчем, а потом с грустью сказал: «Я еще вернусь в баскетбол, обязательно вернусь!» Но был уже тяжело болен — ходил с палочкой. Выйти на площадку ему больше не довелось…

Заслуженный тренер СССР и России Дэги Багаев

Заслуженный тренер СССР Дэги Багаев первым из чеченцев получил это высокое звание. Он родился 27 мая 1942 года в селении Харсеной Чечено-Ингушской АССР в семье директора местной школы. Серьезные занятия спортом — вольной борьбой — начались для Д. Багаева с 15 лет в Казахстане, где он находился с семьей в период депортации. В 60-м он стал призером чемпионата России, мастером спорта и попал в сборную Казахской Республики. Выступая в составе этой команды, он принес ей немало побед. После этого Д. Багаева направили в Москву на Высшие тренерские курсы. Он продолжал выступать на ковре: в 1964 году стал призером чемпионата СССР, был включен в сборную страны для участия в Олимпийских играх в Токио (к сожалению, на Олимпиаду Д. Багаев не попал из-за травмы). С 1965 года Д. Багаев начал тренерскую работу в Грозном. Специалисты отмечали исключительный педагогический талант Д. Багаева. Уже в 1969 году один из его учеников стал чемпионом страны среди юношей. В 1973-м году половина сборной России по вольной борьбе были ученики Д. Багаева.

Выдающихся результатов добилась сборная команда Чечено-Ингушетии, тренером которой был Д. Багаев, на Спартакиаде народов

СССР в 1979 году. Спортсмены завоевали тогда 4 золотых, 1 серебряную и 3 бронзовых медали. Среди учеников Д. Багаева — чемпион мира и Европы Асламбек Бисултанов, чемпион мира Хасан Орцуев, четырехкратный чемпион мира Салман Хасемиков, чемпион мира и серебряный призер Олимпийских Игр в Сеуле Авдан Вараев, чемпион Европы и призер мировых первенств Тархан Магомедов, чемпион мира Александр Музыкашвили… Тридцать лет занимался Д. Багаев тренерской работой в Грозном. В 1995 году Олимпийский комитет России пригласил его на работу в Москву. Ныне Д. Багаев работает старшим тренером одной из спортивных школ российской столицы. У него более сотни учеников, многие из Чечни. Среди них немало подающих надежды подростков, призеров различных молодежных спортивных соревнований.

Салман Хасимиков

Известному чеченскому борцу вольного стиля Салману Хасимикову посвящена одна из глав книги «Ты выходишь на ковер», автор которой — выдающийся российский борец-вольник Иван Ярыгин, двукратный олимпийский чемпион, чемпион мира, трехкратный чемпион Европы, пятикратный обладатель Кубка мира. Эта книга — не только биография знаменитого чемпиона, но и воспоминания о людях борьбы, о тех, кто на виду, чьи имена на слуху. Немало места в книге Иван Ярыгин посвятил чеченским борцам, которых он хорошо знал, со многими из которых дружил. Среди них и Салман Хасимиков.

Рассказывая об этом спортсмене, Иван Ярыгин стремился в первую очередь раскрыть его характер. И первое, что он отметил, — это то, что Салман Хасимиков запомнился ему человеком азартным, дерзким, отчаянным.

«Мы тренировались на спортивной базе, расположенной на побережье Черного моря, — пишет Иван Ярыгин. — В один из дней от восьмибалльного шторма оно и впрямь было черным, смотреть страшно. Вышли ребята поглядеть на бушующую стихию. И вдруг Салман стал раздеваться. Его схватили за руки: «С ума сошел?! Погибнешь!» На это Салман ответил: «Смотрите, как плавают настоящие мужчины!». Ребята знали, что он с детства мечтал о море, о капитанском мостике, об экзотических странах. Но это не повод, чтобы бросаться в бушующее море. В такой шторм и опытнейший пловец обречен… Почти час сражался Салман с волнами. Товарищи на берегу уже решили бежать за подмогой на спасательную станцию. Но, обдирая руки и колени об острые камни, Хасимиков все-таки выкарабкался на берег. На гальку лег бледный, весь в кровоподтеках. «Салман, какого дьявола ты так рисковал?» — спрашивали его потом. «А проверить себя хотел. Почувствовать страх хотел, — отвечал он. — Были минуты, когда мне казалось — все, не выберусь! Силы кончились. Но я самому себе улыбался, чтобы не видеть страха. Заглушил его. Выбрался на одной злости. Без нее нельзя, тем более спортсмену. Без нее характера нет».

Бывало, безмерная горячность, необузданность и недисциплинированность подводили Салмана на соревнованиях. Вот о каком случае вспоминает на страницах книги Иван Ярыгин.

«На взрослый чемпионат страны 1974 года Салман приехал в ранге двукратного чемпиона мира среди юниоров. Выступал в весе до 100 килограммов. Тренеры говорили: «Этот парень здесь многим покажет…» И показал. Но только не спортивные достижения, а свою недисциплинированность. После двух дней борьбы вечером решил как следует поесть. Нарушил режим питания. А утром после взвешивания был отстранен от соревнований — переел. Подвел команду. Ох, уж досталось ему от личного тренера Дэги Багаева. Вроде бы пошла ему впрок наука».

Кстати, к Дэги Багаеву Салман Хасимиков попал благодаря своей настырности. В 16 лет после занятий легкой атлетикой пришел он в школу борьбы. И в своей обычной залихватской манере спросил у пацанов: «Эй, а кто здесь самый лучший тренер!» Ему указали на Багаева. Хасимиков прямо к нему. А тот отрезал: «Не могу. Сам видишь — повернуться здесь негде. Желающих больше, чем положено». Но Салман на следующий день пришел в тот же зал, никому ни слова не говоря, разделся и встал в строй багаевских учеников. Дэги Багаева такое нахальство возмутило, но ни слова не сказал Дэги Имранович, сдержал себя, решил посмотреть, что у этого парня за душой, кроме непослушания… Дэги Багаев — не только хороший тренер, но и прекрасный воспитатель.

И все же Салман считает, что главной школой, воспитавшей в нем самообладание, умение не выплескивать эмоции, быть дисциплинированным, стала для него служба в армии. В Москве, куда он переехал после окончания Грозненского университета, его тренером стал Томас Барба, заслуженный тренер СССР, работавший в Вооруженных силах. Сегодня к числу самых своих ценных наград Салман относит именные часы, которые он получил от министра обороны. «За успехи в спорте!» — написано на часах. Но про себя борец добавляет еще и «За высокую дисциплинированность!»

Иван Ярыгин отмечал: «Плотный, кряжистый, при совсем небольшом для тяжеловеса росте — 180 сантиметров, при весе — 120 килограммов, Салман всех поражает необычной подвижностью, прямо-таки боксерской резкостью. На перекладине подтягивается 27

раз». За все годы своих выступлений на ковре он проиграл зарубежному сопернику только одну встречу на чемпионате Европы 1980 года. Четырехкратный чемпион мира, двукратный — Европы, обладатель Кубка мира, Салман Хасимиков иногда горестно вздыхает, называя себя невезучим. На двух Олимпиадах он мог бороться, но не выступал ни на одной — накануне Олимпийских игр случались переломы ноги.

Главу о Салмане Хасимикове Иван Ярыгин завершает такими словами: «Сейчас, когда пишу эти строки, радио и телевидение едва ли не каждый час рассказывают о событиях в Чечне. И я вспоминаю Салмана, его дружную большую семью. И не могу не думать о том, какое страшное несчастье обрушилось на всех нас»… Книга «Ты выходишь на ковер» была издана в 1995 году. Наверняка и сейчас автор бы сильно переживал по поводу того, что на родине Салмана еще не все хорошо. Ивана Ярыгина не стало в 1997 году.

Борцы вольного стиля Олимпийские чемпионы — братья Бувайсар и Адам Сайтиевы

Выиграв в 1996 году в американском городе Атланта Олимпийские игры, борец вольного стиля Бувайсар Сайтиев стал первым в истории чеченским спортсменом, завоевавшим золотую олимпийскую медаль. Спустя четыре года в австралийском Сиднее его достижение повторил младший брат Адам Сайтиев.

Сайтиевы рано повзрослели. Когда на машине разбился их отец, Бувайсару было всего 13, а Адаму — 11 лет. Кроме них у матери на руках было еще четверо детей — два брата и две сестры. В 17 лет сразу после выпускных экзаменов в школе Бувайсар Сайтиев уехал из родного Хасавюрта в далекий сибирский Красноярск. Красноярская школа вольной борьбы считается одной из лучших в России. Там тренировались многие чеченские борцы, включая чемпиона мира Ахмета Атавова. Два года спустя покинул отчий дом и Адам и переехал в Красноярск вслед за братом. Вспоминая первую встречу в Сайтиевым-младшим, его нынешний тренер Виктор Алексеев говорит, что тот был очень маленьким и весил всего 56 кг. Зато потом начал расти как на дрожжах, каждый год прибавляя по 10 кг. В итоге Адам Сайтиев установил уникальный рекорд, трижды выиграв чемпионаты России, и каждый раз в другой весовой категории — 69, 76 и 85 кг.

Спортивная карьера старшего Сайтиева складывалась в той весовой категории (вес до 76 кг), которая была едва ли не самой проблемной для наших борцов вольного стиля. До Буйвасара Сайтиева на Олимпийских играх в этой весовой категории советские и российские борцы не побеждали ни разу! В 1995 году Бувайсар Сайтиев уверенно выиграл молодежное мировое первенство, после чего ему доверили место в сборной России и на взрослом чемпионате. В первой же схватке он одержал верх над основным конкурентом в борьбе за «золото» — кубинцем Родригесом со счетом 10: 0! Однако при этом травмировал колено. Бороться приходилось на уколах, но в финал он попал. Перед решающим поединком с чемпионом мира немцем Ляйпольдом врач должен был сделать Бувайсару очередной обезболивающий укол. Но вместо сустава игла попала в кость. От болевого шока Сайтиев потерял сознание. В себя пришел лишь за пять минут до начала схватки. Тем не менее он победил. И вопросов, кого посылать на Олимпийские игры в Атланте у тренеров сборной России больше не возникало. А на Олимпиаде упорной борьбы не получилось: Бувайсар Сайтиев оказался сильнее всех соперников, что его, как ни странно, огорчило. «Я был готов к тяжелейшим испытаниям, а победа досталась на удивление легко», вспоминает он. Кстати, до Бувайсара Сайтиева еще никто из борцов-вольников не выигрывал Олимпийские игры в 21 год.

Младший Сайтиев дебютировал на мировом первенстве в 1999 году. И сразу же, как и брат, стал чемпионом. Причем, в том же весе — до 76 кг. На Олимпиаде 2000 года в Сиднее Адам Сайтиев на пути к финалу в четырех встречах не проиграл соперникам ни одного балла! А в поединке за «золото» с кубинцем Ромеро положил соперника на «лопатки» — единственный из всех участников финалов.

Братья Сайтиевы убежденно и сознательно выступают на спортивных аренах мира под российским флагом. Не секрет: им не раз предлагали немалое вознаграждение, чтобы они поменяли гражданство. Сайтиевы неизменно отвечают отказом. «Мне нравится моя жизнь, и менять я ничего не собираюсь», — говорит Бувайсар Сайтиев. — Хотя чего греха таить, проблемы есть. Нет, не в сборной по борьбе, а в обычной жизни… В Чечне живут родные по материнской линии, а по отцовской — в Дагестане».

После Олимпийских игр в Сиднее братьев Сайтиевых принимал Ахмад Кадыров. В борьбе Сайтиевы добились уже немалого. Но уходить из спорта пока не планируют. А, значит, впереди у них — новые победы. И самую главную свою мечту — выиграть одновременно Олимпийские игры.

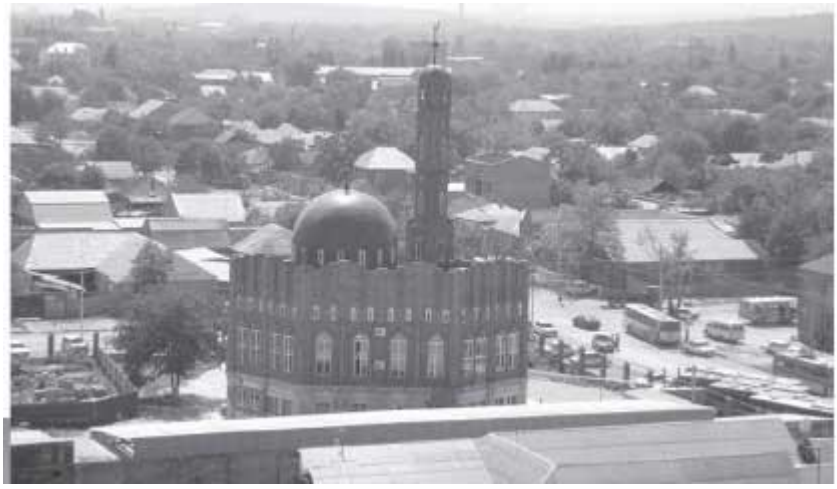
В 2004-м году на Олимпиаде в Афинах Бувайсар Сайтиев, который к тому времени был уже пятикратный чемпион мира, завоевал золотую медаль и стал двукратным олимпийским чемпионом. Возможно, мы увидим его и на Олимпиаде в Пекине в 2008-м году.

В сентябре 2005 года в Будапеште Бувайсар в очередной раз стал чемпионом мира.

У Бувайсара есть все возможности для того, чтобы стать первым в мире трехкратным олимпийским чемпионом в вольной борьбе.

З. Алиева

Современный Грозный



Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора